

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК
ТРУДОВ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 32 (102)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теория и история права, конституционное право
Гражданское право и процесс
Уголовное право

Обновляется 1 раз в год

Новополоцк
2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
проф., д.т.н. Д.Н. Лазовский

Заместитель главного редактора:
доц., к.т.н. Ю.П. Голубев

Председатель ред. совета доц., к.ю.н. И.В. Вегера
Зам. председателя ред. совета доц., к.ю.н. Е.Н. Ярмоц

*Теория и история права,
конституционное право:*
доц., к.ю.н. Е.Н. Ярмоц

Гражданское право и процесс:
доц., к.ю.н. В.А. Богоценко

Уголовное право:
доц., к.ю.н. Ю.Л. Приколотина

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК ТРУДОВ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА [Электронный ресурс]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2020. – Вып. 32 (102). Экономические науки. – 1 электрон. опт. диск.

Издается с 2014 года (в печатном виде – с 2004 г.)
Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса.
Регистрационное свидетельство № 3101404560 от 30.11.2014 г.

В сборнике представлены труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета по направлениям экономических исследований, проводимых в университете: экономика и управление, финансы и налогообложение, бухгалтерский учет и анализ хозяйственной деятельности, логистика и социальные коммуникации.

Предназначен для работников науки, образования и производства, будет полезен студентам, магистрантам и аспирантам университетов экономических специальностей.

Учредитель: учреждение образования «Полоцкий государственный университет»
211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, Беларусь
тел. 8 (0214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Компьютерный дизайн *М.С. Мухоморовой*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Е. Рясовой*

№ госрегистрации 3101404560

ISBN 978-985-531-749-5

© Полоцкий государственный университет, 2020

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ***A. В. БЕЛОУСОВА
(Представлено: П. В. СОЛОВЬЁВ)*

В статье рассматриваются основные проблемы правового регулирования социальных сетей в Республике Беларусь. В статье отмечается необходимость совершенствования законодательства, определяющего правовой статус социальных сетей, в условиях роста их популярности.

На сегодняшний день социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Будь то «ВКонтакте», Facebook или Instagram, люди пользуются этими онлайн-площадками для встреч, общения и расширения деловых возможностей. Нет сомнений, что мы живём в эпоху социальных сетей. Но каковы юридические обязательства, возникающие при использовании социальных сетей, как для пользователя, так и для самих сайтов? Какие правовые проблемы встречаются при функционировании социальных сетей?

Большинство проблем регулирования социальных сетей относятся к вопросам контроля над содержанием сообщений: ограничению распространения какой-либо информации, защите персональных данных и защите интеллектуальной собственности. Законодательное регулирование содержания сообщений относится в первую очередь к социальным сетям, в которых пользователи наиболее активно публикуют посты.

Сегодня социальные медиа, в частности социальные сети, берут на себя ведущую роль в информировании аудитории. Вместе с этим имеется возможность участия самих пользователей в прямом создании контента. Это приводит к тому, что пользователи социальных сетей получают возможность транслировать массовую информацию без помощи СМИ, которые, в свою очередь, выступают «этическим фильтром», пропуская в сферу социальной коммуникации только ту информацию, которая соответствует нормам профессиональной этики. Этика социальных медиа стала очень важной темой, поскольку использование социальных сетей быстро расширяется и, как правило, стирает границу между чьей-то личной и профессиональной жизнью. Таким образом, в социальных сетях имеются различные виды нарушения морально-этических норм, которые связаны с вопросами достоверности информации, реакции аудитории нарушения законодательства Республики Беларусь.

Основная проблема, с которой сталкиваются пользователи социальных сетей, – раскрытие конфиденциальной информации. Когда речь идёт о конфиденциальности в Интернете, а точнее о конфиденциальности в социальных сетях, то стоит отметить, что это новая область, где законы ещё не написаны. Поскольку технологии совершенствуются и усложняются, возникает необходимость в законодательстве в нескольких областях. Это область, которая постоянно меняется, и её часто трудно поддерживать. Вопрос о конфиденциальности информации является очень распространённым и опасным в отношении социальных сетей. В современном мире невозможно не делиться своими персональными данными, не оставляя за собой «цифровой след». Однако контролировать это след, иметь возможность его удалить или исправить – это естественное право человека, которое необходимо обеспечивать в каждом современном цивилизованном государстве. Беларусь в этом плане не исключение – она тоже идёт по пути ограничения использования личной информации и защиты персональных данных.

Сегодня в Основном законе прописано, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений (ст. 28 Конституции Республики Беларусь). За разглашение персональных данных установлена административная ответственность (ст. 22.13 КоАП) [1], а за преступления, связанные с незаконным использованием личных данных – уголовная ответственность (ст. 203, 352, 355, 376 УК РБ [2]). Проект Закона «О персональных данных» поступил в Палату представителей ещё в марте, 13.06.2019 он был принят в первом чтении. Законопроект создан как комплексный НПА, который будет регламентировать порядок обращения с персональными данными, обеспечивать защиту прав и свобод граждан при сборе, обработке, распространении или предоставлении их персональных данных. Принятие закона о защите персональных данных – это первый шаг в сторону цивилизованного подхода к приватности. В проекте есть много неопределённости, но важно то, чтобы сделать этот первый шаг, а практика его применения подскажет дальнейшее направление движения.

Нарушение авторских прав – другая проблема, с которой сталкиваются в социальных сетях. Использование музыки, видео и изображений или логотипов без согласия владельца считается нарушением закона.

Законодательство Республики Беларусь об авторском праве и смежных правах основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из Гражданского кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», нормативных правовых актов Президента и Правительства Республики Беларусь, других актов законодательства Республики Беларусь. За нарушение авторских и смежных прав в социальных сетях может наступить гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность.[3]

В социальных сетях могут страдать интересы не только человека, но и интересы государства. Социальные сети могут использоваться для распространения слухов, пропаганды противоправных материалов, а учитывая популярность социальных сетей, распространение такой информации может иметь крайне неблагоприятные последствия.

Также к основным проблемам правового регулирования социальных сетей относится то, что между свободой слова и его злоупотреблением существует тонкая грань. Можно сказать, что с появлением социальных сетей люди используют своё право на свободу выражения мнений для распространения ненависти и посягательства на неприкосновенность частной жизни других людей.

Перечисленные выше проблемы уже регулируются законодательством: Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», а также Законом Республики Беларусь «О СМИ» [4; 5].

Однако всё-таки развитие белорусского законодательства находится на начальном этапе в сфере регулирования некоторых отношений в социальных сетях и в целом в сети Интернет, несмотря на то, что белорусское законодательство уже регулирует общие нормы некоторых отраслей права. Обусловлено это отсутствием эффективно действующей нормативной правовой базы, связанной с использованием социальных сетей. Проблема заключается в том, что у пользователей социальных сетей нет некоторых прав, гарантированных законом. Например, право на тайну личной переписки в социальных сетях. Сможете ли вы привлечь владельца социальной сети, выложившего вашу переписку в общий доступ, к ответственности? Сделать это будет проблематично, так как в законодательстве Республики Беларусь нет специальной нормы, которая обязывает именно социальные сети обеспечивать тайну личной переписки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 21 апреля 2003 г. №194-З: принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г.: в ред. от 2 марта 2014 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 года. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., №262-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., №455-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь 17 июля 2008 № 427-З : в ред. от 17.07.2018 : с изм. и доп., вступившими в силу с 1 декабря 2018 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 340

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

A. В. БЕЛОУСОВА
(Представлено: П. В. СОЛОВЬЁВ)

В статье проводится анализ правового регулирования социальных сетей в зарубежных странах. Обращается внимание на имеющийся правовой опыт по правовому регулированию социальных сетей в целях достижения правовой определённости в этой сфере.

За последнее десятилетие социальные сети распространились по всему миру и стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Платформы социальных сетей, такие как Facebook, Google и Twitter, изменили способ просмотра, получения и обмена информацией. Однако можно утверждать, что появление социальных сетей изменило и положило начало новой динамике между законом и распространением информации, вызывая множество этических и юридических проблем.

На международном и региональном уровне Интернет практически не регулируется, не говоря уже о социальных сетях. Среди основных документов можно назвать Окинавскую Хартию Глобального информационного общества 2000 г., Мадридскую декларацию о защите личных данных 2009 года, Резолюцию Совета ООН по правам человека «О праве на свободу слова в Интернете» 2012 года, Будапештскую Конвенцию по киберпреступлениям 2001 года, Рекомендацию Комитета министров Совета Европы о защите неприкосновенности частной жизни в Интернете 1999 года и др. [1].

Актуальность данной статьи заключается в том, что национальная и международная правовая система уже сейчас имеет ряд пробелов, связанных с отсутствием эффективного законодательного регулирования деятельности в социальных сетях. Основной целью исследования является анализ правового регулирования деятельности в социальных сетях в зарубежных странах. Для достижения цели исследования требуется изучить законодательство зарубежных государств, а также международно-правовую базу в области правового регулирования деятельности в социальных сетях.

Большинство развитых стран мира заинтересованы в создании единой системы борьбы с правонарушениями в социальных сетях, которые зачастую становятся интернациональными и одновременно совершаются на территории нескольких государств. Наиболее перспективным является сотрудничество, которое связано с обменом информацией о совершаемых действиях и предоставлению доказательств и оперативных сведений, между правоохранительными органами нескольких государств.

Как известно, позиции стран широко расходятся в вопросах правового регулирования деятельности в социальных сетях. В основном, отдельного правового регулирования в социальных сетях с точки зрения зарубежного законодательства заслуживает защита детей от вредоносной информации и вопросы авторских прав и интеллектуальной собственности.

Соединённые штаты Америки, к примеру, довольно долго ограничивали возможность вмешательства государства в использование населением Интернета: практически все высказывания в сети считались мнением, которому можно противопоставить другие ценности, но не удалять. Эта позиция подкреплялась первой поправкой к Конституции Соединённых Штатов, которая гласила: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание; либо ограничивающего свободу слова или печати; или право народа мирно собираться, и ходатайствовать перед правительством об удовлетворении жалоб». Но при этом, законодательство США запрещает диффамацию, процветающую в социальных сетях: любое лицо, пострадавшее от диффамационных действий вправе обратиться в суд в гражданском или уголовном порядке.

Франция стала первой европейской страной, которая законодательно закрепила возможность ограничения доступа пользователей к Интернету. Французская позиция предполагает, что, несмотря на высокую роль ресурса в свободе выражения мнения, анархия в социальных сетях недопустима. В связи с этим государства осуществляет серьёзный контроль деятельности в сетях. С 2000 г. во Франции провайдеры могут быть привлечены к уголовной ответственности за предоставление услуг хостинга лицам, не предоставившим о себе нужных сведений. Вместе с тем, создатели местных сайтов обязаны предоставлять о себе полную информацию.

Самая большая проблема, связанная с государственным регулированием социальных сетей, – это ограничение свободы слова и свободы выражения. В большинстве демократических стран действуют правовые структуры, защищающие права своих граждан на свободу выражения мнений. Например, в Великобритании имеется статья 8, включённая в Закон о правах человека, которая гласит, что «Каждый имеет право на свободу выражения мнения... без вмешательства со стороны государственных властей» [2]. Однако, стоит отметить, что на сегодняшний день между свободой слова и его злоупотреблением существует

тонкая грань. Можно сказать, что с появлением социальных сетей люди теперь используют своё право на свободу выражения мнения, чтобы подстrekать к насилию, распространять ненависть и посягать на частную жизнь других. Примером того, как социальные сети могут быть использованы для разжигания насилия, является Индия. Facebook был движущей силой геноцида рохинджа. Использование язвительных изображений и комментариев в отношении мусульман рохинджа побудило тысячи людей совершить зверские и одиозные действия. С конца августа бирманские силы безопасности развернули жестокую кампанию против рохинджа в социальных сетях. В результате было убито 6700 человек, а 645000 человек были вынуждены искать убежища в Бангладеш. Это свидетельствует о тревожных возможностях широкого использования социальных сетей в условиях отсутствия структур, ограничивающих распространение неверно истолкованной информации.

В настоящее время Facebook регулярно использует около 1,2 миллиарда человек. Из-за его широкого распространения и последствий для общества платформы социальных сетей предприняли различные шаги для смягчения его последствий. Однако некоторые страны считают, что этих мер недостаточно. В разных странах приняты или находятся в процессе выполнения законы, регулирующие социальные сети. Например, в Германии Закон Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG), принятый в конце июня 2017 года, наложил большие штрафы на платформы социальных сетей, согласно которым, если сайты не удалят «незаконные» сообщения в течение 24 часов, им может грозить штраф в размере до 50 миллионов евро (44,3 миллиона фунтов стерлингов). В Германии правовое регулирование деятельности в социальных сетях осуществляется с помощью таких нормативно-правовых актов, как закон «О телекоммуникационных данных», «Об ограничении тайны переписки, почтовых и телефонных сообщений», «О регулировании контента, вредоносного для детей» [3].

В 2019 году Австралия приняла Закон о распространении отвратительных материалов насилия, который вводит уголовные наказания для компаний, работающих в социальных сетях, возможные тюремные сроки для технических руководителей на срок до трёх лет и финансовые санкции в размере до 10% от глобального оборота компании.

В Китае действуют сотни тысяч кибер-полицейских, которые следят за платформами социальных сетей [4].

Можно сделать вывод, что подход зарубежных стран не предполагает наличия специального закона о правовом регулировании деятельности в социальных сетях. Аналогично социальные сети игнорируются и международно-правовыми документами. Регулирование социальных сетей с помощью государственного законодательства может быть очень опасным, поскольку оно создаёт враждебную среду между правительством и компаниями, занимающимися социальными сетями. Если есть угрозы жёстких санкций, это приведёт к тому, что компании будут «проявлять осторожность», что означает, что они начнут цензурировать большие объёмы информации, что будет иметь разрушительные последствия для полезности социальных сетей и свободы слова. Возможно, именно создание единого надзорного органа в рамках международных организаций поможет перевести эту область в действительно правовую сферу, где социальные сети будут служить только контактами между людьми, обменом незапрещённой информацией, новыми знакомствами и общением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Особенности правового регулирования деятельности в социальных сетях в зарубежных странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1491291259>. – Дата доступа: 15.09.2020.
2. legislation.gov.uk [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/42/schedule/1/part/I/chapter/9>. – Date of access: 15.09.2020.
3. Germany starts enforcing hate speech law [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/technology-42510868> Date of access: 16.09.2020
4. Social media: How do other governments regulate it? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/technology-47135058>. – Date of access: 18.09.2020

УДК 340

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИХ ПРАВОВОЙ СТАТУС

А.С. БОБРОВСКИЙ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается понятие «фейковые новости» и подходы к его определению, а также опыт правового регулирования общественных отношений связанных с этим явлением в Республике Беларусь, Российской Федерации, Германии, Франции и других странах.

Первоначально необходимо определиться с тем какое понятие лучше использовать для обозначения фейковых новостей, поскольку собственно термин «фейковые новости» неуместен для правового оборота. Его можно заменить термином недостоверная массовая информация, который хорошо отражает сущность данного феномена.

Далее для того что бы рассматривать данный вопрос необходимо дать определение понятию недостоверная массовая информация. К сожалению в нашем законодательстве этот вопрос освещён в недостаточной степени и определение массовой недостоверной информации как таковое отсутствует. В нашем законодательстве ближайшим к данному понятию является понятие «недостоверная информация». Так согласно п.12 ст.1 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»: недостоверная информация – не соответствующие действительности информационные сообщения и (или) материалы, распространяемые средством массовой информации, интернет-ресурсом.

Однако данное определение не полностью раскрывает сущность понятия, поэтому обратимся к Федеральному закону РФ от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.12.2019). В России в 2019 году были приняты поправки в этот закон, которые посвящены теме ответственности за распространение недостоверной массовой информации. В данном законе нет определения понятия недостоверной массовой информации, но мы можем вычленить его из ст. 15.3, в которой устанавливается порядок ограничения доступа к информации распространяемой с нарушением закона, так согласно данной статье даётся следующее определение – недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Также определение данному понятию даёт и общедоступная универсальная интернет-энциклопедия – википедия. Она даёт следующее определение: Фальшивые (поддельные, «фейковые», ложные) новости – это информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение, для того чтобы получить финансовую или политическую выгоду. Авторы поддельных новостей часто используют броские заголовки или полностью сфабрикованные истории для увеличения читательской аудитории и цитируемости. Существует понятие близкое к фейковым новостям – газетная утка – непроверенная или преднамеренно ложная информация, опубликованная в средствах массовой информации с корыстной или иной целью.

Однако не вся ложная информация попадает под определение недостоверная массовая информация. Так, например, сатирические новости – полностью или частично выдуманная информация о событиях, явлениях, определённых лицах, которая подаётся в СМИ под видом настоящих журналистских материалов. Данная категория по определению вполне подходит под категорию недостоверная массовая информация, но разница заключается в цели. Если фейковые новости своей целью ставят намеренную дезинформацию масс людей, с последующим принятием их за достоверную информацию, то сатирические новости как правило носят юмористический характер и создаются для привлечения общественного внимания к определённым проблемам.

Необходимо отметить, что недостоверная массовая информация не появляются случайно или по неосторожности. Так как всегда есть определённая цель, то это делается умышленно. То есть тот, кто эту информацию создаёт и распространяет, понимает её недостоверность и то к каким последствиям она может привести. Целью недостоверной массовой информации является получение финансовой, политической или иной выгоды, подрыв общественной безопасности или безопасности и интересов отдельных лиц.

Так, получается, что недостоверная массовая информация имеют следующие элементы:

- недостоверная информация, которая должна выглядеть достоверно;
- умышленная форма вины;

- неправомерная цель;
- массовая направленность.

Из всего этого следует, что недостоверная массовая информация – это недостоверная информация, подаваемая под видом достоверной с целью получения какой-либо выгоды и (или) нанесения ущерба каким-либо общественным отношениям, распространяется на неограниченный круг лиц.

Общественные отношения связанные с массовой информацией в Республике Беларусь регулируются Законом «О средствах массовой информации» 427-З от 17.07.2008 г., а также Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях. В законодательстве Республики Беларусь регулируется распространение информации, распространение которой в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах ограничено, информации, распространение которой в средствах массовой информации, интернет-ресурсах запрещено. Это устанавливается ст. 37 и ст. 38 Закона «О средствах массовой информации» соответственно. В данных статьях имеется довольно узконаправленный перечень видов информации, которые ограничены и запрещены к распространению, что делает применение данных статей для борьбы с распространением недостоверной массовой информацией невозможным. Также не решён вопрос распространение недостоверной информации через социальные сети.

По ситуации с регулированием в Республике Беларусь хотелось бы отметить, что его очевидно недостаточно, так как отсутствует само понятие недостоверной массовой информации в вышеуказанных статьях и это значит, что её распространение не регулируется. Присутствует регулирование недостоверной информации, но оно очень узконаправленно и незначительно относительно данного феномена. В законодательстве упоминаются интернет-ресурсы, как источники массовой информации, однако опять же регулируется только распространение вышеуказанных видов информации, что очевидно недостаточно.

Хотелось коснуться вопроса регулирования данного феномена в других государствах.

1. В Российской Федерации были принятые Законы о запрете фейковых новостей (пакет федеральных законов от 18 марта 2019 года) – два закона, которыми в России в 2019 году был установлен запрет на публикацию недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом правдивых сообщений (то есть фейковые новости). За подобные действия вводится административная ответственность.

2. В июне 2017 года парламент Германии принял закон о наложении штрафа на соцсети за систематическое нарушение правила своевременного удаления фейковых новостей. За это соцсети могут быть оштрафованы на сумму до 50 миллионов евро.

3. Национальное собрание Франции проголосовало 20 ноября 2018 года за два закона, запрещающих распространение фейковых новостей в предвыборный период.

4. Правительство Малайзии в апреле 2018 подготовило законопроект, авторы которого предлагают наказывать распространителей фейков на всех платформах с помощью штрафов (до 128 тысяч долларов) и даже тюремных сроков – вплоть до десятилетнего заключения.

5. В Египте принят закон, наделяющий власти страны правом блокировать аккаунты в социальных сетях и наказывать журналистов за распространение «фейковых» новостей. Пользователи соцсетей, у которых свыше 5 тыс. подписчиков, будут считаться отдельными СМИ, и могут подвергнуться преследованию за распространение ложных новостей или подстрекательство к нарушению законов. Закон запрещает создание новых сайтов без получения соответствующего разрешения от Верховного совета, который, в свою очередь, может блокировать действующие сайты, или налагать штрафы на редакторов ресурсов. Согласно документу о «киберпреступности», сайт заблокируют, если он угрожает национальной безопасности или подрывает экономическое положение. Согласно новому закону, подписанному президентом Египта Абдуль Фаттахом аль-Сиси, за посещение ресурсов, угрожающих национальной безопасности или подрывающих экономическое положение, грозит штраф или тюремное заключение. Сумма штрафа предполагается до 20 тысяч египетских фунтов (примерно \$1100). Интернет-провайдеры должны будут следить за активностью пользователей и передавать информацию по требованию.

6. В Конгресс США был внесен законопроект, получивший сокращенное название CLOUD Act (аббревиатура от Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act – закон «уточняющий правомерное использование данных, (хранящихся) за рубежом»). Этот законопроект предоставит правоохранительным органам по всему миру, но особенно в США, доступ к персональным данным пользователей без существенных гарантий для их конфиденциальности. Правоохранительные органы США смогут требовать у компаний передачу данных независимо от того, где они хранятся. Также им будет разрешено напрямую запрашивать данные у американских компаний без надлежащей защиты конфиденциальности пользователей.

В целом можно заключить, что наблюдается мировая тенденция ужесточения регулирования оборота информации, свободы и независимости в интернет пространстве, изменяется отношение к определению средства массовой информации и меняется его содержание. Законодательства разных стран всё больше вмешиваются в социальные сети и подобные им платформы и форумы, отнимает или пытается

отнять возможность распространять информацию анонимно, вводят ответственность для юридических лиц, на платформах которых распространяется информация. Необходимо достижение баланса между правовым противодействием «фейковым новостям» и незыблемостью свободы слова.

ЛИТЕРАТУРА

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ»

А.С. БОБРОВСКИЙ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается вопрос юридической ответственности за распространение недостоверной массовой информации, меры ответственности и возможные субъекты ответственности. Анализируется зарубежный опыт в этом вопросе и возможность его применения в Республике Беларусь.

В законодательстве Республики Беларусь предусмотрена ответственность за распространение информации, распространение которой ограничено, распространение которой запрещено, а также за нарушение законодательства Республики Беларусь о СМИ.

Так Законом Республики Беларусь «О СМИ» предусмотрены следующие виды ответственности:

- письменное предупреждение;
- приостановление выпуска средства массовой информации;
- прекращение выпуска средства массовой информации;
- ограничение доступа с интернет-ресурсу, сетевому изданию.

Например, согласно п. 1 ст. 49 Закона, письменное предупреждение выносится республиканским органом государственного управления в сфере массовой информации юридическому лицу, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, или владельцу сетевого издания в случае распространения недостоверной информации, которая может причинить вред государственным или общественным интересам. Применение мер ответственности, предусмотренных указанным Законом возможно лишь в отношении специальных субъектов – к юридическому лицу, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, или к владельцу сетевого издания. Понятие недостоверной информации недостаточно раскрыто и может трактоваться очень вариативно, что также создаёт проблемы.

В КоАП предусмотрена административная ответственность в сфере средств массовой информации. Согласно п. 3 ст. 22.9 КоАП, распространение средством массовой информации информации, распространение которой запрещено в средствах массовой информации в соответствии с законодательными актами, за исключением случаев, когда ответственность за распространение такой информации предусмотрена иными статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечёт наложение штрафа на юридическое лицо в размере до двухсот базовых величин. В свою очередь, распространение владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, информации, распространение которой запрещено на интернет-ресурсах в соответствии с законодательными актами, за исключением случаев, когда ответственность за распространение такой информации предусмотрена иными статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечёт наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, а на юридическое лицо – до ста базовых величин.

В КоАП отсутствует как таковой состав связанный с недостоверной информацией, распространение которой осуществляет физическое лицо. Того, что мы имеем в нашем законодательстве недостаточно, чтобы регулировать отношения связанные с недостоверной массовой информацией и более того, этого недостаточно для привлечения кого-либо к ответственности, поэтому хотелось бы привести пример того как данный механизм работает в Российской Федерации, а именно согласно п. 9-11 ст. 13.15 КоАП РФ:

«9. Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой; на должностных лиц – от шестидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой.

10. Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной

или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния, либо повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 9 настоящей статьи, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой; на должностных лиц – от трехсот тысяч до шестисот тысяч рублей; на юридических лиц – от пятисот тысяч до одного миллиона рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой.

10.1. Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств –

влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от одного миллиона пятисот тысяч до трех миллионов рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой.

10.2. Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, –

влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой.

11. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 10, 10.1 или 10.2 настоящей статьи, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трехсот тысяч до четырехсот тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой; на должностных лиц – от шестисот тысяч до девятисот тысяч рублей; на юридических лиц – от пяти миллионов до десяти миллионов рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой».

В Российской Федерации данный вопрос урегулирован более полно, присутствует ответственность именно за распространение недостоверной массовой информации, к ответственности могут быть привлечены как физические лица так и юридические лица, а видом ответственности избран административный штраф, в целом можно сказать, что к решению этой проблемы в России подошли серьёзно и вполне успешно, однако не без изъянов, несмотря на конкретное определение, которое было добавлено в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», всё ещё сложно определить что является массовой недостоверной информацией, а что нет и другие нюансы, но в целом вопрос раскрыт в достаточной мере.

Сложно однозначно оценить меру ответственности которую должны нести виновные в распространении недостоверной массовой информации, так как от случая к случаю может отличаться ущерб причинённый общественным отношениям или он может вовсе отсутствовать. В первую очередь, подобные действия должны рассматриваться как административное правонарушение и мера ответственности должна быть соответствующей. Только в случаях с серьёзными материальными последствиями может возникнуть необходимость привлечения к уголовной ответственности, но такие ситуации являются скорее исключением, чем правилом. Субъектом может выступать как юридическое лицо так и физическое лицо, ведь в современном мире любой субъект имеет возможности распространять информацию на неограниченный круг лиц.

В следствии этого возникает необходимость урегулировать распространение информации физическими лицами в интернете. Из-за легкодоступности посты/видео на форумах, в социальных сетях и других платформах могут являться источниками массовой информации наравне с классическими СМИ или их интернет-аналогами. В странах, где уже действуют законы, регулирующие данные правоотношения, в основном налагаются такие виды взысканий как: удаление информации, блокировка доступа к ресурсу, штраф. Также некоторые государства переложили обязанность борьбы с фейками на платформы их распространения и в случае не удаления информации или не блокирования пользователя, данное ответственное юридическое лицо ожидает штраф. Также имеет смысл расширить законодательное определение понятия СМИ и включить в него физ. лиц имеющих в интернет-ресурсах определённое количество подписчиков, как, например, в Египте (свыше 5 тыс. подписчиков). Используя зарубежный опыт можно заключить, что основным видом ответственности, который необходимо применять, является административная, но не стоит исключать уголовной ответственности. Однако последствия за которые физическое лицо можно привлечь

к уголовной ответственности должны быть весомыми и нельзя забывать что из-за особой природы интернет-среды прецеденты, связанные с материальными последствиями могут быть неразрешимыми из-за невозможности определить субъект состава преступления. Следует отметить что распространение недостоверной массовой информации может происходить из-за рубежа и в таких случаях возможным является только блокировка доступа к ресурсам, распространяющим недостоверную массовую информацию. Относительно юридических лиц вопрос не стоит так остро и спорно, как в случае с физическими лицами. Нашим законодательством предусмотрена возможность привлечения юридических лиц только к административной ответственности и здесь менять ничего не стоит.

Как итог можно заключить необходимость реформирования и улучшения законодательства Республики Беларусь относительно данного вопроса, с ориентацией на опыт зарубежных стран в регулировании отношений, связанных с данным явлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г. № 194-З : Принят Палатой представителей 17 декабря 2002 года : Одобрен Советом Республики 2 апреля 2003 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Нац. центр правовой информ. Респ Беларусь – Минск, 2020.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 декабря 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 декабря. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 24.04.2020 г. //КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
3. Цензор.Нет [Электронный ресурс] / Фейк о лечении коронавируса метанолом привел к смерти почти 300 человек в Иране. – Режим доступа: https://censor.net.ua/news/3185077/feyik_o_lechenii_koronavirusa_metanolom_privel_k_smerti_pochti_300_chelovek_v_irane_smi. – Дата доступа: 20.05.2020.
4. Медуза [Электронный ресурс] / На россиян начали заводить уголовные дела по новой статье о фейках про коронавирус. Мы спросили у нескольких фигурантов таких дел, что происходит. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/04/09/na-rossiyan-nachali-vozbuzhdat-ugolovnye-dela-po-novoy-statii-o-feykah-pro-koronavirus-my-uznali-u-neskolkikh-figurantov-takih-del-chto-proishodit>. – Дата доступа: 20.05.2020.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СЛОВА И ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ

Е.Г. ВРОЦКАЯ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается конституционное право на свободу слова, а также его реализация в сети Интернет, в том числе и ограничения. Анализируется вопрос реализации конституционного права на свободу слова в контексте интернет-комментариев.

Права и свободы человека, в том числе в информационной сфере, защищаются Конституцией Республики Беларусь. К таким правам и свободам относятся, в частности, право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, свобода мнений, убеждений и их свободное выражение. (ст. 33, 34 Конституции).

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию. Неважно где мы высказываем своё мнение, при разговоре с людьми или в комментариях в Интернете, выражение может быть осуществлено в любой форме.

Свобода слова – это прежде всего право человека свободно выражать свои мысли. Она иногда вступает в противоречие с правами и свободами других лиц, что является довольно частым явлением в сети Интернет. Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, Закон «О средствах массовой информации» и др. устанавливает разумные ограничения в этой сфере. Уголовный кодекс, к примеру, запрещает размещать оскорбительные высказывания; клевету; комментарии, нацеленные на разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни и т. д.

В свою очередь, Закон «Об информации, информатизации и защите информации» определяет две категории информации:

- 1) общедоступная информация;
- 2) информацию, распространение которой ограничено;

К общедоступной информации прежде всего относится информация о правах, свободах, законных интересах и обязанностях физических и юридических лиц. Также информация о деятельности и правовом статусе государственных органов, общественных объединений; о чрезвычайных ситуациях, экологической и политической ситуации в стране; о социально-экономическом развитии Республики Беларусь и её административно-территориальных единиц; о состоянии здравоохранения, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства; о льготах и компенсациях, предоставляемых государством физическим и юридическим лицам; о размерах золотого запаса; об обобщённых показателях по внешней задолженности; о состоянии здоровья должностных лиц, занимающих должности, включённые в перечень высших государственных должностей Республики Беларусь; накапливаемой в открытых фондах библиотек и архивов, информационных системах государственных органов, физических и юридических лиц, созданных (предназначенных) для информационного обслуживания физических лиц (ст. 16).

К информации, распространение которой ограничено, относится информация, которая касается частной жизни физического лица и его персональных данных; сведения, составляющие государственные секреты; служебная информация ограниченного распространения; информация, составляющая коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну; информация, содержащаяся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных дела органов уголовного следования и суда до завершения производства по делу (ст. 17).

Закон «О средствах массовой информации» обязывает владельцев интернет-ресурса, владельцев сетевого издания не допускать использование этого информационного ресурса (его составной части) для распространения информации, содержание которой противоречит требованиям настоящего Закона». Фактически интернет-комментарии также подпадают под действия Закона «О средствах массовой информации». Перечень информации, распространение которой в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах запрещён, определён в Законе Республики Беларусь «О средствах массовой информации».

К запрещённой информации относится следующая информация:

– информации от имени организаций, не прошедших в установленном порядке государственную регистрацию (перерегистрацию) в случаях, когда такая регистрация (перерегистрация) является обязательной в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, а также организаций, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение уполномоченного государственного органа об их ликвидации;

– сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических и других одурманивающих веществ, а также сведений о способах и методах разработки, изготовления, использования и местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов;

– информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилию, собственное имя, отчество (если имеется), фото- и видеоизображения этого несовершеннолетнего, его родителей или иных законных представителей, дату рождения несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства, учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность этого несовершеннолетнего, без согласия его законного представителя;

– информации о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ, а также предметов, поражающее действие которых основано на использовании горючих веществ;

– ненадлежащей рекламы;

– информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности, порнографии, насилия и жестокости, в том числе пропагандирующими или побуждающей к самоубийству, другой информации, распространение которой способно нанести вред национальным интересам Республики Беларусь (ст. 38).

Комментарии также являются видом информации. Они могут быть опубликованы не только в виде текста, но и в ином виде. Например, в виде фотоснимка, картинки, аудиозаписи или видеоролика. Раздел комментариев, по определению, управляет читателями, которые используют его для выражения своих мнений на новостных сайтах или в социальных сетях.

Таким образом, интернет-комментарии как форма реализации конституционного права на свободу слова имеет свои пределы. В настоящее время в Республике Беларусь имеется базовое правовое регулирование по данному вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп., вступившими в силу с 29.03.2020 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп., вступившими в силу с 01.02.2020 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 10 ноября 2008 г., N 455-З: в ред. от 11.05.2016 : с изм. и доп., вступившими в силу с 01 июля 2017 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 17 июля 2008 N 427-З : в ред. от 17.07.2018 : с изм. и доп., вступившими в силу с 1 декабря 2018 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Что нельзя размещать в соцсетях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex.by/news/chto-nelzya-razmeshhat-v-sotssetyah/> – Дата доступа: 09.04.2020.

УДК 342

КОММЕНТАРИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРАВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.Г. ВРОЦКАЯ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается вопрос правового регулирования интернет-комментариев, в т.ч. потребность в правовом регулировании подобных отношений, способы правового воздействия и др. В статье предлагаются направления правового регулирования интернет-комментариев.

Сегодня большинство людей не могут представить свою жизнь без социальных сетей или новостных источников. На ту или иную публикацию приходится множество лайков, репостов и комментариев. Иногда комментарии под постами читать куда интереснее чем сами публикаций.

Предметом исследования являются возможные правовые способы регулирования комментариев в сети, которые смогут защитить других пользователей и выявить или пресечь правонарушения или преступления. Исследуется опасность вреда негативных комментариев, а также, какие комментарии можно оставлять по законодательству Республики Беларусь, а какие нет. И кто и какую ответственность понесёт за нарушение законодательства.

Актуальность данной темы обуславливается популярностью и важностью Интернета в нашей повседневной жизни. Интернет - это открытая площадка; и всё, что мы там публикуем, становится предметом для дискуссии, хотим мы этого или нет. Сегодня он представляет собой не только глобальное хранилище данных, но и средство коммуникации, от которой зависит большинство людей по всему миру. Социальные сети и новостные порталы стали не только новостными и развлекательными источниками, но и дискуссионными площадками для тысячей пользователей. Разделы комментариев приобрели огромную значимость в мире. Однако, они не только дали возможность людям свободно высказать своё мнение по тому или иному вопросу, но и стали тем местом в Интернете, где люди не чувствуют ответственности за то, что пишут.

Большинство проблем, которые существуют в разделах комментариев, уже регулируются законодательством. Самые частые из них - оскорбление и клевета – регулируются посредством Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях.

Другая проблема, такая как распространение запрещённой или ограниченной к распространению информации, регулируется Законом «Об информации, информатизации и защите информации». Пожалуй, самое распространённое нарушение - это нарушение права от незаконного посягательства на тайну личной жизни. К примеру, личные данные новополочанки (включая имя, фамилию, адрес), заболевшей коронавирусной инфекцией, были опубликованы в общем доступе, что, нарушает её конституционное право на тайну личной жизни. Разглашение тайны личной жизни, персональных данных в белорусском законодательстве также урегулировано ст. 22.13 КоАП и 179 УК.

Но есть и иная проблема, которая ещё не регулируется законодательством - это проблема влияния комментариев на правильное восприятие публикации. Данные типы комментариев не подпадают под статьи в уголовном или административном законодательстве. Можно сослаться на право пользователей свободно выражать свои мысли и суждение, но что делать, если те самые мнения формируют у других читателей неправильное восприятие прочитанного? К примеру, с конца марта, в связи с ситуацией с коронавирусной инфекцией под публикациями новостных источников были распространены комментарии о том, что все средства для борьбы с инфекцией были отправлены в КНР, а не на прилавки местных аптек. Тем самым пользователи разносили слухи, которые подняли немалую панику в обществе. Данные комментарии не являются клеветой или оскорблением, но также несут негативное влияние. К сожалению, пока что никаких правовых способов регулирования данной проблемы нет.

Предлагаются различные варианты решения данной проблемы. В первую очередь, нужно понять, как сильно такие комментарии влияют на правильное восприятие читателей. Необходимо чётко сформулировать границы дозволенного в сети Интернет, не вступая в противоречие с правом на свободу слова.

Рассмотрим вариант решения проблемы посредством возложения на владельца ресурса обязанность обеспечивать соответствие интернет-комментариев морально-этическим нормам, нормам здравого смысла и т.д. Первые шаги уже были предприняты с принятием изменений в статью 38 Закона «О средствах массовой информации», которая гласит, что владельцы Интернет-ресурсов, обязаны «не допускать использование этого информационного ресурса (его составной части) для распространения информации, содержание которой противоречит требованиям настоящего Закона». Однако в Законе не указано, что должен сделать владелец, чтобы избежать ответственности за размещённый комментарий.

Самые простые варианты решения проблем не несут правовой характер. Большинство сайтов просто закрывает разделы комментариев, что является простым и эффективным решением. Другой более сложный способ - своевременная модерация. Для сайта важно иметь жёсткие правила пользования и уметь быстро реагировать на любые их нарушения. Именно сайт должен устанавливать запреты и обязанности, а никак не пользователь. Тут никак нельзя сослаться на право на свободу мнения. Пользователи должна в рамках закона реализовывать своё право. Пользователей, которые намерено не хотят следовать правилам сайта должны следить или заблокировать на сайте или в сообществе в социальной сети.

Разделы комментариев никогда не исчезнут, как не исчезнут и те люди, которые оставляют негативные, токсичные или оскорбительные комментарии. Перечень преступлений и правонарушений, которые можно совершить в сети Интернет довольно большой. Для этого достаточно лишь пары щелчков мыши. Часто люди нарушают законодательно по незнанию, но это только их вина. Фразы «я не знал, что так делать нельзя», «я не хотел никого оскорбить, просто высказал своё мнение», «это не клевета, я просто предположил», не являются аргументами. В цифровом пространстве у всех людей есть свои права, но также как и права у них есть ёщё и обязанности. Это обязанности не только внутри группы, сообщества или на сайте, но и в Интернете в целом. Соблюдая их мы, в первую очередь, обезопасим себя. С каждым днём новые технологии всё совершенствуются, создаются новые платформы, сайты, социальные сети.

Сегодня Интернет затрагивает все сферы нашей жизни и, конечно же, проблемы не могут не возникать. Большинство из них уже имеют своё решение, некоторые нуждаются в доработке. Тут законодательство должно успевать их решать и восполнять пробелы, которые выявляются, пресекать правонарушения в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп., вступившими в силу с 29.03.2020 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп., вступившими в силу с 01.02.2020 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 10 ноября 2008 г., № 455-З: в ред. от 11.05.2016 : с изм. и доп., вступившими в силу с 01 июля 2017 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 17 июля 2008 № 427-З : в ред. от 17.07.2018 : с изм. и доп., вступившими в силу с 1 декабря 2018 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 340

**ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА, МЕТОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ
С ПОМОЩЬЮ БИОМЕТРИЧЕСКИХ СИСТЕМ И БАЗ ДАННЫХ**

K.A. ГАЙКОВА
(Представлено: А.С. ВАЛЕВКО)

В публикации рассматриваются правовые средства, методы и современные технологии, используемые на международном уровне по борьбе с терроризмом с помощь биометрических систем и баз данных.

За последнее время было проведено множество исследований в таких разнообразных областях, как: биометрии, биологии, биоинженерии, биохимии, медицины и других не менее важных секциях. В результате таких исследований был получен вывод о том, что биометрические технологии достигли достаточно высокого уровня, который может удовлетворить потребности не только правоохранительных органов, но и международных организаций, на примере Интерпола. Как и ко всем видам персональных данных, к биометрическим, есть нормативно-правовые требования на международном уровне, которые предусматривают определенные рамки по использованию биометрии, дабы избежать нарушений в области прав человека и прав на неприкосновенность частной жизни.

В соответствии с Резолюцией 1624 (2005) Совета Безопасности ООН, предусматривается, что государства обязаны защищать лиц, находящихся в их юрисдикции, от террористических атак и привлекать виновных в совершении подобных деяний к ответственности, обеспечивая при этом соблюдение прав человека. Уважение прав человека и принципа верховенства закона связано с эффективной контртеррористической деятельностью и является необходимым условием успешной борьбы с терроризмом [3].

В соответствии с Резолюцией 2396 Совет Безопасности ООН призывает государства-члены проводить проверку и расследования в отношении подозреваемых иностранных боевиков-террористов и сопровождающих их членов семьи, в том числе их супругов и детей, а также разрабатывать процедуры и проводить всеобъемлющие оценки рисков в отношении этих лиц [4]. Также при разработке систем по сбору биометрических персональных данных важно учитывать гарантии в отношении защиты данных и соблюдения стандартов прав человека.

На данный момент могут использоваться следующие виды идентификации личности:

- 1) химический;
- 2) визуальный;
- 3) визуально-пространственный;
- 4) поведенческий;
- 5) обонятельный;
- 6) распознавание вен;
- 7) слуховой.

Химический способ представляет собой соотнесение ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота), то есть идентификация производится с помощью анализа отдельных частей ДНК.

Визуальный способ распознавания личности включает в себя:

- 1) аутентификацию личности путем сравнения ушной раковины человека;
- 2) использование особенностей, обнаруженных в радужной оболочке для идентификации личности;
- 3) использование рисунков вен в задней части глаза для достижения распознавания;
- 4) дактилоскопия (идентификация человека по отпечаткам пальцев рук) также относится к визуальному способу.

Исходя из названия визуально-пространственного способа распознавания личности можно сделать вывод, что в рассматриваемом методе будут использоваться 3D модели. Такие макеты применяются для воссоздания геометрии пальцев и рук, также данная технология может применяться и для геометрии лица человека.

Поведенческий метод подразумевает особенности поведения личности, то есть сюда можно отнести:

- 1) распознавание по походке – использование индивидуального стиля ходьбы или походки для определения личности;
- 2) распознавание ввода – использование уникальных характеристик типирования лиц для установления личности;
- 3) распознавание подписи – аутентификация личности осуществляется путем анализа стиля почерка, в частности подписи. Существует два основных типа идентификации цифровой или рукописной подписи: статическая и динамическая. Статическая чаще всего представляет собой визуальное сравнение между одной сканированной подписью с другой или сканированной подписью и рукописной. Технология

доступна для проверки двух сканированных сигнатур с использованием передовых инноваций. Динамика же становится все более популярной, в связи с использованием специально-предназначенного для этого оборудования. Подобные данные могут быть использованы в суде для создания биометрического шаблона, из которого динамические подписи могут быть аутентифицированы либо в момент подписания, либо после подписания. Такое быстрое реагирование поспособствует для обнаружения недобросовестного использования чужих подписей.

Следующий ранее указанный метод идентификации – обонятельный, использующий особенности индивидуального запаха для определения личности.

Распознавание вен – это тип биометрии, который может быть использован для идентификации людей на основе рисунков вен в человеческом пальце или ладони.

Последним приведенным выше способом является слуховой, включающий в себя:

Идентификация голоса – это соответствие исходного голоса с предоставленным шаблоном. Системы идентификации также могут быть реализованы скрытно без ведома пользователя для более точного распознавания говорящих в дискуссии. В криминалистических приложениях обычно сначала выполняют процесс идентификации говорящего, чтобы создать список «лучших соответствий», а затем выполняют ряд процессов проверки для определения окончательного соответствия.

Аутентификация Голоса – это использование уже заранее записанного голоса для контроля доступа, то есть процедура проверки подлинности голоса. Голос говорящего должен соответствовать заранее записанному шаблону, так называемой «голосовой печатью» или «голосовой моделью». Эти системы работают с ведома пользователя и, как правило, требуют их сотрудничества. Такой способ в ближайшем времени планирует ввести Сбербанк Российской Федерации.

Безопасность методов распознания оценивается с помощью таких терминов, как False Acceptance Rate (далее – FAR) и False Rejection Rate (далее – FRR). FAR – это коэффициентный порог, определяющий риск ошибочной идентификации одного человека за другого, и считается путем отношения числа ложных подтверждений, деленное на число попыток идентификации. FRR – это вероятность того, что биометрическая система безопасности ошибочно отклонит попытку доступа авторизованного пользователя, и определяется путем отношения числа ложных распознаваний, деленное на число попыток идентификации. Процент коэффициентов рассчитывается вручную по математическим формулам в зависимости от предназначения оборудования.

В сборнике практических рекомендаций организации объединенных наций предусмотрено, что правление рисками в системе предусматривает каталогизацию сбоев в системе – как в одной из ее частей (например, в устройстве считывания биометрических данных), так и в системе в целом (в конфигурации системы), и определение способности таких сбоев создать риск ненадлежащего функционирования системы. При этом определяются угрозы и риски, затем проводится анализ последствий осуществления или использования угрозы, и, наконец, в необходимых случаях принимаются меры по смягчению последствий [1].

Наименьший процент риска ненадлежащего функционирования биометрических систем составляют следующие виды биометрии:

- 1) дактилоскопия (FAR 0,1 – 0,001%, FRR 0,3 – 0,9%);
- 2) идентификация по геометрии лица (FAR 0,1 – 0,001%, FRR 2,5 – 9,0%);
- 3) идентификация по радужной оболочке глаза (FAR – 0,00001%, FRR – 0,13%).

На основе выше приведенного, можно сделать вывод, что наиболее надежным видом биометрической идентификации является распознание по радужной оболочке глаза. Однако, некоторые методы в настоящее время являются не комфортными для идентифицируемого. Например, в связи с сегодняшней эпидемиологической обстановкой, многие граждане могут беспокоиться на счет гигиеничности прикосновения к сканеру, что в дальнейшем спровоцирует резкий рост заболевших.

В.П. Захаров писал, что правоохранительные органы в настоящее время осуществляют распознание с помощью автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем. Перспективным является использование биометрических технологий для контроля доступа к компьютерам, компьютерным сетям и в помещения. Для идентификации личности на расстоянии можно использовать только метод распознавания по геометрии лица. Поэтому в системах интеллектуального видеонаблюдения правоохранительных органов, использование которых имеет стойкую тенденцию к росту, возможно использование именно этого метода. Учитывая позитивные и негативные стороны метода распознавания личности по радужной оболочке глаз, его можно считать перспективным для использования в системах защиты информации правоохранительных органов, наравне с дактилоскопической идентификацией [2, с. 47].

Однако, все ранее приведенные методы биометрической идентификации имеют как общие, так и различные друг от друга недостатки. К общему недостатку относится то, что все эти базы данных, где содержится биометрическая информация, подвержены взлому. Реализацию рассматриваемого пробела можно рассмотреть в ряде новостей от СМИ, когда очередная преступная организация фальсифицировала данные, к примеру документы, удостоверяющие личность, и с смогла проникнуть в государство путем обмана.

Что касается практики, где биометрическая идентификация показала себя то, можно рассмотреть на примере Великобритании. Рассматриваемые технологии были применены в Уэльсе в конце мая 2017 г. В качестве вида идентификации использовался метод распознавания по геометрии лица. Как отмечает полиция камеры распознали подозреваемого и сравнили его изображение с фотографиями, которые уже находились в базе данных, в следствии гражданина быстро задержали [5].

Как указывалось выше, подобные биометрические технологии могут применяться в качестве обеспечения общественной и национальной безопасности, а также для предотвращения терактов, так как на протяжении достаточно продолжительного времени биометрическая идентификация показывает себя с наилучшей стороны.

Таким образом, можно сделать вывод, что биометрические технологии – это мощный и единственный инструмент для борьбы с терроризмом на международном уровне. Она не только позволяет выявлять и пресекать деятельность террористических организаций, но и защищать население в целом от различных нападений. Основу идентификации составляет сбор, хранение, использование, передача персональных биометрических данных. Как отмечалось ранее, информация должна быть полностью защищена законодательством, а ее обработка или иные манипуляции должны осуществляться без нарушения основных прав человека, в том числе право на неприкосновенность частной жизни. В связи с ранее перечисленным фактами и доводами, можно сделать вывод, что наиболее распространенным методом среди видов биометрической идентификации является дактилоскопия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник практических рекомендаций Организации Объединенных Наций по ответственному использованию биометрических данных и обмену ими в рамках борьбы с терроризмом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unodc.org/pdf/terrorism/Compendium-Biometrics/_pdf – Дата доступа: 28.04.2020.
2. Захаров, В.П. Биометрические технологии в антитеррористической деятельности правоохранительных органов: перспективы и проблемы использования / В.П. Захаров, О.И. Зачек, М.С. Бекмурзин – Вестник Московского университета МВД России, 2014. – № 10. – 47 с.
3. Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5261-м заседании 14 сентября 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [undocs.org/ru/S/RES/1624\(2005\)](http://undocs.org/ru/S/RES/1624(2005)) – Дата доступа: 20.09.2020.
4. Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании 21 декабря 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [undocs.org/ru/S/RES/2396\(2017\)](http://undocs.org/ru/S/RES/2396(2017)) – Дата доступа: 20.09.2020.
5. Британская полиция впервые использовала новую технологию распознавания лиц [Электронный ресурс] – Режим доступа: news.rambler.ru/world/37099817-britanskaya-politsiya-vpervye-ispolzovala-novyyu-tehnologiyu-raspoznavaniya-lits/. – Дата доступа: 20.09.2020.

**ОРГАНЫ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ КОНТРОЛЬ И НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ С ПОМОЩЬЮ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ**

К.А. ГАЙКОВА

(Представлено: А.С. ВАЛЕВКО)

В публикации рассматриваются органы, осуществляющие контроль и наблюдение за террористическими организациями с помощью биометрических персональных данных в Республике Беларусь и за рубежом.

На сегодняшний день согласно закону Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» Республика Беларусь является участницей всех основных глобальных договоров по рассматриваемой проблеме. К субъектам, которые осуществляют контртеррористическую деятельность и принимают меры по борьбе с терроризмом являются:

- 1) органы государственной безопасности Республики Беларусь;
- 2) органы внутренних дел Республики Беларусь;
- 3) Служба безопасности Президента Республики Беларусь;
- 4) Вооруженные силы Республики Беларусь;
- 5) Органы пограничной службы Республики Беларусь.

В органы государственной безопасности Республики Беларусь входят: Комитет государственной безопасности Республики Беларусь и его территориальные органы государственной безопасности. Рассматриваемые органы осуществляют:

- 1) борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения актов терроризма, предупреждения, выявления и пресечения международной и иной террористической деятельности в соответствии с их компетенцией;
- 2) осуществляют сбор информации о деятельности иностранных и международных террористических организаций;
- 3) проводят предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, направленных на достижение целей терроризма, отнесенным уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь к их ведению [4].

Органы внутренних дел включают в себя: Министерство внутренних дел, территориальные органы и учреждения образования и организации здравоохранения, созданные для обеспечения выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел. Такие органы уполномочены осуществлять борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения актов терроризма, деятельности незаконных вооруженных формирований в соответствии с их компетенцией [4].

Служба безопасности Президента Республики Беларусь – орган, ответственный за обеспечение безопасности президента Беларуси и других высших должностных лиц в стране и соответственно осуществляет борьбу с терроризмом посредством обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов [4].

Вооруженные силы Республики Беларусь – это структурный элемент, предназначенный для обеспечения военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь, ее суверенитета, независимости, территориальной целостности и конституционного строя. Видами Вооруженных сил являются Сухопутные войска, Военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны. Осуществляют борьбу с терроризмом посредством охраны и обороны принадлежащих им вооружения, военной техники и военных объектов, участия в обеспечении безопасности воздушного пространства Республики Беларусь, участия в проведении контртеррористических операций, реализации иных функций в соответствии с настоящим Законом и другими законодательными актами Республики Беларусь [4].

Не только в Республике Беларусь есть органы, организации, осуществляющие борьбу с терроризмом и обеспечивающие безопасность граждан и государства. Международную практику в области контртеррористической деятельности можно рассмотреть на примере соседнего государства – Российской Федерации. Одним из субъектов, противодействующим терроризму является Федеральная Служба Безопасности (далее – ФСБ), которая уполномочена:

- 1) пресекать полеты воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами;
- 2) участвовать в проведении контртеррористической операции, установленной законодательством;
- 3) пресекать международную террористическую деятельность за пределами территории Российской Федерации;

4) пресекать террористические акты во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства [1].

Что касается реального пресечения террористической деятельности, таким органом как ФСБ, то 3 апреля 2020 года в Ханты-Мансийском автономном округе, являющимся субъектом Российской Федерации. Сотрудники Федеральной Службы Безопасности задержали 3-х граждан, которые подготавливали теракт в одном из торговых центров. В процессе обыска у этих лиц были изъяты все составляющие для сборки самодельного взрывного устройства (далее – СВУ): несколько упаковок гидроперита, сосуд с аммиачной селитрой, таймер и т.д. Также были конфискованы огнестрельное оружие и запрещенная экстремистская литература. В связи с чем, можно сделать вывод, что меры, принимаемые Российской Федерацией по борьбе с терроризмом, достаточно эффективны [16].

Как и в любом другом современном государстве в Федеративной Республике Германии (далее – ФРГ) также имеются свои органы, предназначенные для контртеррористической деятельности. Достаточно часто в СМИ можно заметить сообщения об ликвидации террористических групп или предотвращении попыток терактов в Германии. На данный момент основными источниками угроз для ФРГ являются: неонацисты, скайхеды и иные преступные организации, которые готовы на террористический акт за чистоту своей нации. Вдобавок, в связи с волной беженцев деятельность криминальных групп активизировалась: поджоги, нападения, а также попытки терактов фиксируются в сводках немецкой полиции.

14 декабря 2004 года в Берлине свою работу начал Объединенный центр по борьбе с терроризмом (GTAZ – Gemeinsames Terrorismusabwehrzentrum). Организация состоит из двух отдельных центров оценки и анализа: разведывательно-информационного - аналитического центра (NIAS) и полицейского информационно-аналитического центра (PIAS). Следует добавить, что это не самостоятельный орган, а совместная платформа сотрудничества и связи 40 национальных органов власти в области внутренней безопасности. Помимо BKA, BfV и BNDG, в Федеральном суде участвуют все 16 государственных криминальных ведомств и органов государственной конституционной защиты, а также федеральная полиция, таможенное бюро преступлений, MAD, BAMF и генеральный федеральный адвокат.

Законодательная база Федеративной Республики Германии достаточно обширна и включает в себя нормативно правовые акты, которые регулируют деятельность всех национальных органов, которые были упомянуты выше. К таким законодательным актам ФРГ относятся:

1) Закон «О сотрудничестве Федерации и стран в вопросах конституционной защиты и о федеральном ведомстве по конституционной защите» (BVerfSchG) [5];

2) Закон «О федеральной контрразведывательной службе» (Gesetz über den Bundesnachrichtendienst). Закрепляет статут данного органа (BNDG) [15];

3) Закон «О требованиях и порядке федеральных проверок безопасности и защите секретной информации» (Sicherheitsüberprüfungsgesetz – SÜG). Регулирует требования и порядок проверки лица, которому должно быть поручено компетентным органом деятельность по чувствительной безопасности (преверка безопасности) или уже поручена (повторная проверка), а также защиту секретной информации [6];

4) Закон «О федеральном преступном ведомстве и сотрудничестве Федерации и стран в делах уголовной полиции» (Bundeskriminalamtgesetz – BKAG) [7].

К сожалению, не представляется возможным более подробно описать о методах борьбы с террористическими организациями немецких служб, так как почти вся информация засекречена, а в открытых источниках ее мало.

Французская Республика на сегодняшний день занимает лидирующее место в Европе по борьбе с терроризмом. Во Франции осуществляют контртеррористическую деятельность такие структуры, как:

1) DGSE (Direction générale de la sécurité extérieure) – это военная служба внешней разведки;

2) DGSI (Direction générale de la sécurité intérieure). Основана в 2008 году путем слияния RG и DST, занимается контрразведкой, борьбой с терроризмом и наблюдением за потенциальными угрозами на французской территории;

3) DRM (Direction du renseignement militaire) – управление военной разведки. Орган создан социалистическим министром внутренних дел в 1992 году, после войны в заливе, чтобы централизовать информацию военной разведки;

4) DCPJ (Direction centrale de la police judiciaire) – судебная полиция;

5) иные подведомственные органы.

В структурный состав национальной полиции Французской Республики входит также дивизион по борьбе с терроризмом (Division National Anti-Terroriste – D.N.A.T.). На данный момент координируют работу по контртеррористической деятельности около 700 человек центрального управления общей разведки (DCRG) и около 150 сотрудников Центрального управления судебной полиции (DCPG).

Как и во всех странах деятельность органов регулируется специальными нормативно правовыми актами. Что касается Французской Республики то, следует учесть насколько законодательная французская

база обширна. К наиболее содержательным законодательным актам, которые уполномочивают, ранее перечисленные, органы осуществлять контртеррористическую деятельность относятся:

- 1) Закон «О разведке» № 2015-912 от 24 июля 2015 года [8];
- 2) Кодекс обороны, принятый 21 декабря 2004 года [9];
- 3) Кодекс внутренней безопасности, 23 декабря 2012 года [10];
- 4) Закон «О безопасности и борьбе с терроризмом» № 2012-1432 от 21 декабря 2012 года [11];
- 5) иные нормативно-правовые акты.

Кроме того, следует обратить внимание на международную организацию полицейского сотрудничества, существующую с 1956 года – Интерпол. Такое объединение признается глобальным, участниками которого являются 194 государства, в том числе Республика Беларусь. Интерпол действует на основании Устава, в котором предписываются цели, задачи и функции подотчетных органов [12]. Одна из главных задач международной организации является помочь полиции (милиции) государств-членов путем сбора, анализа хранения, передачи персональных данных, в том числе биометрических персональных данных. Такая информация может быть составлена в отношении лиц, подозреваемых в террористической деятельности, групп и объединений либо организаций с террористической направленностью, либо их пособников. Оказание помощи осуществляется непосредственно путем обмена вышеуказанной информации через защищенную коммуникационную сеть I-24/7 (глобальная полицейская коммуникационная система), означающая, что данные могут предоставляться 24 часа в сутки и по 7 дней в неделю. Кроме того, информация также передается через глобальные биометрические системы и имеет ключевое значение в выявлении террористов. Что касается нормативных документов Интерпола по биометрическим персональным данным то, к ним относятся:

- 1) резолюция «О поддельных проездных документах, касающиеся изготовления проездных документов и удостоверений личности», принятая на пятой Международной конференции по мошенничеству» [13];
- 2) инструкция «Об организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» [14];
- 3) иные нормативно-правовые акты.

В начале 2018 года базы данных, рассматриваемой международной организации насчитывали информацию о более 18-ти тысячах террористов. Подобная информация содержала в себе фотографии, отпечатки пальцев и ДНК, т.е. биометрические данные. Тогда как при обновлении биометрических систем и баз данных происходит автоматическая проверка на факт совпадения. Следует учитывать, что Интерпол применяет новейшие технологии при идентификации лиц, осуществлении дактилоскопии, проверке паспортного контроля, также при мониторинге похищенных и (или) поддельных документов, обнаружении изготовителей СВУ [2].

Государства-члены активно пополняют такие базы данных, что обеспечивает коммуникацию между странами и сказывается на большей раскрываемости преступлений, связанных с терроризмом. Как ранее указывалось Республика Беларусь, равно как и другие государства заинтересована в борьбе с международной преступной террористической деятельности.

Однако стоит отметить, что одной из проблем для данной международной организации являются политические факторы, так как некоторые государства могут придерживаться политики, так называемых, двойных стандартов. Такой вид политики в наибольших случаях касается европейских стран. Подобное можно наблюдать и в реальном времени, когда государства Европы отказывались выдавать Российской Федерации лиц, которые были каким-либо образом замешаны или причастны к террористической деятельности, присваивая им статус беженцев. Вдобавок, можно выделить еще одну проблему, связанную с политическим фактором – различное употребление терминологии, т.е. члены-государства Интерпола используют различные термины, что значительно может сказаться на оценке терроризма. Например, присутствуют случаи в международной практике, когда террористов могли называть «повстанцами», «сепаратистами», «отступниками», «отщепенцами» и т.д.

В целом, можно сделать вывод, что Интерпол играет одну из ключевых ролей в международной системе по борьбе с терроризмом. Однако, стоит учитывать необходимость в усилении международного сотрудничества, т.е. искоренение тех самых двойных стандартов. Также в общем межгосударственное взаимодействие следует усилить в таких областях как финансовая, правоохранительная, пограничная, научная.

Согласно обзору международного рынка биометрических технологий Центрального банка Российской Федерации, активно применяются технологии, основанные на распознавании и использовании следующих биометрических данных:

- 1) отпечатки пальцев (составляют более 50% всего объема рынка);
- 2) изображение лица (21,6%);
- 3) изображение радужной оболочки глаза (10,2%);
- 4) голос (4%);
- 5) рисунок вен (3%);
- 6) геометрия ладони, ДНК и иное (около 7%).

В соответствии с прогнозами, рынок технологий идентификации по отпечаткам пальцев до 2022 года будет расти медленнее средних темпов роста всего рынка биометрических технологий, в результате чего данный сегмент сократит свою долю [3, с. 4].

Самыми быстрорастущими сегментами в ближайшие 5-7 лет станут технологии идентификации по рисунку вен ладони, голосу и изображению радужной оболочки глаза. В настоящее время в мире продолжается поиск новых форм использования биометрических технологий: наблюдается тенденция перехода от их использования в традиционных системах государственной безопасности в сферу коммерческого и пользовательского применения [3, с. 4].

На основе выше перечисленных фактов и доводов, можно сделать вывод, что наибольших успехов в области контртеррористической деятельности добилась Французская Республика, где законодательная база развита максимально обширно и используются биометрические технологии наиболее эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федеральный Закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ: в ред. Федерального Закона Российской Федерации от 18.03.2020 № 54-ФЗ // Консультант Плюс Законодательство Российской Федерации / Нац. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. INTERPOL's activities against the foreign terrorist fighter threat [Electronic resource]. – 2018. – Access mode: file:///C:/Users/%D0%A2%D0%B0%D0%BD%D1%8F/Downloads/Information%20SheetForeignFighter%20(1).pdf – Date of access: 25.04.2020.
3. Центральный банк Российской Федерации. Обзор международного рынка биометрических технологий и их применение в финансовом секторе / Нац. банк Российской Федерации, 2019. – 4с.
4. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2018 № 90-З // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь от 09.01.2018 № 90-З // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой. Информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Gesetz über die Zusammenarbeit des Bundes und der Länder in Angelegenheiten des Verfassungsschutzes und über das Bundesamt für Verfassungsschutz [Elektronische ressource] – Zugriffsmodus: www.anwalt.de/gesetze/bverfschg. – Access-datum: 19.09.2020.
6. Gesetz über die Voraussetzungen und das Verfahren von Sicherheitsüberprüfungen des Bundes und den Schutz von Verschlusssachen [Elektronische ressource] – Zugriffsmodus: www.anwalt.de/gesetze/sueg – Access-datum: 19.09.2020.
7. Gesetz über das Bundeskriminalamt und die Zusammenarbeit des Bundes und der Länder in kriminalpolizeilichen Angelegenheiten [Elektronische ressource] – Zugriffsmodus: www.anwalt.de/gesetze/bkag_2018. – Access-datum: 19.09.2020.
8. LOI n° 2015-912 du 24 juillet 2015 relative au renseignement [Ressource électronique] – Mode d'accès: www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000030931899?tab_selection=all&searchField=ALL&query=Loi+sur+le+renseignement+général&page=1&init=true – Date d'accès: 19.09.2020.
9. Code de la défense [Ressource électronique] – Mode d'accès: www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071307?tab_selection=all&searchField=ALL&query=Loi+sur+le+renseignement+général&searchType=ALL&fonds=CODE&typePagination=DEFAULT&pageSize=10&page=1&tab_selection=all#all – Date d'accès: 19.09.2020.
10. Code de la sécurité intérieure [Ressource électronique] – Mode d'accès: www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025503132?tab_selection=all&searchField=ALL&query=Loi+sur+le+renseignement+général&searchType=ALL&fonds=CODE&typePagination=DEFAULT&pageSize=10&page=1&tab_selection=all#all. – Date d'accès: 19.09.2020.
11. LOI n° 2012-1432 du 21 décembre 2012 relative à la sécurité et à la lutte contre le terrorisme [Ressource électronique] – Mode d'accès: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000026812_269/201_2-12-23#LEGIARTI000026812269 – Date d'accès: 19.09.2020.
12. Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола [Электронный ресурс] – Режим доступа: docs.cntd.ru/document/1901939 – Дата доступа: 19.09.2020.
13. Обзор осуществления резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности. Доклад Контртеррористического комитета [Электронный ресурс] – Режим доступа: docs.cntd.ru/document/902114178 – Дата доступа: 19.09.2020.
14. Инструкция об организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола [Электронный ресурс] – Режим доступа: docs.cntd.ru/document/901757173 – Дата доступа: 19.09.2020.
15. Gesetz über den Bundesnachrichtendienst [Elektronische ressource] – Zugriffsmodus: https://www.anwalt.de/gesetze/bndg – Access-datum: 19.09.2020.
16. В Югре задержали трех членов организации «Имарат Кавказ» [Электронный ресурс] – Режим доступа: ria.ru/20200403/156953166.html – Дата доступа: 19.09.2020.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

Е.А. ГАНЕБНЫЙ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)

В статье рассматриваются достижения и недостатки в использовании информационно-коммуникационных технологий в сфере местного управления и самоуправления. Предлагаются способы развития социальных сетей. Анализируется зарубежный опыт использования социальных сетей политическими лидерами.

В современном мире социальные сети играют важную роль и оказывают определяющее воздействие на многие общественные процессы. Под влиянием социальных сетей меняются и различные сферы политической деятельности. Развитие новых форм виртуальной коммуникации предполагает новый характер взаимодействия между правящими элитами и обществом на разных уровнях государственной власти.

По итогам проведенного ООН исследования к 2020 году Беларусь заняла 40 место по индексу готовности к электронному правительству в рейтинге, сохранив свои позиции как страны с высоким уровнем его значения. По сравнению с 2018 годом индекс готовности к электронному правительству Беларусь вырос на 5,8% в 2020 году. Сохранение позиций в топ-40 стран по уровню развития технологий электронного правительства стало преимущественно результатом проведенной работы в рамках ранее выполненных государственных программ и реализующейся в настоящее время Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [1].

Согласно статистике, на конец 2019 года, почти у каждого белоруса есть либо мобильный, либо стационарный доступ к сети Интернет [2]. Если еще 20 лет назад главными средствами коммуникации между властью и народом были классические СМИ – телевидение, радио, печатные издания; то сейчас мы наблюдаем тенденцию снижения частоты их использования. Западные лидеры и политики все чаще взаимодействуют с народом по средствам социальных сетей: Twitter, Facebook, Instagram, YouTube. Несомненными преимуществами социальных сетей являются скорость получения реакций на заявления и простота обратной связи. Развитие социальных сетей является перспективным в плане улучшения качества коммуникации на местном уровне государственной власти. Сам характер органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь предполагает постоянный контакт муниципальных руководителей и с населением (Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 №108-3 О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь) [3].

Виртуальная коммуникация позволяет избежать большого количества спама и даёт возможность максимизировать процент ответа пользователям. Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь 23.03.2016 № 235 о государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы, целью Государственной программы является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства [4]. Это свидетельствует о том, что не только народ, но и государство заинтересовано в развитии этих технологий.

Одной из ключевых составляющих в данном контексте является концепция электронного участия. В широком смысле электронное участие представляет собой использование гражданами информационных технологий для участия в политических процессах, таких как формирование повестки дня, оценка и контроль над принятием решений. Также не менее важны такие характеристики, как его качество и эффективность. В более узком понимании электронное участие – это набор конкретных методов, посредством которых граждане взаимодействуют с правительством. Результатом такого взаимодействия является выработка политических решений. К подобным методам относятся: информирование, консультации, публичные дискуссии, подачу петиций и дебаты с использованием электронных средств. Одной из качественных характеристик электронного участия является вовлеченность. Термин «электронная вовлеченность» (e-inclusion) раскрывает, насколько полно реализованы возможности граждан участвовать в процессе принятия решений [5].

В Республике Беларусь предприняты определенные шаги в направлении развития электронного участия граждан на уровне местных органов исполнительной власти. Например, были созданы сайты всех областных, городских и районных исполнительных комитетов. Можно отметить и то, что у всех исполнительных комитетов есть страничка или группа в социальной сети «Вконтакте». Также сформирована государственная система оказания электронных услуг организациям и гражданам, функционирует единый

портал электронных услуг на базе общегосударственной автоматизированной информационной системы. В сфере образования взаимодействие с аудиторией прослеживается лучше всего, так как у университетов, школ, детских садов имеются страницы практически во всех актуальных социальных сетях.

Ярким примером персональной активности чиновников в сфере современных форм коммуникации является деятельность председателя Полоцкого районного исполнительного комитета, Марковича Игоря Ивановича. С 2019 он активно ведет блог в Инстаграмме (@igor_markovich_polotsk), где проводится открытая политика общения с горожанами по насущным вопросам. Таким образом, помимо коммуникативной функции выполняется функция общественного контроля за развитием инфраструктуры города и района, проводится работа по обращениям граждан [6].

Несмотря на очевидные достижения, в Республике Беларусь взаимодействие местных органов управления и самоуправления с народом по средствам сети Интернет все еще имеет определенные недостатки. В связи с этим, следует обратиться к передовому опыту зарубежных стран в сфере E-inclusion. На их примере мы можем видеть колossalное влияние социальных сетей на улучшения качества диалога между правящими элитами и населением.

Например, Эстония прошла длительный путь, выстроив одну из самых эффективных систем электронного правительства в мире, начиная отсталой периферии, заканчивая европейским IT – примером. Зарождению электронной демократии по мнению одного из разработчиков Skype, эстонца Линара Ваика способствовала необходимость создания инфраструктуры «с чистого листа» [7]. Эстония в 2005 г. первой в мире провела местные выборы с использованием электронного голосования. В 2007 г. интернет-голосование широко использовалось уже на выборах в эстонский парламент. В Эстонии активно применяется совместное бюджетирование. Совместное бюджетирование – это процесс управление бюджетными средствами, при котором деньги расходуются в соответствии с общепринятым решением. В обсуждении принимают участие не только прямые управляющие, ответственные за распределение, но и общественные группы, выступающие в роли потребителей благ. Сегодня более 30 муниципалитетов Эстонии реализуют эту инициативу гражданского участия [8].

Качественная работа с социальными сетями способствует повышению рейтингов политических деятелей и благотворно влияет, но их имидж. Люди имеют возможность задать вопрос напрямую, увидеть фотографии и прокомментировать их, таким образом.

На сегодняшний день перед органами местного управления и самоуправления существует целый ряд проблем в сфере информатизации, которые необходимо решить. Во-первых, инертность многих государственных органов и организаций при решении вопросов информатизации. Во-вторых, нерациональное распределение средств государственного бюджета, недостаточный уровень инвестиций в сферу информационной грамотности. В-третьих, наличие прослойки работников, которые отрешенно и с опаской относятся к технологиям. Также зачастую наличие групп и страниц в социальных сетях носит лишь формальный характер, так как они лишь дублируют новостную информацию сайтов.

Решением вопросов по данным проблемам могут быть следующие пункты. Обучение сотрудников исполнительных комитетов работе с информационно-коммуникационными технологиями в контексте их деятельности. Возможно создание штаба сотрудников, которые будут ответственны за первоначальный запуск и начальное развитие социальных сетей. Открытая деятельность на платформе YouTube тоже была бы очень интересна обществу, молодежь проводит очень много времени за просмотром видео различного характера. Это бы увеличило общественную вовлеченность и уровень заинтересованности народа в политике. Создание аккаунтов в Твиттере тоже поспособствовало бы улучшению положения, так как формат площадки заключается в коллективном обсуждении вопроса и возможности высказывания личного мнения. Для улучшения качества работы в сфере электронного участия необходимо увеличить капиталовложение в эту сферу, это в свою очередь приведет к реорганизации использования средств бюджета. А транспарентность системы, которая достигается с помощью электронного участия, снизит уровень коррупции.

Таким образом, использование социальных сетей органами местного управления и самоуправления с целью налаживания продуктивного диалога с населением является сложной, но решаемой задачей. Повышение информационной грамотности чиновников и актуализация информации поспособствует развитию электронного участия, которое в свою очередь неизбежно приведет к демократизации политической системы в стране в целом, улучшению качества жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations E-government surveys [Electronic resource] – Mode of access: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf). – Date of access: 28.09.2020
2. Количество абонентов сети Интернет на 100 человек населения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/svyaz-i-informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/kolichestvo-abonentov-seti-internet-na-100-chelovek-naseleniya/>. – Дата доступа: 28.09.2020.

3. Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении». [Электронный ресурс] – Режим доступа:/ <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000108>. – Дата доступа: 28.09.2020.
4. Государственная программа развития цифровой экономики информационного общества на 2016–2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file4c1542d87d1083b5.PDF>. – Дата доступа: 28.09.2020
5. Фурсеев Е. Возможности электронного участия в процессе принятия политических решений // Политическая сфера, 2008. – № 10. – С. 93–101
6. Инстаграмм аккаунт Марковича Игоря Ивановича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.instagram.com/igor_markovich_polotsk/. – Дата доступа: 28.09.2020.
7. «Э-государство»: почему Эстония победила в рейтинге посткоммунистических демократий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.forbes.ru/mneniya/mir/326255-e-gosudarstvopochemu-estoniya-pobedila-v-reitinge-postkommunisticheskikh-demokra/](http://www.forbes.ru/mneniya/mir/326255-e-gosudarstvopochemu-estoniya-pobedila-v-reitinge-postkommunisticheskikh-demokra/>.). – Дата доступа: 28.09.2020
8. «ParticipatoryBudgetingProject» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://te-st.ru/2013/03/29/participatory-budgeting-project/>. – Дата доступа: 28.09.2020.

УДК 34.096

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ И СОВМЕСТНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.А. ГАНЕБНЫЙ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)

В статье анализируется и сравнивается возможности и уровень развития общественного участия и совместного бюджетирования в Республике Беларусь и мире. Анализируются перспективы участия народа в жизни общества через развитие новых форм электронной коммуникации.

Один из важнейших признаков демократических политических систем – участие граждан и общества в государственном управлении. Следовательно, без общественного участия демократическая система не будет являться полной. Под общественным участием мы подразумеваем гражданскую активность, которая связана с представлением и защитой своих интересов и интересов соответствующих социальных групп на разных уровнях принятия решений.

Общественное участие может быть, как прямым, так и косвенным. Шведский теоретик Я. Теорелл выделяет три формы участия:

1. Участие как влияние на представителей власти. Помимо участия в выборах, граждане влияют на принимаемые решения и политику путем выражения своего мнения по значимым вопросам, на которые вынуждены реагировать выбранные органы власти. Конкретными формами такого участия, которое может быть более или менее явным, являются опросы общественного мнения, индивидуальные и коллективные обращения, петиции, митинги и пикеты.

2. Участие как принятие решений. Этот подход предполагает, что граждане могут принимать непосредственное участие в принятии политических решений вне выборных процедур. Основными формами такого участия выступают референдумы или другие виды голосований, на основании которых принимаются решения. Наиболее реалистично такое участие может быть реализовано на муниципальном уровне или уровне местных сообществ.

3. Участие как дискуссия. Граждане должны вовлекаться в политический процесс не только на финальных этапах выбора политики, сколько на более важном и содержательном этапе ее разработки. Участие в этом случае выражается в инициировании и публичном обсуждении политических проектов, слушаниях по значимым вопросам общественной жизни, оценке возможных последствий принимаемых решений [1].

В той или иной степени, эти формы общественного участия выполняются на территории всех демократических государств. Участие в принятие решений, например, предусмотрено в статье 14 Конституции Республики Беларусь, где закреплено право на свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь, гарантированное государством. Порядок проведения указанных мероприятий определяется законом. В статье 37 Конституции Республики Беларусь находит отражение участие граждан в принятии решений (граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами).

Пункт 3 в классификации Я. Теорелла отображен в следующей конституционной норме: «в порядке, установленном законодательством, граждане Республики Беларусь принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях [2].

На данный момент с реализацией отдельных конституционных норм общественного участия на территории Беларуси наблюдаются некоторые трудности. Например, с момента принятия Конституции Республики Беларусь не было проведено ни одного местного референдума. Предположим, это связано с тем, что проведение местного референдума в Беларуси носит разрешительный характер, в то время как в большинстве стран - уведомительный. К примеру, два случая местных референдумов на территории Германии в 2015 году, поводом которых были проведение Олимпийских игр. Оба референдума выявили нежелание граждан принимать Олимпийские игры 2022 и 2024 годов. Жители Мюнхена и Гамбурга сочли не целесообразным проведение олимпиады преимущественно на территории этих городов, хотя власть города хотела и была заинтересована в проведении данного мероприятия. Это наглядно демонстрирует нам процесс общественного участия граждан в деятельности своей страны.

Общественное участие в дискуссиях является наиболее сложной формой выражения общественного участия по ряду причин. Одной из основных причин является низкий уровень политической грамотности населения и отсутствие политической заинтересованности у всех слоёв населения.

Публичное обсуждение или общественное участие неразрывно связано с информационно-коммуникационными технологиями. В 2020 году развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет в полной мере организовать процессы публичного обсуждения и общественного участия. Одной из таких технологий является общественное бюджетирование.

Примером общественного бюджетирования является, например, совместное бюджетирование. Совместное бюджетирование (participatory budgeting) – это процесс управление бюджетными средствами, при котором деньги расходуются в соответствии с общепринятым решением. В обсуждении принимают участие не только прямые управляющие, ответственные за распределение, но и общественные группы, выступающие в роли потребителей благ [3].

Рассмотрим совместное бюджетирование на примере города Тарту в Эстонии. Тарту стал первым городом в Эстонии, в котором часть бюджета города была доверена местным жителям. Горожане могли решать судьбу 140 000 евро, что составляло около одного процента инвестиционного бюджета Тарту. Основная цель проекта заключалась в том, чтобы в сотрудничестве с городским муниципалитетом и горсоветом была разработана подходящая модель «народного бюджета» для Тарту, создано точное описание процесса, а также обеспечены соответствующие консультации как для самого процесса, так и его коммуникации общественности. Суть заключалась в том, чтобы каждый житель города мог предложить свою идею для реализации в рамках пользы для общественности и города в целом. Поданные заявки рассматриваются специалистами, схожие идеи объединяются, каждая идея получает оценку предварительной стоимости и возможности реализации. Следующим этапом является представление проектов на сайте города, затем идет голосование. Важно отметить, что принимать участие в голосовании могут лица официально проживающие на территории Тарту и старше 16 лет, также не один проект может быть реализован, так как идёт рейтинговая система голосования. При достаточном количестве средств в бюджете может быть реализовано более двух проектов [4]. Таким образом, в совместном бюджетировании можно выделить массу плюсов. Во-первых, демократизация, народ непосредственно выбирает, что следовало бы сделать в первую очередь. Во-вторых, понижает уровень коррупции, ведь все лица заинтересованы в повышении своего качества жизни, также максимальная прозрачность такой модели способствует снижению коррупции.

Однако справедливо полагать, что совместное бюджетирование, как одна из форм общественного участия имеет и свои недостатки:

1. Мнение большинства может являться ошибочным и более подходящий проект не будет реализован в первую очередь, что может привести к небольшим разногласиям, но как показывает семилетний опыт, такого еще не случалось.

2. Манипулятивное участие: Фикция. Представителей общественности как бы включаются в официальные комиссии, но на деле они не избраны и не имеют реальных полномочий.

3. Пассивное участие: Людям сообщают готовое решение. Одностороннее информирование со стороны администрации или представителей проекта без выслушивания реакции.

4. Участие в консультациях: Внешние специалисты определяют вопросы, на которые люди должны отвечать, и формат консультаций, в которых они должны участвовать. Они же контролируют анализ и выводы. Процесс не позволяет участвовать в принятии решений, специалисты не имеют обязанностей по включению позиций граждан в решение.

5. Участие за вознаграждение: Люди участвуют своим трудом взамен за еду, деньги или иное материальное вознаграждение. Фермеры могут предоставлять поля для экспериментальных программ, но не участвуют в экспериментах и в процессе познания. Хотя это называют участием, но на деле люди не участвуют в распространении инноваций, когда заканчиваются материальные стимулы [5].

Важным аспектом общественного участия в эпоху информационного общества является работа с технологией Big Data. Big Data – это различные подходы и методы обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объёмов, чтобы их использовать для конкретных задач и целей. В свою очередь, развитие технологий структурирования больших данных непосредственно связано с развитием общественного участия и бюджетирования [6].

Подводя итог, общественное участие играет ключевую роль в формировании демократичной политики государства и в его дальнейшем управлении. Однако конкретные формы и механизмы такого участия, их институциональная поддержка и эффективность во многом зависят от интерпретации данного понятия. Признание множества форм общественного участия и проблем, возникающих при переходе от индивидуального участия к коллективные действия, является важным шагом на пути перехода от формальных,

имитационных практик диалога гражданского общества и государства к более полным, содержательным и равноправным, соответствующим задачам современного общества. Этот процесс, несомненно, будет проходить с течением определенного времени, но повышая политическую и информационную осведомленность субъектов общества можно добиться результата куда быстрее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Teorell J. Political participation and three theories of democracy: A research inventory and agenda // European Journal of Political Research. 2006. – V.45. – P.787 – 810.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 29.09.2020.
3. Participatory Budgeting Project» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://te-st.ru/2013/03/29/participatory-budgeting-project/>. – Дата доступа: 29.09.2020.
4. Совместное бюджетирование города Тарту [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ega.ee/ru/project/sovmestnoe-byudzhetirovaniye-goroda-tartu/>. – Дата доступа: 29.09.2020.
5. Карпов, А.С. Формы общественного участия в принятии решений // А.С. Карпов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docplayer.ru/26500318-Formy-obshchestvennogo-uchastiya-v-prinyatii-resheniy-a-s-karpov-direktor-centra-ekspertiz-ekom.html>. – Дата доступа: 29.09.2020.
6. Ананкин С.В. Современное понимание общественного участия в политической науке [Электронный ресурс] // С.В. Ананкин – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-ponimanie-obschestvennogo-uchastiya-v-politicheskoy-nauke/viewer>. – Дата доступа: 29.09.2020.

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

К.К. ДЖАЯСИНГЕ
(Представлено: А.С. ВАЛЕВКО)

Институт гражданско-правовой ответственности является одним из основных направлений в развитии современного законодательства. Вопросам гражданско-правовой ответственности уделяется большое внимание со стороны правоприменительной практики. Основной функцией понятия ответственности служит определение правового статуса органов публичной власти. В данной статье мы рассмотрим понятие морального вреда и установление ответственности государственных органов, в причинении вреда гражданам.

Ответственность прежде заключается в изыскании проблематичных аспектов, которые в последующем важны для рассмотрения дел, противоречащих её содержанию. Рассматривая статью 64 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении»: орган местного управления несет серьезность, основанную принятии своих решений [2]. Так, еще Г. Еллинек обосновывал тезисы о том, что «субъектам в большом объеме предлагаются средства правовой защиты для реализации их публичных прав. Служащие государства несут гражданскую ответственность, могут нести и уголовную; далее государство несет также ответственность, как если бы оно было субсидиарно ответственно, как если бы оно было на месте служащего, несмотря на имеющиеся ограничения такой ответственности», а также что «любое общественного вида притязание на правовую защиту, публичный характер имеет также притязание, упра-мочивающее к подаче гражданского или административного иска, а равно и административная жалоба, притязание на защиту и учет интересов субъекта» [4]. Анализируя мнение автора, акцентируется внимание на специфику проблемы возмещения вреда, а также возложение обязанности на государство возмещать вред, причиненный гражданам. Вред, нанесённый гражданину или юридическому лицу вследствие преступных действий государственных органов, органов местного управления и самоуправления либо должностных лиц этих органов, в итоге издания не соответствующего законодательству акта правительенного органа или органа местного управления и самоуправления, подлежит возмещению. Ущерб возмещается за счёт казны Республики Беларусь или казны административно-территориальной единицы, согласно ст.938 ГК (далее-Гражданского кодекса Республики Беларусь) [1].

Ответственность исходит прежде всего из доставления государственными органами морального вреда гражданам, требующего установленной законодательством компенсации. Учитывая ст. 152 ГК (далее – Гражданского кодекса Республики Беларусь) моральным вредом являются доставленные гражданину материальные или душевые страдания. Под физическими страданиями понимают физиологическую боль, влекущую многофункциональное расстройство организма, изменения в эмоционально-волевой сфере, иные отклонения от обычного состояния здоровья, выражющиеся последствием действий (бездействия), посягающих на нематериальные блага или имущественные права гражданина.

Нравственные страдания, как правило, выражаются в ощущениях страха, стыда, унижения, а равно в иных неблагоприятных для человека в психологическом аспекте переживаниях, связанных с утратой близких, потерей работы, раскрытием врачебной тайны, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, с ограничением или лишением каких-либо прав граждан. В п.8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.09.2000 № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» (далее – постановление Пленума № 7) сказано о полном отражении морального вреда, приносящему гражданину страдания [3].

Касаемо компенсации ущерба согласно п. 3 постановления Пленума № 7 сказано, что моральный ущерб подлежит компенсации во многих случаях, связанных с причинением действий, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на относящиеся к нему от рождения или в силу акта законодательства некоторые нематериальные блага. Признаком компенсации нравственного ущерба представляются направление на получение денежной суммы для создания у лица позитивных эмоций, что позволили погасить результат влияния на психику перенесенных ранее страданий. Условие о компенсации морального вреда не связано с неблагоприятными изменениями в имущественном положении гражданина и не направлено на его восстановление. Именно в этом и заключается особенность разрешения исков о компенсации морального вреда.

Обсуждая важность специфики установления гражданско-правовой ответственности государственных органов следует учесть, что определение размера причиненного гражданам вреда является основным

свойством в рассмотрении понятия морального вреда. Характеризуется она через реальное и правомерное поведение субъекта, способствует одобрению государства и применением мер поощрения. Как было отмечено ранее, ответственность является правовой функцией, обеспечивающей правопорядок и законность интересов граждан и юридических лиц.

Таким образом, понятие морального вреда и установление размера компенсации за ущерб, причиненный органами государственной власти гражданам служит системообразующим фактором в установлении гражданско-правовой или иной ответственности государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О местном управлении и самоуправлении : Закон Респ. Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З : с изм. и доп. от 18.12.2019 г. № 273-З. – Минск : Амалфея, 2020. – 85 с.
3. О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 28 сентября 2000 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Еллинек, Г.Д. Право современного государства : учеб.-метод. пособие / Г.Д. Еллинек. – СПб : Астрель-СПб., 2016. – 134 с.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ГРАЖДАНАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К.К. ДЖАЯСИНГЕ
(Представлено: А.С. ВАЛЕВКО)

Обязательства, образующиеся из-за причинения ущерба – основополагающий институт обязательственного права, внедоговорная модель гражданско-правовой ответственности. Как самостоятельный институт обязательства вследствие причинения вреда получили закрепление в ст. 933–970 Гражданского кодекса Республики Беларусь. В данной статье мы рассмотрим правомерное и неправомерное причинение государственными органами вреда гражданам.

Причинение вреда другому лицу является основанием возникновения гражданских прав и обязанностей, согласно ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Следует отметить, что в п. 2 ст. 288 ГК говорится о возникновении обязательств вследствие причинения вреда.

В соответствии со ст. 933 ГК, характеризующей общие начала ответственности из-за нанесения ущерба, ущерб, доставленный личности или имуществу гражданина, а также ущерб, доставленный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном размере лицом, доставившим вред. Законодательством возлагается обязанность по возмещению вреда лицу, который не может быть причинителем вреда и устанавливается обязанность причинителя ущерба произвести выплату компенсацию потерпевшим больше возмещения вреда. Лицо, нанесшее ущерб, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законодательством регламентировано возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законодательством. В возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя не нарушают нравственных принципов общества [2].

Специальные принципы определены Гражданским кодексом Республики Беларусь касаемо нанесения ущерба, доставленного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. Согласно ст. 935 ГК не может быть возмещен вред, доставленный в состоянии необходимой обороны, если отсутствовало превышение ее пределов. Исходя из ст. 936 ГК регламентировано, что ущерб, нанесенный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, нанесшим ущерб.

Руководствуясь статьей 152 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, установив лицо, несущее материальную ответственность за вред, причиненный преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого, в случае предъявления гражданского иска в ходе производства по уголовному делу орган, ведущий уголовный процесс, признает это лицо гражданским ответчиком [3].

Гражданским ответчиком является физическое или юридическое лицо, на которое в силу закона и в связи с предъявленным в ходе производства по уголовному делу иском возлагается ответственность за действия обвиняемого, нанесшего ущерб в следствие совершения общественно опасного деяния.

Исследуя обширную судебную практику по вопросам возмещения вреда, причиненного налоговыми органами, органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда следует заметить, что перечисленные примеры относятся к случаям причинения вреда незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц.

Объектом исследования в данном случае будет причинение вреда правомерными действиями государственных органов. Данными действиями являются тушение пожара, задержание лица, совершившего преступление, ликвидацию последствий террористического акта. Эти действия для должностных лиц составляют их служебные обязанности, они не только правомерны, являются обязательными для исполнения.

Представлено, что ущерб, нанесенный правомерными действиями государственных органов, возмещению не подлежит. И если анализировать гражданское законодательство, логичным является вывод о принадлежности возмещения данного ущерба.

Концепция, которая гласит, что государство обязано возмещать ущерб, доставленный правовым интересам гражданина, находит свое проявление во многих доктринах по исследуемой теме.

В практике гражданского законодательства Н.Д. Эриашвили, исследовав понятие «правомерного причинения вреда» пришел к выводу, что для того, чтобы вред действительно считался правомерным необходимо наличие определенных условий, установленных в гражданском законодательстве [5].

Следует отметить то, что обоснованное нанесение ущерба представляется невозможным в форме бездействия. В данном случае, противоправное бездействие представляет собой неисполнение лицом возложенной на него обязанности совершения ее конкретным образом. Учитывая предпочтение общественных интересов и целенаправленности совершения определенных действий государственные органы и их должностные лица тем самым доставляет вред [4].

Можно сделать вывод, что реализация принципа абсолютного возмещения ущерба, в данном контексте не может быть возможна, так как они причиняются правомерным путем. По этой причине стоит говорить «компенсации» ущерба, а не о «возмещении». Возмещение предполагает полное восстановление положения, существовавшего до причинения вреда, оно возможно, как в натуре, так и посредством денежной выплаты. Компенсация же – всегда денежная выплата и применяется в том случае, когда нет возможности натурального восстановления положения. (т.е. имущественный вред возмещается, а моральный компенсируется). Компенсация также возможна и не в полном объеме. Законом могут быть предусмотрены компенсационные выплаты в том или ином случае в определенном размере.

Конституция Республики Беларусь устанавливает для государственных органов и должностных лиц с учетом их компетенции конкретную обязанность по принятию значимых мер для юридической защиты прав и свобод личности, такой порядок учтен в статье 59. Данные органы призваны нести ответственность за действия, которые в наибольшей степени нарушают права и законные интересы граждан. Касаемо гражданского и уголовного законодательства Республики Беларусь предусматривается выплата компенсации за вред, нанесенный незаконными действиями(бездействием) государственных органов [1].

В силу статьи 938 Гражданского кодекса Республики Беларусь вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного управления и самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления, подлежит возмещению.

Основания и порядок возмещения вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, регламентированы главой 48 УПК и ст. 939, 969 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Следует отметить, что вопросы ответственности за причиненный при производстве по уголовному делу вред в приведенных нормативных правовых актах разрешаются не единообразно. Отсутствие единства мнений относительно юридической природы и отраслевой принадлежности права на возмещение вреда приводит на практике к возникновению широкого круга вопросов, которые на законодательном уровне до настоящего времени не разрешены.

Статья 460 УПК предусматривает, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в психиатрический стационар, осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, возмещается государством в полном объеме независимо от вины лица, производящего дознание, органа дознания, следователя, прокурора, других должностных лиц либо суда. Нормы же ст. 939 и 969 ГК содержат более широкий перечень оснований, который включает в том числе, незаконное привлечение в качестве обвиняемого и незаконное применение в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении.

В свою очередь, ч. 2 ст. 460 УПК устанавливает обязанность органа, ведущего уголовный процесс, при наличии оснований, предусмотренных ч.1 ст.460 и соответствующими статьями ГК, в случае признания его действий и решений незаконными принять меры по возмещению физического, имущественного и морального вреда, причиненного физическому лицу, и по восстановлению нарушенных трудовых, пенсионных, жилищных, иных личных неимущественных прав физического лица, а также по возмещению имущественного вреда и восстановлению деловой репутации юридического лица. Следовательно, вред, причиненный в результате незаконных действий, перечисленных в п. 1 ст. 939 ГК, также подлежит взысканию в порядке, установленном главой 48 УПК.

Отражая специфику насущной проблемы, права граждан формируют определенную базу для защиты своих интересов. Заключения местных Советов, исполнкомов, сдерживающие либо нарушающие права, независимость и правовое развитие граждан и в иных предусмотренных законодательством вариантах осуществляются, путем обжалования в судебном порядке.

Анализируя проблему отношений данного вида компенсации и компенсации морального вреда, рассматривается, что последний не подлежит возмещению, поскольку не охватывается понятием ущерб, что никак не ограничивает право на компенсацию морального вреда с лица, в результате неправомерных действий которого правомерными действиями государственных органов был причинен ущерб.

В заключение следует отметить, что гражданское законодательство в Республике Беларусь прежде всего сосредоточено на полной юридической защите граждан. Таким образом, правомерным считается ущерб в случае закрепления управомоченной на то нормы закона. Законодательство Республики Беларусь должно укрепить институт компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятами на респ. референдумах 4 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 48 с.
2. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Корень, Т.А. Компенсация морального вреда в гражданском праве Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юр. наук 12.00.03 /Т.А. Корень ; БГУ. – Минск, 2017. – 57 с.
5. Эриашвили, Н.Д. Основы гражданского права : учеб.-метод. пособие / Н.Д.Эриашвили. – Москва : ЮНИТИДАНА : Закон и право, 2017. – 244 с.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РЕКЛАМЕ: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К.С. ДОЛГАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье рассматривается нормы законодательства Республики Беларусь, которые имеют отношение к гендерной дискриминации через стереотипы. Предложена редакция нормы права путем введения нового понятия: «пропаганда формирования гендерных стереотипов».

Конституционное регулирование в Республике Беларусь содержит в себе ряд принципов, которые направлены на установление в государстве гендерного равенства во всех сферах общественной жизни. Основополагающей нормой при этом является ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) согласно которой утвержден принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью государства и общества [1]. Кроме этого, в соответствии с ч.1 ст. 14 Конституции гарантирован принцип равенства при регулировании прав между всеми социальными общностями, буквальное толкование которого означает равенство всех прав между такими социальными общностями, как женщины и мужчины. И основной нормой Конституции является положение ст. 22, в соответствии с которым в государстве установлен принцип равенства и запрет на проявление дискриминации по любому признаку, в том числе, и по гендерному.

Понятие гендерной дискриминации, которым оперирует международное законодательство, детально изложено в ст. 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [2]. Она разрабатывает правовую норму и переходит к признанию того, что специфические особенности женщин и их подверженность дискриминации требуют особых правовых норм, а не просто одинакового обращения с мужчинами и женщинами (гендерный подход).

В настоящий момент аспекты освещения гендерной дискриминации в рекламе становятся предметом исследования ряда неюридических наук, что, в свою очередь, является одной из предпосылок «торможения» правового регулирования данного процесса. В область юридических исследований попадают вопросы, связанные с гендерной дискриминацией в семейном, трудовом, уголовном праве. Средства массовой информации в этом ключе остаются «вне поля исследования юристов».

В современном мире мы часто сталкиваемся с гендерной дискриминацией через рекламу, однако, не придаём этому большого значения. Причем эта дискриминация происходит из-за сложившихся стереотипов в обществе. Следовательно, под гендерной дискриминацией в рекламе понимается настоящее нарушение прав и свобод человека на законодательном уровне, притеснение по половому признаку, благодаря которому именно мужчины имеют выигрышное положение по сравнению с женщинами. Существует принцип построения рекламы на гендерных стереотипах. Под гендерными стереотипами мы подразумеваем обобщенные представления об особенностях внешности и поведения различных гендеров, а также об ожидаемой от них социальной роли.

Законодательство Республики Беларусь в области рекламной деятельности представлено Законом Республики Беларусь «О рекламе» [3], Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О реализации Закона Республики Беларусь «О рекламе» (далее – Постановление) [4] и др. Отметим, что ни в одном из этих нормативных правовых актов не представлено нормативное понятие «образа по формированию гендерного стереотипа» и отсутствует запрет на такие образы во всех видах рекламы. Вместе с тем, современная рекламная продукция Республики Беларусь прямо свидетельствует о формировании гендерных стереотипов. К примеру, известная в Беларуси служба доставки продуктов на своем сайте tenu.by разместила рекламу, на которой изображен мужчина в шлеме на мотоцикле с пиццей в руках. Еще пример. На сайте белорусского автомобиля Geely размещено рекламное фото автосервиса, на котором представлены только мужчины.

Исходя из имеющихся конституционно-правовых норм охранительного характера формирование такого рода гендерных стереотипов не запрещено законодательством Республики Беларусь. Интересно отметить, что согласно вышеуказанному Постановлению имеется утвержденное Положение о порядке размещения (распространения) на территории Республики Беларусь рекламы продукции, товаров, работ, услуг, производимых на данной территории [4]. Обратим внимание, что нормы данного Положения направлены на развитие общих норм права, представленных в Законе Республики Беларусь «О рекламе». В то же время в Положении не определены характеристики, отражающие запрет на размещение рекламы по ряду признаков, в частности, формирующих гендерные стереотипы. В частности, в Положении определены требования относительно содержания рекламы о конкретном товаре, работе или услуге, определены

условия, согласно которым реклама должна осуществляться с привлечением организаций или граждан и другие аспекты. На основании этого считаем необходимым дополнить данное положение пунктом 41 и изложить норму в следующей редакции: «Запрещается рекламирование товара, работы или услуги, произведенных на территории Республики Беларусь с использованием образов мужчин и женщин, направленных на формирование гендерных стереотипов в обществе». Предложенные нами изменения будут способствовать развитию положений п. 3 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О рекламе» в части определения понятия «неэтичная реклама».

Кроме этого отметим, что принято профильное Постановление Министерства культуры Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения», которым вводятся на нормативный уровень определения такого рода рекламы [5]. Именно данное Постановление следует считать профильным в сфере установления запрета на формирование гендерных стереотипов, поскольку сфера просвещения о гендерном равенстве находится в области уровня развития правовой культуры населения, развитие которой является одним из направлений деятельности Министерства культуры Республики Беларусь.

Считаем необходимым в рамках данного Постановления определить понятие «пропаганда формирования гендерных стереотипов», под которым необходимо понимать самоцельную демонстрацию образов мужчин и женщин в рекламе, устанавливающих их социальные роли в обществе». Данной редакцией нормы права предлагается дополнить ст. 1 вышеуказанного Постановления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятими на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 18.12.1979 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О рекламе [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2017 г. № 52-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. О реализации Закона Республики Беларусь «О рекламе» [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 12 ноября 2007 г. № 1497: в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 23.09.2015 № 797 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Об утверждении Инструкции о порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения [Электронный ресурс]: Постановление Министерства культуры Республики Беларусь, 13 апреля 2000 г. №8П: в ред. Постановления Министерства культуры Респ. Беларусь от 02.03.2015 №7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 342

СЕКСИЗМ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕКЛАМЕ

К.С. ДОЛГАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В данной статье приводится проблема, а также примеры сексизма и гендерных стереотипов в рекламе Беларуси, а также зарубежных стран. Проведенное исследование доказывает, что образ женщины, представленный в рекламных текстах, изменяется в зависимости от целевой направленности рекламы и потребительской аудитории.

В настоящее время в традиционной культуре происходят качественные изменения, касающихся стереотипных гендерных представлений.

Процесс принятия гендерной идентичности, навязывания стереотипов всегда предполагает осознание и усвоение предлагаемых семьяй, затем обществом определенных гендерных норм и правил поведения. Среди элементов, участвующих в процессе усвоения гендерных стереотипов, особенно с развитием в настоящее время информационных и компьютерных технологий, необходимо назвать и средства массовой информации.

СМИ для современного информационного общества являются одним из основных механизмов трансляции, это орудие, с помощью которого происходит воздействие на подсознание социальных индивидов. С помощью специальных методов подсознательного воздействия средства массовой информации диктуют готовые, но скрытые в разнообразном потоке новостей схемы осмыслиения социокультурного и гендерного поведению Человек автоматически воспринимает их и не осознанно им следует. Он просто не способен устоять перед подобным воздействием, так как от природы подвержен влиянию, внушению и не может контролировать направленное на него внешнее воздействие. Все это приводит к выработке стереотипных представлений.

Белорусское законодательство содержит нормы, которые обеспечивают равную доступность как мужчин, так и женщин к определенному виду деятельности. Так, ст. 22 Конституции Республики Беларусь предусматривает, «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Ст. 44 Конституции Республики Беларусь «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда».

Также нужно учитывать и то, что Конституцией Республики Беларусь предусмотрено, что «женщины и мужчины, взрослые и несовершеннолетние имеют право на равное вознаграждение за труд равной ценности», недопустима дискриминация по половому признаку при оплате труда [5].

На наш взгляд немаловажным остается также тот факт, что Конституция Республики Беларусь закрепляет нормы, касающиеся уважения достоинства, прав, свобод, и законных интересов других лиц (ст. 53).

Вводя новые рекламные принципы, Великобритания присоединяется к таким странам, как Бельгия, Франция, Финляндия, Греция, Норвегия, Южная Африка и Индия, которые уже имеют соответствующие законы, направленные на предотвращение гендерной дискриминации в объявлениях. В Норвегии, например, с 1978 года действует закон, запрещающий сексизм в рекламе. Испанский закон о борьбе с гендерным насилием 2004 года запрещает показывать в рекламе унижающие достоинство изображения женского тела, а австрийские кодексы считают изображения, которые демонстрируют сексуальность человека, дискриминационными.

Гендерные отношения в рекламе имеют довольно узкий аспект. Женский образ наиболее распространен и желаем. Именно женщина под силу привлечь внимание, соблазнить, побудить к приобретению рекламируемого объекта. Женщина в роли соблазнительницы заигрывает, искушает, привлекает посредством своего тела, словом, оказывает сильное влияние на психику зрителя, который, используя воображение, самостоятельно может додумать рекламное действие. Зритель словно втягивается в определенное действие с участием рекламируемого объекта.

Успех рекламы зависит от обращенности к устоявшимся гендерным конструктам и стереотипам, к неосознанным на рациональном уровне шаблонам нашего восприятия межполовых отношений мужчины и женщины [1]. В рекламе женщина представляется и в более стереотипной, традиционной для нее и окружающих ролей. Удел женщины – домашнее хозяйство и воспитание детей, плюс ко всему этому забота о мужчине. Типичные стереотипный женский образ, изображаемый в рекламе, обладает рядом черт, связанных с социальными и коммуникационными умениями, с излишней эмоциональностью, с нацеленностью на удовлетворение потребностей как мужчины, так и семьи в целом.

Мужской образ представлен также вариативно, как и женский, составляет ему серьезную конкуренцию в презентации рекламной продукции. Мужчина, в отличии от женщины, обремененной домашними делами, воспитанием детей, вынужденной занимать низкооплачиваемые должности, более свободное, сломов, социально неограниченное существо. Ему в рекламном ролике приписывают характеристики, присущие идеальному мужчине, – стабильность, профессионализм, престиж, активность, авторитетность, независимость.

Можно отметить, что идеальные образы как мужчины, так и женщины предстают в достаточно стереотипной форме. Это позволяет отметить, что гендерные стереотипы, закрепленные за ними в обществе, прочно укрепились и в рекламной практике. Они свидетельствуют, что идеальная женщина должна быть семейной, домашней, заботливой, параллельно с этим она должна быть симпатичной, нежной, доброй. Вдобавок ко всему женщина должна быть трудолюбивой и умной, но не умней мужчины. Мужчина отмечен в рекламе и в массовом сознании как сильный, независимый, выносливый. Таким образом мы видим, что идеальный образ мужчины и женщины, господствующий в общественном мировоззрении, полностью совпадает с их рекламными прототипами. Следовательно, стереотипизированные образы, репрезентируемые в рекламе, влияют на формирование идеальных образов и отношений у представителей современного социума.

Стереотипные представления, касающиеся идеальных образов мужчины и женщины, способствуют распространению гендерного неравенства. Доминирующее положение отдано мужчине, а женщине – наоборот, подчиненное.

Реклама достигла пика популярности в 50–60 годы XX века, тогда миром рекламы «правили» мужчины, которые активно использовали в производстве контента сексуальные мотивы. В рекламных сообщениях этого периода мы можем явственно увидеть отражение сексистских представлений того времени. Например, реклама кетчупа «Alcoa Aluminum» от 1953 года, сообщение которой гласит: «Вы имеете в виду, что даже женщина сможет открыть эту бутылку?». Или же реклама кофе «Chase & Sanborn Coffee», на которой мужчина поднимает руку на женщину, потому что она не купила в дом новый бренд кофе, чтобы его распаковать.

В связи с рекламным бизнесом можно утверждать, что реклама направлена именно на мужчин и женщин, а не на абстрактного потребителя. По мнению создателей рекламы, мужчина и женщина представляются в сознании людей как субъекты, которые должны обладать определенными наборами качеств, навыков и умений и т. п. Поэтому, создавая рекламу, рекламодатели заранее знают, кто должен будет рекламировать тот или иной вид товара: женщина или мужчина.

В начале 1990-х годов, после распада СССР, в связи с развитием коммерческой рекламы произошла сексуализация женского образа. И создатели рекламы в России стали активно использовать все те принципы, что использовали ранее западные рекламисты. Это можно отнести к одной из причин, почему подобные сексистские образы до сих пор присутствуют в рекламном поле России. Ведь они появились в нашем распоряжении относительно недавно в сравнении с другими развитыми странами, тем более, что до сих пор далеко не во всех странах Европы запрещена подобная реклама (но, несмотря на это, сейчас в развитом обществе она смотрится грубо и неуместно). Современные издания (например, «Wonderzine», «Meduza» и др.) пишут о том, что подобную рекламу 50–60-х годов сразу же запретили, если бы она вышла сегодня. Однако многим российским (и зарубежным) компаниям удается удивлять похожим контентом до сих пор, создавая рекламные ролики, плакаты и сообщения, дискриминирующие различные социальные группы. «Австрийские исследователи М. Маршик и Й. Дорер в работе «Сексизм в рекламе: пол, реклама и потребление» приходят к выводу, что реклама практически не изменилась за последнее время – те же сюжеты, те же сценарии» [3, с. 54]. Одним из значительных достижений в сфере рекламы в Беларусь было принятие в 2007 году закона «О рекламе», в который было включено множество важных пунктов, например, перечисление товаров, реклама которых не допускается, защита несовершеннолетних в рекламе, ответственность за нарушение законодательства о рекламе и другое [4]. Незащищенными в законе о рекламе остались различные дискриминируемые социальные группы. Одним из видов дискриминации, который на законодательном уровне не запрещен в рекламе в России, является сексизм – и это несмотря на то, что в Конституции России закреплена норма равноправия полов.

В августе 2017 года вышла российская реклама американской компании глобальной сети ресторанов быстрого питания Burger King. Мы исследовали данную рекламу, потому что в России по всей стране открыты рестораны данной компании по франшизе. Видео-ролик под названием «Нежные грудки в новом Чикен Филе от Бургер Кинг!» рассказывает о том, как девушка заказывает два бургера «Чикен Филе», а затем направляется к своему столику. Во время этого камера снимает вид на уровне женской груди, а парень, сидящий за соседним столиком, показательно смотрит на девушку. Рекламный слоган в видео-ролике звучит следующим образом: «Нечего плятиться на чужие грудки, когда прямо перед тобой натуральная грудка пятого размера» (подразумевается размер куриного мяса). Скриншот из рекламного видео-ролика компании «Burger King» Следующий пример – реклама от «Альфа-банка» в 2013 году. Слоганы кампании: «Купил “немку”? Застрахуй ее быстро и без прелюдий!» – это игра слов с пошлым подтекстом, намекающая на покупку сексуальных услуг и удовлетворение только личных сексуальных предпочтений

без учета желаний партнерши. При этом на баннерах изображены девушки, одетые в национальные костюмы, хотя речь в рекламном сообщении должна идти о машинах.

Опрос общественного мнения, проведенный газетой «Le Monde», показал, что более половины женского населения Франции не хотят больше быть только сексуальным объектом. Известная французская актриса Жюльет Бинош в интервью корреспондентам газеты «Le Monde» выразила мнение большинства француженок следующим образом: «Женская красота – это прекрасно, но помимо внешности женщина обладает многими другими качествами. Женщина может не только привлекать мужчин, она еще умеет думать» [Le Monde, 2007]. Однако, несмотря на эти замечания образ «женщины-снобистки» не выходит в тираж. Приведем несколько наиболее ярких примеров: «Belle voiture pour la Belle (Красавицы выбирают БМВ, реклама автомобиля)»; «Aimer la reine-Choisir De beers (Любить королеву – значит выбирать De beers, реклама ювелирных украшений)»; «... Ta muse t'attend chez Maxim (Твоя муз ждет тебя у Максима, реклама ночного клуба)»; «Un regard de Guerlain-Un regard d'enchantresse» (Взгляд от Герлен очаровывает, реклама туши); «....Princesse de nuit (Принцесса ночи, реклама нижнего белья)»; «Ravissante? C'est pas tout. Avec Clarins je suis belle, belle comme un amour, même plus (Очаровательна? Этого недостаточно! С Кларанс я прекрасна как сама любовь, даже больше, реклама косметики)»; «Chanel – Bible de ta beauté (Шанель – библия твоей красоты, реклама косметики)»; «Mademoiselle Coco – un bise de déesse (Мадмуазель Коко – поцелуй богини, реклама духов)»; «La nuit tombe les garçon aussi. Allez les Filles! (С наступлением ночи все мужчины у ваших ног, реклама духов)». Здесь мы можем наблюдать рекламный образ привлекательной, активной, интересующейся всем новым женщины. При этом рекламируется не сам продукт, а нечто нематериальное: красота, молодость, престиж, самооценка, положительная оценка окружающих. Мы видим женщину, которая знает себе цену. Она любит и привыкла заботиться о себе. Кем бы она ни была простой домохозяйкой, многодетной мамой или ответственным работником, она всегда остается женщиной, способной привлекать к себе мужское внимание, побуждать мужчину на неординарные поступки.

Можно выделить несколько образов мужчин в рекламах:

– «успешный мужчина». Кажется, что, выступая в рекламной роли эксперта или клиента банка или владельца дорогого автомобиля, такой мужчина знает, чего он хочет в жизни, с успехом добивается или уже добился этого. Достигнув высокого статуса и профессионализма, он может обеспечить себя и свою семью. Он хорошо одет, сидит за рулем дорогой машины (один из важных показателей мужского успеха) или за столом в офисе раскрученной компании. В печатной рекламе фон, на котором изображен успешный мужчина, чаще всего нейтральный;

– «мачо – мужчина, обладающий стереотипными мужскими качествами – агрессивностью, авантюрой, прямолинейностью, брутальностью, ярко выраженной сексуальной привлекательностью. Мачо не только сексуален, он знает себе цену как герою-любовнику и знает толк в женщинах. Отсюда возникает вопрос: «Мачо тоже не плачут?»;

– мужчина-коллективист предпочитает работать с компаниями и отдыхать в кругу друзей. Так, в рекламе участвуют чисто мужские профессиональные коллективы шахтеров, рыбаков, военных. Мужчины отдыхают на рыбалке и охоте, болеют за свои команды и спортсменов в спортбарах за кружкой пива. В целом все эти сюжеты демонстрируют настоящую крепкую мужскую дружбу. (При этом резонно возникает вопрос – возможна ли такая же дружба между женщинами?).

В последнее время в рекламе появился мужчина-домохозяин, мужчина-отец, который занимается хозяйством, кормит и лечит детей, гуляет с ними, в то время как его жена находится на работе или отдыхает. Например, вспомним рекламу детского питания и слоган: «ФрутоНяня – помошь маме (и через небольшую паузу) и папе!». Как видим, и в этом случае мама стоит на первом месте, а папа – только на втором. Тем не менее, существует мнение, что четкое разделение рекламного пространства на женское и мужское перестает быть актуальным.

Рекламный персонаж «большой ребенок» появляется в рекламе все чаще, особенно в семейной рекламе. «Так, мужчина в рекламных сюжетах либо страдает от голода, и тогда женщина преподносит ему дымящуюся тарелку супа, либо он является жертвой неких агрессивных сил, атакующих его тело извне (например, простуды, бактерий, вызывающих неприятный запах, или же перхоти, засыпающей плечи его черного костюма)»². Короче говоря, большой ребенок требует заботы от окружающих и получает ее от других персонажей посредством рекламируемого продукта или, в крайнем случае, помогает себе сам.

Известная в Беларуси служба доставки продуктов на своем сайте menu.by разместила рекламу, на которой изображен мужчина в шлеме на мотоцикле с пиццей в руках. После чего можно задаться вопросом, а почему не женщина? Еще пример. На сайте белорусского автомобиля Geely размещено рекламное фото автосервиса, на котором представлены только мужчины.

Очень часто на белорусских сайтах размещаются фото и видео рекламы автомобилей, где женщина в купальнике возле машины, и сама машина для нее при этом рассматривается как предмет для фото,

что формирует стереотип о невнимательности женщин к техническим характеристикам машины. Заинтересовавшись данной темой, я наткнулась на сайт, где довольно ясно показано то, что женщина в кадре – это всего лишь ход маркетологов. Сексуальность – один из мощнейших и непреложных законов маркетинга. Вот и задаются вопросом, что же все-таки важнее в автомобильной рекламе женщина или автомобиль?

Сегодня вопрос по преодолению гендерного неравенства остается открытым. Анализируя белорусское законодательство и законодательство соседней страны – России, можно сделать вывод о том, что ни наше, ни российское законодательство не содержит в себе прямых запретов на формирование гендерных стереотипов в рекламе и это огромный минус, поскольку нет ограничения в понимании, что допустимо для показа общественности, а что нет.

Единственное, за что можно зацепиться, так это ч. 3 ст. 26 Закона «О рекламе», где мы можем признать рекламу ненадлежащей, по причине неэтичности. В данной статье предусмотрен пункт, говорящий о том, что неэтичной является реклама, которая содержит текстовую, зрительную и (или) звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы морали и нравственности, в том числе оскорбительные слова, сравнения, образы в отношении расы, национальности, внешнего вида, возрастной группы, пола, языка, профессии, социальной категории, религиозных, политических и иных убеждений граждан [4].

Но для решения гендерного конфликта, порожденного, на наш взгляд, влиянием гендерной традиции на современное взаимодействие полов, не следует стремиться к равенству везде и со всем. Женщине не к чему и не за кем будет стремиться вперед, а у мужчины – приверженца традиций исчезнет уверенность в себе. И снова все повторится и возникнут те же проблемы. Возможно, необходимо выработать уважение и терпимость полов по отношению друг другу, что поможет преодолеть гендерный дисбаланс в современном обществе. Исходя из этого, в законодательство требует внесения поправок касаемо распространения гендерных стереотипов посредством рекламы. Норма должна содержать ограничения, в которых будет запрещено сравнение мужчин и женщин исходя из бытовой сферы жизни, а также при трудоустройстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грошев, И.В. Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 171–186.
2. Петров, М. Гендерные образы и стереотипы современной российской рекламы / М. Петров // Известия РГПУ им. А. Герцена, 2010. № 124. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-obrazы-i-stereotipy-sovremennoy-rossiyskoy-reklamy>. – Дата доступа: 22.09.2020.
3. Томская, М.В. Рекламная в гендерном измерении: Сб. обзоров «Рекламная коммуникация: лингвокультурный аспект» [Текст] / М.В. Томская ; отв. ред. Н.Н. Трошина // РАН ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания. – М., 2020 – 173 с.
4. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : в ред. Закона Респ.Беларусь от 17 июля 2017 г. № 52-З. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700225>. – Дата доступа: 20.09.2020.
5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.

УДК 342

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В РЕКЛАМЕ

К.С. ДОЛГАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье рассматриваются гендерные стереотипы, которые проявляются в рекламе для успешного продвижения товаров и услуг. Реклама настолько сильно вошла в нашу жизнь, что зачастую мы не осознаем всей серьезности ситуации. Повсюду транслируются определенные жизненные сценарии, которые уже закреплены в нашем сознании.

Понятие «дискриминация» неразрывно связано с понятием «права человека», так как по сути своей является основанием их нарушения или несоблюдения.

Так современные юридические словари дают следующее понятие: «Дискриминация – это ущемление прав государства, юридических лиц или граждан». Наиболее часто термин «дискриминация» означает ограничение или лишение права определенных категорий граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола, по религиозным и политическим убеждениям и др.

Понятие гендерной дискриминации, которым оперирует международное законодательство, детально изложено в ст. 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Она развивает правовую норму и переходит к признанию того, что специфические особенности женщин и их подверженность дискриминации требуют особых правовых норм, а не просто одинакового обращения с мужчинами и женщинами (гендерный подход).

Понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».

На наш взгляд, прежде всего стоит дать само определение понятия. Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь «О рекламе», реклама – информация об объекте рекламирования, распространяемая в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке [2]. Из этого можно выделить следующие признаки рекламы:

- реклама – это информация;
- распространяется любым способом, в любой форме и любыми средствами. Например, через социальные сети, такие как Instagram, ВКонтакте, YouTube, а также радио, телевидение, печатные издания, разнообразные билборды;
- направленность рекламы на неопределенный круг лиц;
- привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

В современном мире мы часто сталкиваемся с гендерной дискриминацией через рекламу, однако, не придаем этому большого значения. Причем эта дискриминация происходит из-за сложившихся стереотипов в обществе. Следовательно, под гендерной дискриминацией в рекламе понимается настояще нарушение прав и свобод человека на законодательном уровне, притеснение по половому признаку, благодаря которому именно мужчины имеют выигрышное положение по сравнению с женщинами. Существует принцип построения рекламы на гендерных стереотипах. Под гендерными стереотипами мы подразумеваем обобщенные представления об особенностях внешности и поведения различных гендеров, а также об ожидаемой от них социальной роли. Гендерные стереотипы мы можем поделить на множество групп.

Приведем некоторые из них:

- деление по внешнему виду. Данный стереотип акцентирует внимание на том, как должны выглядеть мужчины и женщины. Например, что женщина обязательно должна быть опрятной: носить макияж, использовать парфюм, брить до гладкости все части своего тела, а мужчины не могут замаскировать даже синяк на лице, и должны показывать свою «мужественность» небритостью; или же, что женщины должны носить юбки и платья, а мужчины – брюки и костюмы; что у женщины должны быть длинные волосы, а у мужчин – короткие; что розовый цвет – для девочек, а голубой – для мальчиков; женщина всегда символизирует спокойствие, а мужчина скорость, решимость, риск;

– деление по обязанностям. Один из самых распространенных стереотипов о том, что главная женская функция – это родить ребенка и построить семью, а затем вести домашний очаг, когда мужчина, в свою очередь, является добытчиком пищи, материального составляющего семьи. В повседневной жизни мы не часто

сталкиваемся с мужчинами, ведущими коляску, так как виной тому – стереотипы. Можно бесконечно приводить примеры таких ситуаций. Стоит отметить, что ряд зарубежных стран пошел по иному пути: по пути запрета гендерных стереотипов в рекламе. Так, в 2019 году в Великобритании запретили рекламу компании Volkswagen из-за гендерных стереотипов. Ролик, рекламирующий автомобили марки Volkswagen попал под правовой запрет, в котором запрещается использование гендерных стереотипов в рекламе. В данном ролике демонстрируются мужчина, спящий в палатке на отвесной скале, двое мужчин-астронавтов в космическом корабле, мужчина-атлет с протезом ноги, а в финале показана женщина, сидящая на скамейке рядом с коляской. В этой рекламе зрители увидели стереотип в том, что мужчины больше склонны к риску, а женщины всегда заботятся о детях;

– деление по характеру и качествам Данное стереотипное деление говорит о том, какими чертами характера и человеческими качествами должны обладать люди того или иного пола. Примеры: девушка всегда добрая, нежная, покорная и сентиментальная, а мужчина – грубый, агрессивный и независимый;

– деление по профессиональным навыкам и способностям. Это единственный из пунктов, который официально можно отнести не только к гендерным стереотипам, но к дискриминации, ведь существует список профессий, на которых нельзя работать женщинам. Отметим, что в трудовом законодательстве имеется норма, согласно которой «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека...». Но тут же появляется законодательное ограничение для женщин в Беларуси – список запрещенных профессий. На сегодняшний день в этом списке 181 позиция, что до сих пор является предметом спорных дискуссий. Посмотрев список, я не наткнулась на запрет, связанный с управлением легковых или грузовых автомобилей. Имеется лишь ограничение в управлении железнодорожных транспортных средств. Однако 24-летняя жительница Витебска, получив водительские права категории «В», а затем «С», столкнулась во время поиска работы с другим списком «неженских» профессий, который сформирован в «головах у работодателей».

Белорусское законодательство о рекламе абсолютного запрета на рекламу, в которой формируются гендерные стереотипы, не содержит. Есть один момент. Рекламу можно признать «ненадлежащей» по причине «неэтичности». И как оказалось «неэтичной» считается реклама, нарушающая общепринятые нормы морали и нравственности. И, по сути, это своеобразный «законодательный барьер», через который сложно переступить. Почему? Здесь все просто. Для белорусского общества такая ситуация по отношению к роли мужчин и женщин в управлении автомобилем считается общепринятой нормой, которую оно само и создало. А, следовательно, на «неэтичность» такого рода реклама претендовать не может.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что проблематика гендерной дискриминации на сегодняшний день не регулируется на законодательном уровне в полном объеме. Существуют различные виды распространения рекламы, благодаря которой у сегодняшнего поколения формируются стереотипы по половому признаку. Само понятие гендерной дискриминации в рекламе можно лишь вывести из определения самой рекламы и гендерной дискриминации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 18.12.1979 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О рекламе [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2017 г. № 52-З. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700225>. – Дата доступа: 15.09. 2020.

УДК 340

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

К.С. ДОЛГАЯ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается понятие и содержание соматических прав как нового поколения прав человека. Приводится классификация соматических прав, дается краткая характеристика их основных видов.

Права человека – это права, которые присущи каждому человеку в силу того, что он человек.

Что характеризует права человека? Права человека универсальны, а это значит, что они равнo применимы ко всем людям во всем мире. Каждый имеет право пользоваться правами человека, без каких бы то ни было различий в силу расовой или этнической принадлежности, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, инвалидности, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, рождения, имущественного или иного положения. Так же права человека неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Это означает, что различные права человека по существу связаны между собой и не могут рассматриваться по отдельности. Осуществление одного права зависит от осуществления многих других прав, и нет ни одного права, которое было бы важнее остальных. И, наконец, права человека неотъемлемы. Это означает, что их невозможно утратить, поскольку они имеют отношение к самому факту человеческого существования, они присущи всем людям. При определенных обстоятельствах действие некоторых из них, хотя и не всех, может быть приостановлено или ограничено.

Права человека имеют сложную структуру. Они обеспечивают различные сферы жизни человека. В соответствии с этим они подразделяются по различным наименованиям и категориям. Как известно в международной практике по времени возникновения выделяются три поколения прав. Основоположником данной классификации является чешский ученый К. Васак, который увязывал три поколения прав человека с тремя лозунгами французской революции «свобода», «равенство», «братьство». В итоге все права человека по этому признаку разделили на три поколения:

- первое поколение – личные и политические права, которые были провозглашены еще во времена Великой Французской революции и американской борьбы за независимость.
- второе поколение – это социально-экономические и культурные права. Их провозглашение и закрепление произошло в результате борьбы народов за улучшение своего положения.
- третье поколение – к нему относят коллективные права на мир, на здоровую окружающую среду, на развитие и другие.

В современной правовой науке и правоприменительной практике активно формируется новая как по содержанию, так и по формам и способам реализации группа прав и свобод, четвертое поколение прав человека, – соматические права.

Соматические права – это совокупность прав человека, предусматривающих признанную обществом и государством возможность свободно и ответственно принимать юридически значимые решения в отношении собственного тела при помощи достижений биологии, генетики, медицины и техники.

К числу соматических прав можно отнести право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, аборт, употребление наркотиков или психотропных средств, права человека распоряжаться своими тканями и органами, клонирование человека.

1. Право на смерть как наиболее существенная категория соматических прав человека, правомочие, после реализации которого обращение к другим не имеет смысла. Определение данного вида права дал А.А. Малиновский: это возможность (свобода) человека сознательно и добровольно в выбранный им момент времени уйти из жизни избранным и доступным ему способом [4, с. 24].

2. Права человека относительно его органов и тканей. Предметом дискуссий является вопрос о праве человека на свое тело до и после смерти и как часть этой проблемы – вопрос о праве на изъятый орган.

3. Сексуальные права человека. Данная категория прав включает в себя возможность искать, получать и передавать информацию, касающуюся сексуальности, сексуальное образование, вступление в брак, выбор партнера, возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет и др. [4, с.25].

4. Право на перемену пола. Основанием для данного права при его признании является заболевание транссексуализм, а юридическим – право на охрану здоровья. В случае признания данного права, государство вынуждено создавать и механизм его реализации.

5. Репродуктивные права человека. Е.В. Перевозчикова рассматривает репродуктивные права как права, связанные с реализацией различных аспектов продолжения рода (деторождения), в частности – с принятием решения о зачатии ребенка, с определением количества детей, интервалов между их рождением, с применением высоких репродуктивных технологий. Она рассматривает репродуктивные права в качестве разновидности личностных прав человека [5, с. 9–10].

6. Право на употребление наркотиков и психотропных веществ.

Без соматических прав правовой статут современного человека не воспринимается в полном объеме, так как происходит расширение возможностей человека по распоряжению своим телом. Однако данные распоряжения, изменение своей телесной субстанции, являются сложной правовой категорией. Проблемность исходит из несоответствия фактического применения этих норм в жизни научному и законодательному обеспечению.

На сегодняшний день законодательство не дает в полной мере ответа на правоприменение соматических прав, т.к. значительная часть соматических прав и свобод урегулирована достаточно ската, лаконично.

Основополагающим документом в указанной сфере является Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Уже в преамбуле подчеркивается значение достоинства человека, семьи и равных прав. Это провозглашено основой свободы, справедливости и всеобщего мира.

Согласно Всеобщей Декларации каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность (ст. 3); никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию (ст. 5); каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности (ст. 6).

В Республике Беларусь существуют отдельные нормативные правовые акты, которые касаются соматических прав. Например, ст. 23 Конституции Республики Беларусь определяет, что «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом», ограничение прав может быть обусловлено также необходимостью защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Закон «О здравоохранении», «Закон о трансплантации органов и (или) тканей человека», постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке забора органов и (или) тканей у умершего донора с момента констатации смерти», нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь и др. Однако существует ряд соматических прав и свобод, которые урегулированы весьма лаконично, например, права в сфере осуществления операций по пересадке органов и тканей, по изменению пола и др.

Существуют разные подходы к пониманию возникновения и генезиса соматических прав. Кто-то считает, что «появление каждого нового поколения прав человека обусловлено определенными серьезными изменениями в обществе, переменой мировоззренческих установок». Другие полагают, что «соматические права – часть естественных прав, при этом право на жизнь и право на смерть являются центральными». Никто не будет отрицать, что некоторые соматические права или их реализация стали возможными благодаря достижениям медицины, научно-техническому прогрессу, изменению общественной психологии, определенной коррекции морально-этических норм.

В современном обществе идет процесс определения содержания и пределов соматических прав, также видны противоречивые оценки представителей церкви, общественных организаций и отдельных лиц. Взывают новые вопросы о регулировании этих прав, например, допустимо ли разрешать употребление наркотиков или однополые браки и возможность усыновления (удочерения) детей такими парами. О.Э. Старовойтова считает, что «соматическая проблематика предполагает анализ сложных вопросов, связанных с реализацией и защитой прав человека и гражданина в их единстве». Безусловно, соматические права нуждаются в определении достойного места в системе прав человека, так как без них правовой статус современного человека не может восприниматься в полном объеме, поскольку происходит расширение возможностей человека по распоряжению своим телом как объектом собственности. Важность исследования соматических прав заключается в том, что речь идет не только о развитии конкретного человека, разрешении нравственных, философских, правовых, экономических, но и социальных вопросов, в том числе для обеспечения демографической безопасности. Поэтому должны приниматься акты, нацеленные на решение данной проблемы, в том числе и в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на resp. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.
2. Всеобщая Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/>. – Дата доступа: 26.03.2020.
3. Права человека : учеб. пособие / С.А. Балашенко [и др.] ; науч. ред.: С.А. Балашенко, Е.А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.
4. Лаврик, М.А. К теории соматических прав человека / М.А. Лаврик // Сибирский юридический вестник. – Иркутск : Юридический институт ИГУ. – 2005. – № 3. – 83–89.
5. Перевозчикова, Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Перевозчикова // Казань. – 2006. – 22 с.

УДК 340

ВЕГЕТАРИАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРАВ РЕБЁНКА

К.С. ДОЛГАЯ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается вегетарианство в контексте прав ребёнка. Анализируются пределы реализации таких соматических прав как добровольное голодание и вегетарианство, в т.ч. и родителями в отношении несовершеннолетних детей.

Республикой Беларусь ратифицирована Конвенция о правах ребенка, также Конституцией Республики Беларусь закреплены основные принципы по вопросам семьи и брака, они же получили развитие в законе Республики Беларусь «О правах ребенка» и в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье.

Каждый ребенок в нашей стране имеет право на жизнь в семье и воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства, защиту своих прав и законных интересов, выражение своего мнения при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы. Государство заинтересовано в гуманном отношении к ребенку, в создании ему материальных и духовных условий для развития и образования.

Конституция Республики Беларусь провозглашает, что забота о детях и их воспитание являются правом и обязанностью родителей. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию [1].

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье устанавливает, что родители несут ответственность за воспитание своих детей: они обязаны заботиться о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе (ч. 1 ст. 75). В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье говорится: если родители не выполняют и ненадлежаще выполняют свои родительские обязанности либо злоупотребляют ими, то защиту прав и охраняемых законом интересов детей осуществляют государственные органы, уполномоченные на то государством [2]. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» гласит: каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь. Государство защищает жизнь ребенка от любых посягательств [3] или (ч.1, ч.2 ст 4 указанного Закона).

Сегодня вегетарианство стало модной тенденцией. Взрослые не только сами активно отказываются от мяса, молочной продукции, но и прививают такой образ жизни своим детям. Вместе с тем в обществе также обсуждается проблема возможности вегетарианства детей или даже голодания. Как правило, таковое поведение ребенка идет от тех обычай и традиций, образа жизни, которых придерживаются его родители.

В соответствии со ст. 14 Конвенции о правах ребенка государства – участники уважают право ребенка на сохранение своей индивидуальности, свободу мысли, совести и религии, уважают права и обязанности родителей и в соответствующих случаях законных опекунов руководить ребенком в осуществлении его права о ребенке на сохранение своей индивидуальности.

Согласно Кодекса о браке и семье, каждый ребенок в нашей стране имеет право на жизнь в семье и воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства, защиту своих прав и законных интересов, выражение своего мнения при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы.

Таким образом, исходя из вышеуказанных принципов право на вегетарианство, право выбора родителей в пользу выбора вегетарианства в отношении, в том числе и своих малолетних детей, предусмотрено Законом и их этого следует, что государство не имеет права вмешиваться в выбор родителей, сделанный за своих детей.

Вместе с тем, государство заинтересовано в гуманном отношении к ребенку, в создании ему материальных и духовных условия для развития и образования.

Согласно ст. 19 Конвенции о правах ребенка государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения.

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье устанавливает, что родители несут ответственность за воспитание своих детей: они обязаны заботиться о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе (ч. 1 ст. 75). Аналогичная норма закреплена и ст. 27 Конвенции о правах ребенка.

Согласно ст. 661 Кодекса О браке и семье Республики Беларусь, при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями, опекунами, попечителями своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей, или злоупотреблении своими правами, или отрицательном влиянии на поведение детей,

или жестоком обращении с ними дети вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении четырнадцати лет – и в суд. Как установлено ст. 67 Кодекса О браке и семье, родители, опекуны, попечители несут ответственность за ненадлежащее воспитание и содержание детей в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Воспитание и содержание ребенка признаются ненадлежащими, если не обеспечиваются права и законные интересы ребенка, в том числе, если ребенок находится в социально опасном положении. Под социально опасным положением понимается обстановка, при которой не удовлетворяются основные жизненные потребности ребенка, в том числе потребность ребенка в пище.

Этот принцип направлен на уравновешивание принципа и невмешательства в выбор родителей и свидетельствует о возможности принудительной корректировки их поведения в случае нарушения прав ребенка, в том числе и при вегетарианстве, голодании. Если данные обстоятельства нарушают право ребенка на жизнь, на здоровые условия жизни, препятствуют его нормальному развитию, неблагоприятноказываются на его здоровье, дети могут быть изъяты из такой семьи, а родители лишены родительских прав, также к ним могут быть применены меры административной и уголовной ответственности.

Ограничение прав и свобод должно базироваться на общепринятых демократических принципах: объективной необходимости применения ограничений; соблюдения международных договоров в области защиты прав и свобод; недопустимости дискриминации по каким-либо признакам; недопустимости ограничения абсолютных прав и свобод. Очень важно соблюдать принцип соразмерности правомерно достичаемым целям.

Таким образом, несмотря на то, что соматические права по своей природе являются неотъемлемыми правами человека, не все из них относятся к категории абсолютных, в связи с чем могут быть ограничены. При этом возможные ограничения допустимы лишь в пределах территории государства, на которую распространяется его суверенитет. Право выбора вегетарианства как образа жизни в отношении несовершеннолетних детей остается за их родителями. Вегетарианство, безусловно, является правом каждого человека. Он вправе сам решать, когда и сколько ему есть, а также на определенный период отказаться от приема пищи вовсе. Однако в этом праве существуют и ограничения. Вегетарианство в отношении несовершеннолетних детей допустимо лишь в том случае, если оно не причиняет вред ребенку. При неисполнении своих обязанностей в отношении несовершеннолетних лиц, родители будут лишены родительских прав, а ребенка могут забрать из такой семьи. Но в случае отрицательных последствий для здоровья, которые возникли у ребенка или взрослого в результате голодания или вегетарианства, им все равно будет оказана бесплатная медицинская помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятymi на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. №278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред от 1 января 2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О правах ребёнка : Закон Респ. Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII // О правах ребёнка : сборник правовых актов по состоянию на 21 ноября 2012 года / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – С. 31–44.
4. Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI, 1993; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

П.А. КУЗНЕЦОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Статья направлена на исследование понятие и значение современной трансплантологии. В данной работе разбирается вопрос, касающийся функционирования и развития трансплантологии в Республике Беларусь.

Вопрос о трансплантологии и трансплантация органов и тканей является актуальным во всем мире. Для всех стран мира жизнь и здоровье человека является наивысшей ценностью. Медицина не стоит на месте и с каждым годом прогрессирует, развиваются новые медицинские технологии, также происходит большое количество операций по пересадке органов. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что в Республике Беларусь большое количество населения умирает от потери и повреждения различных органов и тканей: сердца, почек, легких.

Всеми вопросами о пересадки органов и тканей занимается такая наука как трансплантология [1]. Развитие трансплантологии как науки способствует развитию медицины и здравоохранения. Развитие трансплантологии указывает на уровень медицины в стране. Пересадка органов и тканей является единственным способом излечения самых опаснейших и смертельных болезней. Для многих людей трансплантация органов – это единственный шанс вернуть утраченное здоровье. Также трансплантация помогает вылечить практически любую болезнь или добиться длительной ремиссии и вернуться к полноценной жизни.

Сам процесс трансплантации является очень сложным и опасным процессом. Пересадка органов и тканей может осуществляться лишь тогда, когда точно известно, что другие медицинские способы и средства не могут гарантировать сохранение жизни пациенту. Если рассматривать трансплантацию органов и тканей с точки зрения теории, то пересадить можно любой орган. Но если же рассматривать этот вопрос на практике, то все на самом деле очень сложно. Так как при пересадке органов возникает большое количество проблем. К пересадке органов и тканей прибегают тогда, когда орган сам не может выполнять свои функции или же полностью отказал.

Последние десятилетия операции по пересадке органов вышли на новый уровень. Совсем недавно мы не могли даже представить, что возможно пересадить человеку орган и спасти ему жизнь. Становление трансплантации в Республике Беларусь началось относительно недавно. В 1970 году была совершена первая операция [2]. С этого момента и началось становление трансплантологии в РБ. В 2017 году Беларусь уже стала полноценным членом международного сообщества по обмену органами для трансплантации Foedus.

Интересен тот факт, Беларусь является лидером среди стран СНГ по трансплантации органов и тканей [2]. Исходя из этого, многие могут сделать вывод, что у нас много больных, но это не так. В Беларусь едут даже иностранцы для проведения операций. Это связано с тем, что стоимость операций по пересадке органов очень привлекательна. Качество белорусской медицины не уступает даже европейскому качеству.

Но развитие трансплантологии в нашей стране сопряжено с трудностями. Долгое время трансплантология регулировалась только соответствующими приказами Министерства Здравоохранения Республики Беларусь и инструкциями. И только 4 марта 1997 года был принят Закон «О трансплантации органов и тканей человека» [3]. Кроме данного закона можно выделить также ряд других актов, которые регулируют сферу трансплантологии. Тут можно выделить постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 31 мая 2007 года № 53 «Об определении перечня органов и тканей человека, подлежащих трансплантации и утверждении инструкции о порядке выдачи медицинского заключения о необходимости трансплантации», приказ Минздрава от 7 июня 2005 года № 311 «О некоторых вопросах организации органов человека для трансплантации». Также стоит отметить постановление Минздрава от 20 декабря 2008 года № 228 «Об утверждении Инструкции о порядке констатации смерти и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 2 июля 2002 г. № 47». Абсолютно все эти акты имеют важное значение, так как регулируют отношения между людьми, нуждающимися в органах и людьми, которые добровольно готовы пожертвовать свои органы.

Следует сказать, что Республикой Беларусь был взят подход, который закреплен в Международных правовых актах. Этот подход выражается в установке условий, при которых будет происходить подготовка и сама операция. Так, в Законе указано, что пересадка органов или тканей человека может быть произведена только тогда, когда другие методы недействительны и не могут помочь здоровью пациента. Следует понимать, что операции по пересадке органов являются самыми сложными и опасными в медицине. Именно поэтому, Закон установил порядок и условия проведения трансплантации. Требования законодателя к реципиенту и донору достаточно просты. Реципиент – это лицо, которому будут пересаживать

органы. Донор – лицо, которое жертвует свои органы для пересадки. Во-первых, должно быть взято письменное согласие донора и реципиента. Во-вторых, должно быть разъяснено о возможных последствиях. В-третьих, должна быть проведена обязательная медицинская проверка здоровья.

В мировой практике существует два юридически подхода к изъятию органов для трансплантации: презумпция согласия и презумпция несогласия. Презумпция согласия означает то, что человек при жизни выразил несогласие на забор органов, либо член семьи чётко выражает несогласие на забор органов. Презумпция согласия противоположна презумпции несогласия, гражданин при жизни даёт согласие на забор органов. Презумпция согласия и презумпция несогласия одобрены Всемирной организацией здравоохранения. Следует отметить, что принцип презумпции согласия более эффективный и популярный, так как соответствует целям трансплантации. В Республике Беларусь существует и законодательно закреплена презумпция согласия.

В Законодательстве Республики Беларусь, есть пробелы в сфере трансплантологии. Вопрос о ксенотрансплантации не получил должного освещения. Ксенотрансплантация – это пересадка тканей от животного человеку или от животного другому биологическому виду. Н.Н. Щетинин и А.В. Прохоров проводили исследования по вопросу ксенотрансплантации. И пришли к выводу, что данное направление поможет сделать трансплантологию более качественной. Учёные выделили следующие положительные моменты: сокращение расходов на пересадку органов и тканей, будет решён вопрос дефицита органов, не будет возникать проблем, связанных с религиями, которые не признают трансплантологию, выбор органа по размерам и по нужным характеристикам[4].

В отечественной трансплантологии есть как положительные факторы, так и отрицательные факторы. К отрицательным фактам можно отнести те проблемы, которые встречаются в процессе трансплантации. Важной правовой проблемой является необходимость повышения правового сознания населения в области трансплантации органов и тканей человека. Это связано с тем, что большинство населения государства не осведомлены достаточным образом о презумпции согласия на трансплантацию органов и тканей человека. Нужно постоянно пропагандировать пожертвование органов.

Также в РБ наблюдается проблема дефицита донорских органов. На первый взгляд может показаться, что эту проблему достаточно легко решить, нужно просто брать органы для трансплантации у погибших людей. Но не так всё просто, так как есть ряд причин, которые не позволяют брать органы для трансплантации: нравственные, организационные или религиозные причины.

Перспективной проблемой является пересадка тканей от животного к человеку – ксенотрансплантация [1]. Если удастся решить эту проблему, то трансплантология поднимется на более высокий уровень. Но следует понимать, что ксенотрансплантация в наше время очень плохо изучена. Существует опасность заноса инфекций в организм. И ксенотрансплантация может оказаться психологической проблемой для реципиента.

Вопрос о добровольном и безвозмездном донорстве тоже решается не всегда просто. Рассмотрим на наглядном примере: в Беларуси широко распространено донорство крови за определенное вознаграждение. И тут может появиться вопрос если донор получает вознаграждение за донорство крови, то почему он не получает вознаграждение за донорство органов.

В Беларуси происходит ежегодно большое количество успешных операций по трансплантации органов и тканей. Постоянно вводятся различные нововведения, которые в дальнейшем помогут усовершенствовать сферу трансплантологии. Трансплантология указывает на уровень развития медицины в стране. И по показателям Беларусь занимает лидирующие позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трансплантология. [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Трансплантология>. – Дата доступа: 10.04.2020.
2. Транспланталогія ў Беларусі.[Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://be.wikipedia.org/wiki/Транспланталогія_ў_Беларусі. – Дата доступа: 20.05.2020.
3. О трансплантации органов и тканей человека: Закон Респ. Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-З; в ред. от 18 июня 2019 г. № 199-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.06.2019, 2/2637. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=H19700028>. – Дата доступа: 10.05.2020.
5. Щетинин, Н.Н. Ксенотрансплантация в свете биомедицинских и психосоциальных проблем / Н.Н. Щетинин, А.В. Прохоров, С.И. Третьяк // Журнал «Медицинские новости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=1660>. – Дата доступа: 27.04.2020.

УДК 342

ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ

П.А. КУЗНЕЦОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Статья направлена на исследование понятие и значение соматических прав в современном обществе. В данной работе разбирается вопрос, касающийся функционирования и развития соматических прав.

Сейчас, в современном мире, все демократические государства устанавливают такую ценность как права и свободы человека. Безусловно можно утверждать, что сегодня нельзя наш мир представить без всевозможных прав человека, которые будут основаны на принципах равенства, свободы и справедливости. Представления о правах человека в современном обществе довольно разнообразны. Такое объясняется тем, что подходы к сущности и роли права человека неодинаковы. В связи с ускорением научно-технического прогресса, который предоставил человечеству возможность менять собственный организм, стала переосмысливаться система общечеловеческих ценностей. По этой причине начали выделяться такие права человека, как соматические (от греч. soma – тело).

В настоящий момент стало очень популярно говорить о новой концепции прав человека – соматические права. Их еще называют отдельные ученые четвертым поколением прав человека. Под соматическими правами подразумевается категория таких прав, которая основывается на свободе человека осуществлять любые действия и манипуляции со своим телом, т. е. свободно распоряжаться своим телом. Их появление обусловлено рядом факторов, главный из которых: возрастает внимание и отношение людей на права, связанные со здоровьем.

Данные права отметились в юридической правовой литературе в качестве самостоятельной группы прав и свобод и стали одним из новых направлений в юридической науке, такое произошло не так давно: 2-я половина XX в., вызвав при этом бурную научную дискуссию. Интересен и тот факт, что, вроде как мы и живём в продвинутом, технологичном мире и толерантном мире, однако до сей поры большинство из прав, упомянутых выше, вызывают общественный резонанс. Такое обусловлено правовыми и этическими проблемами, связанные с возможностью или невозможностью, допустимостью или недопустимостью их практической реализации [1].

Термин «Соматические права» появился в юридической науке не без труда В.И. Круса. Он утверждал и обращал внимание на то, что человек сам вправе решать, как ему распоряжаться своим телом осуществляя его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию». Крусс утверждал, что к соматическим правам нужно отнести ряд прав: право на смерть, право на изменение пола, право на трансплантацию органов [2]. Вся категория данных прав имеет сугубо личный характер, и получили название – соматические. В.И. Крусс утверждал, что соматические права будет сложно отнести к какому-либо поколению прав, так как соматические права направлены на защиту телесной и духовной целостности.[2]. Позицию В.И.Круssa поддерживал и дополнял А.И. Ковлер. Он утверждал, что соматические права можно отнести к личностным правам. А.И. Ковлер утверждал, что основой соматических прав является: право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность. В.И. Крусс изучал не только институт соматических прав, но и уделял внимание на взаимосвязь соматических прав с религией, медициной и юридическими науками.

К соматическим правам относятся: право на смену пола, право на клонирование, право на стерилизацию, право на аборт, право на эвтаназию, право на суррогатное материнство, право на трансплантацию органов и тканей. И данный список можно продолжать. Разнообразие соматических прав будет только увеличиваться, это напрямую связано с прогрессом медицины. Далеко не все соматические права разрешены в Беларуси. У соматических прав есть конституционные начала, это становится понятно, если проанализировать нормы Конституции РБ. Если рассматривать соматические права и свободы в качестве субъективных прав на конституционном уровне, то следует отметить, что они закрепляются не так часто. В Конституции Республики Беларусь есть нормы, которые частично регулируют права и свободы этой группы: отдельные положения раздела 2 Конституции «Личность, общество, государство». Обратимся к Конституции Республики Беларусь. Рассмотрим статьи 25, 28. В ст. 25 указывается, что государство обязано обеспечивать свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам [3]. А в ст. 28 предусматривается право каждого на защиту от незаконного вмешательства в его личную (частную) жизнь, на его честь и достоинство[3].

В общей сложности, соматические права получили теоретическую разработку в рамках конституционного права, философии права и его теории. Но основной уклон во всех исследованиях делался на то,

чтобы эту группу человеческих прав признали, так же рассматривали и проблему реализации отдельных прав по распоряжению телом [3].

Возникновение, а так же формирование соматических прав достаточно тесно сопряжено с феноменом биоэтики. Это междисциплинарная область исследования условий и последствий научно-технического прогресса в биомедицине. Биоэтика призвана установить разумные ограничения для развития соматических прав. Если не будет законом контролироваться эволюция соматических прав, то это может привлечь за собой потерю прошлых наших представлений о человеке, так как граница между медицинской помощью и формированием постчеловеческого сознания вероятно будет пересечена незаметным образом. Рассмотрим такое соматическое право как право на трансплантацию органов и тканей. В Республике Беларусь на законодательном уровне установлена презумпция согласия на трансплантацию органов и тканей человека после смерти. Презумпция согласия указывает на то, что все совершеннолетние граждане согласны на то, что после их смерти их органы могут быть изъяты для трансплантации. Но лицо может при жизни, в установленном порядке выразить несогласие на забор органов после смерти. Соответственно человек сам решает, как ему пользоваться своим телом, давать согласие на забор органов и тканей после смерти или во время жизни или нет – в этом и выражается соматическое право человека.

Под соматическими правами в юридическом значении необходимо подразумевать: вероятность конкретного действия, выражющегося в возможности некого «карта-бланша» по распоряжению человеком собственным телом. В этом случае это соматические требования, возызвавшие признание общества, а также правовое фиксирование. Формы правового закрепления и названия таких прав имеют все шансы быть многообразными, вполне вероятно формирование конкретных правовых ограничений на их применение, основное в таком – принципиальное принятие права. В данном значении мы и рассматриваем репродуктивные права, права в области распоряжения своими органами и тканями, право на смерть, сексуальные права, права на смену пола.

Темам моральных элементам соматических прав человека уже посвящён целый ряд международных документов и заключений международных организаций, из числа которых можно выделить Декларацию о клонировании человека (2005 г.), Всеобщую декларацию о биоэтике и правах человека (2005 г.), Декларацию о генетических данных человека (2003 г.). Актом, который обладает обязательной юридической силой в отношении регулирования соматических прав, явилась Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (1997 г.).

Говоря о соматических правах, ряд ученых рассматривает право на жизнь как право на свободное распоряжение своей жизнью, в том числе, и ее различными этапами, процессами, происходящими в жизни человека и пользованием ряда медицинских услуг, связанных с изменением своего тела.

В общем, возникновение соматических прав и их фиксирование в законодательстве определенных государств – обоснованный итог формирования общества. Но необходимо теоретическое изучение этого поколения прав, с целью формирования научного, а также единого нормативного постановления, а кроме того глубокого уяснения, какие из прав человека необходимо относить к соматическим правам. Но следует отметить, что на сегодняшний день в нашей стране еще не сложился полноценный механизм, который был бы оптимальен для защиты, реализации, контроля соматических прав человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что новое поколение прав – соматических прав является свершившимся процессом. Но также следует сказать, что регулирование института соматических прав является проблемным. Это связано с тем, что соматические права достаточно новое поколение прав, также это связано с особенностями прав. Еще одной проблемой соматических прав является негативное отношение граждан к данной группе прав. Следует отметить, недостаточное правовое регулирование данной группы прав, что в дальнейшем вызывает ряд споров и разногласий. Институт соматических прав нуждается в дальнейшем развитии с целью усовершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белаш, А.О Некоторых подходах к пониманию соматических прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://step-science-bip.csrae.ru/pdf/1/99.PDF>. – Дата доступа: 20.04.2020.
2. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – М.: Наука. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

УДК 342

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ К ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

П.А. КУЗНЕЦОВ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Статья направлена на исследование отношений религии с трансплантологией. В данной работе разбирается вопрос, направленный на взаимосвязь и отношение различных религий к пересадке органов и тканей.

Быстрое развитие медицины и медицинских технологий усложняет отношения религии и медицины. На сегодняшний день большое количество религий во всем мире относятся к трансплантации органов и тканей положительно, но так было не всегда. Сейчас отношение меняется, это связано с большим количеством спасенных людей. Медицина и развитие трансплантологии заставила многих теологов поменять свое мнение, так как, что может быть лучше помочи ближнему своему. Ведь главное – это помочь и совсем не важно каким путем. Но всё равно данный вопрос не даёт покоя и вызывает много дискуссий. На это есть несколько причин.

Первая, мирская, выражается в том, что своё тело люди воспринимают как собственность. И не хотят, чтобы им пересаживали какой-либо орган, так как это будет вмешательство в их собственность. И сложно осознавать, что после смерти понятие чьей-либо «собственности» здесь уже неприменимо. Также сложность вызывает, как относятся родственники умершего человека к данному вопросу. И в большей части случаев, именно родственники решают, можно ли использовать органы для трансплантации или нет. Все органы, умершего человека, рассматриваются родственниками, как часть тела, и их невозможно отделить. Сложность данной ситуации ещё обусловлена тем, что согласие на забор органов после смерти родственники должны дать в течение нескольких часов после смерти. Родственники ещё не осознали, что человек умер, а к ним подходят с такими вопросами [1].

Вторая причина – религиозная. В некоторых религиях действует запрет на трансплантацию органов и тканей. Следует отметить, отношение государств мусульманской правовой семьи и государств романо-германской правовой семьи к трансплантологии. В романо-германской правовой семье всегда было одинаковое отношение к трансплантологии, государства данной семьи всегда поддерживали трансплантацию и утверждали, что это будущее медицины. В свою очередь, государства мусульманской правовой семьи не всегда положительно относятся к пересадке органов и тканей.

Наглядный пример – Русская православная церковь. Русская православная церковь поддерживает трансплантацию. РПЦ признает изъятие органов для трансплантации только на добровольном согласии, ради спасения жизни другого человека. РПЦ утверждает, что трансплантация становится проявлением любви и сострадания. Аналогичной позиции придерживается Римская католическая церковь. Также следует отметить, что Русское православие считает недопустимым презумпцию согласия, потому что она нарушает права человека[2]. Христиане, как указывалось ранее, поддерживают безвозмездное донорство, но осуждают коммерческое донорство. В «Основах социальной доктрины Русской православной церкви», принятых на Архиерейском соборе в 2000 году было указано, что органы человека не могут рассматриваться как объект купли и продажи. Донорство может быть только добровольным и на безвозмездной основе. Человек, который решил стать донором, должен сам принять это решение с целью, помочь ближнему. И тогда пересадка органов и тканей является проявлением любви к ближнему своему. В таком случае донор перед пересадкой органа или ткани должен быть полностью информирован про возможные последствия. Морально не допустима пересадка органа или ткани, когда есть хоть малейшая угроза для жизни [3].

Очень медленно идёт процесс в государствах мусульманской правовой семьи, но он уже есть. Тут можно отметить Израиль, где каждый год проходит большое количество операций по пересадке органов и тканей. Так в ОАЭ трансплантацию органов разрешили только в 2017 году. Государства, которые живут по шариату, утверждают, что в трансплантации ничего плохого нет [1]. Большинство церквей и религиозных поддерживает трансплантацию и даже пропагандируют её.

В некоторых религиях действует запрет на трансплантацию органов и тканей. К таким религиям относятся: ислам и иудаизм. Это обусловлено тем, что религии утверждают, что не должна нарушаться целостность человека. Согласно учениям целостность не должна нарушаться [1]. Но такой запрет кажется очень жёстким. Можно сказать, что идёт противостояние религии и трансплантологии, но в последнее время вопросы между религией и трансплантологией решаются в пользу трансплантологии. И уже общины в Исламе и в Иудаизме пересматривают и меняют своё отношение о трансплантологии. Ислам уже допускает пересадку от живого донора, чтобы осуществить трансплантацию от трупа, нужно выполнить ряд условий. Иудаизм тоже допускает пересадку органов, но только от живого донора. Но иудейская религия запрещает пересадку органов от трупа, потому что тело не должно быть изуродовано и должно быть предано земле. Иудаизм выступает категорически против пересадки сердца [2].

Некоторые религии относятся к трансплантации до сих пор отрицательно и не поддерживают.

Римско-католическая церковь считает, что донорство – это милосердие и нравственный долг. Протестантские богословы коммерческие сделки с донорскими органами не признают и считают аморальным. Но признают законность существования человека, которому была осуществлена операция по пересадке органа или ткани. В христианстве всё намного проще. Примером является Иисус, отдавший свою жизнь ради искупления наших грехов. Также богословы, когда размышляли о трансплантации, они вспоминали пример Екатерины Сиенской. По приданью, она попросила у Бога, чтобы он забрал её слабое сердце. Христос явился, приобнял ее и забрал сердце с собой. А затем, через некоторое время, принес новое, «лучезарное» – со словами «сердце новое дам вам» [1]. Сейчас в православии и католицизме положительное отношение к трансплантации. Можно сказать, что церковь даже пропагандирует трансплантацию. Католические священники объясняют прихожанам, что в трансплантации нет ничего плохого, а наоборот есть возможность помочь человеку, который нуждается в операции. В Индии есть концепция, которая указывает на то, что если человек согласен, что после смерти его органы могут быть изъяты для трансплантации, то тогда это плюс к своей карме, а она повлияет на перерождение души. Интересная позиция с буддизмом. Но тут церковь обращает внимание на два фактора. Первый фактор: речь идёт так же, как и в Индии о карме и будущей жизни. Второй фактор: вспоминают о подвигах, которые совершил Будда. Он хотел спасти всех живых существ от страданий и жертвовал собой. Секта Свидетелей Иеговы категорически возражает против переливания живой донорской крови, считая ее носительницей человеческой души.

Некоторые религии полностью отказываются от донорства. Полный отказ от донорства характерен лишь тем религиозным группам, которые предпочитают не пользоваться медициной вообще. Даже некоторые религиозные группы, такие как амши, разрешают верующим осуществлять со своим телом различные медицинские действия – переливание крови, анестезию, донорство органов и тканей. Некоторые религиозные группы, например, Церковь Иисуса Святых Последних Дней. Данная религиозная группа даёт каждому члену общинны самому решать, быть ли ему донором или нет. Член религиозной группы должен сначала обдумать данное решение, затем молить бога о вдохновении по данному вопросу и только затем поступить так, как велит ему сердце [4].

Большое количество религий придают значение точной констатации смерти мозга. Ранее критерии наступления смерти были другие – необратимая остановка дыхания и кровообращения, то теперь критерием смерти является – прекращение деятельности мозга. По данному вопросу разные религии спорят до сих пор.

Особый и интересный случай представляет религиозное движение Свидетелей Иеговы. На сегодняшний день, Свидетелям Иеговы запрещается не только употреблять в пищу кровь, но и переливание крови. Запрет крови основан на Библии. И именно по этой причине врачи для Свидетелей Иеговы разрабатывают специальные методы. Данный метод бескровной медицины не требует донорской крови. Свидетели Иеговы также осуществляют пересадку органов и тканей, но при этом должно быть соблюдено основное условие. Орган, который трансплантируют должен быть обескровленным [5].

Большинство религий относится к трансплантации положительно. Отрицательно к пересадке органов и тканей в основном относятся лишь те религии, которые направлены на сохранение ритуальной чистоты. А пересадка органов нарушает эту чистоту. В вопросе переливания крови также нет какой-либо единой позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как в мировых религиях относятся к трансплантации [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд» – Режим доступа: <https://doctor.rambler.ru/news/42648898-kak-v-mirovyh-religiyah-otsnosyatsya-k-transplantatsii/?updated>. – Дата доступа: 21.05.2020.
2. Проблемы трансплантологии в религиозном аспекте. [Электронный ресурс] / Vuzlit.ru. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/896425/problemy_transplantologii_religioznom_aspekte. – Дата доступа: 20.05.2020.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Основы_социальной_концепции_Русской_православной_церкви. – Дата доступа: 10.04.2020.
4. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Церковь_Иисуса_Христа_Святых_последних_дней. – Дата доступа: 16.04.2020.
5. Свидетели Иеговы и переливание крови [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Свидетели_Иеговы_и_переливание_крови. – Дата доступа: 10.05.2020.

УДК 347.96

РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ «E-GOVERNMENT» И «E-GOVERNANCE»

Е.П. КУЛАБУХОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)

В данной статье автор рассматривает понятия, которые наиболее часто встречаются для описания электронного взаимодействия государства с гражданами, – «e-government» и «e-governance», анализирует их содержание и выявляет различия.

Для описания электронного взаимодействия государства с гражданами часто используют различные понятия на английском языке: «e-government», «e-governance», «e-justice», «e-democracy» и др. Все они связаны между собой, но подразумевают разные значения, нет общепринятых определений вышеуказанных явлений, относящихся к сфере актуальных процессов, которые сейчас сопровождают процессы цифровых трансформаций, изменяющих весь мир.

У исследователей в данной области могут возникнуть трудности в различии понятий «e-government» и «e-governance»: не всегда значения каждого из них одинаково понимаются, иногда их заменяют друг другом. Специалисты в области государственного управления и информационных технологий, а также нормативные акты различных стран используют разные определения этих понятий. Поэтому следует рассмотреть их более детально.

Оба понятия используются для объяснения процессов внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в целях организации цифрового взаимодействия между органами государственной власти и гражданами, в результате чего государство выходит на качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов. Так одинаковые ли это понятия, а если нет, то, как их различать?

Так термин «e-government» с английского перевести можно по-разному: электронное правительство, электронное государство, электронное государственное управление. Данные понятия охватывает широкую сферу предоставления государственных услуг, в общем и целом их можно понимать как использование ИКТ в деятельности правительства, как общей системы государственного управления. В современных международно-правовых документах, в частности в решениях Европейского суда по правам человека, термин «government» применяется для обозначения государства в целом [1]. Однако мы будем для обозначения «e-government» применять понятие «электронное правительство».

В данном подходе под e-government (или электронным правительством) понимается способ организации деятельности государственных органов, в том числе органов местного самоуправления, где взаимодействие органов власти между собой, с гражданами и организациями строится на основе ИКТ [2]. Так, e-government способствует своевременному предоставлению гражданам необходимой государственной информации в электронном виде, улучшению предоставления этих услуг, расширению прав и возможностей людей за счет доступа к информации без бюрократии, повышению производительности труда и экономии затрат при ведении бизнеса организациями и индивидуальными предприятиями и участию в принятии решений по вопросам государственной политики. К элементам e-government можно отнести, например, предоставление электронных услуг, таких как оформление договора онлайн, предварительная запись, электронное голосование, электронная платежная система и т.д. То есть, e-government с нашей точки зрения – обширное понятие, включающее предоставление различных государственных услуг во всех сферах деятельности государства.

Вместе с тем следует отличать правительство, обладающее электронным интерфейсом (онлайновое правительство, Government on-line), от электронного правительства в более широком значении, поскольку онлайновый интерфейс является неотъемлемым элементом, только частью системы электронного правительства. Поэтому онлайновое правительство – это еще не электронное правительство, так как под последним нужно понимать комплексную перестройку устоявшихся форм организационной деятельности. Так, например, прозрачность системы государственного управления, ее дебюрократизация, декоррупционность, подконтрольность не достигаются простым подключением к системе Интернет. Таким образом, только распространением электронных способов связи проблему повышения эффективности управления в целом и электронного в частности не решить.

Термин «e-governance» можно перевести как «электронное управление», а под управлением понимаются административные государственные процедуры. Электронное управление использует ИКТ для эффективного расширения спектра и повышения качества информации и услуг, предоставляемых населению посредством сети Интернет. То есть это инструмент, который предоставляет гражданам различные государственные услуги в удобном для них виде, в результате чего права и возможности граждан расширяются. E-governance автоматизирует все управленческие процессы и служит цели существенного повышения эффективности государственного управления и снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества.

По мнению многих авторов, «электронное управление» – это отдельное и более широкое понятие, чем «электронное правительство», относящееся к тому, как технологии, в частности интернет, преобразуют процесс государственного управления, облегчая взаимодействие между правительством, гражданами и бизнесом [3, с.14]. Однако по нашему мнению, «электронное управление» преобразует и поддерживает функции электронного правительства, делает акцент на администрировании и управлении внутри него, используя ИКТ для горизонтального и многоуровневого управления организационными ресурсами. Электронное управление предполагает осуществление административных процедур в электронной форме, например, получения административного решения онлайн, подача жалоб, зачет, возврат сумм налогов, сборов (пошлин) и т.д. Сюда же можно отнести также электронную судебную корреспонденцию и электронную отправку других документов. В свою очередь, e-government является эффективным механизмом, средством, способом масштабного информационного преобразования государства и общества путем глобального внедрения и распространения ИКТ во всех государственных и общественных сферах деятельности. А для достижения этих целей необходимо создание инфраструктуры электронного управления (e-governance) и ее правовое, организационное, кадровое, информационное, финансовое, техническое, научно-методическое обеспечение. То есть e-governance является основой для создания и эффективного функционирования e-government [4].

Электронное управление (e-governance) и электронное правительство (e-government) различные понятия, но должны работать и реализовываться вместе, что приведет к повышению доверия к государственной власти, прозрачности в его деятельности и вовлечению в нее граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронное государство [Электронный ресурс] // Общественные науки и современность. – 2004. – № 6. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/1163613/1117469.html>. – Дата доступа: 20.08.2020.
2. Различия в терминах «электронное правительство», «электронное государство», «информационное общество» [Электронный ресурс] / Cyberpedia Информационный ресурс. – Режим доступа: <https://cyberpedia.su/4x6255.html> – Дата доступа: 10.09.2020.
3. Логуа, Р.А. «Электронное правительство в цифровую эпоху: концепция, практика и развитие» / Р.А. Логуа, А.С. Балюков // Основы экономики, управления и права. – 2014. – № 5(17). – С. 12–19.
4. Тарасов, А.М. Электронное правительство: понятие и система // Право и кибербезопасность. – 2013. – № 2. – С. 10–21.

УДК 347.96

E-GOVERNMENT: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Е.П. КУЛАБУХОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)

В данной статье автор рассматривает понятие «e-government», анализирует его содержание. Исследуется реализация e-government в Республике Беларусь и рассматриваются возможности по его внедрению.

Определение «e-government» или «электронного правительства» в настоящее время постоянно развивается, приобретая все новые существенные признаки в каждой стадии своего развития. Исходя из различных литературных и национальных интерпретаций данного термина, можно сказать, что электронное правительство является одной из самых быстро распространяющихся идей реформы государственного сектора в истории. Термин «электронное правительство» в рамках данного исследования следует понимать как комплекс процессов, методов и инструментов, обеспечивающих, за счет применения цифровых технологий, взаимодействие органов и структур власти, с одной стороны, бизнеса и гражданского общества, с другой, с целью удовлетворения общественных потребностей и выработки социально значимых решений [1, с. 107]. Данный комплекс методов включает в себя, например, использование электронной подписи, предоставление государственной информации и услуг посредством сети Интернет, электронный правовой оборот и др.

Необходимой составляющей электронного правительства, мы считаем правильным назвать, принцип «одного окна». Он характеризуется тем, что оказание любых услуг сосредоточено в одном месте, начиная от подачи заявления, до выдачи результатов решения соответствующего органа. Эффективность данных процессов и методов достигается за счет создания развитой инфраструктуры эффективного сотрудничества межведомственных организаций, причем как на одном уровне власти (по горизонтали), так и межуровневого взаимодействия (по вертикали). Развитие элементов инфраструктуры понимается нами как создание сети организаций и учреждений, посредством которых упрощается процесс предоставления государственных услуг через формирование определенных информационных баз данных, проведение консультаций, обучение государственных служащих и граждан. E-Government выполняет важные для государства функции, в частности, сокращает количество обращений в государственные органы, ускоряет получение справок, документов и т.д.

Первые шаги на пути к электронному правительству зачастую не шли дальше размещения информации в Интернете в простой электронной версии традиционных бумажных средств распространения. Появление e-Government, которое ознаменовало признание возможности подключения к Интернету в качестве инструмента, который может быть использован для повышения эффективности, сокращения расходов и изменения методов традиционного взаимодействия государства с гражданами, представляет собой важный сдвиг в государственном управлении.

Мировое сообщество уже достигло значительных успехов в предоставлении различных электронных услуг в государственном секторе. Во многих странах мира, таких как, США, Канада, Сингапур, Корея и Малайзия, разработаны стратегии информационного развития как общества в целом, так и отдельных сфер деятельности, в том числе государственной. В данный момент данные стратегии электронного правительства успешно реализуются на практике и считаются передовыми технологиями современности.

Так, в Канаде действуют центры «1-800 Canada». Работа данного центра заключается в предоставлении необходимой информации клиентам о получении государственных услуг. Кроме того, в составе данного центра также функционируют управления, главной функцией которых является консультация начинающих предпринимателей, расположенные в государственных учреждениях по всей Канаде. Особенность этих центров заключается в том, что помимо консультаций, предприниматели могут получить значительное количество государственных услуг по принципу «одного окна». В Греции после проведения реформы административной системы, была разработана "Программа качества", которая также предусматривает образование консультационных центров, сформированных в единую информационную сеть. Также необходимо отметить, государственное учреждение «Centrelink», образованного в Австралии. От своего имени, в том числе и в партнерстве с 25 федеральными министерствами и государственными агентствами, «Centrelink» с помощью сети Интернет и телефонизированных центров по обслуживанию клиентов оказывает государственные услуги. В январе 2016 года была создана государственная корпорация «правительство для граждан» в Казахстане, образованная для обеспечения различных государственных услуг [2].

Что касается Республики Беларусь, в рейтинге по уровню развития электронного правительства Организации Объединенных Наций 2018 года она поднялась на 38 строку. По сравнению с 2016 годом страна повысила свои позиции на 11 пунктов, чем продемонстрировала мировым державам динамику развития ИКТ в государственной сфере [3].

В Республике Беларусь действует Национальный центр электронных услуг. Данное образование разрабатывает и внедряет электронные услуги, систему электронного документооборота и другие технологические «новшества», реализуемые в рамках электронного правительства. Здесь можно оформить цифровую подпись, получить необходимые сертификаты и заказать другие услуги, предоставляемые центром. Ядром инфраструктуры электронного правительства Республики Беларусь фактически является Общегосударственная автоматизированная информационная система. Она предназначена для интеграции государственных информационных ресурсов и осуществления административных процедур в электронной форме, а также других электронных услуг через Единый портал электронных услуг, который действует по адресу portal.gov.by [4]. Передовым этапом в развитии и формировании эффективной инфраструктуры в рамках предоставления электронных услуг, с учетом активного проникновения мобильной связи и мобильных технологий среди населения является создание «мобильного правительства». В Республике Беларусь был создан сервис доставки электронных документов «mDoc», позволяющий взаимодействовать с абонентами системы межведомственного электронного документооборота государственных органов с использованием средств мобильной электронной цифровой подписи.

Однако в Республике Беларусь нет того специализированного органа, который занимался бы развитием электронного правительства, что не даёт возможности поддержания цифрового развития на должном уровне. В Украине уже создано Агентство электронного правительства, а в России Центр технологий электронного правительства, однако Беларусь еще не предпринимает попыток создания подобных организаций. В Беларуси работают лишь несколько групп экспертов, которые изучают данную тему, но не имеют механизмов влияния.

В октябре 2019 года было предложено на базе Министерства связи и информатизации создать Министерство цифровой экономики. Неизвестно, будет ли оно отвечать стандартам мирового сообщества, но, возможно, именно это ведомство в случае его создания будет заниматься вопросами электронного правительства в Беларуси, что, скорее всего, обеспечит более эффективное его внедрение.

Исходя из действующей Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, одной из целей является совершенствование электронного правительства, а задачей – внедрение технологий электронного правительства и развитие инфраструктуры информатизации[5]. Однако программа не содержит определения электронного правительства, что приводит к определенным сложностям. А ведь, прежде всего, вопросы электронного правительства должны быть решены на законодательном уровне, основные термины e-government должны быть определены нормативно, чтобы четко понимать поставленные цели и задачи.

Также необходимо спрашивать мнение у общества, ведь именно обычные граждане являются основными потребителями государственных услуг. Использование принципа «обратной связи» является проверенным и эффективным методом изучения текущего состояния и выработки стратегии дальнейшего совершенствования с учетом потребностей и ожиданий граждан.

Электронное правительство не является дополнением или заменой традиционного правительства, а лишь определяет новый способ взаимодействия, основанный на активном использовании ИКТ в целях повышения эффективности предоставления государственных услуг. Внедрение e-government предполагает комплексную трансформацию, направленную на формирование нового поколения государственных служащих, разрушение укоренившихся в обществе стереотипов и создание положительного имиджа государственной службы. Электронное правительство делает нашу жизнь легче и в то же время – это неизбежность, признак современной культуры. К жизни в новых условиях, в любом случае, придется адаптироваться и лучше делать это как можно быстрее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чугунов, А.В. Модель электронного управления как система обратной связи с гражданами в концепции «Умный город»/ А.В. Чугунов // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – № 12. – С. 106–113.
2. Жетписбаева, М.К. Зарубежный опыт совершенствования системы предоставления государственных услуг [Электронный ресурс] / М.К. Жетписбаева, А.И. Миронычева // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 6. – Режим доступа: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=17893>. – Дата доступа: 26.02.2020.
3. The E-Government Survey 2018: Gearing E-government to Support Transformation towards Sustainable and Resilient Societies [Электронный ресурс] / Friday, July 20, 2018. – Режим доступа: <https://www.unescap.org/resources/e-government-survey-2018-gearing-e-government-support-transformation-towards-sustainable>. – Дата доступа: 20.02.2020.
4. Рубрика: Общегосударственная автоматизированная информационная система [Электронный ресурс] / НЦЭУ. – Режим доступа: <https://nces.by/category/oais/>. – Дата доступа: 26.02.2020.
5. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы: Пост. Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 340

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО

С.Г. МАЧАНСКИЙ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЕВ)

В статье рассматривается искусственный интеллект с позиций субъекта авторского права. Обращается внимание необходимости создания нормативных правовых актов, регулирующих и защищающих авторское право относительно произведений, созданных искусственным интеллектом без участия человека.

В настоящее время искусственный интеллект (далее – ИИ) получает широкое распространение в современном техническом мире. В современные системы искусственного интеллекта внедряются все более сложные технологии, которые начинают производить уникальные изобретения, созданные без участия человека либо с минимальным его участием. Это поднимает вопросы, касающиеся прав интеллектуальной собственности, связанных с защитой прав изобретателей, авторским правом, а также регулирования статуса произведений, созданных системами искусственного интеллекта. В связи с этим возникает вопрос, можно ли произведению, созданному ИИ, предоставить какой-либо особый статус в соответствии с законами об интеллектуальной собственности [1].

Авторское право является неотъемлемой частью области интеллектуальной собственности. Это законное право, предоставленное создателю оригинального произведения, что дает ему исключительные права на его использование и распространение. Как правило, для предоставления авторского права требуется выполнение двух существенных функций. Во-первых, работа должна быть в осозаемой форме, а во-вторых, она должна быть оригинальной. Авторское право осуществляется в основном на литературные, музыкальные и художественные произведения. Поскольку одной из современных областей применимости систем искусственного интеллекта является создание произведений искусства, изучение авторского права в свете искусственного интеллекта становится актуальным [2].

Проблема определения авторского права на произведения, созданные искусственным интеллектом среди ученых не нашла одного мнения. Существует два мнения по этому поводу [3]. Первая группа юристов настаивает на полном отрицании защиты авторских прав на произведения, сгенерированные компьютерами. Этого мнения придерживается наше белорусское законодательство т.к. в статье 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» указано, что автором может быть только физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение [4]. Вторая группа юристов считает, что наиболее оптимальным будет закрепление авторского права за физическим или юридическим лицом и защиту его авторских прав. В данной точке зрения могут быть три стороны, которые обладали ли бы авторским правом. Первой стороной может выступать программист, который и разработал эту систему. Второй стороной может выступать владелец, то есть крупные компании или финансовые инвесторы в секторе искусственного интеллекта. Третья сторона – это конечный пользователь. Видится необходимым защищать авторские права искусственного интеллекта, т.к. закрепление авторского права за компьютерной системой или ее владельцем позволит исключить незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности и позволит исключить плахи с третьей стороны.

Главной проблемой в современной ситуации является то, что искусственный интеллект уже используется в музыке, журналистике и компьютерных играх. И все эти произведения теоретически считаются свободными от авторского права т.к. их создал не человек. Нынешнее положение искусственного интеллекта в области интеллектуальной собственности является проблематичным, поскольку признание работы, созданной системой искусственного интеллекта, объектом авторского права, является шагом в будущее, однако реализация защиты такой работы составляет трудную задачу в виду того, что законодательства стран мира имеют существенные различия в областинского интеллекта. Лишь в некоторых странах мира творческие работы систем искусственного интеллекта защищаются авторским правом (Китай).

Таким образом, на сегодняшний день уже крайне необходимо внести изменения в действующее законодательство в область искусственного интеллекта. По своей правовой природе объекты авторского права, созданные человеком и объекты, созданные искусственным интеллектом, ничем не отличаются. Произведения, созданные искусственным интеллектом, сейчас остаются без какой-либо защиты, что может породить волну незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности. Считаем необходимым признать полное авторское право за разработчиком компьютерной системы с искусственным интеллектом. Поскольку белорусское законодательство и законодательства зарубежных стран не признают искусственный интеллект в качестве самостоятельного субъекта правоотношений. Итоговый

результат, даже если он уникален и совершенно непредсказуем, является прямым результатом работы машины, который, в свою очередь, неизбежно является результатом творческой деятельности человека – разработчика или пользователя. Поэтому данная проблема будет все более актуальной, поэтому уже сейчас необходимо внести поправки в законодательство об авторском праве и признать полноценными авторами разработчиков, чьи компьютерные системы создали какие-либо произведения, т.к. данное произведения будут производными продуктами своих изобретений [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/. – Дата доступа: 13.04.2020.
2. Стюарт, Дж. Р. Искусственный интеллект: современный подход / Дж. Р. Стюарт, П. Норвиг. – Изд. 3-е. – Нью-Йорк, 2009. – 1152 с.
3. Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/05/article_0003.html. – Дата доступа: 13.04.2020.
4. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З (в ред. от 15.07.2019 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. № 2/2655 от 24.07.2019.
5. Ihalainen, J. Computer creativity: artificial intelligence and copyright / J. Ihalainen // Journal of Intellectual Property Law & Practice. – 2018. – Vol. 13, iss. 9. – P. 724–728.

УДК 340

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С.Г. МАЧАНСКИЙ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЕВ)

Статья посвящена анализу правового регулирования в Республике Беларусь и в зарубежных государствах по вопросу юридической ответственности за действия искусственного интеллекта. Рассмотрена возможность признание искусственного интеллекта в качестве субъекта правоотношений.

Роботы и компьютерные системы с искусственным интеллектом стремительно проникают в жизнь современного человека. Эта область современных ИТ-технологий нашла активное развитие в зарубежных странах. Например, машины с автопилотом Tesla уже стали нормальным явлением и часто ездят по дорогам США или современные самоуправляемые автобусы, которые передвигаются в городах Швейцарии и т.д.

Правовое регулирование в отношении робототехники и искусственного интеллекта в рядах зарубежных стран не осуществляется, но детально регламентируется разработка и производства искусственного интеллекта, например как в США, Японии, Великобритании. Что касается правового регулирования компьютерных средств в Республике Беларусь, то на сегодняшний день нет ни одного закона или подзаконного акта, занимающихся регламентацией данной ИТ-области [1].

Принятие в феврале 2017 г. Европарламентом резолюции «Нормы гражданского права о робототехнике» стала первым шагом к решению проблемы правового регулирования. Резолюция предполагает внедрение общеевропейской системы регистрации умных машин, т.е. роботам будет присваиваться индивидуальный регистрационный номер с занесением в специальный реестр. Данный идентификационный номер будет содержать сведения об устройстве, включая данные о производителе, владельце и условиях выплаты компенсации в случае причинения вреда. Также планируется создание специализированного агентства по робототехнике и профессиональному интеллекту, которые будут поддерживать системы учета и контроля роботов. Кроме того, предполагается введение страхования ответственности за причиненный роботом вред. Такое обязательное страхование рисков позволит пострадавшему получить компенсацию, а в случаях, которые не покрываются страховкой, может быть использован резервный компенсационный фонд [2].

Главное отличие действий компьютерных систем с искусственным интеллектом от человеческих действий в том, что искусственный интеллект не является человеком. Система с искусственным интеллектом не может принимать решения спонтанно. Нет никаких оснований ожидать, что он станет преднамеренно доброжелательным или злонамеренным. Робот с искусственным интеллектом будет поступать только так, как заложено в его программе, т. е. этические и правовые нормы, согласно которым он будет действовать в той или иной ситуации, прямым образом зависят от целей и задач его создателей.

Даже на данном этапе развития искусственного интеллекта существует два мнения о правосубъектности компьютерных систем. Ученые первой точки зрения предполагают, что робот не может быть признан правовым субъектом [3]. В этом случае предполагается определение робота как автономной системы, существующей в физическом мире, способной его воспринимать и воздействовать на него для достижения определенных целей. Ученые второй точки зрения придерживаются того, что робота можно определить как «движимое имущество», наделённое ограниченной правосубъектностью, так как он может принимать решения без участия человека.

Если искусственный интеллект совершил правонарушение в области гражданский правоотношений, например в случае совершения ДТП автомобилем, имеющим автопилот. На данном этапе развития гражданского законодательства в Республике Беларусь роботов не наделяют деликтоспособностью [4]. Юристы-разработчики выявили пять предполагаемых субъектов, которые будут нести ответственность за негативные последствия действий искусственного интеллекта. Это может быть сам изобретатель устройства (физическое лицо или организация), либо программист (инженер, занимающийся разработкой программного обеспечения), либо завод-изготовитель, либо сам пользователь, либо третье лицо, в случае неправомерного завладение системой с целью причинения вреда. Самое главное установить виновную сторону, ведь от этого зависит возможность выплатить страховые взносы. На примере ДТП с участием автомобиля, управляемым автопилотом, то здесь американские юристы предлагают возложить ответственность на завод-изготовитель, так как инженеры данного завода не продумали той ситуации, которая привела к ДТП. В белорусской реальности к ответственности привлекли бы владельца автомобиля, так как автомобиль является источником повышенной опасности, а согласно ПДД водителем является только физическое лицо, управляющее транспортным средством [5].

В случае совершения преступления искусственным интеллектом, то согласно уголовному законодательству субъектом уголовно-правовых отношения может являться только вменяемое, достигшее 16 лет физическое лицо, поэтому перечень возможных субъектов преступлений, совершаемых с использованием

систем искусственного интеллекта, включает производителя искусственного интеллекта; производителя или продавца продукции, оснащенной искусственным интеллектом; пользователя продукции, оснащенной искусственным интеллектом; иных лиц (например, хакеров); искусственный интеллект сможет стать полноправным субъектом преступления лишь в том случае, если достигнет самосознания личности и будет признан таковой законодательно; в таком случае целесообразно использовать термин «искусственное лицо» – по аналогии с физическими и юридическими лицами.

На данный момент только принимаются попытки правового регулирования средств с искусственным интеллектом. Хотя уже на основании действующего законодательства можно решить проблему с определением гражданско-правовой ответственности средств с искусственным интеллектом. Например, в соответствии с ст. 948 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, можно признать юридических и физических лиц владельцами источника повышенной опасности, т.е. ответственность за негативные последствия деятельности систем с искусственным интеллектом будут нести владельцы [6]. Что касается уголовно-правовой ответственности систем с искусственным интеллектом, то данную проблему еще предстоит решить в ближайшее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цуканова, Е.Ю. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом / Цуканова, Е.Ю., Скопенко, О.Р. // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 4A. – С. 42–48.
2. Интернет-портал Legal IT Club [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legal-it.club/bot-drug-ili-vrag-yurista/>. – Дата доступа: 10.09.2020.
3. Интернет- портал inform БЮРО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://informburo.kz/cards/chto-takoe-chat-boty-i-zachem-oni-nuzhny.html>. – Дата доступа: 15.09.2018.
4. Морхат, П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» / П.М. Морхат // Юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_25647.html. – Дата доступа: 17.09.2020.
5. Интернет- портал Tadviser.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)). – Дата доступа: 10.09.2020.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 года с измен. и доп. : от 16 мая 2017 г. № 226-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 34.096

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В СИСТЕМУ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

C.А. МЕНИЦКАЯ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)

Статья посвящена вопросам электронного голосования и электронной демократии в системе местного самоуправления Республики Беларусь. Рассмотрены проблемы действующего взаимодействия местных органов власти с гражданами и представлены соответствующие решения.

В связи с бурным развитием информационных технологий и средств телекоммуникаций вопрос электронного голосования созрел и встал на повестку дня во всем мире. Сегодня не подвергается сомнению необходимость продолжения работы над системами электронного голосования. Вопрос уже не в том, нужно ли электронное голосование, а в том, как подготовить и оптимально внедрить его в практику.

Проблема заключается в необходимости развития представлений о том, что развитие системы электронного голосования как части государственного управления путем внедрения информационных компьютерных технологий с учетом административных преобразований, происходящих в Беларуси, является непременным требованием для входа в глобальное информационное общество.

На локальном уровне информационно-коммуникационного взаимодействия возникают наиболее благоприятные условия для достижения необходимой степени доверия между властью и обществом. То есть можно говорить о формировании муниципального уровня электронной демократии в Республике Беларусь.

Общеизвестными формами местного самоуправления, как правило, являются: органы местного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, а также инициативы граждан по принятию решений Советов, участие граждан в финансировании и возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах [1].

Говоря о проблемах взаимодействия местной власти с населением, необходимо отметить уровень правовой культуры общества. Недостаточная компетентность и осведомленность граждан в политических и иных вопросах, понимание сложности проведения референдумов, местных собраний и других форм местного самоуправления, требующих от их участников специальных знаний и подготовки, – все это мешает гражданам быть активными участниками политических процессов.

Также вопросы будут решаться более эффективно, если вместо использования такого инструмента, как обращения граждан, будет вестись диалог с населением. Обращений по многим вопросам не будет, если при планировании программы, составлении плана на следующий год собрать представителей органов территориального общественного самоуправления города, района и обсудить приоритеты. Например, где необходимо отремонтировать участок дороги, решить вопрос водоснабжения, социальной защиты населения. Если люди увидят, что именно нужно делать в первую очередь и какова концентрация ресурсов, снимется ряд лишних вопросов по обращениям граждан.

Беларусь как ИТ-страна уже добилась значительных успехов в этом направлении. Для более активного вовлечения людей в решение вопросов местного значения необходимо создание новых информационных площадок, на которых можно будет ознакомиться с проектами постановлений органов местного самоуправления, концепцией местного референдума и другими формами органов местного самоуправления, их принципами, порядком ведения и контроля за их проведением. В том числе граждане смогут высказать свое мнение о той или иной ситуации, внести предложения. Это станет основой для взаимодействия с молодежью, позволит перейти от системы традиционного местного управления к электронному управлению, сформировать своеобразное местное электронное правительство или просто органы местного самоуправления на электронной основе [2]. К тому же, данное решение в полной мере реализует принцип гласности и учета общественного мнения, закрепленном в статье 3 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [1].

Что касается различного рода опросов граждан, в целом, в Беларуси государственные опросы в основном проводятся на официальных сайтах государственных органов, у которых довольно невысокое посещение по сравнению с социальными сетями или популярными СМИ. А во-вторых, результаты опросов пока необязательно учитывать при принятии определенных решений. Поэтому это выглядит пока как изучение общественного мнения, и то с небольшой выборкой граждан. К примеру, регулярно проводятся опросы на сайте Следственного комитета Республики Беларусь. Однако лишь в двух из одиннадцати опросов проголосовало более трёх тысяч человек. По данным Центра правовой трансформации Lawtrend и компании Novak, в 2015 году только каждый десятый интернет-пользователь из Беларуси регулярно заходил на сайты государственных органов [2].

На данный момент опросы только на официальных порталах остаются просто незамеченными для большинства пользователей Интернета. Для полноценной реализации этого элемента электронной демократии, конечно, стоит использовать потенциал социальных сетей. Чтобы избежать вероятности подтасовки голосов с помощью наплыва «ботов», следует создать платформу для голосования на официальном сайте местного органа власти, и там сделать возможным участие в опросе только после ввода паспортных данных. У каждого местного органа власти должна быть официальная страница в самых популярных социальных сетях, которую в этом случае можно использовать как рекламу для голосования, привлечь внимание общественности, чтобы опрос охватил как можно большее количество граждан.

В качестве альтернативного решения этой проблемы можно предложить, например, использование индивидуальных электронных карточек для голосования, которые предварительно или непосредственно, например, в день голосования выдаются на избирательном участке каждому официально зарегистрированному избирателю. Посредством такой карты гражданин получает возможность со своего домашнего компьютера подключиться по Интернет-линии к серверу официального портала местного органа власти, территориальной избирательной комиссии и принять участие в голосовании, опросе или внести соответствующее предложение.

Рассмотрим такую форму участия граждан в государственных и общественных делах, как местный референдум. Исторически референдум представляет собой институт прямой демократии. Именно референдум обеспечивает наиболее полное участие граждан в управлении делами государства, играет значительную роль в развитии инициативы граждан и является эффективным средством самовыражения народа. Необходимо отметить, что за весь период существования Республики Беларусь как суверенного государства в нашей стране ни разу не был проведен местный референдум. Это объясняется рядом причин.

Во-первых, можно предположить, что проблема заключается в отсутствии инициативы граждан в местном самоуправлении. В соответствии с частью 1 статьи 126 Избирательного кодекса Республики Беларусь [3], местные референдумы назначаются местными представительными органами по своей инициативе либо по предложению не менее 10% граждан, обладающих избирательным правом и проживающих на соответствующей территории. Возможно, более эффективным было бы снижение 10% подписей до 5.

Если граждане выступают с инициативой о проведении местного референдума, ими образуется инициативная группа из числа лиц, имеющих право участвовать в референдуме.

Документы о проведении местного референдума, представленные инициативной группой, и вопрос, предлагаемый на референдум, направляются местным исполнительным и распорядительным органом на заключение в соответствующий областной, Минский городской орган юстиции, которые проверяют соответствие вопроса, выносимого на референдум, требованиям законодательства и соблюдение порядка образования инициативной группы.

Вопрос, предлагаемый на местный референдум, с учетом заключения соответствующего областного, Минского городского органа юстиции и состав инициативной группы регистрируются соответствующим местным исполнительным и распорядительным органом. В течение 30 дней со дня обращения за регистрацией инициативной группе выдается свидетельство о регистрации, образец подписного листа, а членам инициативной группы – соответствующие удостоверения [4].

Если исполнительным и распорядительным органом установлено, что собрано необходимое количество достоверных подписей, инициативная группа по проведению местного референдума составляет заключительный акт и представляет его в соответствующий исполнительный и распорядительный орган, который передает его в местный Совет депутатов.

Однако данный процесс может быть проще и эффективнее, ведь в век информационных технологий можно и нужно развивать электронную демократию: сбор подписей граждан инициативными группами может быть организован посредством сети Интернет, так же как и реализация гражданами права народной инициативы. В данной сфере законодательство необходимо развивать.

Также, важное значение имеет вопрос финансирования местного референдума. Согласно части 2 и 3 статьи 48 Избирательного кодекса [3], расходы по подготовке и проведению местного референдума осуществляются за счет средств местного бюджета в порядке, установленном соответствующим местным Советом депутатов. Расходы по подготовке и проведению местного референдума могут осуществляться также за счет средств организаций, общественных объединений, расположенных на территории соответствующего местного Совета депутатов, и граждан, проживающих на этой территории, которые могут вносить свои денежные средства во внебюджетный фонд, создаваемый местным Советом депутатов, назначившим референдум. Прямое или косвенное участие иностранных государств и организаций, международных организаций, организаций с иностранными инвестициями, иностранных граждан и лиц без гражданства в финансировании и другой материальной помощи при подготовке и проведении референдума запрещается.

К тому же, в рамках данного вопроса имеет место материальное обеспечение агитации по инициированию местного референдума гражданами, а также сбору подписей граждан осуществляется за счет средств инициативной группы. Думается, что не многим людям захочется платить за проведение референдума из своего бюджета. Ведь эта оплата не дает никакой гарантии как возможности проведения самого

референдума, то есть органы государственной власти могут не разрешить его проведение, так и итогов, удовлетворяющих интерес инициативной группы.

Поэтому использование при реализации подобных мероприятий дешевых и оперативных информационно-коммуникационных технологий сбора и обработки персонализированных данных, изначально формируемых в электронном виде дает возможность резко снизить финансовые затраты на проведение этих мероприятий. Таким образом, переход к более современным технологиям электронной демократии, в частности к сбору данных в электронном виде, мог бы позволить более часто проводить мероприятия рассматриваемого типа, посвящая их решению широкого круга жизненных проблем.

Подводя итог, следует отметить, что использование интернет-технологий в осуществлении местного самоуправления предоставляет ряд преимуществ:

- 1) повышение качества отношений органов местного самоуправления с населением муниципального образования, институтами гражданского общества, коммерческими структурами;
- 2) обеспечение круглосуточного доступа к информационным ресурсам, предполагающее сокращение времени на получение необходимой информации;
- 3) создание альтернативных способов обращения к органам местного самоуправления – реального или электронного;
- 4) введение новых площадок в электронном формате для обсуждения актуальных вопросов местного значения, привлечение для их решения местного населения и институтов гражданского общества [2].

Приоритетным направлением в деятельности органов местной власти непосредственно в электронном формате, наряду с качественным и оперативным предоставлением муниципальных услуг, должна быть информационная связь местных властей с населением, то есть оперативное информирование населения о деятельности органов местного самоуправления. На республиканском уровне необходимо установить конкретные требования к официальным сайтам муниципальных образований, а именно к объему информации, находящейся на сайте, возможности отправления обращений граждан в электронном виде органам местной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000108>. – Дата доступа: 27.09.2020.
2. Цифровая демократия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sonar2050.org/publications/cifrovaya-demokratiya/>. – Дата доступа: 27.09.2020.
3. Избирательный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000370/>. – Дата доступа: 27.09.2020.
4. Местные референдумы Республики Беларусь. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://knowledge.all-best.ru/law/3c0a65635a3ac79a5d43b89421306d37_0.html/. – Дата доступа: 27.09.2020.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

C.А. МЕНИЦКАЯ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А.Л. РАДЮК)

В статье анализируется белорусское законодательство в отношении персональных данных, рассматриваются средства их защиты от различного рода взломов, на основе положительного опыта зарубежного законодательства в данной сфере. А также предлагаются методы совершенствования национального законодательства на пути к реализации электронного голосования.

Сведения о жизни гражданина, его интересах всегда привлекали внимание государственных органов и собирались разными ведомствами. В настоящее время во всех развитых странах также осуществляются сбор, обработка и хранение информации о личности в разных объемах. Реализация электронного голосования в том числе предполагает взаимодействие с персональными данными гражданина. В связи с этим важным является вопрос защиты персональных данных человека от вмешательства сторонних лиц в его жизнь. Поэтому актуальной стала объективная потребность в гармонизации интересов личности и государства в области оборота информации персонального характера, что и обусловило появление в правовой науке специальной юридической категории – института персональных данных личности.

Для начала, стоит разобраться что из себя представляют персональные данные. Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» определяет персональные данные физических лиц как совокупность основных и дополнительных персональных сведений, а также информации о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц [1].

Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» содержит определение термина «персональные данные», под которым необходимо понимать основные и дополнительные персональные сведения о физическом лице, подлежащие внесению в регистр населения в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, а также иную информацию, позволяющую идентифицировать такое лицо [2].

Исходя из этого, можно сформулировать указанное понятие как любые сведения, относящиеся к прямо или косвенно определённому или определяемому физическому лицу, которые предоставляются другому физическому или юридическому лицу либо лицам.

В числе основных персональных данных, использующихся непосредственно в избирательной сфере относятся идентификационный номер, фамилия, собственное имя, отчество, число, месяц, год рождения, место рождения гражданина. Защита данной информации, безусловно, нуждается в правовой регламентации и надежной охране со стороны государства.

Стоит отметить, что самый большой недостаток электронного голосования – это различного рода взломы. Они могут осуществляться либо с помощью физического вмешательства, либо с помощью удаленной атаки через Интернет. Поэтому следует системно подойти к вопросу реализации электронного голосования в Республике Беларусь.

Во-первых, следует определить какими средствами обеспечить онлайн-голосование. У каждого гражданина должен быть свой персональный код. Чтобы создать хорошие условия для проведения онлайн-голосования, первым делом необходимо отличать одного гражданина от другого. Исходя из успешного мирового опыта данный процесс осуществляется с помощью универсальной ID-карточки [3]. Её используют, чтобы авторизоваться на сайтах банков, государственных организаций и больниц – в общей сложности можно воспользоваться тысячами различных сервисов – от покупки лицензии на рыбную ловлю до оплаты проезда в общественном транспорте.

Как правило, в каждой ID-карточке должен быть чип, у которого два «ключа» – один позволяет подписывать документы, а другой – заходить на сайты. Для этого необходимо вставить карточку в специальный ридер и подключить его к компьютеру. С распространением смартфонов и мобильного интернета чипы так же начали интегрировать прямо в SIM-карты.

В Швейцарии, например, первое голосование через Интернет было проведено в 2004 году на федеральных выборах. Здесь также применялась специальная ID- карточка, но только одноразового использования. А каждые два месяца в стране проходят референдумы, в которых проголосовать за принятие решений могут и обычные граждане посредством интернет-голосования.

Для регистрации своего голоса, непосредственно перед проведением голосования, гражданин должен приобрести одноразовую карточку в ближайшем отделении почты, предъявив свой паспорт. Затем следует само голосование: участник вводит идентификатор карточки, отмечает варианты, удовлетворяющие его взглядам и вводит секретный код, предварительно стерев защитный слой над ним. После проведения этой процедуры, он получает электронное подтверждение – метку, по которой в дальнейшем может проверить результаты в административных учреждениях кантона.

Еще один способ идентификации - мобильная идентификация, Mobil-ID. Идея Mobil-ID состоит в следующем. На SIM-карту мобильного оператора сверху записываются вышеуказанные два приложения – идентификационное и электронная цифровая подпись [4, с.17]. Таким образом, пользователь Mobil-ID может идентифицировать себя с помощью мобильного телефона, с той лишь разницей, что ему не нужно для этого считывающее устройство для ID- карты. Это очень удобно тогда, когда человек оказывается за рубежом.

Можно с уверенностью сказать, что данный вопрос является действительно важным, так как электронное голосование – это фактически дистанционное голосование, позволяющее не привязывать волеизъявление граждан к фактическому месту нахождения, а это невозможно без использования специальных технических средств.

Исходя из вышесказанного, возникает необходимость обеспечить систему защиты личных данных каждого гражданина, так как каждое действие человека или должностного лица, которое запрашивает информацию, оставляет след. Для обеспечения безопасности данных имеет смысл создать единый портал электронного правительства в Республике Беларусь, который будет функционировать на основании такого принципа, что каждый гражданин сможет сам контролировать статистику просмотров своих данных. Так же необходимо обеспечить возможность, в случае обнаружения пользователем незаконного просмотра его данных сотрудниками государственного аппарата, обжаловать такие действия чиновников.

Законодательством Эстонии, например, предусмотрены меры наказания за подобные деяния: штрафы, понижение в должности или – возбуждение уголовного дела. Кроме того, единый портал электронного правительства разделен на «услуги» и «вход», отдельно – для граждан, чиновников и бизнеса, при этом, человек не прошедший авторизацию, в данную вкладку не войдет.

В США интернет-голосование хоть и стоит в списке приоритетных направлений развития, но масовые выборы через интернет провести не удалось, так как специалисты по безопасности написали неутешительный отчёт о самой системе выборов [5, с. 137]. Это произошло всего за полгода до начала выборов, когда система была полностью готова к использованию. В прошлом году в округе Колумбия начались активные испытания другой системы – DigitalVotebyMail, призванной обеспечить возможность голосования для граждан США, проживающих за границей. Схема работы этого вида голосования достаточно проста – пользователь получает 16-значный ключ для авторизации в системе, заполняет бюллетень и система сохраняет заполненный документ в зашифрованном виде.

На основе вышезложенного следует предложить создание «цифровых посольств» в дружественных государствах, чтобы обеспечить надёжную защиту от особенно масштабных хакерских атак. Все-таки, интерфейс электронного голосования проще, чем бумажные бюллетени с их мелким текстом. Данные, введенные избирателем в онлайн-форме шифруются и отправляются на сервер голосования, а затем эти данные расшифровываются в день голосования в определенное время.

Нельзя не отметить, что для реализации электронного голосования в полной мере в Республике Беларусь необходимо создание специализированного органа, который занимался бы развитием электронного правительства, включая электронное голосование в Беларуси. В Украине есть Агентство электронного правительства, в России Центр технологий электронного правительства, в Беларуси есть только несколько экспертных групп, которые занимаются исследованием этой темы, но не имеют механизмов влияния. Какое-то время вопрос развития электронного правительства находился в ведомстве Министерства связи и информатизации. Ответственным органом был Департамент информатизации. Однако в октябре 2017 года его упразднили [5].

Для нашей страны также актуальным является вопрос принятия закона о персональных данных, в котором будут закреплены понятие «персональные данные», уполномоченный орган по защите персональных данных, условия и порядок их обработки, определены права, обязанности и ответственность всех участников процесса оборота таких данных и другие положения. Необходимо также, чтобы в законе нашли отражение вопросы, связанные с введением в Беларусь ID-карт. Данный закон будет надежной гарантией обеспечения прав и свобод граждан в Республике Беларусь. В настоящей работе рассмотрены и описаны основные вопросы, которые должны быть отражены в новом законе.

Только при наличии всех этих элементов защиты Республика Беларусь может без каких-либо сомнений сделать выбор в пользу электронного голосования. Потому что взлом институциональной информационной безопасности всей страны поставят под сомнение всю демократическую систему, которая намеревается внедрить электронное голосование. Обеспечение безопасности коммуникаций в процессе электронного

голосования и защита конфиденциальности персональных данных граждан являются двумя фундаментальными требованиями для перевода избирательных процессов из физической среды в электронную.

ЛИТЕРАТУРА

1. О регистре населения: Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.
2. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 мая 2016 г. № 362-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Абызов обеспокоен низкими темпами роста доли электронных госуслуг [Электронный ресурс] // Агентство ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: <http://d-russia.ru/itogi-oprosa-e-demokratiya-i-e-pravitelstvo-vostrebovany-v-rossii.html>. – Дата доступа: 23.09.2020.
4. Буринов, М.А. Электронное правительство как фактор совершенствования регионального управления в условиях информационного общества / М.А. Буринов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 3. – С. 17–19.
5. Дьякова, Е.Г. Эволюция электронного правительства как нормативного концепта: от оказания услуг к открытому правительству / Е.Г. Дьякова // Вестник НГУ. Серия «Философия». – 2012. – Т. 10, вып. 3. – С. 134–138.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА APPLE

С. С. ОЛЕСЬКО
(Представлено: П. В. СОЛОВЬЁВ)

В данной статье интересы личности, общества и государства рассматриваются сквозь призму такого базового понятия как конституционно-правовой баланс. На фоне показательного примера с делом Apple автор демонстрирует то, насколько зачастую парадоксально нетипичные ситуации возникают в плоскости столкновения конституционно-правовых интересов личности, общества, государства в сфере информационных правоотношений и как они разрешаются на практике.

На современном этапе развития юридической науки и практики весьма незначительное внимание уделялось вопросу об ограничении интересов (прав и свобод) личности. На научных просторах Беларуси, а также ряда зарубежных стран имеется заметный дефицит глубоких и комплексных знаний по названной тематике, ввиду чего уместным будет провести настоящее исследование.

Конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства есть состояние уравновешенности конституционно-правовых интересов личности, общества и государства. Эта категория относится к базовым принципам конституционного права. В информационных правоотношениях принцип сбалансированности конституционно-правовых интересов личности, общества и государства проявляется в поддержании равновесия в защите интересов названных субъектов. Названный принцип – ни равенство, ни одновесность понятий, в нём отсутствовал бы смысл, если интересы личности, общества и государства не конкурировали между собой, а интересы личности не могли быть ограничены. В данной связи принцип сбалансированности играет роль средства защиты конституционно-правовых интересов каждого субъекта.

Основу ограничения интересов личности заложила Конституция Республики Беларусь, что вполне справедливо, ведь, в отличии «от других нормативных актов, Конституция является Основным Законом» [1, с. 62]. Её структура далеко неслучайна. Так, весьма интересно, что раздел II поименован как «личность, общество, государство». И последовательность указанных слов совсем не хаотична. Первична личность, а вот общество и государство вторичны – так провозгласила Конституция, поставив тем самым в приоритет интересы личности. Вместе с тем, И. И. Пляхимович пишет: «конституционное право ведущих государств вступает на такую стадию, когда привычные принципы не могут приниматься без оговорок» [2, с. 6].

Символично, что преамбула расположена именно в начале белорусской Конституции. Тем самым она сохранила в себе всё то, что стремился донести до нас народ при её принятии. Ведь неслучайно народ прошлого поколения указал в ней о своём стремлении утвердить права и свободы каждого гражданина и возложил обязанность по исполнению данной задачи на государство. Неспроста государство ответственно перед гражданином за создание условий, способствующих свободному и достойному развитию личности, а тот, в свою очередь, – перед государством за беспрекословное исполнение Конституции и её законов.

Как государство, так и его каждый гражданин всегда должны следовать данному *условию*, соблюдая тем самым двустороннюю договорённость. Государство действительно обязано создать соответствующие условия для гражданина, но только в том случае, если последний ответственно следовал закону. Вместе с тем, государство может рассчитывать на исполнение гражданином своих конституционных обязанностей лишь при условии, что им самим для того было сделано всё необходимое. Названное условие необходимо расценивать как правило ограничения интересов личности, соблюдение которого является необходимым критерием для конституционности ограничения интересов личности.

Особо интересно, что в тексте Основного Закона Беларуси, в частности, в разд. II, часто фигурирует термин «*каждый*». При этом он употребляется лишь в единственном числе, как и термин «личность». Тем самым, на наш взгляд, был продемонстрирован особый характер взаимоотношений личности с обществом и государством, называемый *индивидуализированным*. Думается, поэтому человек, его права, свободы и гарантии их реализации явились высшей ценностью и целью общества и государства [3], как это прописано в ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь. Исходя из существа такой нормы, интересы личности были поставлены во главу угла и определены как вектор для продвижения интересов общества и государства. В соответствии с нормой ч. 1 ст. 2 Конституции Беларуси, интересы общества и государства, в чём бы они не заключались, всегда должны соответствовать интересам личности как цели, в достижение которой они реализуются. Из сказанного выше следует, что между личностью и обществом, личностью и государством существует двусторонняя связь, определяющая их взаимную ответственность. Выходит, в каждом случае без исключения подход должен быть свой, индивидуальный, ведь каждая личность по-своему уникальна, она представляет собой необычайную ценность для общества и государства. Данное правило является ещё одним необходимым условием конституционности ограничения интересов личности.

В ст. 23 Конституции Республики Беларусь зафиксированы конституционные основы ограничения интересов личности, а в ст.ст. 24-27, 34, 63 и др. – пределы его осуществления. Необходимо отметить, что норма ст. 23 одна из немногих имеет прямое действие и подлежит непосредственному применению, ввиду чего характер её толкования имеет существенное значение для правоприменительной деятельности.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Основного Закона, ограничение интересов личности допускается только в исключительных случаях и целях, составляющих исчерпывающий перечень. В частности, ограничение интересов личности допускается только тогда, когда оно напрямую предусмотрено «законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [3]. Любое другое основание, нежели здесь прописанное, не может расцениваться как законное. Весьма справедливо в этом ключе пишет учёный А.Н. Пугачёв: ограничение интересов личности есть «исключительные меры, предусмотренные законом, и только в тех пределах, в каких это необходимо» [4, с. 221]. Из существа тезиса можно вычленить два важнейших правила ограничения интересов личности:

- 1) такое ограничение должно быть условным, т.е. носить исключительный характер;
- 2) оно должно осуществляться в определённых пределах, устанавливаемых специально в каждом случае, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Это значит, что иные варианты (основания, условия, правила, случаи и цели) не могут приниматься в обоснование ограничения интересов личности.

Исключительный характер ограничения интересов личности определяется посредством реализации т.н. *презумпции большего вреда*. Думается, что именно поэтому суды, приговаривая человека к смертной казни, произносят ту звучную фразу: «именем Республики Беларусь… приговаривается к исключительной мере наказания». Тем самым государство иллюстрирует то, что уже никакие другие варианты не способны сохранить устои белорусской государственности непоколебимыми. Рассуждая на тему ограничительных норм, С.А. Горшкова заметила: нормы такого характера вводятся исключительно с «целью установления равновесия между правами отдельных граждан и интересами общества и государства в целом» [5, с. 83–84].

Возвращаясь к вопросу об исключительности, необходимо пояснить один немаловажный аспект о применяемых *мерах ограничения*. Напомним о том, что А.Н. Пугачёв придавал особое значение характеру исключительности при избрании мер, направленных на ограничение интересов личности. Так, связывая в едином узле такие характерные понятия как исключительность ограничения интересов личности, а также индивидуализированность её взаимоотношений с обществом и государством, можно определить то, какие именно меры ограничения должны применяться к конкретной личности. Доскональный анализ названных категорий показал, что меры, направленные на ограничение интересов личности, должны соответствовать:

- 1) правовому статусу личности;
- 2) принципу разумности, заключающемуся в максимальной защите интересов общества и государства при одновременном минимальном ущемлении интересов личности.

Не требующим доказывания является тезис о том, что всё имеет свои пределы. В этой связи следует констатировать, что ограничение интересов любой личности также должно иметь свои *пределы*. Практика правоприменительной деятельности не только Беларусь, но и многих зарубежных стран свидетельствует, что давно набушевавшим является вопрос об определении пределов ограничения интересов личности. В первую очередь, это связано с тем, что пределы ограничения ставят «жирную точку» во всех тех действиях общества и государства, которые направлены на ограничение интересов личности, однако по своим целям и мерам их достижения не соответствуют Основному Закону, а значит и противоречат интересам личности. Выполняя сдерживающую функцию, пределы ограничения интересов личности проводят некую параллель в конституционности вторжения интересов общества и государства в сферу интересов личности. В данном случае ключевую роль в определении таких пределов должны занимать следующие факторы:

- продолжительность,
- меры,
- цели.

В случае, если ограничение интересов личности осуществлялось не по правилу ч. 1 ст. 23 Основного Закона Беларуси, применению подлежат его правовосстановительные положения, в частности, ч. 3 ст. 59, в соответствии с которой непосредственно государственные органы, должностные и иные лица, которым было доверено исполнение государственных функций, несут ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности. Вместе с тем, – заметил Н.И. Матузов – каждая личность должна «строить свое поведение в соответствии с требованиями Основного Закона, блюсти общий интерес, исполнять свой долг, уважать права» [6, с. 44] и свободы других, а иначе – отвечать в соответствии с законом. Однако названное правило касается не только личности, но также общества и государства. Б.С. Эбзеев утверждает [7, с. 60], что использованный в преамбуле Основного закона термин «ответственность» в данном случае составляет основу основ конституционного строя. Он определяет фундамент взаимоотношений народа и государства, последнее из которых должно обеспечивать охрану личности, её жизни и здоровья, имущества и прав.

Вышеуказанные аспекты всегда должны учитываться при ограничении интересов абсолютно любой личности. В то же время, юридическая практика разворачивает картину в пол оборота. Так почему же тогда современная практика показывает совершенно иную, абсолютно противоположную по смыслу картину, а соблюдение провозглашённого приоритета интересов личности – скорее идеализированное исключение, нежели реалистичное правило? Суть сказанного справедливо раскрыта в следующих строках: и так должно быть, // но нет на самом деле – // предписано веками перемен: // всё то, чего мы так давно хотели, // уж не настигло стольких поколений смен. Высока вероятность, что и последующие поколения в подобной эпохе встретят свой век.

Рассмотрим, как могут быть расставлены приоритеты в конфликте интересов личности, общества и государства на примере дела «Apple». Так, в конфликте интересов, с одной стороны, выступала компания Apple, смартфонами которой пользуются граждане, с другой – США, требующее от этой компании создать программное обеспечение, позволяющее получать доступ к информации, которая хранится на смартфонах их пользователей.

Тем самым США хотело получить возможность свободного доступа к информации, хранящейся на смартфоне любого пользователя, в целях обеспечения национальной безопасности, а также общественного порядка. Этим государство противопоставило свой и общественный интересы интересу каждой отдельной личности. Получается, государство выбирало между свободным доступом к информации, хранящейся на смартфоне любого пользователя, и обеспечением тайны его личной жизни. В данном случае на чашу весов были поставлены такие блага как национальная безопасность и общественный порядок – с одной стороны, конституционное право на тайну личной жизни – с другой. Причём в действительности интересы общества и государства защищались в первую очередь, а вот интересы личности – уже потом.

Так противостоят интересы личности, общества и государства. Хоть компания Apple и была обязана предоставить США в соответствии с решением суда программное обеспечение для получения информации со смартфона пользователя, тем не менее её получение должно было осуществляться при неукоснительной защите конституционных положений о тайне личной жизни. Таким образом, вопрос следовало решать так, чтобы интересы не только общества с государством, но и личности были удовлетворены.

К несчастью, практика показала другое. Приходится констатировать, что консенсус между Apple и США так и не был достигнут. По заданию США хакеры взломали смартфон компании Apple, получив тем самым возможность доступа к информации, содержащейся в любом таком устройстве, преодолевая таким образом конституционное право на тайну личной жизни. С точки зрения личности, это значило только то, что государство защищало исключительно свой и общественный интересы – национальную безопасность и общественный порядок. О защите интереса личности речь не шла, поэтому её право на информационную безопасность было ограничено, хотя реальной необходимости в том не было. Тем самым в данном случае государство продемонстрировано то, чьи интересы для него были более важными, а чьи – мене.

Очевидно, что в действительности так быть не должно. Достигнув определённой договорённости, можно было разработать такие механизмы, с помощью которых раскрывалась бы только та информация, которая содержит или может содержать сведения об угрозе национальной безопасности и общественному порядку. Предоставление сведений было бы выборочное, благодаря чему права пользователей не были бы ограничены безосновательно.

Нет сомнений, что защита национальной безопасности и общественного порядка как основания, как цели ограничения интересов личности в данном случае не являлись обоснованными. Ведь совершенно нет смысла получать доступ к информации, содержащейся в смартфонах всех пользователей разом, ущемляя этим их конституционное право, на это должны быть веские причины, которых, увы, по факту не было. Из теории права известно, что, предоставляя личности определённое право, государство создаёт новый режим правового регулирования, в соответствии с которым ограничение данного права является отступлением от обычного режима правового регулирования.

Государство, конечно, при ограничении тех или иных интересов личности может избирать принцип особой значимости своих и общественных интересов, но только в случае гарантирования удовлетворения интересов этой личности. Наш пример показал другую картину, где интересы личности удовлетворено не было, а защищались интересы исключительно двух субъектов – общества и государства. Это означает, что конституционный принцип сбалансированности не соблюдался.

Следует отметить, что ранее историй, подобных этой, не было. Однако, уже через небольшое время юридической практике стал известен новый казус, произошедший в 2018 году, – т.н. дело Telegram против Российской Федерации, которое сегодня стало первой глобальной историей подобного рода. Оно является прецедентным, а его последствия – очень важными как для Российской Федерации, так и ряда иных стран. Неслучайно Европейский Суд по правам человека в последние годы испытывает всё больший интерес к вопросам, связанным с интернетом и правовым регулированием сети.

Возвращаясь к вопросу о правилах ограничении интересов личности, необходимо провести анализ соответствия приведённого дела Apple предложенным критериям ограничения. Начать следует с ответа на вопрос: был ли случай с Apple исключительным? Небесспорный вопрос. Вместе с тем, Н.С. Бондарь

[8, с. 134] поясняет: государство при ограничении интересов личности действительно может избирать принцип особой значимости своих интересов, однако, в отличие от неё, оно призвано обеспечивать устои их обоих как условие их естественного существования, гарантировав удовлетворение интересов той личности как в её единичном, так и концентрированном выражении. Исследуемый пример показал: интересы личности не защищались, а защищались интересы исключительно общества и государства. Тем самым, такой ключевой принцип как сбалансированность конституционно-правовых интересов личности, общества и государства не соблюдался. Как справедливо отмечает И.Н. Маланыч, любое правоотношение устойчиво только тогда, «когда сбалансировано его юридическое содержание – взаимные права и обязанности субъектов» [9, с. 98]. В нашем случае такой сбалансированности не усматривалось.

Помимо того, приходится констатировать, что отсутствовал и индивидуализированный характер во взаимоотношениях личности с государством, поскольку результативного «общения» между ними, которое позволило бы им прийти к консенсусу, не было. В.Н. Влазнев указывает, что государственное управление должно использоваться «не в качестве инструмента диктатора» [10, с. 125], а как средство удовлетворения конституционных потребностей личности, посредством достижения с нею мира и согласия на паритетных началах. Наш пример показал, что государство ставило личность в зависимое положение через фиктивную реализую презумпции большего вреда, обосновывая ограничение её интересов всеобщим благом.

Отсутствовали и видимые пределы ограничения, а избранные меры не соотносились с намеченными целями. Так, опирируя понятиями национальная безопасность и общественный порядок, государство «куёт оковы», абсолютно не сдерживая себя переделами ограничения интересов личности. Оно избирает те меры, которые по своему характеру являются разумными и соответствуют избранным целям, не отвечая при этом перед личностью за вред, причинённый неконституционным ограничением её прав и свобод. Как отмечает Л.Ю. Грудцына, в последние годы ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная власти реально не ощущают себя связанными правами человека [11, с. 36], провозглашёнными в конституциях, в связи с чем интересы личности постепенно уходят на периферию, создавая «вакантные» места для интересов общества и государства. Объясняя данную ситуацию, П.П. Баранов констатировал, что государствам «ещё предстоит изжить традиции отношения к человеку как к подданному – зависимому и послушному исполнителю» [12, с. 115], навязанные диктаторством прежних «царей».

Проведённое исследование показало, что принцип конституционно-правовой сбалансированности интересов личности, общества и государства в информационных правоотношений на примере дела Apple объективно не соблюдался. Это ярко проиллюстрировало то, какие тенденции практики правоприменения намечены многими странами современного Мира. Видится, что для отхода от этой тенденции потребуется немалое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю.И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л.М. Энтина. – М. : Норма, 2004. – 832 с.
2. Пляхимович, И. И. Основы конституционного строя: теория института / И. И. Пляхимович ; Белорусский государственный университет. – Минск : Право и экономика, 2008. – 160 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
4. Пугачёв, А. Н. Конституционное право : учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». В 3 ч. Ч. 2. Основы конституционного строя и правового статуса личности. В 2 кн. Кн. 2. Рекомендации к практическим занятиям / А. Н. Пугачёв, И. В. Вегера. – Новополоцк : ПГУ, 2010. – 344 с.
5. Горшкова, С. А. Дерогация по Европейской конвенции и Россия // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4. – С. 83–84.
6. Матузов, Н. И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 41–48.
7. Эбзес, Б. С. Личность и государство в России : взаимная ответственность и конституционные обязанности : монография. – М. : Норма, 2007. – 384 с.
8. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия : защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации : монография. – М. : Юстицинформ, 2005. – 592 с.
9. Маланыч, И. Н. Анализ и оценка соотношения интересов личности, общества и государства при конституционном регулировании права граждан на информацию // Юридические записки. Вып. 17. Государственная власть в России : Проблемы осуществления и развития / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2004. – 476 с.
10. Влазнев, В. Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 200 с.
11. Грудцына, Л. Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России : монография / под ред. Н. А. Михалевой. – М. : Деловой двор, 2008. – 352 с.
12. Баранов, П. П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. – 145 с.

УДК 342

ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С.С. ОЛЕСЬКО

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В настоящей статье сквозь призму конституционных ценностей рассматривается человеческое здоровье. Проводится доскональный анализ положений Основного Закона Беларуси в части констатации здоровья человека. Отмечается, что конституционными положениями продифференцировано здоровье человека на отдельные виды. Предложена и обоснована новая категория в науке конституционного права – «демографическое здоровье». Подчёркнута её связь с демографической безопасностью страны.

Принимая Основной Закон и стремясь утвердить тем самым права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь, народ исходил из чувства своей ответственности за настоящее и будущее Беларуси, опирался на многовековую историю развития белорусской государственности [1]. Осознание позитивной ответственности перед нынешним и будущими поколениями Беларуси побудило народ, ощущивший своим «горьким» опытом исторической судьбы всю ценность слова «свобода», подтвердить и так имеющуюся в его духе приверженность всем основным общечеловеческим ценностям, закрепив их столь «жёстко» на уровне Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция). Такие ценности приобрели название и статус конституционных.

Конституционные ценности – это собирательная категория, включающая в себя исторический, идеологический, культурный, политический, социальный, духовный и ряд других аспектов существования человека на определённом этапе развития общественно-государственного устройства.

В связи с этим *конституционные ценности* необходимо рассматривать как сформированные на историческом, культурном и подсознательном уровне представления и идеалы об организации и развитии общественно-государственного устройства, отражённые в виде обобщённых ключевых стратегических приоритетов (в виде принципов и целей) общественно-государственного развития, которые определены и закреплены как вектор конституционного развития на уровне конституции и конституционных законов и разъясняются органом конституционного контроля в своих актах конституционного правосудия, исходя из конкретных условий определённой исторической эпохи, в целях поддержания оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие.

Значение конституционных ценностей в современном мире определяется характером правового регулирования определённых общественных отношений в конкретных сферах и областях общественно-государственной жизни.

Конституционные ценности – это в первую очередь, но не только правовая категория, в связи с чем, ряд из них не всегда охраняются нормами права. Право акцентирует внимание на принципиально важных из них. Следует констатировать, что сегодня существует множество конституционных ценностей, в связи с чем, мы уделим внимание лишь одной из них – *здоровью человека*.

В первую очередь, необходимо сделать немаловажную оговорку о том, что среди конституционных зачастую выделяют такие ценности как *право человека на здоровье* и *непосредственно здоровье человека*. Вместе с тем, несмотря на то, что названные категории являются смежными, по сути они не идентичны, а лишь обуславливают друг друга. С исследовательской точки зрения особый интерес для нас представляет непосредственно здоровье человека как конституционная ценность в Республике Беларусь.

Как ни странно, Конституция не содержит такого права человека как право на здоровье. В то же время, в ч. 1 ст. 45 Конституции государство гарантирует право на охрану здоровья человека [1]. Видится, что таким образом законодатель отразил свою официальную позицию относительно того, что само по себе здоровье является ценностной прерогативой человека. Роль государства состоит в обеспечении условий для защиты человеком своего здоровья, т.е. в его охране. Государство не просто не должно учинять каких-либо препятствий человеку в защите своего здоровья, но и, более того, оно обязано создавать условия, способствующие сохранению и восстановлению его здоровья.

Констатация здоровья человека как конституционной ценности исходит из ч. 1 ст. 2 Конституции, в которой человек провозглашается в качестве *высшей ценности и цели общества и государства* [1]. Примечательно, на наш взгляд, что, формулируя названную норму, законодатель не использовал термин «личность», как, к примеру, это сделано в наименовании разд. II или ряде отдельных норм Конституции, а избрал именно термин «человек». «Личность» – это социальная категория, личностью человек становится в социуме, в обществе. То, что касается термина «человек», то это, по большей мере, уже биологическая категория, которая, однако, имеет социальный потенциал. Неспроста же говорят, что человек – существо социальное. Как бы тавтологично это не звучало, но человек человеком становится от рождения, а вот личностью – только пребывая среди иных особей человеческого рода.

Синтезируя приведённые доводы, можно прийти к умозаключению, что в ч. 1 ст. 2 Конституции законодатель идеино возложил человека в понимании его не только как существа социального, но также и существа биологического, для которого значение вопроса о здоровье продиктовано самой природой. В развитие данной мысли следует подчеркнуть, что, рассматривая человека с точки зрения высшей ценности и цели, неправильно и противоречиво говорить о том, что здоровье человека для общества и государства не представляет никакой ценности. Априори это не соответствует идеям, зашитым в тексте Конституции.

К примеру, граждане Республики Беларусь имеют право на бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения (ч. 1 ст. 45 Конституции [1]). Государство создаёт условия доступного для всех них медицинского обслуживания (ч. 2 ст. 45 Конституции [1]). Государством обеспечивается развитие физической культуры и спорта, принимаются меры по оздоровлению окружающей среды, предоставляется возможность пользоваться оздоровительными учреждениями, а также совершенствуется охрана труда (ч. 3 ст. 45 Конституции [1]). Помимо всего прочего, государством запрещается участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов (ст. 31 Конституции [1]), запрещённых Уголовным кодексом Республики Беларусь (т.к. жертвоприношение, в т.ч. людей, и пр.); применять пытки к человеку, жёстко, бесчеловечно, унижающие к нему относиться или наказывать, применять медицинские или иные опыты (ч. 3 ст. 25 Конституции [1]); мн. др. (ч. 3 ст. 5, ч.ч. 1 и 3 ст. 10, ст.ст. 11, 12 и 14, ч. 3 ст. 16, ст.ст. 23–25, ст. 43, ч. 6 ст.ст. 44, ст.ст. 46 и 47 Конституции, пр.). Резюмируя сказанное, можно прийти к логичному выводу о том, что государством проявляется забота о здоровье человека путём создания условий для сохранения и восстановления его здоровья и тем самым демонстрируется его ценностное значение.

Изложение в конституционном тексте какого-либо права человека и гарантий его реализации со стороны государства свидетельствует о том, что для одной стороны таких взаимоотношений – человека то благо, о котором говорит соответствующее право, является ценным, а другая их сторона – государство официально признаёт такую ценность и возлагает на себя определённые обязанности по её охране. Данный вывод подтверждается тем, что в юридической науке презумируется корреспондирующий характер прав и обязанностей субъектов правоотношений. Таким образом, мы можем говорить о такой новой правовой категории как «признание ценности».

Важно акцентировать внимание то, что отдельные положения Конституции подчёркивают ценность человеческого здоровья, а некоторые из них – в принципе говорят о здоровье определённых категориях представителей человеческого рода. Так, к примеру, в ч. 3 ст. 32 Конституции речь идёт одновременно о праве и обязанности родителей и лиц, их заменяющих, проявлять заботу о здоровье детей (*атипичная категория совпадения права и обязанности, в рассматриваемом случае – родителей и лиц, их заменяющих, проявлять заботу о здоровье детей, стимулирует их к принятию мер по защите данной конституционной ценности в добровольном порядке; в то же время, защита конституционной ценности в виде здоровья детей может обеспечиваться и принудительными методами (санкционированными государством), если добровольно соответствующими лицами она не обеспечивается*). При этом, последовательно раскрывая свою мысль в ч. 3 ст. 32 Конституции, законодатель также пояснил, что ребёнок не должен подвергаться жёсткому обращению или унижению, а также привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию [1]. Из содержания процитированной нормы следует, что государством осуществляется особая охрана здоровья детей, т.е. человека в юридическом возрасте до 18 лет, и принимаются соответствующие методы убеждения и принуждения для защиты этой конституционной ценности.

Особо интересно, что Конституцией не оговорено то, охрану какого именно человеческого здоровья гарантирует государство: *физического* и (или) *психического*. Думается, что отсутствие дифференциации здоровья человека на данные виды подразумевает то, что физическое и психическое здоровье охраняется Конституцией одинаково – равноценно, а человек, в свою очередь, формально-юридически обладает также равными возможностями в защите своего физического и психического здоровья, а также прав, связанных с ним. Об этом свидетельствует ранее указанная норма ч. 3 ст. 32 Конституции, где речь идёт о причинении вреда «физическому, умственному или нравственному развитию» ребёнка.

Например, в ч. 4 ст. 32 Конституции говорится о *здравье женщин*, т.е. конституционно здоровье человека делится не только в зависимости от его сущности, но также и по половозрастным признакам [1]. В ч. 6 той же статьи Конституции здоровье не называется, вместе с тем, говорится о том, что молодёжи гарантируется право на нравственное и физическое развитие. Можно предположить, что Конституцией в отдельный вид выделяется и *здравье молодёжи*, т.е. людей в юридическом возрасте от 14 до 31 года. В ч. 1 ст. 23 Конституции также говорится о *здравье населения* [1]. При этом важно отметить, что в ней не конкретизировано, какое именно это население (к примеру, деревни, района в городе или государства в целом либо несовершеннолетние, престарелые, либо социальные меньшинства и т.д.). Видится, что, в силу ст. 22 Конституции, согласно которой «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов», в указанной норме законодательства в термин «население» заложен смысл всех людей, вне зависимости от их этнической, религиозной или иной принадлежности. В силу юридического значения ст. 23 Конституции – института ограничения прав и свобод личности,

можно прийти к основательному выводу о том, что здоровье населения возведено в разряд особо значимого, в связи с чем, ему придаётся особая ценность.

Удивительно, что в Конституции также говорится и о *здоровье иных лиц*, например, Президента (ч. 1 ст. 88 [1]), лиц, утративших его при защите общественных и государственных интересов (ст. 47 [1]). Полагаем, что тем самым подчёркивается статусное положение таких лиц, их бесценная роль в жизни общества и государства.

Приведённые примеры отражения в Конституции категории «здоровье», рассматриваемого нами в качестве конституционной ценности, дают нам право говорить о такой принципиально новой категории в науке конституционного права Республики Беларусь как *демографическое здоровье*. *Демографическое здоровье* – это *обобщённая* категория, её содержание охватывает здоровье всех без исключения людей, которые официально зарегистрированы в стране, преломлённое сквозь призму половозрастных и иных признаков каждого конкретного человека (социальное и материальное положение, место жительства, пр.). По сути дела, данная категория должна иллюстрировать действительную картину о состоянии здоровья людей в стране и, соответственно, уровне реальной защиты данной конституционной ценности. Таким образом, демографическое здоровье находится в неразрывной взаимосвязи с вопросом о *демографической безопасности страны*. При таких обстоятельствах, демографическое здоровье как *позитивное социальное явление* является безусловной конституционной ценностью Республики Беларусь.

Подводя итог сказанному, важно отметить, что сегодня, в ныне существующих реалиях, в качестве одной из важных конституционных ценностей в Республике Беларусь является здоровье человека. Как конституционная ценность человеческое здоровье имеет свою дифференциацию, что позволяет говорить нам о новой категории в науке конституционного права Беларуси – демографическом здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С.С. ОЛЕСЬКО

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В настоящей статье прославляется акцент на происходящий в глобальных масштабах процесс цифровизации. Подчёркивается его воздействие на сложившуюся систему конституционных ценностей и поднимается возникшая в следствие этого проблема об их переосмыслении. Отмечается проблема и о необходимости переосмысливания ныне существующих представлений о личности, обществе и государстве как субъектах конституционного развития.

На каждом историческом этапе развития общества и государства наравне с правами человека конкретизируются и конституционные ценности. В современном периоде мы перешли в т.н. «цифровую эпоху», следовательно, переосмысливать конституционные ценности нужно с учётом специфики развития информационного общества и цифрового государства.

Сейчас довольно модно говорить об информационном суверенитете и кибербезопасности как о конституционных ценностях, на что внимание обращал Конституционный Суд Республики Беларусь в своём Послании о конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году, о защите интересов виртуальной личности и о цифровой конституции. Подобные новшества являются реакцией на изменения в общественно-государственном устройстве под влиянием процесса цифровизации, который, коснулся и Республики Беларусь (цифровая экономика и её следствие – смарт-контракты, технология блокчейн и пр.). Эти и многие другие новшества не должны нивелироваться, в то же время, относится к ним следует с определённой осторожностью, поскольку в Республике Беларусь практика использования некоторых из них либо вовсе отсутствует, либо только начала формироваться.

Белорусскому государству также не следует спешить «рецептировать» успехи в этом направлении зарубежных стран (например, Швеции, Германии). Конституционные ценности других стран не должны внедряться и приспособливаться в национальную систему, конституционные ценности должны возникать «в духе реальной необходимости» – когда личность, общество и государство будут действительно к этому готовы, будут реально в них нуждаться.

Однако, следствием процесса цифровизации является не только трансформация конституционных ценностей. Переосмысливая такие ценности, без должного внимания нельзя оставить и самих личность, общество и государство, которые с ними неразрывно связаны. Указанные субъекты также должны быть пересмотрены с учётом влияния на них научно-технического прогресса. Здесь важно уточнить, что при их конкретизации нет необходимости слишком забегать вперед, но и отставать от современных веяний также не следует. В этом вопросе требуется сбалансированное поступательное и целенаправленное движение.

Многие неоднократно слышали о таких явлениях как цифровое государство (цифровая экономика, электронные правительство и правосудие) и информационное общество. Эти явления стали возможными в следствие уточнения роли общества и государства на современном этапе, её переосмысливания. Вместе с тем, помимо них, переосмыслинию подлежит и сама личность, в связи с чем, можно констатировать, что приходит то время, когда речь уже можно вести и о цифровой личности, рассматривая её с точки зрения конституционной ценности.

Однако, где место личности в условиях информационного общества и цифрового государства? Какое место здесь отведено её правам и свободам, их защите? Не станет ли личность «порабощённой» под тотальным контролем «достижений» современной науки? Это те вопросы, над которыми нам предстоит задуматься!

Процесс цифровизации, с одной стороны, благоприятно воздействует на личность, общество и государство, с другой – разрушает сложившийся уклад их взаимоотношений, нарушает конституционно-правовой баланс их интересов. В условиях процесса цифровизации в общество проникают технологии и преобразуют его в т.н. «информационное общество». В то же время, личность вынужденно «отправляется» в виртуальный мир и переводится в разряд «виртуальной». Однако, не каждая личность готова к таким переменам, в связи с чем, не все из них включаются в «новое» общество. Это обусловлено тем, что процесс цифровизации коренным образом изменяет характер взаимоотношений между личностью и обществом – традиционная коммуникация между людьми ослабевает, замещается коммуникацией, осуществляющейся с помощью информационных технологий.

В подобного рода условиях личность ставится в «жёсткие» рамки и должна «не отставать» от информационного общества, по сути дела, придерживаться предъявленных к ней требований. Кто-то такой «ритм» выдерживает, а кто-то – нет. И в последнем случае конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства нарушается.

Переосмысливая представления о личности в условиях цифровой эпохи, следует учитывать, что, с одной стороны, использование искусственного интеллекта – это большой прогресс, с другой же – своего рода регресс, поскольку общество переходит к осуществлению более примитивных форм работы и не использует свой интеллект на уровне, позволяющем развиваться в дальнейшем.

В следствие процесса цифровизации в обществе могут возникнуть «новые» конституционные ценности, как производные от уже существующих конституционных ценностей, так и опосредованные спецификой общественно-государственного устройства. К примеру, такая конституционная ценность как конституционно-правовой баланс интересов личности, общества, государства в условиях цифровой эпохи должна быть переосмыслена и рассмотрена в преломлении сквозь цифровую личность, информационное общество, цифровое государство. Серьёзным образом цифровизация затронет и такие конституционные ценности как тайны: личные, семейные и мн. д.р., что обусловлено тем, что жизнь личности, как и сама она в её цифровом представлении, станут многогранными.

Таким образом, цифровая эпоха перед юридической наукой и практикой поставляет серьёзную и принципиально важную в разрешении проблему – о переосмыслении конституционных ценностей, а также представлений о личности, обществе и государстве. Вместе с тем, внедрение достижений науки должно быть постепенным (плавным) и реально обоснованным, к нему должны быть готовы как государство, как общество, так и отдельная личность.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В.И. ПЫЖИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Статья направлена на исследование понятия и значения ограничения прав человека. В данной работе разбирается вопрос, касающийся функционирования действующего законодательства Республики Беларусь, в сфере ограничения прав человека.

Ограничения прав человека – это очень важная тема, так как права человека – это то, что касается каждого из нас. Ограничение прав человека – это тот «рычаг» давления, который должен применяться, только в случаях особой важности, например: для обеспечения общественного порядка, национальной безопасности, для защиты здоровья населения и так далее. Однако на сегодняшний день, мы видим, что в некоторых государствах, этот «рычаг» используется, как оружие в политической борьбе. Ведь, как правило, ограничением прав занимаются органы государственной власти, такие как Парламент, Суд и другие. И сейчас вопрос ограничения прав человека как никогда важен, так как мы живём в современном мире, где демократия и плюрализм мнений это очень важно. Поэтому создаются международные организации, которые занимаются работой, связанной с регулированием процессов ограничения прав человека в мире. Мы должны понимать, где и в каких случаях государству следует, и в каких случаях не следует ограничивать права человека. Также данный вопрос актуален, так как на сегодняшний день, весь мир столкнулся с эпидемией COVID-19, и для борьбы с данной проблемой, многим государствам приходится прибегать к мерам по ограничению прав человека, с целью защитить здоровье людей.

Ограничение прав человека – это установление пределов свободы личности в государстве и обществе, это очень важная сторона взаимоотношений человека, общества и государства. Это способствует достижению желаемого конституционного баланса публичного интереса и прав человека. На сегодняшний день мы видим, что во многих международно-правовых актах имеются нормы, связанные с ограничением прав человека. Например, во Всеобщей Декларации прав человека в пункте 2 статьи 29 (При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.) [1, п. 2 ст. 29] или в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах в статье 4 (Участвующие в настоящем Пакте государства признают, что в отношении пользования теми правами, которые, то или иное государство обеспечивает в соответствии с настоящим Пактом, это государство может устанавливать только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе.) [2, ст. 4]. Также, национальное законодательство каждого из государств мира имеет нормы по ограничению прав человека.

Конституция Республики Беларусь, также не является исключением, она предусматривает возможность ограничения прав, то есть определение на уровне закона конкретных пределов осуществления прав и свобод. При этом ограничения должны устанавливаться законодателем не произвольно, а на основе Конституции и закрепленных в ней таких ценностей, как верховенство права, равенство и справедливость [3, стр.221].

Нормы, связанные с ограничением прав человека, содержатся в Конституции Республики Беларусь в статье 63 (Осуществление предусмотренных настоящей Конституцией прав и свобод личности может быть приостановлено только в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом.

При осуществлении особых мер в период чрезвычайного положения не могут ограничиваться права, предусмотренные в статье 24, части третьей статьи 25, статьях 26, 31 Конституции.) [4, ст.63] и в статье 23 (Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону) [4, ст. 23]. Факты наличия норм, связанных с ограничением прав человека, как в международных правовых актах, так и национальных законодательствах, говорят о том, что данный вопрос невероятно важен.

Проанализировав деятельность международных организаций, а также нормы международного права, мы приходим к неизбежному выводу о том, что на сегодняшний день права человека перестали быть исключительно внутренним делом отдельных государств и находят свое регулирование во многих международных соглашениях. Кроме того, стоит сказать и о том, что на основе деятельности международных организаций созданы даже специальные структуры по защите прав человека, в том числе с судебными полномочиями, например, Европейский суд по правам человека.

Исходя из этого, странно звучат заявления должностных лиц, которые называют попытки международного сообщества обратить внимание на нарушение прав граждан в той или иной стране «вмешательством во внутренние дела» страны.

Следует сказать и о том, какие цели ставят при ограничении прав человека. Под целью мы понимаем то, ради чего совершаются те или иные действия. Таким образом, исходя из пункта 2 статьи 9 Всеобщей Декларации прав человека, мы можем вывести следующие цели: 1) Обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей; 2) Удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Из этого нам становится понятно, какие цели являются общепринятыми во всех демократических государствах. Поэтому во всех демократических государствах цели по ограничению прав человека схожи, так например, в части 1 статьи 23 Конституции Республики Беларусь основные цели и основания ограничения прав человека это: Национальная безопасность, общественный порядок, защита нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц; в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации основные цели и основания ограничения прав человека это: Защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [7, ст. 55]; в части 3 статьи 31 Конституции Республики Польша основные цели и основания ограничения прав человека это: безопасность государства, публичный порядок, охрана окружающей среды, здоровья и публичной морали или же свобод и прав других лиц [5, ст. 31].

На данных примерах мы видим, какие основные цели преследуют демократические государства при ограничении прав человека это, как правило, безопасность государства (национальная безопасность), общественный (публичный) порядок и защита нравственности здоровья населения, прав и свобод других лиц. Однако стоит также сказать и том что, как правило, список оснований для ограничения прав человека точно указывается в нормативном правовом акте и не подлежит расширительному толкованию. К этому стоит добавить и то, что следует сопоставлять нормы, касающиеся ограничения прав человека, с ценностью права, которое подвергается ограничению. Однако мировой практике известны случаи, когда этими правилами пренебрегали в своих целях правящие элиты, в этих случаях не может быть и речи о демократических государствах, это, как правило государства с тоталитарными или авторитарными режимами, правители которых стремились удержать власть. Даже имея демократические конституции, они прибегали к расширительному толкованию норм об основаниях по ограничению прав человека, как правило, с целью ослабить или избавиться от своих противников. Порой международное сообщество применяет санкции, чтобы наказать такие режимы, ведь их следствием является нарушение прав человека. Такие санкции останавливают все экономические взаимодействия со страной-нарушителем с целью того, чтобы повлиять на правительство страны-нарушителя и убедить его изменить свою политику. Решения о таких действиях иногда принимаются государством в одностороннем порядке, а иногда и совместно в виде санкций Совета Безопасности ООН. Истории уже известно несколько случаев связанных с санкциями в связи с нарушением прав человека. Такими примерами могут послужить санкции против КНДР, Ирака и Ирана, стран, где очевидно имеются проблемы, как с соблюдением, так и ограничением прав человека [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : прин员а резолюцией 217 А (III). Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 09.04.2020.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа: 18.04.2020.
3. Краснобаева, Л.А. Пределы и критерии ограничений прав и свобод человека [Электронный ресурс] / Л.А. Краснобаева, Ю.И. Иванова // elib.psu.by – Режим доступа: https://elib.psu.by/bitstream/123456789/18266/1/Краснобаева_c221-225.pdf. – Дата доступа: 09.04.2020.
4. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
5. Конституция Республики Польша: принята Национальным Собранием Республики Польша 2 апреля 1997 года и утверждена народом Республики Польша 25 мая 1997 года. – Варшава : Bellona, 2017. – 96 с.
6. Что такое права человека? [Электронный ресурс] // Компас: Пособие по образованию в области прав человека с участием молодёжи – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/what-are-human-rights-> – Дата доступа: 22.05.2020.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г., с изм. 5 фев. 2014 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – М. : Мартин, 2020. – 64 с.

РОЛИ ПАРЛАМЕНТА И ПРЕЗИДЕНТА В СФЕРЕ ОГРАЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В.И. ПЫЖИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Статья направлена на исследование полномочий Президента и Парламента в сфере ограничения прав человека. В данной работе разбирается вопрос, касающийся функционирования действующего законодательства Республики Беларусь, в сфере ограничения прав человека.

Парламент Республики Беларусь – Национальное собрание Республики Беларусь является представительным и законодательным органом Республики Беларусь и состоит из двух палат: Палаты представителей и Совета Республики. Состав Палаты представителей – 110 депутатов. Избрание депутатов осуществляется на основе всеобщего, свободного, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. В Беларуси парламент избирается сроком на 4 года. Палата представителей формируется полностью по мажоритарной системе (избранным считается кандидат, получивший большинство голосов избирателей по избирательному округу, где он баллотируется). Совет Республики является палатой территориального представительства. От каждой области и города Минска избираются на заседаниях депутатов местных Советов по восемь членов Совета Республики. В дополнение к ним восемь членов Совета Республики назначаются президентом Республики Беларусь. Таким образом, Совет Республики – это региональный представительный орган, состоящий из 64 членов.

Как обращают внимание конституционалисты, принимавшие участие в разработке проекта текста белорусской Конституции, члены Рабочей группы Конституционной комиссии в части 1 статьи 23 Конституции понятие «ЗАКОН» следует трактовать как акт, принятый парламентом как высшим законодательным органом страны, а не как законодательство в целом. Следовательно, государственным органом, имеющим полномочия по ограничению прав человека, является Парламент Республики Беларусь. Из этого следует, что ограничение прав человека может происходить только посредством издания закона Парламентом. В данной ситуации, наше законодательство сходится с законодательством Российской Федерации, где также установлено, что ограничение прав человека может быть ограничено только ЗАКОНОМ, об этом говорится в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, где сказано: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом...» [1, ст.55]. Однако в норме Конституции Российской Федерации, более точно сформулировано то, какой нормативный правовой акт регулирует сферу ограничения прав человека, а соответственно и точнее устанавливается субъект права, уполномоченный на ограничение прав человека, так как «федеральный закон» трактуется только как нормативный правовой акт, принятый Федеральным собранием Российской Федерации и не поддаётся другим трактовкам, в отличие от формулировки в Конституции Республики Беларусь, где «Закон» может ошибочно трактоваться как законодательство в целом. Похожая ситуация, касающаяся субъекта права наделённого полномочиями по ограничению прав человека, и в законодательстве Республики Польша. В Конституции Республики Польша установлено, что ограничение конституционных прав человека устанавливаются законом, т.е. нормативным правовым актом, принятым Сеймом Республики Польша [2, ст.31]. Проведя сравнение норм по ограничению прав человека из разных Конституций европейских демократических государств, на конкретных примерах Республики Польша и Российской Федерации, мы пришли к выводу, что в европейских демократических государствах, субъектами права, наделёнными полномочиями по ограничению прав человека являются высшие законодательные органы, также, как и в Республике Беларусь, соответственно Республика Беларусь соответствует общепринятым демократическим стандартам, которые касаются субъектов права, наделённых полномочиями по ограничению прав человека. Что является признаком того, что Республика Беларусь является демократическим государством.

В качестве примера ограничения прав человека Парламентом Республики Беларусь можно привести ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «Об информации, информатизации и защите информации», который устанавливает ограничение на пользование информацией, ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О правовом положении иностранных граждан», который ограничивает право на свободу передвижения и др.

Также следует сказать про постановления Совета Министров Республики Беларусь, которые издаются на основании законов, для реализации тех самых законов в сфере ограничения прав человека. Например, Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 208 «О введении ограничительного мероприятия» [9], которое издано на основании части пятой статьи 23 Закона Республики Беларусь № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [3, ст. 23]. Принятие данного постановления продиктовано, сложившейся сложной эпидемиологической обстановкой.

Однако, на сегодняшний день практика ограничений прав человека в Республике Беларусь пошла по другому пути. Имеется ряд декретов Главы государства, направленных на ограничение прав человека.

В качестве примеров можно привести временные декреты «О дополнительных мерах по государственной защите прав детей в неблагополучных семьях», «О некоторых мерах по совершенствованию

порядка проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, иных массовых мероприятий и пикетирования в Республике Беларусь» и «О некоторых мерах по упорядочению деятельности политических партий, профессиональных союзов, иных общественных объединений» и некоторые другие. И объясняется это «особой необходимостью».

Декрет Президента «О некоторых мерах по совершенствованию порядка проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, иных массовых мероприятий и пикетирования в Республике Беларусь», он ограничивает, одно из важнейших конституционных прав, право на свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, предусмотренного статьёй 35 Конституции Республики Беларусь. Стоит отметить, что данное право гарантирует возможность граждан на выражение недовольства действиями представителей власти или позволяет людям обратить внимание на имеющиеся проблемы в государстве.

Декрет Президента «О некоторых мерах по упорядочению деятельности политических партий, профессиональных союзов, иных общественных объединений» и некоторые другие. И объясняется это «особой необходимостью», он ограничивает право граждан на свободу объединений, предусмотренной статьёй 36 Конституции Республики Беларусь. Стоит отметить, что данное право гарантирует возможность на объединение граждан со схожими политическими или иными взглядами, что обеспечивает плюрализм мнений, что является неотъемлемой частью демократического государства. Данный акт законодательства привнёс: 1) Принцип разрешения создания общественных объединений, который был реализован путем создания дополнительного специального межведомственного органа, который принимает окончательное решение по вопросам регистрации общественных объединений; 2) Запрет на деятельность в Беларуси незарегистрированных объединений и внедрение требований об ответственности за деятельность от имени незарегистрированных объединений. Реализация этого декрета побудила сильные ухудшения как в системе законодательства об общественных объединениях, так и в правоприменительной практике. Например, законодательно определён ряд причин для отказа в регистрации общественных объединений, которые касаются самого характера негосударственной организации и которые должны оставаться вне государственного вмешательства: цели организации, методы ее работы, членство в организации.

В связи с этим обратимся к конституционным нормам о полномочиях Главы государства по ограничению прав человека. Так, положения ст. 101 Конституции устанавливает запрет на делегирование Президенту Парламентом права принятия декретов, ограничивающих права человека [4, ст. 101]. Делегирование полномочий – это передача власти, полномочий и задач другим, уполномочивание других принимать решения и выполнять те или иные задачи, перепоручение областей ответственности и задач другим.

И тут возникает вопрос о соотношении указанных выше ограничений с правом Президента на издание временных декретов. Издание данных декретов объясняется «Особой необходимостью» временных декретов, предусмотренной ч. 3 ст. 101 Конституции РБ. Однако очевидно, что если Парламент не может делегировать президенту право на издание декретов, ограничивающих конституционные права и свободы, то понятно, что Президент не может их издавать по своей инициативе, даже в случае «Особой необходимости». Также в тексте ч. 2 ст. 101 Конституции ограничение конституционных прав и свобод граждан стоит в одном ряду с изменениями Конституции либо порядка выборов, а так как Президент не может изменять и дополнять Конституцию, то соответственно не может и ограничивать права человека.

С другой стороны, исходя из ситуации, сложившейся на сегодняшний день, то, что Глава государства издаёт декреты, ограничивающие права человека, не является нарушением Конституции, ведь эти декреты временные, а в действующей Конституции нет норм, запрещающих ограничение прав человека временными декретами, ведь в ч. 2 ст. 101 Конституции РБ говорится только про делегированные декреты. Из этого делаем вывод, что по данному вопросу в действующем законодательстве имеется правовая неопределенность, которая требует решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принятая всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г., с изм. 5 фев. 2014 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – М. : Мартин, 2020. – 64 с.
2. Конституция Республики Польша : принятая Национальным Собранием Республики Польша 2 апреля 1997 года и утверждена народом Республики Польша 25 мая 1997 года. – Варшава : Bellona, 2017. – 96 с.
3. О Санитарно-эпидемиологическом благополучии населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г., №340-З: с изм. и доп. от 15.07.2019 г. №217-З. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В.И. ПЫЖИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Статья направлена на исследование значения ограничения прав человека в условиях чрезвычайной ситуации. В данной работе разбирается вопрос, касающийся функционирования действующего законодательства Республики Беларусь, в сфере ограничения прав человека.

Чрезвычайная ситуация – это обстановка на определённой территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [3].

Также стоит сказать и про сложившуюся на данный момент ситуацию. Во многих государствах правительства ввели карантинные меры в связи с распространением COVID-19. Таким образом, во многих государствах Европы было ограничено право людей на свободу передвижения, то есть людям можно выходить из дома только в крайних случаях, например, сходить в магазин или аптеку, вынести мусор или выгулять собаку. Наличие масок и перчаток – обязательно. В Беларусь нет жестких карантинных мер, но все же некоторые ограничения вводятся и у нас. Например, Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 208 «О введении ограничительного мероприятия», о котором говорилось ранее, но что, если предположить, что ситуация может ухудшиться и потребуются более строгие меры. В таком случае, согласно статье 63 Конституции, для приостановления прав и свобод личности придётся вводить чрезвычайное положение, ведь одного Постановления будет недостаточно [1, ст. 63].

Чрезвычайное положение (ЧП) – это временный правовой порядок работы правительственные организаций, а также других учреждений и их работников, внедряемый на всей территории государства либо в отдельных его регионах, также позволяющий ограничение (приостановление) прав и свобод граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, ограничение прав организаций, а также возложение на них дополнительных обязательств. ЧП может быть введено, только в случае наличия причин, которые представляют прямую угрозу безопасности жизни и здоровья людей, предотвращение которых невозможно без применения чрезвычайных мер. К подобным причинам относятся эпидемии, повлекшие (которые могут повлечь) человеческие жертвы, причинение ущерба здоровью людей и нарушение условий жизнедеятельности населения. Срок действия ЧП, вводимого на всей территории Республики Беларусь, не может превышать 30 суток, а вводимого в ее отдельных регионах, – 60 суток.

В период чрезвычайного положения могут вводиться следующие меры и ограничения:

1) полное или частичное приостановление на территории, на которой введено ЧП, полномочий государственных органов;

2) установление ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено ЧП, а также введение особого режима въезда и выезда с нее;

3) усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта;

4) установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств;

5) установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости;

6) запрещение или ограничение проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования;

7) отложение проведения забастовок или приостановление их на территории, на которой введено чрезвычайное положение, но не более чем на трехмесячный срок;

8) ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра, а также другие.

Однако, в соответствии с частью 2 статьи 63 Конституции, ни в коем случае, не могут быть ограничены права, предусмотренные в статье 24, части третьей статьи 25, статьях 26, 31 Конституции [1, ст. 63].

Карантин – это совокупность ограничительных и режимных противоэпидемических мероприятий, нацеленных на ограничение контактов (изоляцию) зараженного или подозреваемого в заражении лица, животного, груза, изделия, т/с, населенного пункта, территории, районов, областей и т.д.

В определенных ситуациях карантин подразумевает полную изоляцию эпидемического источника с вооруженной охраной по периметру [2].

Карантин вводят как одну из обычных мер по сдерживанию распространения вирусных инфекций, в том числе применяются в различных государствах, в профилактических целях, в связи с COVID-19. Действия по введению карантина должны быть безопасны и уважительны по отношению к гражданам, меры должны проводиться с осознанием того уровня опасности, который они представляют для полной реализации прав человека. Если возможно, то следует, чтобы самоизоляция была по собственной воле и инициативе. Права людей, которые находятся на карантине, должны уважаться и защищаться. Кроме этого, в случае, если границы будут закрыты или будут другие ограничений свободы передвижения, то обязано гарантироваться право поиска и получения убежища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Карантин. [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Карантин>. – Дата доступа: 27.05.2020.
3. Чрезвычайная ситуация. [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чрезвычайная_ситуация. – Дата доступа: 27.09.2020.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЭТИКА» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭТИКА»

В.А. ХВАЩЕВСКАЯ
(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В публикации рассматриваются такие понятия, как «этика», «юридическая этика», «профессиональная этика»; делается вывод о соотношении данных понятий; определяется особенность юридической этики как отдельного вида этики.

Юридические профессии, вне зависимости от специализации, зачастую предполагают прямое общение с гражданами, а также иными лицами, которые по той или иной причине вынуждены пользоваться услугами адвоката или нотариуса. Вероятно, эти лица оказались обвиняемыми или потерпевшими по уголовному делу, в таком случае неизбежно следует их дальнейшее взаимодействие со следователем, прокурором и судом. Именно ввиду того, что юридическая профессия, в любом своём проявлении, предусматривает тесный контакт с людьми, можно сделать вывод о необходимости соблюдения этических норм представителями таких профессий.

Для того чтобы рассуждать о профессиональной этике юриста, сначала следует уяснить, что мы можем понимать под этикой в целом.

Этика – это философская наука, объектом изучения которой, является мораль, нравственность как форма общественного сознания, как одна из важнейших сторон жизнедеятельности человека, специфическое явление общественной жизни [1].

Исходя из определения, можно сделать вывод о том, что этические нормы являются неотъемлемой частью взаимодействия людей в процессе жизнедеятельности.

Уже само слово «этика» вызывает несколько устойчивых ассоциаций.

Во-первых, это нечто, имеющее отношение к поведению людей.

Во-вторых, это определенный способ оценки человеческих поступков, их одобрение или осуждение.

И, наконец, в-третьих, это особый регулятор отношений между людьми, некая система нравственно-оценочных нормативов [2].

Рассматривая человека как существо биосоциальное, мы делаем вывод о необходимости его вступления в систему социальных связей и отношений. Для обеспечения беспрепятственного и эффективного взаимодействия людей необходимо наличие единых, и приемлемых для всех, этических норм. Этические нормы регулируют отношения между людьми, определяют и регламентируют способы социального взаимодействия, позволяют координировать совместную деятельность.

Более узким понятием по сравнению с «этикой» является «профессиональная этика». Под профессиональной этикой мы понимаем учение о профессиональной морали, представляющей собой исторически сложившуюся систему нравственных принципов, предписаний, заповедей и норм применительно к особенностям определенных профессий [3].

Как правило, профессиональная этика свойственна таким профессиям, которые непосредственно имеют отношение к взаимодействию с людьми. Её существование обуславливается спецификой отдельных профессий, которая заключается в постоянном контакте с людьми разных социальных и культурных групп, профессиональной культурой. Профессиональная этика имеет большое значение, оно состоит в том, что она: во-первых, регулирует взаимоотношения людей; во-вторых, содействует повышению качества труда. Такая этика присутствует в работе врачом, учителем, психологом, журналистом. Однако считаем справедливым сделать акцент на особой необходимости существования профессиональной этики юриста и обязательности соблюдения юристами этических норм.

Профессиональная этика юриста включает специфические нравственные нормы, определяющие поведение людей этой профессии в свойственных только для нее ситуациях. Специфические нравственные правила, адресованные работникам юридической профессии, не могут противоречить общим для всех принципам и нормам морали. Они лишь дополняют и конкретизируют их применительно к условиям юридической деятельности [3].

Бесспорно мнение о том, что представители абсолютно любой юридической профессии должны следовать общим нормам и принципам этики в целом. К таким принципам можно отнести тактичность, корректность, добропорядочность и так далее. Однако именно к юристам в их обобщённом понимании предъявляют наиболее строгие моральные требования. Их действия и высказывания, как в процессе осуществления своих трудовых функций, так и во внебиржевое время, в глазах обывателей создаёт картину о состоянии правосудия и права в целом.

Именно поэтому юридическая этика – это вид профессиональной этики, представляющий собой совокупность правил поведения работников юридической сферы, зафиксированных в кодексах, положениях, присягах, регулирующих их служебное и внеслужебное поведение [3].

К принципам характерным для юридической этики, помимо общих принципов указанных выше, можно отнести: верховенство права, гуманность, самоотверженность. Их соблюдение необходимо и обуславливается спецификой профессии.

Одним из акцентных моментов является то, что юридическая этика направлена не только на регулирование отношений, возникающих в процессе осуществления юристами своих рабочих функций, но её соблюдение также необходимо и вне работы данных лиц. Это представляется важным, ввиду того, что граждане возьмут такую модель поведения за пример. У них повысится степень доверия к представителям юридических профессий, а благодаря этому и к государству в целом, так как юристы в большинстве своём призваны обеспечивать реализацию и исполнение законодательства государства.

Таким образом, соблюдение этических норм любым отдельным человеком является неотъемлемой частью общественных отношений, возникающих в современном мире. Однако к представителям юридических профессий вне зависимости от специализации предъявляются более высокие моральные и этические требования. Это связано с тем, что они в глазах простых обывателей олицетворяют правосудие и систему права. Понятие «юридическая этика» является частью такого обширного понятия как «этика» в целом. «Профессиональная этика» является промежуточным этапом между данными понятиями по объему охватываемой информации. Общая этика распространяет своё действие на всех людей вне зависимости от их социального статуса и принадлежности к конкретной профессии. Профессиональная этика устанавливает нормы, необходимые для соблюдения людьми, которые при осуществлении своих профессиональных функций непосредственно контактируют с людьми по любому вопросу. Юридическая этика предусматривает существование норм, обязательных для соблюдения юристами в профессиональной деятельности, а также в повседневной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полякова, И.П. Этика : учебн. пособие / И.П. Полякова. – Липецк : Липецкий гос. техн. университет, 2002. – 82 с.
2. Бражникова, З.В. Этика: пособие для студ. высш. уч. заведений / З.В. Бражникова [и др] : под ред. Л.В. Уварова. – Минск : БНТУ, 2007. – 236 с.
3. Титова, Е.В. Профессиональная этика юриста : учебно-метод. пособие / Е.В. Титова – Орёл : ОФ РАНХиГС, 2014. – 280 с.

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

B.A. ХВАЩЕВСКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ)

В публикации рассматривается вопрос профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел; изучается существующее регулирование этики сотрудников органов внутренних дел в Республике Беларусь.

Соблюдение сотрудниками органов внутренних дел норм профессиональной этики является обязательным и необходимым критерием в их деятельности. Это обуславливается тем, что сотрудники органов внутренних дел, напрямую взаимодействуют с гражданами в процессе осуществления своих полномочий. Также органы внутренних дел имеют вертикальную структуру, что предполагает общение с коллегами, а также вышестоящими лицами. Взаимодействие сотрудников между собой равным образом должно происходить с соблюдением установленных этических требований.

К сотрудникам органов внутренних дел согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» относятся: сотрудники милиции; сотрудники подразделения по гражданству и миграции; сотрудники подразделения охраны; сотрудники подразделения финансов и тыла; сотрудники органов и учреждений уголовно-исполнительной системы [1].

В Республике Беларусь вопрос этики в деятельности сотрудников ОВД преимущественно регламентируется приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 4 марта 2013 года № 67 «Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь».

Обозначим, что профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел представляет собой моральные и этические требования, предъявляемые к поведению сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь при исполнении служебных обязанностей, во внеслужебной деятельности, взаимоотношениях с коллегами, гражданами, должностными лицами других государственных органов, организаций [2].

Акцентным моментом является то, что требование соблюдения установленных этических принципов распространяется не только на трудовую деятельность, но и на общение с людьми во внеслужебное время. Это объясняется публичностью деятельности сотрудников органов внутренних дел. Предполагается, что своим поведением они должны показывать пример добропорядочного и законопослушного гражданина Республики Беларусь, повышать уважение со стороны граждан к государственным органам и государству в целом.

Профессиональная деятельность сотрудников строится как на общих принципах этики и морали, к которым относится добропорядочность, корректность, тактичность, так и на принципах специальных. Глава 2 Правил профессиональной этики описывает принципы профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Проанализировав её можно выделить положения о том, что: общественная критика органов внутренних дел не должны влиять на правомерность и обоснованность их действий; сотрудник не должен допускать своими действиями проявлений коррупционных правонарушений; в своей профессиональной деятельности сотрудник не должен допускать того, чтобы личные, семейные, общественные или другие отношения отрицательно влияли на его поведение на службе и на качество служебной деятельности. Все эти принципы призывают сотрудников к объективному и беспристрастному исполнению своих полномочий несмотря на возможное влияние факторов извне.,

Приказ закрепляет две главы, которые всесторонне регулируют отношения сотрудников, как с гражданами, так с должностными лицами и коллегами. Предписывается, что сотрудники органов внутренних дел при взаимодействии с гражданами и должностными лицами, должны проявлять терпение и тактичность, уметь уважать права граждан, не терять самообладание и достоинство при общении с людьми. Несмотря на то, что эти предписания являются базовыми для абсолютно всех общественных отношений, справедливым будет отметить специфику работы сотрудников органов внутренних дел. Она заключается в преимущественном взаимодействии с правонарушителями и преступниками. Именно поэтому на соблюдении этих правил акцентируется внимание.

Общение сотрудников внутри коллектива должно строиться на взаимном уважении, доверии, профессиональном взаимодействии.

Как уже указывалось выше, к лицам данной профессии предъявляется требование следованию этическим и моральным нормам не только во время осуществления трудовых функций непосредственно, но и во внеслужебное время. Важность этих требований подтверждается их закреплением в приказе. Глава «поведение сотрудника в нерабочее время» устанавливает, что сотрудник должен быть безупречным, везде и всегда следовать высоким нравственным принципам поведения, сохраняя осмотрительность при выборе друзей и товарищей, репутация которых при общении с ними может скомпрометировать

сотрудника, что может причинить ущерб репутации органов внутренних дел. Настолько детальное регулирование поведения сотрудников является не бесспорным, так как влечёт для них ряд правоограничений личного характера.

Однако, приводя пример, в законодательстве Кыргызстана такие правоограничения объясняются нормой, которая устанавливает, что «Сотрудник органов внутренних дел, руководствуясь требованиями Присяги, служебного долга, профессиональных чести и достоинства, принимает на себя следующие нравственные обязательства: признавать приоритет государственных и служебных интересов над личными в своей деятельности...» [3].

Анализируя всё вышесказанное, можем прийти к выводу, что наличие и закрепление этических норм, необходимых для соблюдения сотрудниками органов внутренних дел, имеет большое значение. Это обосновывается тем, что поведение сотрудника должно способствовать формированию в обществе авторитетности, уверенности в справедливости, беспристрастности и независимости органа внутренних дел. Именно для возможности достижения этой цели закрепляются общеобязательные этические предписания. В Республике Беларусь данный вопрос регулируется на законодательном уровне посредством издания приказа Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 4 марта 2013 года № 67 «Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь». Упомянутый приказ содержит 9 глав, которые всесторонне регламентируют профессиональную этику сотрудников органов внутренних дел. За несоблюдение норм предусматривается ответственность сотрудника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об Органах Внутренних Дел [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З: в ред.Закона Респ.Беларусь от 23 июля 2019 г. № 231-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2020.
2. Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ Мин. внутр. дел Респ. Беларусь, 4 марта 2013 г., № 67 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://protivpytok.org/zakon/rb/prikaz-ministerstva-vnutrennix-del-respubliki-belarus-o-vezhlivom-i-vnimatelnom-otnoshenii-sotrudnikov-organov-vnutrennix-del-i-voen-nosluzhashhix-vnutrennix-vojsk-k-grazhdanam>. – Дата доступа: 25.09.2020.
3. Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : приказ Мин. внутр. дел Кыргызской Респ., 27 февраля 2009 г., № 16467 //Информационный портал МВД Кыргызской Республики. – Режим доступа: <https://mvd.gov.kg/rus/explore/normative-base/269-prikaz-mvd-kyrgyzskoj-respubliki-164-ot-27-fevralya-2009-goda-ob-utverzhenii-kodeksa-professionalnoj-etiki-so-trudnika-organov-vnutrennih-del-kyrgyzskoj-respubliki>. – Дата доступа: 25.09.2020.

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ВАЖНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

Н.И. ЦАПИН
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

Представленное исследование направлено на анализ законодательства на предмет регулирования доказательств цифрового характера, то есть сведений о фактах, находящихся в глобальной сети Интернет и функционирующих на их базе множества мессенджеров и иных приложений.

На важность проведения исследований по выбранной тематике указывает то, что процессуальное законодательство практически не содержит самостоятельного систематизированного регулирования вопросов, касающихся цифровых сведений и процесса доказывания с их применением. Но если подробнее изучить набор повседневных приложений, их особенностей функционирования (программы могут работать на общих принципах, но в силу их разного предназначения им присуще и отличия), то можно прийти к заключению, что подробная регламентация упростила, а главное позволила бы основывать судебные постановления на достаточных, относимых и что важно, достоверных цифровых доказательствах.

Так как законы предназначены для регулирования наиболее важных общественных отношений, считаем, стоит уделить внимание нюансам работы с цифровыми сведениями. Например, при спорной ситуации об уведомлении одной стороной по сделке другой стороны часто служить показатель «прочитанного сообщения», но может случиться и так, что в данный момент устройство находилось у ребёнка, который попросил своего родителя смартфон для игр.

Гражданский [1] и хозяйственный процессуальные [2] кодексы относят к письменным доказательствам информацию, записанную буквами либо выполненную в форме цифровой, графической записи, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, полученную в порядке, установленном законодательством, иные документы и материалы, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в том числе выполненные в форме цифровой, графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа.

В иных процессуальных законах о цифровых доказательствах и вовсе мало, что предусмотрено. В ПИКоАП частью второй статьи 6.2 [3] к источникам доказательств относятся объяснения лица, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевшего, свидетеля, заключение эксперта, вещественное доказательство, протокол об административном правонарушении, протокол процессуального действия, документ и другой носитель информации. То есть содержится краткое указание на «другой носитель информации». Аналогичную формулировку в части «другого носителя информации» содержит и часть 2 статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса [4].

Так как цифровых доказательств достаточно много, то логичным представляется выделить их виды:

- текстовые – пожалуй, самый широко распространённый вид. Сейчас сложно представить, например, спор, вытекающий из семейных отношений, в котором не было бы представлено сообщение из Вайбера, Телеграмма и им подобных приложений;
- графические – изображения, фото, например, документов, имеющих значение для дела;
- аудио-, видеозаписи. Помимо привычных видеозаписей к таковым можно отнести так называемые «голосовые» сообщения и видеосообщения.

В пользу самостоятельного правового регулирования цифровых доказательств говорит и то, что по своей сущности эти сведения не совсем, на наш взгляд, верно отождествлять с уже существующими, традиционными средствами и источниками доказательств, хоть они могут содержать в себе и информацию о вещественных доказательствах, текстовых документах, ведь способ их создания, хранения отличен в первую очередь тем, что они не представляют собой вещественные доказательства (создаются с помощью устройств по цифровым алгоритмам).

Основываясь на вышеизложенном можно сделать вывод, что цифровые доказательства должны быть регламентированы, так как они уже в настоящий момент составляют довольно большой массив доказательственной базы по различным делам. Но мало просто указать на них, перечислив в одной-двух статьях. Все действующие средства и источники доказательств не только определены в законе, но и содержат нормы разъясняющие правила их проверки, оценки.

Последнее время в правовых кругах активно обсуждается концепция единого процессуального кодекса, в случае принятия которого, на наш взгляд, можно было бы определить и статус цифровых сведений о фактах.

Возможно, стоит обойтись менее масштабными инновациями. Одним из вариантов видится обобщение Верховным Судом практики по делам, в которых в качестве средств и источников доказывания использовались цифровые доказательства и принять Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, разъясняющее порядок работы со сведениями о фактах, имеющих цифровую природу. К тому же стоит учитывать составляющую достоверности таких данных, потому что вопрос цифровой безопасности всегда являлся отдельным и важным аспектами работы с объектами цифрового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : текст Кодекса по состоянию на 1 авг. 2020 г. – Минск : Амалфея, 2020. – 83 с.
2. Хозяйственный процессуальный кодекс : принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 ноября г. : текст Кодекса по состоянию на 26 янв. 2019 г. – Минск: Амалфея, 2019. – 98 с.
3. Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 декабря 2006 г. : текст Кодекса по состоянию на 29 янв. 2020 г. – Минск : Амалфея, 2020. –
4. Уголовно-процессуальный кодекс : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. ; текст Кодекса по состоянию на 18 янв. 2019 г. – Минск : Амалфея, 2019.

СООБЩЕНИЯ В МЕССЕНДЖЕРАХ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ

Н.И. ЦАПИН
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

Статья посвящена проблеме использования сообщений из разнообразных мессенджеров в качестве средства доказывания. Так же будет обращено внимание на их виды, особенности и ключевые моменты, связанные с их применением в доказательственном процессе.

Благодаря цифровизации, которая проникает в нашу жизнь во многих сферах, исключением не становиться и деятельность судов, в частности, связанная с доказыванием по тому или иному делу, независимо от его категорий.

Поэтому зачастую, сведения о фактах, входящих в предмет доказывания, содержаться в личных сообщениях и иной корреспонденции. При работе с личными сообщениями в ходе процесса доказывания следует учитывать следующие особенности:

- необходимость идентификации лица, от которого исходит сообщение. Данный критерий обусловлен тем, что в современном цифровом обществе создать, например, аналогичную уже существующей страницу пользователя в сети довольно просто. Поэтому ведя переписку по тому или иному вопросу стоит удостовериться, действительно ли по ту сторону сети находится надлежащая сторона;
- наличие полномочий у сторон. Возможно представить ситуацию, когда в ходе переписки контрагентов стороны приходят к соглашению, но у одной из сторон в переписке участвовало лицо, неуполномоченное Уставом организации принимать соответствующее решение;
- содержание сообщения. Многие сервисы позволяют редакцию, удаление уже отправленных сообщений, поэтому если лицо планирует ссылаться на какие-либо факты, подтверждая это перепиской, оно должно учесть эту особенность;
- так же стоит учитывать, что для признания сообщений в качестве доказательств, необходимо чтобы они содержали информацию о дате, времени их отправления и адресате [1].

В настоящее время в судах такие доказательства как личная переписка, деловая корреспонденция принимаются в качестве доказательств, но мы считаем, что необходимо использовать все возможные на данный момент способы фиксации информации в виде особенностей, указанных выше. Так, для обеспечения доказательств можно обратиться к нотариусу, который проведёт осмотр необходимой информации и составит об этом протокол.

Многие учёные придерживаются мнения, что сообщения следует относить к письменным доказательствам. И стоит признать, такой подход обоснован в первую очередь тем, что сведения, необходимые для доказательства какого-либо факта содержаться в текстовой составляющей сообщения. Но если учесть, что письменные доказательства содержаться в привычной бумажной форме (в договорах, товарно-транспортных накладных и прочих документах), то цифровые, в частности содержащиеся в личной переписке, доказательства определены цифровыми алгоритмами. Их создание, хранение, передача значительно отличается от передачи обычного бумажного документа. Как нам кажется, данное отличие говорит в пользу того, чтобы электронные доказательства были определены как самостоятельный вид доказательств в процессуальном законодательстве.

Хочется привести аналогию с электронным документом и электронной подписью. Так же продиктованные цифровизацией общества изменения в гражданском обороте определили необходимость регламентации работы с электронными договорами и подписями. В результате был принят Закон Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г. № 113-З.

Рассмотрим особенности применения сообщений в мессенджерах как средства доказывания.

При рассмотрении дела о взыскании основного долга по договору международной купли-продажи суд указал, что в переписке между свидетелями в программе «Skype» имеется сведения о том, что работник ответчика (Свидетель Б) 23 декабря 2014 года в 16 часов 51 минуту оповестил действующего по поручению и в интересах истца свидетелю Н. о наличии «очень серьёзной проблемы», которая не была отражена в международной накладной. В свою очередь свидетель Н. предложил при наличии такой проблемы вызвать сюрveйера, но ответа на это предложение не последовало.

В ходе рассмотрения гражданского дела по иску К. к О. о признании утратившей право пользования жилым помещением О. было установлено, что О. была извещена судом о времени и месте разбирательства по делу в надлежащей форме с помощью «Viber». Помимо этого, О. таким же способом объяснил суду причины неявки в судебное заседание.

Сообщения из мессенджеров используются в качестве доказательств и по уголовным делам. Например, вышестоящий суд указал на то, что судом первой инстанции были обосновано признаны в качестве источников доказательств переписки в программах «Viber» и «Telegram» содержание которых в мобильном телефоне, изъятом у гражданина К., позволило установить цель сбыта психотропных веществ.

При осмотре диалогов в программе «Viber» судом было установлено, что между абонентом под именем «Сигареты» и лицо, которое пользовалось телефоном, в личном сообщении от 28 августа 2016 года имеется предложение приобрести сигареты марки «NZ» и «Минск». Так же оговаривались стоимость одного короба, способы доставки, последующая реализация сигарет. Именно сигареты марки «NZ» и «Минск» были обнаружены в гараже гражданина Б [2].

Подводя итог вышесказанного хочется выделить два наиболее явных аргумента, говорящих в пользу самостоятельного определения цифровых доказательств и сообщений в частности, как средств и источников доказывания – это их зачастую решающее либо очень весомое значение в исходе дела, цифровая природа с её особенностями и распространённость в повседневной жизни. Последний признак особенно касается сообщений из многообразных мессенджеров.

Как отметил судья коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь Константин Хоритонюк, универсальных рекомендаций по использованию таких доказательств нет, но их роль и потенциал в нынешнем и будущем судопроизводстве огромны [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хоритонюк, К. Семинар «Применение электронных доказательств в хозяйственном процессе» [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zJVEg7G8DUY>. – Дата доступа: 25.09.2020 г.
2. Профессионально об актуальном: Переписка в мессенджере как средство доказывания в суде [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2018/august/29951/>. – Дата доступа: 26.09.2020 г.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 340 (027)

ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ (ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

A.A. АВДЕЙЧИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

Рассматриваются вопросы, связанные с созданием электронных образовательных ресурсов, а также источники правового регулирования. Современное общество постоянно развивается и претерпевает огромные изменения на пути своего развития и в ситуации быстрого развития информационных технологий возникают дополнительные задачи, связанные с созданием электронных образовательных ресурсов, которые с каждым днем пользуются все большей популярностью среди студентов, благодаря простоте их использования. Анализируется действующее законодательство Республики Беларусь, которое регулирует отношения, возникающие в сфере создания электронных образовательных ресурсов. Осуществлен общий анализ развития общества и вместе с тем электронных образовательных ресурсов с целью выявления недостатков в действующем белорусском законодательстве.

Достаточно распространенной и весьма интересной является тема электронных образовательных ресурсов в контексте интеграционного взаимодействия в сфере образования и науки с участием Российской Федерации и Республики Беларусь, прежде всего, в рамках Союзного государства. Союзное государство представляет собой интеграционное объединение, сложившееся на постсоветском пространстве после распада Советского Союза. Важность этого союза изначально определялась необходимостью сохранения производственных цепочек и отложенных связей между бывшими советскими республиками с целью дальнейшего укрепления и развития союзных отношений внутри независимых государств.

Сближение России и Беларуси осуществляется по двум основным направлениям:

1. Совместные проекты и программы с участием Беларуси и России;
2. Нормативная правовая база, обеспечивающая равные права гражданам Союзного государства.

Граждане двух государств имеют равные права на получение образования в Союзном государстве, а документы об образовании государственного образца одной стороны признаются на территории другой стороны и дают право на осуществление профессиональной деятельности, что значительно облегчает жизнь гражданам стран-участниц Союзного государства в сфере образования и дальнейшего устройства на работу.

В рамках Союзного государства были воплощены такие образовательные проекты как олимпиада среди школьников Союзного государства «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность», конкурс научно-технического творчества учащихся Союзного государства «Таланты XXI века», Туристский слет учащихся Союзного государства и другие.

Благоприятное осуществление интеграционного взаимодействия во многом обеспечивает цифровое образовательное пространство, с помощью которого становится возможным быстро и в полном объеме распространить информацию о проектах Союзного государства, обеспечить реализацию образовательных программ по различным направлениям. Но важен и тот факт, что с помощью ЭОР учащиеся могут получить все необходимые знания о России и Беларуси [1].

В некоторых учреждениях образования, как в Беларуси, так и в России, разработан порядок разработки и размещения электронных образовательных ресурсов. Электронные образовательные ресурсы в Беларуси должны соответствовать по содержанию регламентируемым Министерством образования Республики Беларусь нормативным требованиям, соответствовать требованиям к методическому и программному обеспечению, указанному в утвержденной образовательной программе, соответствовать основным дидактическим принципам (научность, доступность, наглядность и т. д.), обладать логичностью и последовательностью в изложении учебного материала для учащихся и организации учебной деятельности, содержать эффективные и различные формы и методы самооценки учащегося и контроля учебных знаний, чтобы выявить уровень знаний каждого (промежуточного, итогового контроля знаний, например в форме онлайн-тестирования по пройденным темам).

Кроме того, в университетах России и Беларусь широкое распространение получили такие цифровые образовательные ресурсы как Moodle, Classroom, Kahoot и прочие. Весьма популярным сервисом среди преподавателей для создания тестов, викторин, опросов является Kahoot, который уже используется во многих учреждениях образования для проверки знаний учащихся. Так, например, Classroom позволяет преподавателям создавать так называемые «классы» для студентов по различным предметам, где преподаватели могут размещать задания различных видов, а также устанавливать сроки их выполнения, размещать

лекции для самостоятельной подготовки студентов к практическому занятию. В частности, белорусские студенты, обучающиеся по специальности «Правоведение», имеют прекрасную возможность изучить правовой опыт Российской Федерации, в том числе на предмет правового заимствования. Кроме того, научные библиотеки Беларуси предоставляют студентам возможность бесплатного тестового доступа к электронным образовательным ресурсам, относящимся к российскому сегменту сети Интернет в рамках сотрудничества с российскими научными издательствами.

Основным принципом функционирования ЭОР является разделение образовательного контента на модули по тематическим элементам и компонентам учебного процесса. Под образовательным контентом мы понимаем структурированное предметное содержание обучения, информационно значимое наполнение ЭОР. Иностранный язык является уникальным учебным предметом, ЭОР по которому может включать в себя:

- текстовую информацию (учебные, адаптированные или аутентичные тексты, лекции и т.д.);
- аудиофайлы для обучения произношению и интонации, развития умения аудирования, ознакомления с культурой стран изучаемого языка;
- мультимедийные материалы, в которых информация может быть представлена автором ресурса или заимствована из других источников (например, фильмы);
- графическую информацию (произведения живописи, фотографии, рисунки, карты, схемы, графики и т.п.).

Каждому тематическому элементу предмета соответствуют три типа модулей – модуль получения информации, модуль выполнения практических заданий и модуль контроля усвоения материала [2].

Информационный модуль может быть представлен в ЭОР по иностранному языку по-разному. Это может быть лекция по теме или краткое изложение теоретического материала, текст по изучаемой теме, презентация и т.д. Модуль включает также список доступной для обучающихся литературы с точным указанием страниц. Важным условием при разработке ЭОР является указание на внешние ссылки открытых ресурсов как отечественных, так и зарубежных авторов. Обязательным элементом информационного обеспечения учебного процесса в вузе являются, например, электронно-библиотечные системы, представляющие базу данных, содержащую учебные, учебно-методические, научные, справочные и иные издания.

Кроме того, существует огромное количество сайтов, предназначенных для изучения иностранных языков, а также онлайн-словарей, электронных переводчиков, тренажеров, энциклопедий и т.д.

Модуль выполнения практических заданий обычно представляет собой файлы, содержащие задания для индивидуального выполнения, упражнения, лабораторные работы, темы эссе, рефератов или курсовых работ, которые должны сопровождаться методическими рекомендациями. К заданиям могут быть предусмотрены ключи для самоконтроля. Выполнение каждого задания должно помочь обучающему научиться общаться на изучаемом языке – говорить и задавать вопросы, слушать и понимать, читать и писать, преодолевать культурные барьеры [3].

Модуль контроля усвоения материала условно можно разделить на два блока: самоконтроль и контроль со стороны преподавателя. Самой распространённой и довольно эффективной формой контроля является тестирование. Для самоконтроля могут использоваться лексические и грамматические тесты, тесты по чтению и аудированию, вопросы и пр. Контроль со стороны преподавателя осуществляется посредством форумов, чатов и т.д., работа которых и является основным показателем наличия обратной связи составителя ЭОР и обучающегося.

Основными показателями качества ЭОР являются следующие:

- достаточность и методическая проработанность представленного учебного материала;
- интерактивность как свойство, определяющее характер и степень взаимодействия пользователя с элементами ЭОР;
- мультимедийность как свойство, определяющее количество и качество форм представления информации, используемых в ЭОР;
- модифицируемость как свойство, определяющее возможность и сложность внесения изменений в содержание и программные решения ЭОР.

Изучив сайты общеобразовательных школ Республики Беларусь на предмет использования в образовательном процессе ЭОР, мы пришли к следующим выводам:

1) информационная образовательная среда охватывает все категории лиц, имеющих непосредственное отношение к школьному обучению (педагогов, учащихся, студентов – будущих учителей, представителей органов образования);

2) единое цифровое образовательное пространство объединяет всех участников образовательного процесса, обеспечивая каждому из них доступ в информационную систему. В Республике Беларусь функционирует национальный образовательный интернет-портал (<http://adu.by>), представляющий собой современный информационно-образовательный ресурс, который:

- создан для обеспечения комплексной (информационной, научно- и учебно-методической) поддержки всех участников образовательного процесса на всех уровнях образования;

– имеет своей целью предоставление учащимся, их законным представителям, педагогам, специалистам органов управления образованием, другим заинтересованным субъектам образовательного процесса равный доступ к точной и достоверной образовательной информации, и образовательным услугам;

– направлен на создание условий для многовекторной коммуникации всех участников образовательного процесса [4];

3) некоторые школы, все университеты имеют официальные сайты, на которых представлены основные ЭОР, которыми могут свободно пользоваться как учащиеся школ, так и все желающие;

4) каждый учащийся и родитель имеет индивидуальный доступ к официальной странице в рамках «Электронного образования в РТ», где имеет возможность не только отслеживать результаты обучения в электронных дневниках, но и использовать ЭОР школ.

Таким образом, мы видим, что школы и университеты не остались в стороне от глобальной информатизации современного общества. Наиболее наглядно этот процесс отражен в паспортах программ информатизации муниципальных общеобразовательных учреждений. В качестве целей данных программ отмечены повышение эффективности учебно-воспитательного процесса и управлеченческой деятельности посредством активного внедрения информационных технологий в систему жизнедеятельности школ, а также формирование личности, обладающей качественно новым уровнем информационно-коммуникационной компетентности, отвечающей требованиям современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный образовательный интернет-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://www.adu.by/ru/o-portale.html>. – Дата доступа: 20.04.2019 г.
2. Федеральный центр информационно-образовательных ресурсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fcior.edu.ru/o-proekte>. – Дата доступа: 20.04.2019 г.
3. Об утверждении Соглашения о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2013 г. № 270 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21300270&p1=1&p5=0> – Дата доступа: 20.04.2019 г.
4. О средствах массовой информации правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427>. – Дата доступа: 20.04.2019 г.

УДК 340 (027)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

А.А. АВДЕЙЧИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

В данной статье рассмотрено понятие, сущность, классификация, источники правового регулирования электронных образовательных ресурсов, их место и роль в современном обществе.

Современное общество не стоит на месте и постоянно в жизнь людей внедряются новые средства, чтобы значительно облегчить жизнь человека, все сферы деятельности человека претерпели огромные изменения.

Сравнительно недавно и в учебном процессе стали применяться новые технологии, которые, на мой взгляд, помогают значительно облегчить путь к источникам знаний, обладающие такими характеристиками, как доступность, и быстрота получения информации. Цифровые образовательные ресурсы представляют собой совокупность данных в цифровом варианте, которые применяются для использования в учебном процессе. Цифровыми образовательными ресурсами называют так же учебные материалы, использование которых невозможно без участия электронных устройств. Наиболее популярными электронными устройствами для просмотра данного рода материалов являются компьютеры и смартфоны. Использование электронных ресурсов в сфере образования дает новые возможности для повышения эффективности учебного процесса. Цифровые образовательные ресурсы – быстрый и наглядный способ получения информации, помощник проверке знаний учащихся на практике с использованием различных форм контроля, таких как онлайн тестирование с участием различных программ (такая популярная программа для тестирования знаний как Айрен), а также контроля и оценки заданий, в работе со схемами, таблицами, графиками, условными обозначениями и т. д. Особенностью такого учебного процесса является самостоятельная деятельность учащихся, которая способствует активизации учебного процесса, а также наличие оперативной обратной связи, на основе которой возможна индивидуализация и дифференциация обучения. Внедрение новых форм обучения с использованием электронных образовательных ресурсов (далее – ЭОР) позволяют сделать образовательный процесс новым и на довольно качественном уровне.

ЭОР – совокупность средств программного, технического и организационного обеспечения, электронных изданий, размещаемая на машиночитаемых носителях и/или в сеть. Более простым языком, ЭОР это учебные материалы, для воспроизведения которых используются электронные устройства.

ЭОР можно разделить на три уровня.

Самые простые ЭОР – текстографические. Они отличаются от книг в основном формой предъявления текстов и иллюстраций: материал представляется на экране компьютера, а не на бумаге. Но его очень легко распечатать, т.е. перенести на бумагу.

ЭОР следующего уровня тоже текстографические, но имеют существенные отличия в навигации по тексту. Страницы книги мы читаем последовательно, осуществляя, таким образом, так называемую линейную навигацию. При этом довольно часто в учебном тексте встречаются термины или ссылки на другой раздел того же текста. В таких случаях книга не очень удобна: нужно разыскивать пояснения где-то в другом месте, листая множество страниц. В ЭОР же это можно сделать гораздо комфортнее: указать незнакомый термин и тут же получить его определение в небольшом дополнительном окне или мгновенно сменить содержимое экрана при указании так называемого ключевого слова (либо словосочетания). По существу, ключевое словосочетание – аналог строки знакомого всем книжного оглавления, но строка эта не вынесена на отдельную страницу (оглавления), а внедрена в основной текст. В данном случае навигация по тексту является нелинейной (вы просматриваете фрагменты текста в произвольном порядке, определяемом логической связностью и собственным желанием) [1].

Третий уровень ЭОР – это ресурсы, целиком состоящие из визуального или звукового фрагмента. Отличия от книги здесь очевидны: ни кино, ни анимация (мультифильм), ни звук в полиграфическом изда-нии невозможны. Но, с другой стороны, стоит заметить, что такие ЭОР по существу не отличаются от аудио- и видео-продуктов, воспроизводимых на бытовом CD-плейере.

Различают следующие виды цифровых образовательных ресурсов:

- электронная библиотека – распределенная информационно-образовательная система, позволяющая сохранить и эффективно использовать различные собрания электронных документов (электронные издания, содержащие произведения литературы, справочники и т.д.);
- библиотека электронных наглядных пособий – пособие, в котором содержание передается при помощи набора мультимедиа компонентов, отображающих объекты, процессы, явления в данной предметной области;
- электронная энциклопедия – пособие, содержащее сравнительно большое количество информации по различным направлениям, охватывающим конкретные области знаний. Такие пособия содержат различные иллюстрации, видео- и аудио- фрагменты и анимации;

– репетиторы, тренажеры, практикумы – это такие учебно-методические комплексы, которые помогают учащимся самостоятельно подготовиться к занятиям, экзаменам, поставить объективную оценку своим знаниям, проверить свои знания на практике, что позволит здраво оценить свои возможности и силы по какой-либо теме;

– мультимедийные учебники – это программно-методический комплекс, который дает возможность усвоить тему или ее часть с помощью компьютера, самостоятельно с помощью электронных носителей;

– виртуальные лаборатории – это обучающий комплекс, который позволяет осуществлять предметные эксперименты.

К основным преимуществам ЭОР можно отнести:

– отсутствие содержательных и технических ограничений: полноценное использование новых педагогических инструментов (интерактива, мультимедиа, моделинга) сочетается с возможностью распространения в глобальных компьютерных сетях, в том числе узкополосных;

– модифицируемость контента: возможность расширять имеющуюся структуру, т.е. дополнять содержимое ОМС новой информацией;

– возможности построения авторского учебного курса преподавателем и создания индивидуальной образовательной траектории учащегося: благодаря наличию вариантов исполнения электронных учебных модулей в ОМС возможно выбрать их оптимальную с персональной точки зрения комбинацию для курса по предмету;

– неограниченный жизненный цикл системы: поскольку каждый учебный модуль автономен, а система открыта, ОМС является динамически расширяемым образовательным ресурсом, не требующим сколь-нибудь существенной переработки в целом при изменении содержательных или технических внешних условий [1].

Республикой Беларусь было подписано Соглашение о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе, которое утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2013 г. № 270 «Об утверждении Соглашения о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе» [2]. Согласно части 1 статьи 4 данного соглашения, Стороны в рамках своей компетенции приняли на себя обязательство способствовать налаживанию контактов и связей в области изучения, публикации, в том числе в электронном формате, популяризации музеиных предметов и коллекций, библиотечных и архивных фондов, объектов историко-культурного наследия, а также произведений современного искусства. Использование электронных образовательных ресурсов регулируется и другими нормативными правовыми актами, в частности, Законом Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г. № 427-З [3]. Важные положения содержатся в Постановлении Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О Положении о Координационном совете парламентских библиотек государств – участников СНГ» от 8 декабря 2000 г. № 65.

Электронные ресурсы, электронные библиотеки, в целом цифровое образовательно пространство позволяют закрепить, распространить и сохранить знания о России, ее культуре, народе, а электронные средства в свою очередь, позволяют распространить эти знания среди студентов, обучающихся в университетах различных стран. В соответствии с проведенным исследованием можно сделать вывод о том, что электронные образовательные ресурсы используются достаточно часто и эффективно, являются популярным способом получения необходимой информации, что во многом обеспечивается интеграционными проектами в сфере образования и науки, а также действующим законодательством стран. Однако пробелы в правовом регулировании все же существуют, так как образовательные ресурсы очень актуальны и популярны среди различных категорий людей и не существует такого единого закона, который бы в полной мере охватывал все вопросы, касающиеся ЭОР. И, по моему мнению, появление такого закона обеспечит комплексное правовое регулирование ЭОР. И в заключение хочу сказать, что ЭОР являются новинкой среди учащихся и прости в использование и, по моему мнению, еще достаточно продолжительный период времени ЭОР по своим характеристикам будут опережать библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифровые образовательные ресурсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/2262486/informatika/tsifrovye_obrazovatelnye_resursy_seti_internet. – Дата доступа: 20.04.2019.
2. Об утверждении Соглашения о направлениях сотрудничества в области культуры в Евразийском экономическом сообществе [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2013 г. № 270 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21300270&p1=1&p5=0> – Дата доступа: 20.04.2019 г.
3. О средствах массовой информации правах [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З. Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427> – Дата доступа: 20.04.2019 г.

УДК 796

О ДОПУСТИМОСТИ ЦЕНЗУРЫ В ОТНОШЕНИИ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА В ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ НА ПРИМЕРЕ КИБЕРСПОРТИВНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ CS GO

П.Ю. АМБРОС
(Представлено: К.Д. САВИЦКАЯ)

Статья посвящена исследованию вопроса о допустимости цензуры в отношении объектов авторского права в области игровой индустрии на примере киберспортивной дисциплины CS GO. Проанализировано национальное законодательство Китайской Народной Республики (далее – КНР). Установлены причины цензуры в отношении скинов в играх на территории КНР. Определены средства защиты авторских прав в игровой индустрии.

В современном мире создание компьютерных игр является одним из наиболее крупных сегментов индустрии развлечений. С уверенностью можно заявить о сопоставимости масштабов игровой индустрии, например, с киноиндустрией или большим спортом. Одним из самых крупнейших рынков компьютерных игр в мире является китайский рынок, приносящий, согласно отчету аналитической компании Newzoo, порядка 30 миллиардов долларов в год [1].

Киберспорт, как средство популяризации игровой индустрии, к настоящему времени занимает собственную нишу в среде развлечений. В 2003 году Пекинский Комитет по делам спорта признал киберспорт в Китае официальным видом спорта, что, несомненно, сказалось на местных играх и про-сцене в целом [2]. Несмотря на то, что киберспорт ещё совсем молод и является веянием последних десятилетий, уже сегодня стоит задуматься о необходимости его всестороннего правового регулирования.

Киберспорт – это соревнования в виртуальном пространстве, где игра представляет собой взаимодействие объектов управления, обеспечивая равные условия состязаний человека с человеком или команды с командой. Основа киберспорта – игра. Практически каждой игре представленной в качестве киберспортивной дисциплины характерно наличие кастомизации в различных её проявлениях будь то скин на персонажа – его внешний облик, или же анимация условной способности. Кастомизация (от англ. to customize – настраивать, изменять) – индивидуализация продукции под заказы конкретных потребителей путём внесения конструктивных или дизайнерских изменений [3]. Создание игр, и последующая их кастомизации осуществляется в соответствии с законодательством об авторском праве, международными соглашениями и конвенциями в сфере интеллектуальной собственности и иными нормативно-правовыми актами. Особое внимание стоит обратить на вопрос цензуры объектов авторского права в данной сфере. Поскольку, несмотря на наличие множества исследований, затрагивающих правовой режим составляющих компьютерных игр, цензура объектов авторского права в области игровой индустрии остаётся не освещённым в достаточной степени на территории постсоветского пространства, с позиций права интеллектуальной собственности по сей день.

Законодательство КНР закрепляет особый правовой режим различного рода антисоциальных произведений, содержащих в себе черепа, кровь или же кости. Запрет на использование данных объектов распространяется также на компьютерные игры. Одна из самых популярных киберспортивных дисциплин на мировой арене – Counter-Strike: Global Offensive. По состоянию на 11 апреля 2020 года в игре находились более 1,252 млн. пользователей одновременно [4]. Следовательно, пользователи, заинтересованные в добавлении работ в мастерскую Steam, могут столкнуться с рядом ограничений.

14 сентября 2017 Counter-Strike: Global Offensive была официально запущена на территории КНР, издателем выступила компания Beijing Perfect World [5]. Первоначальная версия игры содержала недопустимый для Китайского рынка уровень насилия: кровь, кости, сцены убийств и их изображения на скинах. Выпуску игры предшествовало опубликование властями Китая списка правил – Положения об управлении публикациями (в соответствии с решением Государственного совета «О внесении изменений в часть административного регламента» от 6 февраля 2016 года (постановление Государственного совета № 666), которых должны придерживаться издатели игр [6]. Прежде всего, к продаже перестали допускать развлечения, в которых встречаются трупы и кровь. Цвет крови не имеет значения – чтобы получить одобрение со стороны соответствующих государственных органов, не является достаточным просто перекрасить жидкость в другой, отличный от крови цвет. Данный запрет обусловлен религиозными канонами. Одной из гла-венствующих религий на территории КНР выступает конфуцианство, в заповедях которой, заложено особое отношение к крови и костям, выражющееся в уважении к окружающему миру и предкам в частности [7].

На основании изложенного, актуальным является изучение вопроса допустимости цензуры в отношении объектов авторского права в сфере компьютерных игр.

Данная тема является актуальной, поскольку, несмотря на наличие множества исследований, затрагивающих правовой режим компьютерных игр и их компонентов, вопрос о допустимости цензуры в отношении объектов авторского права в играх остаётся в достаточной степени не освещённым.

Компьютерная игра обычно содержит такие объекты интеллектуальных прав, как программы для ЭВМ (графический движок, серверная часть и др.), литературные компоненты (сюжет, сценарий, персонажи, формат игры), изображения (3D-графика, анимация, цветовые решения, интерфейс), музыкальное сопровождение, интернет-сайт, как составное произведение и иные составляющие [8].

Применительно к данной работе, сконцентрируем свое внимание на таких объектах авторского права как скины на оружие. В компьютерной игре скин определяет внешний облик того или иного предмета, или персонажа.

Рассмотрим процесс создания скина и последующей переработки из-за ограничений национального законодательства КНР на примере создания скинов для оружия в игре Counter-Strike: Global Offensive.

Первоначально автор создаёт скин - внешний облик для оружия (произведение изобразительного искусства), далее работа рассматривается правообладателями игры Counter-Strike: Global Offensive (одноимённой компанией Valve) и добавляется в кейс (лутбокс, сундук) с целью его дальнейшего добавления в мастерскую. В случае если итоговое оформление игрового оружия содержит изображение черепа, крови или костей, оно подпадает под цензуру на территории КНР в силу действующих на законодательном уровне запретов. При возникновении подобной ситуации возникает необходимость перерисовки работы с внесением отдельных изменений.

В связи с чем, возникает вопрос о личных неимущественных правах автора, в частности, права на неприкосновенность произведения.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к Соглашению подписчика службы Steam (далее – Соглашение), которое является юридическим документом, устанавливающим права и обязанности подписчика службы Steam Корпорации Valve, компании, действующей по законам штата Вашингтон [9].

В соответствии с пунктом 6.В. Соглашения [9]: «Невзирая на лицензии, описанные в Пункте 6.А., компания Valve вправе только модифицировать или выполнять производные работы на основе Вашего Переданного в мастерскую продукта в следующих случаях: (а) Valve имеет право внести изменения, необходимые для поддержки совместимости Вашего Переданного продукта с функционалом Steam или Мастерской или пользовательского интерфейса и (б) Valve или соответствующий разработчик имеют право вносить изменения в Переданные в Мастерскую продукты, утвержденные для распространения в составе приложений, поскольку те признаны необходимыми или рекомендованными для усовершенствования игр». То есть, перерисовка работ может осуществляться как компанией Valve, так и автором произведения, что в дальнейшем и было подтверждено ответами, полученными непосредственно от Steam support: «Если работа автора выбирается для кейса, мы обращаемся к нему в частном порядке и просим изменить оригинал для создания версии с более низким уровнем насилия», и EGO DEATH – создателя скина Chatterbox для Galil, который содержит изображение черепа в районе затвора. Работы EGO DEATH до и после перерисовки представлены на рисунках 1 и 2 соответственно.

Рисунок 1. – Работа, содержащая череп

Рисунок 2. – Работа без черепа

Данные положения соответствует установленным обязательствам, вытекающим перед компанией Valve из международных соглашений и конвенций в сфере интеллектуальной собственности: Всемирной конвенции об авторском праве (подписана в Женеве 6 сентября 1952 г., пересмотрена в Париже 24 июля 1971 г.), Договора по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г.) и т.п.

Как известно в том случае, если работа была добавлена в кейс, автор будет получать денежные отчисления равные проценту от продаж ключа к данному кейсу. Принимая во внимание вышеизложенное, приходим к логическому вопросу: «Кто будет получать вознаграждение за скин в случае его перерисовки?»

Для получения ответа, был направлен очередной запрос к EGO DEATH, осуществлявшему перерисовку скинов, которые содержат запрещенные национальным законодательством изображения. В своём ответе EGO DEATH указал, что монетизацию за перерисованную работу будет получать он, как лицо, осуществившее перерисовку по заказу правообладателя игры. Полученный ответ коррелирует с абзацем

вторым пункта 6.А. Соглашения [9], в соответствии с которым, когда пользователь загружает свой контент в Steam, делая его доступным для других пользователей и/или Valve, пользователь передает корпорации Valve и ее аффилированным компаниям международное, неэксклюзивное право на использование, воспроизведение, модификацию, создание производных работ, распространение, передачу, транскодирование, перевод, трансляцию и иную передачу, а также на публичный показ и публичное воспроизведение Пользовательского контента и производных от него работ с целью использования, распространения, продвижения и включения в службы Steam, игры Steam и другие предложения Steam, включая Подписки. Данная лицензия предоставляется компании Valve при загрузке контента в сервис Steam на все время действия прав на интеллектуальную собственность.

Лицензия – это разрешение лицензиара (автора скина) на использование принадлежащих ему прав промышленной собственности (на изобретение антисоциального произведения), выдаваемое другому лицу (лицензиату – Valve) на определенных условиях. Эти условия (срок, объемы, вознаграждение) как раз таки и составляют содержание заключаемого ими лицензионного соглашения. Весь представленный контент и услуги охраняются законодательством об авторском праве, международными соглашениями и конвенциями в сфере интеллектуальной собственности и иными нормативно-правовыми актами. Контент и Услуги содержат определенный набор лицензионных материалов, и лицензиары Valve и лицензиары ее аффилированных компаний будут вправе защитить свои права в случае нарушения положений настоящего Соглашения.

Вывод по статье. Таким образом, пользователь, принявший условия лицензионного соглашения, при загрузке созданных им скинов передает правообладателю неэксклюзивное право на использование, воспроизведение, модификацию, создание производных работ, распространение, передачу, транскодирование, перевод, трансляцию и иную передачу, а также на публичный показ и публичное воспроизведение. В случае перересовки скина он не утрачивает право на денежные отчисления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Newzoo – источник киберспортивной аналитики и маркетинговых исследований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newzoo.com/>. – Дата доступа: 10.05.2020.
2. Киберспортивные державы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cybersport.ru/other/articles/miro-vye-kibersportivnye-derzhavy-kakie-strany-lidery-v-kibersporte>. – Дата доступа: 04.02.2020.
3. Рыбакова Ю. Кастомизация как актуальное требование современного рынка [Электронный ресурс] / Е. Сутырина – Режим доступа: https://rdca.ru/assets/users/nominant/presentation/2017/Voice_Ribakova_2017.pdf. – Дата доступа: 18.02.2020.
4. CS:GO установила новый рекорд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cybersport.ru/counter-strike-go/news/cs-go-ustanovila-novyj-rekord-v-shuter-igrali-bolej-1-256-mln-polzovatelei-odnovremenno/>. – Дата доступа: 11.04.2020.
5. Путь к вершине. В Китае запущены официальные сервера CS:GO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.championat.com/cybersport/article-3317151-v-kitae-otkrylis-servera-counter-strike-global-offensive.html>. – Дата доступа: 15.03.2020.
6. Положение об управлении публикациями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nppa.gov.cn/nppa/channels/322.shtml>. – Дата доступа: 23.01.2020.
7. Религия конфуцианство и её главные постулаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://salik.biz/articles/54740-religija-konfucianstvo-i-eyo-glavnye-postulaty.html>. – Дата доступа: 15.03.2020.
8. Калугина, Е.Н. Правовая природа мультимедийной игры как объекта интеллектуальных прав / Е.Н. Калугина // Правовой партнер. – 2013. – № 2. – с. 18–24.
9. Соглашение подписчика Steam [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/. – Дата доступа: 23.09.2019.

КИБЕРСПОРТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ОСНОВАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ

П.Ю. АМБРОС
(Представлено: К.Д. САВИЦКАЯ)

Статья посвящена исследованию института киберспортивной ответственности, его понятия, признаков, основания и значения. Проанализирована доктрина и национальное законодательство в поле киберспортивной ответственности. Рассмотрен зарубежный опыт на примере регламентов турнирных операторов и национального законодательства Северной Кореи. Дано авторское определение киберспортивной ответственности и киберфолу. Затронуты положительные аспекты, последующие за правовой регламентацией данного института.

Институт киберспортивной ответственности не получил развитие в достаточной степени в науке и в законодательстве постсоветского пространства по сегодняшний день. Помимо этого, до недавнего времени не существовало единого мнения по поводу содержания и оснований киберспортивной ответственности, момента ее возникновения.

Как такового понятия киберспортивной ответственности в научном пространстве не существует. Её можно определить исходя из толкования источников «мягкого» и национального права как:

1) форму корпоративной ответственности предусмотренной рядом правил, установленных правообладателем, за совершение деяния, нарушающего данные положения, наступающая для лица, его совершившего, после решения правообладателя и реализуемая в том или ином виде наказания.

2) реже это форма юридической ответственности, предусмотренная законом за совершение преступления, наступающая для лица, его совершившего, после приговора суда и реализуемая в том или ином виде наказания.

В зарубежных странах деяния, нарушающие предписания, трактуются в качестве правонарушения в широком смысле этого слова [1]. Правонарушение в доктрине Республики Беларусь представляет собой действие или бездействие, противоречащее нормам права. Большинством авторов правонарушение понимается как виновное, противоправное, общественно вредное деяние деликтоспособного лица. В.Д. Ардашкин предлагает следующую дефиницию: «Правонарушение – это противоправное деяние деликтоспособных лиц, которое нарушает законные частные и публичные интересы» [2, с. 54]. По мнению В.Н. Храпанюка, «правонарушение – это виновное поведение праводееспособных лиц, которое противоречит предписаниям норм права, причиняет вред другим лицам и влечет за собой юридическую ответственность» [3, с. 314]. Наиболее полное определение правонарушения сформулировал А.А. Иванов, по мнению которого «правонарушение – это общественно-опасное, противоправное, виновное деяние человека, наносящее вред личности, собственности, государству или обществу в целом» [4, с. 10].

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 года «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»: «Правонарушение – противоправное виновное действие (бездействие), за совершение которого предусмотрена уголовная или административная ответственность» [5]. Законодатель конкретизирует понятие правонарушения, применительно к отдельным отраслям. Так на законодательном уровне закреплены понятия административное правонарушение [6, ст. 2.1], коррупционное правонарушение [7, ст. 37], и т.д.

Противоправность правонарушения выражается в том, что гражданин, иное лицо нарушает какую-либо действующую норму права, действует вопреки ее предписаниям и тем самым противопоставляет свою собственную волю воле государства, вступает с ним в конфликт. Национальное законодательство не предусматривает ответственность за нарушение правил киберспорта.

В силу отсутствия легального определения киберспортивного правонарушения, закреплённого в национальном законодательстве, и во избежание коллизии целесообразно ввести такую дефиницию как киберфол (cyber foul). Под киберфолом мы будем понимать виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными регламентами, пользовательскими соглашениями, правилами и т.п., деяние (действие или бездействие), за которое установлена киберспортивная ответственность.

На основании проведенного исследования доктринальных источников, регламентов, пользовательских соглашений, правил, считаем возможным выделить следующие юридически значимые признаки киберспортивной ответственности:

1. По основаниям применения: киберспортивная ответственность возлагается только за совершенные деяния, содержащие все признаки состава соответствующего киберфола.

2. По содержанию ответственности: киберспортивная ответственность и наказания выносятся от имени правообладателя (турнирного оператора, создателя игры).

3. По субъекту киберфола: киберспортивная ответственность возлагается уполномоченным органом (Esports Integrity Commission [8]).

4. По порядку применения: порядок киберспортивной ответственности установлен регламентами, пользовательскими соглашениями, правилами и т.п.

5. По кругу субъектов, на которых возлагается ответственность: киберспортивная ответственность носит как личный характер, т.е. возлагается на физическое лицо, виновное в совершении киберфола, так и коллективный (состав команды) – юридическое лицо.

Отличным источником киберфолов могут стать регламенты турнирных операторов, которые детально описывают их содержание и санкционный порядок. Согласно своду правил ESL One CS GO наказания назначаются за нарушение правил в рамках ESL One. Это могут быть мелкие или большие штрафные очки, денежные штрафы, убытки по умолчанию, дисквалификация игрока / команды в зависимости от рассматриваемого инцидента и часто комбинации двух или более из них. Участники информируются о наказании по почте, им предоставляется время на обжалование решения. Только владелец лицензии или назначенный им пресс-секретарь имеет право подать апелляцию [9].

Кодекс поведения ESIC закрепляет 4 уровня киберфолов, разграничивая их в зависимости от степени причиняемого вреда. Основанием киберспортивной ответственности в данном источнике согласно статье второй выступит поведение, описанное в статьях 2.1–2.5 Кодекса [10].

На практике существует иной подход к содержанию киберспортивной ответственности. 2 декабря 2016 года стало известно, что Южная Корея будет бороться с читерами (Слово «читер» (cheater) происходит от английского слова cheat, которое переводится, как «мошенник, обманщик». В игровом мире читеры – это люди, которые пользуются специальными программами и кодами, чтобы обманом получить преимущество среди других участников, которые играют честно). В настоящее время пользователям запрещено производить и распространять программы, которые дают преимущество в сетевых играх.

Принятые Южнокорейским парламентом поправки к закону о содействии игровой индустрии дали разработчикам законодательные инструменты, с помощью которых они могут контролировать хакеров и читеров. Теперь авторов и распространителей сторонних программ, которые запрещены разработчиками игр, ждут соответствующие меры правового воздействия. За нарушение нового закона предусмотрен штраф в размере 43 тысячи долларов или тюремный срок до 5 лет [11, ст. 44].

Под действие закона попадают такие программы, как аимботы (позволяют всегда попадать в заданную часть тела противника), скрипты и другие расширения, запрещённые условиями пользовательского соглашения [12].

С 25 июня 2019 года в Южной Корее начал действовать закон о наказании за бустинг (Буст от англ. boost – «поднимать», в играх резкое увеличение рейтинга игрока) и перепродажу аккаунтов в онлайн-играх. Обвинённые по этим статьям пользователи могут получить штраф до 17 тыс. долларов или два года тюремного срока [11, ст. 45]. Поправки в закон об игровой индустрии и закон о защите информационных и коммуникационных технологий были приняты правительством Южной Кореи еще в декабре 2018 года.

В первую очередь новый закон призван решить проблему бустинга в League of Legends, Overwatch и в обеих частях StarCraft. В отдельной поправке говорится об игре через прокси – это мешает нормальной работе программ и может повлиять на исполнение или счет в матче. В виде дополнительной меры правительство страны наложило санкции на прокси-сайты и компании, которые на этом специализируются [13].

В результате исследования были выявлены основные признаки киберспортивной ответственности, её понятие и содержание на современном этапе становления. Дано авторское определение киберспортивной ответственности и киберфолу.

Значение киберспортивной ответственности состоит в обращённом к участникам киберспортивных отношений требовании не переходить в своем поведении за пределы предоставленной им правообладателем свободы, то есть как своеобразный ограничитель свободного усмотрения. Данный аспект ответственности выражается в объективной необходимости и вытекающей из нее субъективной обязанности выполнять установленные требования, согласовывать свое поведение с запретами и велениями, соблюдать предписания. Наличие института киберспортивной ответственности в национальном законодательстве Южной Кореи – это в первую очередь результат развития игровой индустрии и инфраструктуры со стороны государства. Наличие данного института в национальном законодательстве Республики Беларусь – это большой шаг на пути к честному киберспорту, его развитию и популяризации, как защищённой дисциплины, с чёткой правовой регламентацией. Немаловажным элементом, говорящим в пользу киберспортивной ответственности, является и финансовая составляющая, которая только «приобретёт» в случае законодательного закрепления данной дефиниции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Merriam-Webster Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://learnersdictionary.com/definition/wrongdoing>. – Дата доступа: 15.07.2020.
2. Ардашкин, В.Д. Охранительный механизм в праве и пределы ограничения права и свобод человека по российскому законодательству и международному праву / В.Д. Ардашкин // Сб. трудов. – Красноярск, 1988. – С. 54.

3. Хропанюк, В. Теория государства и права / В. Хропанюк ; под ред. В.Г. Стрекозова. – М., 1995. – С. 314.
4. Иванов, А. Правонарушение и юридическая ответственность / А. Иванов // Теория и законодательная практика. – М., 2004. – С. 10.
5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 4 января 2014 г., № 122-З // Консультант Плюс. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г., № 194-З: принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 марта 2020 г. // Консультант Плюс. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // Консультант Плюс. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Esports Integrity Commission [Electronic resource]. – Mode of access: <https://esic.gg/>. – Date of access: 03.08.2020.
9. ESL One CSGO Rulebook [Electronic resource]. – Mode of access: <https://goo.su/2eCd>. – Date of access: 03.08.2020.
10. Code of conduct [Electronic resource]. – Mode of access: <https://esic.gg/codes/code-of-conduct/>. – Date of access: 03.08.2020.
11. GAME INDUSTRY PROMOTION ACT [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.grac.or.kr/download/FileDown.aspx?fileName=GAME+INDUSTRY+PROMOTION+ACT.pdf>. – Date of access: 09.07.2020.
12. Парламент Южной Кореи принял закон против читеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dtf.ru/esport/2581-parlament-yuzhnay-korei-prinjal-zakon-protiv-chiterov>. – Дата доступа: 18.07.2020.
13. В Южной Корее вступил в силу закон против бустинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cybersport.ru/games/news/shtraf-ili-tyurma-v-yuzhnoi-koree-vstupil-v-silu-zakon-protiv-bustinga>. – Дата доступа: 20.07.2020.

УДК 349

ПРИЧИНЫ И ПРЕЦЕДЕНТЫ МОШЕННИЧЕСТВА В ПАРАЛИМПИЙСКОМ СПОРТЕ

E.E. ГАРА
(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)

Выясняя все возможные причины правонарушений в паралимпийском спорте следует исходить из того, что спорт имеет в основе состязание, которое ориентировано на победу. Именно из-за этого характера состязательности спорт несет в себе некоторую опасность: опасность злоупотребления и опасность применения насилия. Некоторые ради победы готовы идти по головам и пренебречь моральными и нравственными устоями. Как бы ни хотелось в это верить, но мошенничество в паралимпийском спорте присутствует.

Под опасностью злоупотребления следует понимать желание победить любым возможным путем. Например, подкуп судей или персонала, использование запрещенных препаратов или же техник, которые могут обеспечить победу. Из-за многочисленных precedентов такого злоупотребления предусмотрены нормативные акты, содержащие как правила допустимого поведения, так и ответственность за недопустимое поведение.

Некоторые виды спорта сами по себе заключаются в насильственных действиях: такие как бокс, карате и другие виды боевого искусства. В работе исследованы иные случаи – когда возникает желание применить насилие или агрессию вне профессиональной арены, например, подрезать соперника, оттолкнуть его или нанести физические повреждения, чтобы он вышел из борьбы.

В современном мире насилие в спорте, к сожалению, общепризнанный факт, подтверждающийся из года в год. Причина этого – чрезмерное стремление к победе и славе, когда как игроки, так и тренеры готовы использовать любую возможность, даже противную морали, честности и закону. В то же время, это причина не единственная: на повышение уровня насилия влияет и массовая культура, часто пропагандирующая неверные лозунги, как относящиеся к спорту, так и нет, однако формирующие отношение спортсмена к миру и окружающим, в том числе и расистские. По словам научного сотрудника по спортивной психологии Тартуского университета Ааве Ханнуса, насилие действительно является частью спорта и «...в психологии подразделяют спортивное насилие на два вида: сопровождающая деятельность агрессивность и враждебная агрессивность. Первая из них дает преимущества в достижении успеха, а целью враждебной агрессивности является причинение физической или психологической травмы сопернику» [1]. Таким образом, между необходимой в конкретном виде спорта агрессией и агрессией, вызывающей насилие, весьма тонкая грань, поэтому необходим серьезный контроль, как со стороны законодательства, так и с медицинской стороны, включающий тщательную проверку психического здоровья спортсмена и помочь психологов [2].

Спорт – явление сложное и многоаспектное, несомненно, положительное, но также имеющее существенные недостатки. Так как спортивная деятельность подразумевает агрессию, соперничество и ориентирована исключительно на победу, то спортивные мероприятия становятся местом совершения многочисленных правонарушений.

Среди причин мошенничества в любом виде спорта выделяется одна из основных – погоня за рейтингом и призовыми деньгами. Ведь размер выигрыша напрямую зависит от показываемых на соревнованиях результатах: чем выше вы в рейтинговой таблице, тем больше будет ваша прибыль. От рейтинга зависит карьера любого спортсмена. Можно сказать, что рейтинговая таблица – это показатель профессиональности. Спортсмены стремятся улучшить свой рейтинг, чтобы попасть в команды более высокого уровня.

Еще одна из причин правонарушений в спорте состоит в том, что на современном этапе спорт часто становится объектом рыночных отношений. Именно из-за этого появились такие виды правонарушений, как договорные матчи, подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований. Для некоторых спорт становится бизнесом.

В паралимпийском спорте существует огромной проблемы, связанная с обманом в определении класса инвалидности. Примером может служить преуменьшение своих возможностей. Из-за чего соревнования становятся неравными с самого начала. Либо вообще подмена параспортсменов на здоровых спортсменов, которые только притворяются имеющими проблемами со здоровьем. Это очень серьезная проблема, которая пока еще недостаточно разрешена.

Паралимпийцы соревнуются не только в разных видах спорта. Они разбиты на разные классы в зависимости от тяжести проблем со здоровьем. Если объяснять применительно к практике, спортсмен, у которого нет одной ноги, всегда будет побеждать на трассе спортсмена без обеих ног. Именно поэтому на Паралимпиадах призовые места определяют в разных функциональных классах. Бежать марафон, например,

могут все вместе, но после финиша выдадут не один комплект медалей, а несколько – каждым победителям в своем классе. Именно поэтому на Паралимпиадах разыгрывается так много медалей [6].

Одним из самых распространенных видов мошенничества в паралимпийском спорте является фальсификация функционального класса спортсменов. Спортсмены и тренеры могут выбирать самые изощренные методы обмана. Рассмотрим несколько примеров, как вообще спортсмены могут обходить систему определения функциональных классов.

1. Пловцов с церебральным параличом помещали в холодную среду в купальниках, чтобы ухудшить их мышечный тонус и получить более серьезный диагноз.

2. Спортсмены на комиссию приезжали в инвалидных колясках, когда они в обычной жизни не используют их.

3. Ампутировали конечности, когда в этом нет медицинской необходимости. Британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация BBC приводит следующий пример: когда пловца-ампутанта, менявшего функциональные классы, спросили о причине операции, он ответил: «Это должно было продвигать мою карьеру» [6].

Показательными также являются следующие примеры из практики паралимпийского спорта. В 2016 году Александр Качанов, президент Ростовской региональной общественной организации инвалидов «Донской инвалидный спортивный клуб», дал интервью газете «Московский комсомолец», где описал случаи мошенничества в спорте слепых.

«Однажды мне доверили организацию сборов к чемпионату СССР по греко-римской борьбе среди незрячих, которые проходили в Тбилиси. И вот тут я впервые заметил, что среди грузинских борцов явно присутствовали три зрячих спортсмена. Я лично участвовал в процедуре взвешивания спортсменов и проверке документов с помощью одного из наших зрячих тренеров. В итоге одного борца отсеяли из-за отсутствия справки об инвалидности. Второй снялся после первого же поражения от незрячего. А вот третий легко, играющи, победил самых сильных слепых борцов, а затем погрузил всю грузинскую сборную в свою машину, сел за руль и увез их после закрытия турнира. Помню, в этом же борцовском зале висел портрет этого грузинского чемпиона среди здоровых. Тогда нам стало не по себе. Вот так я первый раз столкнулся с обманом» [3].

Возникает резонный вопрос: где находят подходящих спортсменов, которые соглашаются заменить паралимпийцев? Свою позицию Качанов высказал в этой же статье: «Тренер находит подходящую кандидатуру среди спортсменов-неудачников. Желательно, чтобы у человека был хотя бы мизерный изъян зрения. И ведется приблизительно такой разговор: «Ты достиг потолка, а среди инвалидов тебя ждут золото, деньги, слава. Пройдешь обследование, я везде договорюсь». После победы такого спортсмена тренер получает звание заслуженного и премиальный – почти все то же, что и подопечный. Недавно случился громкий скандал с глухими паралимпийцами на эту тему. Но дело не имело широкого резонанса. Конечно, зрячему спортсмену-мошеннику легче поделиться полученными доходами с целью еще несколько лет «поптрудиться». Каким образом тренерам удается уговаривать врачей составить поддельную справку – остается только догадываться. Известен случай, когда пловцу-паралимпийцу Александру Неволину-Светову страховая компания отказалась выплатить компенсацию за повреждение его автомобиля, узнав, что за рулем находился «слепой» чемпион. Разразился скандал. Но после врача опять поставил спортсмену тяжелую степень инвалидности по зрению. И Неволин-Светов снова попал в состав паралимпийской сборной...» [3].

Еще один показательный случай произошел в 2000 году на Играх в Сиднее. Благодаря журналисту Карлосу Рибагорда, который сумел хитростью попасть в сборную Испании по баскетболу среди игроков с нарушением интеллекта, мир узнал правду. В команде лишь двое из игроков страдали расстройством интеллекта. Из-за раскрытия мошенничества сборной Испании по баскетболу, она была лишена победы в турнире.

Из-за данного инцидента пострадали не только люди, совершившие спортивное правонарушение, но и последующие поколения. Международный паралимпийский комитет принял решение исключить соревнования инвалидов с расстройством интеллекта из программы Игр, в которую они вернулись только в 2012 году, однако баскетболисты до сих пор лишены такой возможности [4].

Возникает обоснованный вопрос: а справедливо ли такое решение? На мой взгляд, отвечать за преступки должны лишь те, кто их совершил. Не случайно в уголовном и административном законодательстве указано, что ответственность наступает лишь за деяния, совершенные виновно.

Прецеденты мошенничества не всегда раскрываются тайно; отмечены случаи, когда сами спортсмены рассказывают о таких фактах. Британская легкоатлетка Бетани Вудворд заявила, что отказывается от своей бронзовой медали, которую она выиграла в эстафете 4×100 метров на Паралимпийских играх в 2012 году. Спортсменка рассказала, что её команда сжульничала и добыла награду нечестным путём. Своё признание девушка сделала в рамках расследования BBC о масштабных махинациях в сборных Великобритании по паралимпийским видам спорта [5].

Со слов Вудворд, которая получила серебряную медаль в беге на 200 метров среди легкоатлетов с церебральным параличом (класс T37), с ней в команде находилась спортсменка, которая сознательно приписала себе неправомерный класс. А Лиз Мактернан лишь подтверждает догадки своей соратницы. Она уверена, что таких нечестных спортсменов много, и их действия так же ужасны, как приём допинга.

«Есть люди, которых волнуют только гранты от спортивных федераций и медали на шее. Если бы я одержала победу над спортсменами, среди которых у меня была самая лёгкая форма инвалидности, я бы не чувствовала, что оно того стоило. Это всё равно, что принимать допинг», – заявила Мактернан [5].

Различные примеры спортивного мошенничества приводит канал BBC в своем журналистском расследовании. По их заявлению, зачастую спортсмены-колясочники спокойно ходят пешком в обычной жизни, а в коляску садятся только перед врачами и на соревнованиях. Нередко вопросом присвоения категории занимаются тренеры, чей интерес в правильном результате очевиден. Так же в статье приводится пример пловца, который без медицинских показаний перенес операцию: ему укоротили конечность, чтобы он смог выступать с более слабыми спортсменами. Более того, он не скрывает, что сделал он это для достижения новых вершин в своей спортивной карьере.

В настоящей статье приведены только некоторые случаи проявления мошенничества в паралимпийском спорте. Сколько еще осталось неосвещенным, скольким людям были вручены несправедливые призовые места и сколько карьер построено на обмане?

Подводя итог настоящей работы, возможно сделать вывод о том, что причин рассматриваемых видов нарушений множество; они зависят как от внутренних убеждений людей, так и от внешних факторов. На наш взгляд, у спортсмена всегда есть выбор решать, как поступить в соответствующей ситуации. Задачи же законодателя – максимально мотивировать атлета на достижение положительных результатов и обеспечить гарантии достойного дохода и соответствующих компенсаций. Данные задачи возможно достигнуть разработкой и принятием соответствующих нормативных правовых актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скляров, И.В. Паралимпийские игры / И.В. Скляров // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2014. – Т. 9. – № 1. – С. 441–443.
2. Бородина Н. И. Нарушения права в спорте // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1521–1525. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/86326.htm>
3. Зайченко, А. Оборотная сторона паралимпийской медали / А. Зайченко // «Московский комсомолец». – 2016. – № 27199.
4. Новости в России и мире – ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/sport/4578296>. – Дата доступа: 20.09.2017.
5. RT на русском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.rt.com/99dd>. – Дата доступа: 20.09.2017.
6. Комсомольская правда в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.by/daily/26734.4/3760731/>. – Дата доступа: 20.09.2017.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СПОРТСМЕНОВ

E.E. ГАРА
(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)

В каждой группе спортсмены распределялись по классам в соответствии с их функциональными возможностями, а не категориями инвалидности. Такая функциональная классификация основывается прежде всего на тех способностях спортсмена, которые позволяют ему или ей соревноваться в определенной спортивной дисциплине, а только потом уже на медицинских данных.

Классификация – это процесс формирования однородных групп паралимпийских спортсменов по их функциональным возможностям. Это означает, что спортсмены, относящиеся к различным нозологическим группам (например, спортсмен с ДЦП и спортсмен, имеющий спинномозговую травму) могут оказаться в одном функциональном классе, так как они имеют одинаковые функциональные возможности. Классификация должна объективно оценить класс спортсмена-инвалида, так как если класс спортсмена «занизжен», то пропадает соревновательный интерес у других спортсменов, а если класс ошибочно «з повышен», то у данного спортсмена самого пропадает соревновательный интерес, потому что он становится неконкурентоспособен. Ошибки при определении функционального класса спортсменов приводят к получению незаслуженных наград или же, наоборот, упадку профессиональной карьерной деятельности спортсмена.

Классификация спортсменов-инвалидов является распространенной темой научных работ. Так доктор педагогических наук, профессор С.П. Евсеев выделил некоторые принципы классификации паралимпийцев. В их числе:

- принцип обеспечения спортсменам равных возможностей в достижении спортивного результата;
- принцип сравнения (сравнения результатов разных спортсменов между собой, а также сравнение их результатов со здоровыми людьми);
- принцип доступности (простота методов и способов оценивания функциональных возможностей спортсменов);
- принцип объективности;
- принцип информативности и др. [1].

Международная классификация обеспечивает структуру соревнований. Классификация предпринимается с целью обеспечения спортсмену возможностей соревноваться на равных условиях с другими спортсменами. Она дает уверенность в том, что нарушение, имеющееся у спортсмена, соответствует требованиям вида спорта [2].

Функциональный класс спортсменов-инвалидов определяется не обычным врачом, а специально уполномоченными на то лицами – классификаторами. Определение данному понятию дается в Классификационном кодексе Международного паралимпийского комитета, как человека, наделенного МФ полномочиями в качестве члена группы классификаторов оценивать возможности спортсменов для участия в соревнованиях. Права и обязанности классификатора определены в Международном стандарте по подготовке классификатора и выдаче сертификата. Классификатор должен быть подготовлен и сертифицирован МФ в соответствии с Международным стандартом по подготовке классификатора и выдаче сертификата [2].

Л. Лысенкова, начальник отдела по социальному сопровождению и реабилитации «Центра адаптивного спорта Югры», является национальным классификатором по легкой атлетике среди лиц с поражением опорно-двигательного аппарата, классификатором спортсменов с поражением опорно-двигательного аппарата в плавании на уровне субъекта Российской Федерации. Она высказала свое мнение о том, что «цель классификации – обеспечить спортсменам-инвалидам справедливые условия соревнования. Классификация выполняет две основные функции: определение допуска спортсмена-инвалида для участия в соревнованиях и распределение спортсменов по функциональным классам» [3].

В медико-функциональной системе классификации главными факторами, определяющими класс, являются не только диагноз и медицинские показатели, но и то, как травма влияет на возможность заниматься тем или иным видом спорта.

Технология медико-функциональной классификации спортсменов с поражением опорно-двигательного аппарата базируется на оценке в баллах двигательных возможностей спортсменов и производится в соответствии с международной функциональной системой классификации для спортсменов с двигательными поражениями [3].

В обязанности классификатора может входить, но не ограничиваться этим, следующее:

- работа в качестве члена группы классификаторов по определению спортивного класса спортсмена и статуса спортивного класса в соответствии с Международным стандартом по оценке спортсмена;

- работа в качестве члена группы классификаторов в соответствии с требованиями Международного стандарта по протестам и апелляциям;
- посещение во время соревнований собраний классификаторов;
- помочь в обучении и сертификации классификаторов (например, участие в организации и преподавании на семинарах по классификации) по просьбе старшего классификатора, ответственного за обучение во время соревнования [2].

Функциональный класс со временем может меняться, поэтому паралимпийцы за свою профессиональную деятельность не однократно проходят классификацию. Для определения функционального класса проводится не только медицинское обследование, но и ряд других тестирований. Спортсмен обязан перед самой классификацией предъявить все требующиеся документы (выписка из истории болезни/медицинская справка, определение степени нарушения зрения, рентгенограмма и другое) и подписать Классификационную форму согласия, выразив тем самым свое желание пройти классификацию и оказать полное сотрудничество во время классификационного процесса. Если он не желает сотрудничать с классификатором или же не хочет предъявлять дополнительную информацию о состоянии своего здоровья, то спортсмену имеют право отказать в предъявлении функционального класса, тем самым не допустить к соревнованиям.

Во время классификации оцениваются как физические, так и технические навыки паралимпийцев. В первом случае смотрят мышечный тонус, координацию, выносливость, интеллектуальные и сенсорные возможности (зрение, равновесие и тому подобное). Во втором же, оценивается прохождение определенных специфических заданий, связанных с видом спорта, которым занимается спортсмен. Классификатор должен быть уверен, что во время технической проверки спортсмен демонстрирует максимум своих возможностей, поэтому он имеет право попросить спортсмена проявить большие усилия, чтобы получить возможность оптимального наблюдения.

У классификаторов есть возможность присутствовать во время тренировок и/или соревнований спортсменов-инвалидов. А также может производить фото/видео съемку для более точного определения функционального класса.

В соответствии с Классификационным кодексом МПК каждая международная федерация по виду спорта должна разработать и иметь свои собственные классификационные правила, в которых должны быть четко определены критерии годности для участия в данном виде спорта на основе специфических задач, необходимых для соревновательной деятельности по виду спорта. Как следствие, спортсмен с одним и тем же поражением может соответствовать критериям годности для одного вида спорта, но не иметь право соревноваться в другом виде спорта [4].

Для того, чтобы быть годным к участию в соревнованиях по паралимпийским видам спорта, спортсмен должен иметь первичное «допустимое» поражение, приводящее к постоянному иирующему быть доказанным ограничению физической активности. Допустимые виды поражение представлены в приведенной таблице [4].

№ п/п	Тип поражения	Пример состояний, могущих вызвать подобные поражения	Описание	Кодировка в соответствии с МКФ
1	Нарушение мышечной силы	Спинномозговая травма, мышечная дистрофия, травма плечевого сплетения, паралич Эрба, синдром Гийена–Барре	Снижение силы, создаваемой сокращением мышцы или группы мышц, таких как мышцы одной конечности, одной стороны тела или мышцы нижней половины тела	b730
2	Нарушение диапазона движений	Артрит, анкилоз, послеожоговые контрактуры суставов	Уменьшение диапазона движений в одном или более суставах	b7100–b7102
3	Дефицит конечности	Ампутация в результате травмы или врожденный дефицит конечности (дисмелия)	Полное или частичное отсутствие костей или суставов в области плеча, верхней конечности, тазовой области, нижней конечности	s720, s730, s740, s750 Примечание: для указания полного или частичного отсутствия структуры эти коды могут иметь расширение 81 или 82 соответственно
4	Разница длины нижних конечностей	Врожденные или приобретенные причины укорочения костей одной нижней конечности	Укорочение костей правой или левой нижней конечности, но не обеих нижних конечностей. <i>Исключено:</i> укорочение костей обеих нижних конечностей; любое увеличение размеров	s75000, s75010, s75020 Примечание: при кодировании аномальные размеры костей правой нижней конечности обозначаются добавлением расширения кода – 841, левой нижней конечности – 842

№ п/п	Тип поражения	Пример состояний, могущих вызвать подобные поражения	Описание	Кодировка в соответствии с МКФ
5	<i>Низкий рост</i>	Ахондроплазия, дисфункция роста	Аномальные размеры костей верхних и нижних конечностей или туловища, которые снижают высоту роста в положении стоя	s730.343, s750.343, s760.343
6	<i>Гипертонус мышц</i>	ЦП, инсульт, травма головного мозга, множественный склероз	Повышенный мышечный тонус – повышение мышечного напряжения и уменьшенная способность мышцы растягиваться	b735
7	<i>Атаксия</i>	ЦП, травма головного мозга, атаксия Фридрайха, множественный склероз, спино-церебеллярная атаксия	Отсутствие контроля и координации произвольных движений	b760
8	<i>Атетоз</i>	ЦП, инсульт, травма головного мозга	Непроизвольные патологические сокращения мышц. <i>Включено:</i> атетоз, хорея	b7650
9	<i>Нарушение зрения</i>	Миопия, туннельное зрение, скотома, пигментный ретинит, глаукома, врожденная катаракта, дегенерация желтого пятна	Поражение структуры глазного яблока, оптических нервов или оптических путей, зрительной коры головного мозга	b210, s220
10	<i>Нарушение интеллекта</i>	Интеллектуальная заторможенность, дефицит обучения	Ограничение интеллектуальных функций и адаптивного поведения. <i>Исключено:</i> деменция, нарушения, возникающие в возрасте после 18 лет	b117

В завершение возможно сделать вывод о том, что точная классификация доказывает, что спортивный успех зависит не от медико-функциональных особенностей человека, а от усердия спортсмена на тренировках, таланта и соревновательного опыта. Вместе с тем, несмотря на сформированность системы определения функциональных классов спортсменов, на практике иногда возникают ошибки при его определении. Поэтому следует продолжать изучение данной сферы для выявления более полного и абсолютного результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розторгуй, М.С. Принципы классификации в паралимпийском спорте / М.С. Розторгуй, А.В. Передерий, Ю.А. Брискин // PedagogyofPhysicalCultureandSports. – 2008. – № 2.
2. Классификационный Кодекс и Международные стандарты / авт.-сост. П.А. Рожков, Н.А. Сладкова, Б.А. Поляев, И.Т. Выходец ; пер. с англ. М.М. Башкирова // Паралимпийский комитет России, Российская ассоциация по спортивной медицине и реабилитации больных и инвалидов. – М. : РАСМИРБИ, 2008. – 60 с.
3. Центр адаптивного спорта Югры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.csi-ugra.ru/news/29037/>. – Дата доступа: 19.12.2016.
4. iknigi.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-s-evseev/124848-teoriya-i-organizaciya-adaptivnoy-fizicheskoy-kultury-sergey-evseev/read/page-1.html>. – Дата доступа: 7.03.2017.

УДК 347.78

ОБЪЕКТЫ ИНТЕРНЕТ-ПРАВООТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ INSTAGRAM

*A. В. ГОМОНОВА
(Представлено: А. В. ПАШКОВА)*

В данной статье рассмотрено понятие объекта, соответственно и объекты интернет правоотношений на примере Instagram, их виды. Так же рассматривается вопрос о том, кто является обладателем авторских прав, и как работает пользовательская лицензия на платформе Instagram, а также на что стоит обратить внимание при покупке профиля в Instagram.

Instagram – это социальная сеть, которая появилась осенью 2010 года. На данной платформе можно делиться фотографиями или же видеоматериалами, вести переписку с пользователями данной сети, а также можно продвигать свой бизнес или же продавать товары и услуги. В Instagram можно получить достаточно много полезной информации, начиная со здоровья заканчивая воспитанием детей.

Для начала следует рассмотреть, что такое объект правоотношений. Объект – это то, с чем взаимодействует субъект правоотношений. То есть субъекты правоотношений вступают в юридическую связь с объектом.

В качестве объектов могут выступать действия субъектов, а также ими могут быть материальные и нематериальные блага, ценные бумаги и документы, результаты действий субъектов правоотношений и продукты духовного творчества [1].

Под материальными благами понимается движимое и недвижимое имущество, социальные ценности и т.п. А нематериальными благами является жизнь и здоровье, честь и достоинство и т.п. Ценные бумаги, к примеру, это векселя, акции и тому подобное [2].

Объектом правоотношений в Instagram являются продукты духовного творчества. Продуктом духовного творчества является результат интеллектуальной деятельности. В Instagram объектом правоотношений являются фото и видео контент. А точнее, права на фото и видео контент, который публикуется в Instagram. А также сюда входит, авторское право на публикуемый материал, включая текст, публикуемый под фото и видео контентом. Так же сюда можно включить взаимоотношения между субъектами Instagram, например, это обмен электронной почтой, которая опубликована в так называемой «шапке» профиля.

Объектом авторского права выступают произведения литературы, науки и искусства. То есть любое произведение – это творчество.

А творчество – это работа интеллектуальная, то есть при такой работе всегда создается что-то новое. Для объектов авторского права, главной задачей является новое содержание и форма.

Объект авторского права должен существовать в такой форме, чтобы это воспринимали в доступной форме люди. Произведение становится объектом авторского права с момента его создания в любой доступной форме. Официальное оформление произведений не требуется. Назначение произведения не имеет никакого значения. А также не имеет значения форма выражения произведения.

Фотография является объектом авторского права. Авторское право на фотографию возникает независимо от того каким образом была сделана фотография [3].

У каждой фотографии существует свой автор и правообладатель. К тому же, автор и правообладатель – это могут быть разные люди.

У автора существует два вида права:

- личные неимущественные;
- имущественные.

Авторским правом будет обладать тот человек, который создаст произведение. Если рассматривать фотографию, то автором будет тот человек, который сделал фото. Например, вы сфотографировали дикорастущее дерево в парке, вы будете обладать авторским правом на фотографию, однако вы не можете запретить другим людям, фотографировать данное дерево в парке. Но вы сможете запретить использование сделанной вами фотографии, либо же вы можете разрешить использование своей фотографии, но с пометкой авторства.

Но в пользовательском соглашении Instagram указано следующее:

«Люди также могут использовать наши Продукты, чтобы создавать контент о вас и делиться им с выбранной ими аудиторией. Например, они могут поделиться фото с вами в истории, упомянуть или отметить вас в каком-то месте в публикации, а также поделиться информацией о вас в своих публикациях или сообщениях».

Но если вы не хотите такого, вы можете добиться удаления информации о вас, просто подается жалоба на контент.

Интересным фактом является то, что не многие знают, при регистрации в Instagram владельцы не претендуют на право собственности на ваш контент, но вы даете им лицензию на его использование. То есть, когда вы публикуете или загружаете контент, являющийся объектом прав на интеллектуальную собственность (например, фото или видео), в сервис Instagram или в связи с ним или делитесь таким контентом, вы настоящим даете неисключительную, не требующую уплаты роялти, действующую по всему миру лицензию с правом передачи и выдачи сублицензий на хранение, использование, распространение, изменение, запуск, копирование, публичное исполнение или показ, перевод вашего контента и создание производных работ на его основе (в соответствии с вашими настройками конфиденциальности и приложения). Но вы можете в любое время прекратить действие этой лицензии, удалив свой контент или аккаунт.

А также вы даете разрешение на использование вашего имени пользователя, фото профиля и информации о ваших отношениях и действиях в связи с аккаунтами, рекламой и спонсорским контентом. То есть ваш профиль в Instagram, либо имя пользователя, фото, может послужить рекламой на другом сайте, и на самом сайте в Instagram, и вам не полагаются никакие выплаты.

Сам Instagram как говорилась ранее, защищает себя от возникновения ряда споров по поводу нарушения авторских прав, и поэтому предлагает пользователям подписать соглашение и публичности своего контента и информации с аккаунта.

Для защиты своих авторских прав, стоит внимательно прочитать пользовательское соглашение в Instagram, а также если вы считаете, что Ваши авторские права нарушены, вы можете обратиться к человеку, который нарушил данные права, либо написать жалобу в поддержку Instagram.

В Instagram существует несколько видов аккаунтов:

- личный блог. В данном аккаунте, человек может делиться своей жизнью. Он может демонстрировать все то, чем он сам интересуется. Это может быть семья, личная жизнь, может делиться своим мнением на различные темы. На этом аккаунте можно получить заработок через рекламу других аккаунтов или же сотрудничества с различными брендами. Но для этого должно быть на странице определенное количество подписчиков, которым будет интересно все то, чем делится этот человек;

- блог эксперта. В этом аккаунте, можно делиться своим мнением в определенной области, в которой человек разбирается больше, чем в какой-либо другой. В этом случае заработка можно получить за проведение семинаров, консультаций и т.п.;

- паблики. Данным аккаунтом обычно руководит администратор. В данном аккаунте можно разместить смешные видео или же идеи женского маникюра. Тут заработка приходит так же с рекламы;

- магазин-витрина. В этом аккаунте выставляют товар с его полным описанием. Тут заработка приходит с прямых продаж;

- бизнес-аккаунт. Некоторые компании создают данный аккаунт для рекламы. У этих аккаунтов помимо информации о том, что они продают, так публикуется информационный и развлекательный материал. В данном случае, Instagram является исключительно площадкой для рекламы компаний;

- страницы лэндинги. Эти аккаунты создаются для размещения определенного конкурса. Такие аккаунты оформляются в одном стиле, в них содержится не более 12 фотографий на которых размещается необходимая информация;

- профили «фанатов» или же «хейтеров». На данных страницах публикуют фото определенной личности и следят за ее жизнью, публикую все на этой странице;

- боты. Это мертвые страницы. Такие профили создаются, обычно, для накрутки подписчиков;

В данных видах аккаунтов так или иначе возникает интеллектуальная собственность, а, следовательно, данные права на интеллектуальную собственность могут нарушаться.

Пользователи публикуют не только свои снимки и видео. Порой в публикациях мелькают репосты, картинки, сделанные сторонними авторами, а в монтируемых видеороликах зачастую используются популярные песни или саундтреки.

Так же, в Instagram существуют аккаунты, которые выставляют на продажу.

При заполнении аккаунта требуют указать номер мобильного телефона. Получается, что если к аккаунту привязан номер мобильного телефона, то этот аккаунт считается активированным. А так же, есть неактивированные аккаунты – это аккаунты к которым не привязан номер мобильного телефона. Аккаунты могут создаваться вручную и автоматически при помощи специальной программы. Еще существуют аккаунты, у которых слабая защита, доступ к таким аккаунтам можно получить при помощи автоматического подбора пароля и логина.

При помощи так называемого аккаунта «фейка» тоже можно получить доступ к аккаунту при помощи обмана владельца страницы. Как правило, аккаунт «фейка» можно распознать, посмотрев лишь на то, как ведут страницу. Обычно у таких аккаунтов мало подписчиков и в основном нет личных фотографий в аккаунте. Так же есть бесхозные аккаунты – так называют аккаунты, к которым владелец потерял интерес.

По времени использования аккаунты бывают трех видов: Новые профили. Данный профиль заполнен по минимуму; профили, у которых есть какая история на данной платформе; аккаунты, на которых продолжительное количество времени не было никаких действий.

Выгодней будет купить конечно же аккаунт, который существует на протяжении более двух лет. Аккаунт должен быть зарегистрирован вручную и должен продаваться с почтой, которая привязана к данному аккаунту. Важное значение имеет тематика профиля, так как, если ее поменять можно потерять большое количество подписчиков.

При покупке Instagram аккаунта стоит обратить внимание на следующие пункты, чтобы не переплатить за аккаунт или не столкнуться с мошенниками: просмотреть несколько аккаунтов и цены на них; по-просить у продавца ссылку на профиль и статистику аккаунта, чтобы убедиться, что предлагаемый аккаунт качественный и вообще, что он существует; не переводить заранее деньги; воспользоваться услугами гаранта, чтобы можно было провести безопасную сделку.

Цифровое пространство только изучается на данном этапе. Развиваться в таком пространстве выгоднее, так как проще избежать ответственности.

Можно сделать вывод, что объект - это то, с чем взаимодействует субъект правоотношений. А фотография будет обладать авторским правом, так как у каждой фотографии существует свой автор и правообладатель. А также, чтобы не нарушить авторское право, следует внимательно читать пользовательское соглашение Instagram. В аккаунтах, которые описаны выше возникает интеллектуальная собственность, а, следовательно, права на интеллектуальную собственность могут быть нарушены. Так же в Instagram существуют аккаунты, которые можно выставить на продажу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелехин, А.В. Теория государства и права : Учебник с учебно-методическими материалами. – 2-е изд., доп. и перераб. / А.В. Малехин. – М., 2009. – 345 с.
2. Кабаев, В.К. Теория государства и права: Учебник / В.К. Кабаев. – М. : Юристъ, 2003. – 592 с.
3. Резепова, В.Е. Право интеллектуальной собственности / В.Е. Резепова. – Минск : Амалфея, 2010. – 218 с.

ТЕРМИН «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ»

A. В. ГОМОНОВА
(Представлено: А. В. ПАШКОВА)

Институт интеллектуальной собственности в Республике Беларусь включает в себя институт авторских прав и институт смежных прав, институт патентного права, институт средств индивидуализации, а также институт нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности. В данной статье рассмотрен термин «интеллектуальная собственность», и понятия входящие в данный термин.

Термин «интеллектуальная собственность» возникает в 18–19 вв. в англосаксонском праве, позже в континентальном праве. Суть теории возникновения термина «интеллектуальная собственность» заключается в том, что все объекты, которые создал человек, будь то материальные объекты или же это результаты творческой деятельности, будут являться его собственностью. Правообладатель этих объектов имеет право на пользование ими по своему усмотрению при соблюдении закона, а также имеет право на запрещение или разрешение использования другим лицам.

В данном контексте речь идет об идеи, а не о материальном объекте, в котором эта идея может быть использована. В этой теории выделяют юридическую предпосылку. В данной предпосылке говорится о том, что правообладателю не может противостоять конкретное обязанное лицо. Обладатель интеллектуальной собственности, при соблюдении закона, может совершать любые действия в отношении своего объекта, а также обладатель имеет право запретить третьему лицу совершать любые действия без его согласия. А именно право на интеллектуальную собственность возникает уже с того момента, как только идея проявилась во внешнем выражении.

Авторское право является одним из древнейших институтов права интеллектуальной собственности. В Англии в 1710 году был принят закон об авторском праве, им являлся «Статут королевы Анны». В данном законе говорилось о том, что имеется личное право на охрану произведения, которое было опубликовано. Основой для создания современных законов, является «Статут о монополиях», который был принят также в Англии в 1624 году. Этим статутом было установлено то, что королевская власть не имеет права выдавать патенты, кроме как патентов на изобретение. А вот в России, было принято «Положение об авторском праве» в 1911 году, то есть из этого следует то, что право интеллектуальной собственности сформировалось сравнительно позже в России, что характеризуется рядом появившихся положений, регулирующих данную сферу гражданских правоотношений [1].

Чтобы правильно трактовать само понятие «интеллектуальная собственность» следует понимать значение двух его составляющих.

Под термином «интеллектуальный» понимается то, что принадлежит к результату умственного труда и духовного развития.

Собственностью является имущество, которым обладает субъект. А имущество – это объект, который принадлежит субъекту на праве собственности. Субъектами собственности могут быть как физические, так и юридические лица. Юридическими лицами являются коммерческие, а также некоммерческие организации.

Под интеллектуальной собственностью понимается, результаты интеллектуальной деятельности человека, которые охраняются Гражданским кодексом Республики Беларусь, а также является средством индивидуализации [2].

Стоит отметить, что термин «Интеллектуальная собственность» является собирательным понятием означающее совокупность исключительных прав на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации. Впервые данный термин был введен в оборот в 1967 году в Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности.

По мнению автора, у интеллектуальной собственности есть особенные черты, например, если лицо обладает интеллектуальной собственностью, то это лицо может предоставить права на нее другому лицу, и лицо, которое передало права на интеллектуальную собственность, может ей так же пользоваться. Причем таких лиц может быть неограниченное количество и все лица могут использовать один объект. Также без разрешения лица, которое обладает объектом интеллектуальной собственности, другие лица не вправе пользоваться его объектом интеллектуальной собственности. И, не каждый результат интеллектуальной деятельности является интеллектуальной собственностью. Объект интеллектуальной собственности должен быть прописан в Гражданском кодексе Республики Беларусь [3].

Объектами интеллектуальной собственности выступают результаты интеллектуальной деятельности. В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь результатам интеллектуальной деятельности предоставляется правовая охрана.

Согласно ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь объектами интеллектуальной деятельности являются результаты интеллектуальной деятельности: произведения науки, литературы и искусства; исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хай), так же средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг: фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания. А также, другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом Республики Беларусь и иными законодательными актами [1].

А.Л. Маковский полагает, что право на интеллектуальную собственность всегда чуть-чуть шире того объекта, на который оно установлено, поскольку, например, признается нарушением использования товарного знака, сходного до степени смешения с тем знаком, который принадлежит данному правообладателю.

Республика Беларусь, являясь участником многочисленных международных договоров, функционирующих под эгидой Всемирной организации интеллектуальной собственности, а также являясь членом Евразийской патентной организацией, интеллектуальная собственность является основой функционирования рыночной экономики.

Можно сделать вывод, что термин «интеллектуальная собственность» изначально появился в англосаксонском праве. А также, термин «интеллектуальная собственность» включает в себя два понятия. Под термином «интеллектуальный» понимается то, что принадлежит к результату умственного труда и духовного развития. Понятие «Интеллектуальная собственность» – это отношение правообладателя к результатам интеллектуальной деятельности, в том числе к средствам индивидуализации, обладающее абсолютным характером, содержанием которого является набор правомочий в зависимости от свойств объекта и обеспечивающий доступ, и абсолютную защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wipo.int/portal/ru> – Дата доступа: 20.04.2020 г.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. Беларусь, 19 нояб. 1998 г. : текст Кодекса по состоянию на 9 января 2017 N 14-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Мансурова, Г.И. Содержание и генезис понятия «интеллектуальная собственность» / Г.И. Мансурова, П.М. Мансуров. – Минск: Амалфея, 2010. – 214 с.

**ОСОБЕННОСТИ СПОСОБА САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСИИХ ПРАВ
КАК САМОПОМОЩЬ: НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКО-ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ,
В СРАВНЕНИИ С БЕЛОРУССКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

A.C. КИСЕЛЬ
(Представлено: А.В. ПАШКОВА)

В данной статье рассмотрен институт гражданской защиты права, а именно: самозащита права, правовые основания возникновения и реализации, исследование субинститута данного способа и предложениям по совершенствованию законодательства.

Исследуя законодательство Республики Беларусь, можно наблюдать достаточно объемную нормативную базу, множество законов, кодексов и прочих законодательных актов и актов законодательства. Поэтому изучив институт защиты гражданских прав, расположенный в Гражданском кодексе Республики Беларусь и зарубежное законодательство, необходимо выделить такой способ самозащиты гражданских прав, существующий в зарубежной практике, как самопомощь.

Способы самозащиты классифицируются на две группы в зависимости от характера защитительных деяний. В первую группу входят деяния фактического порядка. Фактический характер означает, что лицо может применять физические, силовые усилия для защиты субъективного гражданского права. Как правило, объектом защиты будут являться абсолютные субъективные права (жизнь, здоровье, имущество и так далее). В состав данной группы входят:

А) оборонительные и спасательные действия – действия в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны (в случае спасения как своей жизни и имущества, так и жизни и имущества третьего лица), а также действия в чужом интересе без поручения в случае опасности для жизни.

Б) гражданская самопомощь, к которой следует отнести различные меры, направленные на предотвращение нарушения вещных прав – устранение препятствий в пользовании вещью самостоятельно, вынуждение людей из недвижимого объекта собственником, удаление и задержание чужих животных на территории собственника и иного титульного правообладателя, устранение зловредных и иных незаконно размещенных предметов (устранение незаконной рекламы) [1].

Следует провести аналогию белорусского законодательства с Германско-гражданским уложением (далее – ГГУ).

В немецком законодательстве проводится различие между самозащитой в виде действий, совершенных в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, и самопомощью. Следует отметить, что институт самозащиты в немецком праве достаточно развит и дает возможность для применения самозащиты как в вещных, так и в обязательственных отношениях. Например, как закреплено в ст. 229 ГГУ, если у одного лица находится вещь, принадлежащая другому на праве собственности, и нынешний обладатель собирается завтра уехать из страны и взять эту вещь с собой, то последний, согласно немецкому праву, используя самопомощь может самостоятельно забрать спорный предмет даже с применением силы [2]. В немецком праве этот способ самозащиты носит название право кулака [3]. Понятия как самопомощь в белорусском законодательстве нет, однако проанализировав труды научных деятелей, среди которых есть белорусские и российские ученые, такие как В.А. Витушко, О.П. Зиновьев, Д.В. Микшик, С.И. Лебедев, Ю.Ю. Гиоев, С.С. Вабищевич, В.П. Грибанов, С.В. Сарбаш, Г.Я. Стоякин, Г.А. Свердлык, Э.Л. Струнинг, Е.А. Суханов, М.И. Брагинский и другие, можно сделать вывод, что такое явление все же встречается.

Данные понятия самопомощи, как в классификации форм самозащиты, так и в самом ГГУ схожи, хотя и имеют некоторые существенные отличия. Например, они прослеживаются в самой направленности этих понятий, а также, главное отличие - фактическое отсутствие такого понятия в нормативном правовом акте. Ввиду этого поговорим поподробнее о том, что же такое самопомощь, и что она в себя включает, приведем ее особенности.

Самопомощь включает в себя как свои индивидуальные особенности, так и содержит в себе отголоски крайней необходимости, а также методы необходимой обороны, которые исходят от обратного. Это означает применение силы в допустимых пределах по отношению к лицу, умыслом которого является самовольное присвоение вещи, и устранение препятствий в пользовании вещью самостоятельно, что, в свою очередь, подразумевается как с применением, так и без применения силы. Однако есть еще один немаловажный фактор: по отобрании вещей тотчас же должна быть подана просьба о наложении на них ареста, если не будет испрошено понудительное исполнение. Если просьба о наложении ареста или о личном задержании не будет подана своевременно или будет оставлена без последствий, то, немедленно, отобранные вещи должны быть возвращены и задержанное лицо освобождено[4].

Чтобы отгородить такое понятие как самопомощь от самоуправства, стоит отметить, что это необходимо сделать. Так как соразмерность применения лицом физической силы к материальному ущербу должно в итоге определяться уже правоохранительными органами, а факт принадлежности вещи данному лицу так же требует доказательства.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что для более эффективного развития института самозащиты необходимо ввести такое понятие, такой субинститут как самопомощь, который включал бы следующее: в первую очередь – задержание нарушителя вещных прав, как с применением, так и без применения силы, право на поиск вещи, которое подразумевает, что, если вещь собственника попала во владение к другому лицу не по его воле, оно должно смириться с тем, что собственник заберет ее обратно, при этом оговаривая особые случаи, при которых можно применить силу в разумных пределах, а так же исполнение судебного решения и подобного рода действия, например, уничтожение или повреждение источника повышенной опасности, принадлежащего нарушителю или третьему лицу.

Стоит отметить, что самостоятельная защита прав гражданами затруднена. Это является следствием низкой правовой культуры граждан, не веря в силу и справедливость закона, незнания своих прав и способов их защиты, для успешной самостоятельной защиты граждане должны знать не только свои права, но и свои обязанности, а также права и обязанности других граждан [4].

Данные изменения необходимы для того, чтобы дать большую свободу собственнику и сделать баланс между оборонительными действиями и действиями, которые не содержат в себе никаких физических наклонностей, но в разумных пределах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов, Е.С. Самозащита и ее способы в системе защиты гражданских прав / Е.С. Соколов. – Молодой ученый. – 2016. – № 23.1 (127.1). – С. 50–54.
2. Bürgerliches Gesetzbuch, BGB [Электронный ресурс] : Гражданский Кодекс Германии от 8.08.1896г. : в ред. от 02.01.2002г. (с изм. и доп. по 31.03.2013) / – gesetze-im-internet.de – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/>. – Дата доступа: 10.09.2020.
3. Кораблева, М.С. Защита гражданских прав: новые аспекты / М.С. Кораблева. – под ред. М.И. Брагинского. – М. : Статут, 1998. – С. 86–88.
4. Понятие и признаки самозащиты субъективных прав, свобод и законных интересов [Электронный ресурс] / cyberleninka.ru - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-samozaschity-subektivnyh-prav-svobod-i-zakonnyh-interesov>. – Дата доступа: 11.09.2020.

ДЕМОНТАЖ КАК СПОСОБ САМОЗАЩИТЫ, ЕГО ФОРМА И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

A. С. КИСЕЛЬ
(Представлено: А. В. ПАШКОВА)

Статья посвящена демонтажу как способу самозащиты, более детальному рассмотрению формы самозащиты, а так же правоприменительной практике на предмет урегулирования отношений в данной сфере.

Следует рассмотреть такой способ самозащиты гражданских прав, как демонтаж, т.е. снос самовольно установленных конструкций, возведенных построек и др. одним лицом на территории, принадлежащей другому лицу.

Рассмотрим два варианта.

Например, демонтаж самовольно установленной рекламной конструкции (движимой вещи) с составлением об этом актов и передачей демонтированных конструкций на ответственное хранение не противоречит положениям ст. 44 Конституции Республики Беларусь [1], поскольку собственник лишается не своего имущества в виде рекламной конструкции, а места, на котором такая конструкция была самовольно установлена.

При демонтаже конструкций ответчика в порядке самозащиты, истец обязан обеспечить их сохранность и передачу собственнику. В противном случае перед ним истец несет ответственность за самоуправное распоряжение имуществом, повлекшее его уничтожение.

Либо демонтаж ворот лица на принадлежащем другому лицу земельном участке последний предупредил его заблаговременно и осуществил это в его присутствии, такие действия, как способ самозащиты, являются правомерными и не выходят за пределы действий, необходимых для пресечения нарушения [2].

Данная ситуация говорит о присвоении этому способу самозащиты неюридической формы, но, рассмотрим и второй вариант.

В условиях, когда ответчик уклоняется от исполнения вступившего в законную силу судебного решения о демонтаже самовольной постройки, действия истца по ее сносу с последующим взысканием с ответчика соответствующих расходов являются допустимым способом защиты права собственности на земельный участок [2].

И так, исходя из этого, мы можем отметить, что, в ситуации, когда одна сторона подает в суд, но вторая сторона бездействует по отношению к направленному иску, первая сторона (истец) вправе демонтировать за свои средства и взыскать убытки. Поэтому, мы видим, что, используя данный способ, одна сторона прибегает как к юридической, так и к неюридической форме, что позволяет говорить о, так называемой, смешанной форме самозащиты гражданских прав.

Стоит отметить, что неправильно говорить о том, что самозащита принимает только неюридическую форму, т.к. данный способ включает в себя сразу 2 формы, юридическую и неюридическую, что и позволяет говорить о третьей, смешанной форме.

Правоприменительная практика Российской Федерации, затрагивали подобный пример, поэтому, рассмотрим одно из дел.

По делу № А65-10592/2013 по исковому заявлению исполнительного комитета муниципального образования города Казани к ООО «АРТА» и ИП Уразманову А.Р. о демонтаже рекламной конструкции, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что Законом о рекламе не предусмотрен судебный порядок принудительного демонтажа рекламных конструкций, требование Исполкома о демонтаже самовольно установленной рекламной конструкции, не подлежит рассмотрению в арбитражном суде и прекратил производство по делу соответственно с пунктом 1 части 1 статьи 150 Арбитражно- процессуального Кодекса Российской Федерации.

Отменяя постановление апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции установил, что статья 19 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» не предусматривает в действующей редакции такого способа защиты права, как демонтаж рекламной конструкции на основании решения суда.

Вместе с тем введение такой процедуры, предусматривающей осуществление публичным органом права на демонтаж за счет средств местного бюджета с последующим их возмещением собственниками рекламной конструкции либо недвижимого имущества, в определенных случаях не может исключать возможность обращения в судебные органы с требованиями о принудительном демонтаже рекламы [3].

В данном случае мы видим, что проблемы у истца возникли как раз-таки при обращении в суд. Суд первой инстанции применил узкое толкование, что и привело к неверному ходу событий. Поэтому, необходимо широкое толкование всякой нормы, применяемой к любому виду самозащиты, в нашем случае –

демонтажу. Истец так же был вправе применить самозащиту гражданских прав, и, после неверного решения суда, самостоятельно совершить демонтаж, не нарушая при этом прав третьих лиц. Апелляционная инстанция, в свою очередь, применила верное толкование, что и говорит нам о необходимости такого толкования в судебном правоприменении.

В практике Республики Беларусь имеются свои примеры. Один из них – дело № 38-4/2019/ 184 A/ 847 K. Как следует из фабулы, дело было рассмотрено судом кассационной инстанции жалобу частного унитарного предприятия по оказанию услуг «М» на решение экономического суда Минской области от 22.04.2019 и постановление апелляционной инстанции этого суда от 28.05.2019 по делу № 38-4/2019/184A по заявлению частного унитарного предприятия по оказанию услуг «М» о признании недействительным предписания Комитета архитектуры и градостроительства городского исполнительного комитета от 25.10.2017 №14-2-3/3684 «О прекращении размещения рекламной конструкции», с участием в деле в качестве заинтересованного лица городского исполнительного комитета, согласно Постановлению судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 24.07.2019 по делу № 38-4/2019/ 184 A/ 847 K[4].

Исследуя постановление судебной коллегии можно увидеть ситуацию, в которой заявитель обратился в суд за защитой, по его мнению, нарушенного права только после того, как демонтаж рекламной конструкции уже был осуществлен и к нему заявлено требование о взыскании стоимости произведенных в связи с этим расходов. Из этого прослеживается, что Комитет архитектуры и градостроительства городского исполнительного комитета применил демонтаж к рекламной конструкции, не обращаясь в судебные органы, что говорит нам о неюридической форме применения данного способа самозащиты конкретно в данном случае. Ввиду этого обобщим и подытожим выводы:

1. Неправильно говорить о том, что самозащита принимает только неюридическую форму. На основании проведенного исследования можно сказать, что демонтаж как одна из составных частей самозащиты включает в себя обе формы, поэтому она облекается в зависимости от ситуаций в обе формы, а представляет собой в совокупности не что иное, как смешанную форму.

2. Что касается судебного толкования, то, согласно правоприменительной практике, необходимо широкое толкование всякой нормы, применяемой к любому виду самозащиты, в нашем случае – демонтажу. Истец, то есть собственник земельного участка, на котором установлены конструкции без согласования с уполномоченным органом либо установлены с нарушением, так же вправе применить самозащиту гражданских прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями) // Консультант Плюс. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Самозащита гражданских прав. Разумный баланс интересов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=5472> – Дата доступа: 20.04.2020.
3. Обобщение судебной практики на тему «Правовые проблемы избрания способов защиты и самозащиты гражданских прав» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://faspo.arbitr.ru/node/15833>. – Дата доступа: 13.09.2020.
4. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 24.07.2019 по делу № 38-4/2019/ 184 A/ 847 K [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/rus/justice_rb/practice/acts_vs/economics/b92466c528cc4e78.html. – Дата доступа: 14.09.2020.

ПОЛИТИКА КОНФЕДЕНЦИАЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СФЕРЕ ПОХОРОННОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Н.В. КОЗЛОВ
(Представлено: Т.В. СЕМЁНОВА)

Рассматриваются проблемные аспекты политики конфиденциальности персональных данных в сфере похоронного бизнеса на основе действующего законодательства Республики Беларусь. Предлагаются способы разрешения исследуемой проблематики.

В настоящее время любой бизнес-проект, как и деятельность какого-либо субъекта хозяйствования, связана с цифровизацией и постоянной работой с персональными данными пользователей. В связи с этим, постоянно протекают различные утечки конфиденциальной и личной информации, которые либо являются резонансными в обществе, либо, незаметно от владельца, попадают в распоряжение третьих лиц.

Цифровизация бизнес-пространства имеет несколько общих качеств, а именно трансформирующий и деструктивный эффекты. Обычно трансформирующая цифровизация рассматривается с позиций комплементарных технологических эффектов, возникающих в процессе тесного взаимодействия людей и машин.

Структурные преобразования нарастают в различных видах деятельности постепенно и неоднородно из-за чего отдельная профессия может одновременно подвергаться трансформирующими и деструктивным рискам разного уровня [1, с. 11]. В то же время, сложно выделить максимальную цифровизацию для структуры похоронного бизнеса, т.к. это коммерческая сфера требует определённого психологического и социального взаимодействия с клиентом, что посильно только живому человеку, а не роботизированной технике. С другой стороны, наличие систематизированных информационных баз клиентов и коммерческой информации о них свидетельствует о том, что процесс цифровизации затронул рассматриваемую бизнес-сферу.

Что касается политики конфиденциальности, вне зависимости каких данных, в первую очередь это зависит от степени защиты данной информации и действующего законодательства государства, в пространстве которого она располагается. С распространением цифровизации, появились и соответствующие методы информационной защиты: соответствующее программное обеспечение, шифрование данных, защитные протоколы безопасности и многое другое. В тоже время, на сегодняшний день, не только в Республике Беларусь, но и, например, в Российской Федерации наблюдается тенденция утечки персональных данных, ещё даже не клиентов различных бюро, предоставляющих ритуальные услуги.

В интернет-пространстве присутствует масса новостных заголовков о случаях, когда работники похоронных бюро предлагали свои услуги чуть ли не через несколько часов, после смерти человека. У скорбящих родственников возникали вопросы не только об этической составляющей сотрудников, но и об их осведомлённости о случившимся. Как показывают новостные сводки, после смерти человека, родственники умершего вызывают бригаду скорой медицинской помощи и милицию, дабы зафиксировать смерть человека. В свою очередь, сотрудники скорой помощи либо органы внутренних дел предоставляют визитные карточки с информацией о каком-либо похоронном бюро, либо же проведя все необходимые процессуальные действия, удаляются и уже через некоторое время раздаётся звонок сотрудника похоронного бюро. Естественно, это наталкивает на мысль о наличии договорных отношений между органами здравоохранения или органами внутренних дел с организацией, предоставляющей ритуальные услуги, которые официально, на договорной основе, не закреплены и являются коррупционными.

Однако необходимо учитывать все структуры, которые располагают информацией об умершем и могут за определённую плату передать такую информацию. В Республике Беларусь, в зависимости от обстоятельств, примерный список структур таков:

- 1) органы внутренних дел;
- 2) учреждения здравоохранения (больницы, морг);
- 3) жилищно-эксплуатационная служба, по месту жительства умершего;
- 4) организации, обслуживающие кладбища.

В соответствии с п. 24 ст.1 Закона Республики Беларусь от 10.11.2008 г. N 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» под персональными данными понимаются основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо (абзац введен Законом Республики Беларусь от 04.01.2014 N 102-3) [2]. Как можно заметить, формулировка в данном определении достаточно неточная, что создаёт массу условий для распространения таких данных, особенно в сфере похоронного бизнеса.

В соответствии со ст. 31 Закона Республики Беларусь от 21.03.2008 г. № 418-З «О регистре населения» данные о смерти относятся к персональным данным и являются конфиденциальными [3]. А в соответствии с п. 21 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10.11.2008 г. N 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», под конфиденциальностью информации понимается требование не допускать распространения и (или) предоставления информации без согласия ее обладателя или иного основания, предусмотренного законодательными актами Республики Беларусь.

Согласно результатам глобального исследования утечек информации, за 2018 год, проведённого аналитическим центром компании Infowatch, США и Российской Федерация являются лидерами в данном рейтинге. Основные каналы утечек – сеть и бумажные документы [4]. Исходя из того, что Республика Беларусь заимствует различные пути ведения бизнеса из соседней Российской Федерации, можно спрогнозировать только рост продолжающихся утечек персональных данных в похоронном бизнесе. Как бы сильно цифровизация не затронула данную сферу, риск попадания конфиденциальной информации 3-м лицам крайне высок. Связано это не только с взломами компьютерных систем, но и с обычным человеческим фактором – жадностью.

Также стоит учитывать и проблему правового регулирования в этой области, которая заключается в том, что, хотя требования по защите персональных данных законодательством установлены, административной либо уголовной ответственности за их нарушение не предусмотрено.

Обобщая всё ранее упомянутое, фактически персональные данные физических лиц не защищены. Лиц, разглашающих такие данные либо использующих данные, полученные с нарушением законодательства, привлечь к ответственности, к сожалению, практически невозможно. Автор считает, что необходимо ввести санкционирование за разглашение конфиденциальной информации, подотчётность коммерческой информации и внедрение современных информационных технологий защиты (например, Blockchain).

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоссен, Ф. Будущее труда: деструктивные и трансформирующие эффекты цифровизации [Электронный ресурс] / Ф. Фоссен, А. Зоргнер. // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-truda-destruktivnye-i-transformatsionnye-effekty-tsifrovizatsii/viewer> – Дата доступа: 19.09.2020.
2. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г. № 455-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О регистре населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 мар. 2008 г. № 418-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Глобальное исследование утечек конфиденциальной информации в 2018 году [Электронный ресурс] / Научный электронный разработчик в сфере обеспечения информационной безопасности организаций. – Режим доступа: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/InfoWatch_Global_Report_2018_year.pdf?rel=1 – Дата доступа: 19.09.2020.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РАМКАХ ОБЩЕГО РЕГЛАМЕНТА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Н.В. КОЗЛОВ
(Представлено: Т.В. СЕМЁНОВА)

Рассматриваются проблемы национального законодательства Республики Беларусь и Общего регламента защиты персональных данных, области их применения среди субъектов хозяйствования. Предлагаются способы разрешения исследуемой проблематики.

Вопросы сбора, обработки и передачи персональных данных и их правовая регламентация давно являются массово обсуждаемым явлением в мировой практике. Начиная от точечных законопроектов отдельных государств и заканчивая нормативным правовым актом «Общий регламент защиты персональных данных»/General Data Protection Regulation (далее – GDPR), который действует не только на территории всех стран Европейского союза (далее – ЕС), но и на субъектов хозяйствования, которые реализуют товары и услуги потребителям ЕС. Для последнего признака не является обязательным наличие гражданства ЕС, достаточно фактического местонахождения на территории одной из стран-участниц.

Для Республики Беларусь приведённая сфера является крайне спорной с наличием многих острых вопросов. Начать стоит с того, что в белорусском законодательстве не существует какой-либо нормы, не только регулирующей сферу защиты персональных данных, но и вовсе не вводит такого понятия, как «персональные данные». Определение данного понятия не закреплено на законодательном уровне, но, например, используется в статье 32 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» [1]. Такая коллизия послужила основой для создания модели законопроекта «О персональных данных», принятие и одобрение которого Советом Республики растянулось на несколько лет и на сегодняшний день по-прежнему оставляет вопрос открытым.

Если детально исследовать GDPR, то за время действия данного законопроекта можно также выделить значительный список проблемных аспектов как для Республики Беларусь, так и для остальных стран, не членов ЕС. Автор выделяет следующие элементы, требующие значительных изменений:

- 1) недостаточные технические меры защиты персональных данных;
- 2) отсутствие социально-коммуникабельной транспарентности;
- 3) нарушение прав пользователей;
- 4) неограниченный срок хранения данных;
- 5) недостаточное правовое основание для обработки данных.

Дабы соответствовать требованиям GDPR, субъекты хозяйствования (если таковые имеют собственную политику, тесно связанную с различными действиями в области персональных данных пользователя) должны принять организационные и технические меры защиты персональных данных. Организационные меры касаются внедрения определённой документации и политики. Техническая сторона подразумевает наличие мощного и дорогостоящего оборудования для возможности хранения и обработки объёмных массивов информации пользователей, поэтому компании часто их игнорируют и получают большие штрафы. В качестве примера можно привести случай с авиакомпанией British Airways, получили самый большой в истории GDPR штраф – более 200 миллионов евро за отсутствие надлежащих технических мер. Через год по той же причине Marriott International, Inc оштрафовали на 100 миллионов евро. В обоих случаях из-за уязвимости в системе защиты злоумышленники получили доступ к персональным данным [2].

Исследуя отсутствие социально-коммуникабельной транспарентности, мы пришли к выводу, что основной проблемой является нежелание субъектов хозяйствования информировать пользователя о том, как и кем, будут использоваться его персональные данные. Такая информация должна быть легкодоступна и написана не юридическим и техническим языком, а понятным для пользователя. Самый яркий пример – компания Google была оштрафована правительством Франции на 50 миллионов евро за различные нарушения в области защиты персональных данных, в том числе, за форму подачи информации [2]. Чтобы узнать всю информацию о том, как используются персональные данные пользователя, достаточно было открыть 5–6 разных ссылок.

На взгляд автора, детально проработанное содержание политики конфиденциальности (privacy policy), с максимально полной и актуальной информацией о том, как компания использует персональные данные пользователей, может раз и навсегда решить данную проблему. В таком случае, у потребителя не должно возникать проблем в том, чтобы найти, где она размещена, и понять, что в ней написано.

Складывающиеся отношения в области нарушения прав пользователей, как показывают различные новостные заголовки, наводят на вывод о том, что если компания получила персональные данные пользователя на законном основании, это не значит, что теперь она может распоряжаться ими по своему усмотрению. У пользователей есть права по отношению к своим персональным данным, которые компания обязана

соблюдать. Например, если основанием для обработки данных служит согласие пользователя, то он имеет право его отозвать. Автор утверждает, что проработка на сайтах субъектов хозяйствования таких элементов как: «страница регистрации», «страница профиля пользователя» и «дополнительная функциональность» будет являться решением обозначенной проблемы, а также сэкономит время пользователя.

Самым главным недостатком GDPR является неограниченный срок хранения данных, и он не устанавливает конкретных сроков хранения каждой категории данных [3]. Каждая компания определяет их самостоятельно исходя из анализа целей, для которых эти данные обрабатываются. Даже если субъект хозяйствования обрабатывает персональные данные с соблюдением требований GDPR, он может хранить их только на протяжении определенного периода времени, а именно, пока данные нужны для достижения целей их обработки. Автор полагает, что решение исследуемой, в данном случае, проблемы заключается в определении, перед началом обработки данных, срока, в течение которого будут храниться, обрабатываться и удаляться персональные данные пользователей.

Последний приведённый проблемный аспект, а именно, недостаточное правовое основание для обработки данных, всегда упирается в некорректном использовании списка оснований для обработки персональных данных. GDPR предусматривает 6 оснований [3]:

- 1) субъект персональных данных дал согласие на обработку своих персональных данных для одной или нескольких конкретных целей;
- 2) обработка необходима для исполнения договора, в котором субъект данных является стороной, или для реализации по поручению субъекта данных шагов, предшествующих заключению договора;
- 3) обработка необходима для выполнения правового обязательства, возложенного на контролёра;
- 4) обработка необходима для защиты жизненно важных интересов субъекта данных или другого лица;
- 5) обработка необходима для выполнения задачи в публичных интересах или в рамках осуществления государственной власти, доверенной контролёру;
- 6) обработка необходима для целей, вытекающих из легитимных интересов, преследуемых контролёром или третьим лицом, за исключением случаев, когда преимущество над такими интересами имеют интересы или фундаментальные права и свободы субъекта данных, требующие защиты персональных данных, в частности, когда субъектом данных является ребёнок.

Автор, как и многие деятели науки, считает, что при грамотном и точном выборе оснований сбора персональных данных субъектом хозяйствования, данная проблема будет решена. Также, в совокупности необходимо проводить анализ всех внутренних процессов обработки данных, а после соотношение их с применимыми основаниями обработки. Если для обработки данных как основание должно использоваться согласие пользователя, необходимо учитывать, что согласие должно быть явно выраженным, свободным, конкретным и информированным.

Систематизируя всё выше изложенное, можно выделить несколько проблемных частей законодательства Республики Беларусь и ЕС в лице GDPR. Главный минус национального законодательства – отсутствие точных и конкретных норм в области защиты персональных данных. Самой главной проблемой белорусского законодательства, порождающей все пять проблемных аспектов, выделенных нами, в GDPR, является, также отсутствие какого-либо механизма исполнения требований GDPR. Данное упущение, на взгляд автора, снизило бы количество нарушений в области взаимодействия между субъектами хозяйствования Республики Беларусь и пользователями ЕС и наоборот – между компаниями ЕС с белорусскими пользователями.

Необходимо создать государственный орган, который бы занимался проверкой и разрешением различных жалоб и судебных решений в области защиты персональных данных. Не исключено, что наделение данной компетенцией возможно для органов прокуратуры, либо путём создания в них специализированных подразделений, выполняющих данную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г. № 455-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Чурилов, А. Ю. Принципы Общего регламента Европейского Союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации [Электронный ресурс] / А. Ю. Чурилов, // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsy-obschego-reglamenta-europeyskogo-soyuza-o-zashchite-personalnyh-dannyh-gdpr-problemy-i-perspektivy-implementatsii/viewer>. – Дата доступа: 20.09.2020.
3. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского Союза // Data Privacy Office [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://gdpr-text.com/ru/>. – Дата доступа: 20.09.2020.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

К.А. МАТВЕЕВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)

В статье рассматриваются доктринальные подходы и особенности определения правового статуса Организации Объединенных Наций в гражданско-правовых отношениях международного характера. На основе сравнительно-правового анализа категории юридического лица с точки зрения национального законодательства и категории международного юридического лица, проанализированы проблемные аспекты и перспективы развития существующих подходов.

На сегодняшний день роль международных организаций приобретает все большее значение для обеспечения и реализации интересов государств. Функции международных организаций с каждым днем активно развиваются и охватывают все более обширные спектры жизни мирового сообщества.

Крупнейшей на сегодня международной межправительственной организацией является Организация Объединенных Наций (далее – ООН), насчитывающая в своем составе 193 государства – члена. ООН, являющаяся уже на протяжении шести десятилетий основой и гарантом международного правопорядка, была и остается опорной конструкцией международных отношений и равноправного многостороннего сотрудничества в интересах государств.

Международные межправительственные организации принято считать типичными субъектами международного публичного права. Однако, обращаясь к зарубежной доктрине, можно наблюдать существующее многообразие подходов к определению Объединенных Наций на международной арене. Такое положение вещей видится нам следствием трансформации данной организации, вызванной непрерывными политическими и социальными изменениями в мире.

Сегодня данные точки зрения представляют собой широкое поле для критического анализа, однако, мы не можем отрицать, что на каком-то этапе становления и развития ООН то или иное определение не являлось подходящим и отражающим суть исследуемой организации. Так, например, Роза Фридман в своей работе определяет ООН как квазигосударство или по-другому протогосударство с точки зрения функций и внутренней правовой системы организации, говоря о том, что ООН является особым субъектом международного права, представляющим из себя политическое образование, которое хоть и обладает всеми признаками государства, но не имеет государственного суверенитета [1]. С таким обоснованием можно было бы согласиться, однако, проанализировав признаки квазигосударственности, разработанные М. Вебером на основе концепции государства, мы можем сделать вывод о некорректности данного определения в отношении Объединенных Наций, поскольку все признаки применяются только в отношении образований, имеющих собственную территорию, население и другие первичные признаки государственности. Ранее мы определились, что международная правосубъектность ООН имеет вторичный характер и зависит от государств-членов, что, на наш взгляд, противоречит правовой природе предложенной концепции.

Обращаясь к следующему подходу, зарубежные авторы, делая акцент на масштабе и значимости роли ООН в управлении мировыми процессами, определяют организацию как сверхгосударство. Предпосылкой такому определению послужил вопрос, вынесенный на рассмотрение Международного Суда ООН о возможности организации выступать против государств с «международной жалобой». Однако Международный Суд в своем заключении справедливо подчеркнул, что «признание ООН в качестве полноправного субъекта международно-правовых отношений не означает признание ее государством, каковым она никоим образом не является, или утверждение, что она обладает такими же, как и государства, правосубъектностью, правами и обязанностями. И уж тем более ООН не является неким «сверхгосударством», что бы под этим ни подразумевалось. ООН представляет собой субъект международного права и способна обладать международными правами и обязанностями, а также она способна утверждать свои права путем выдвижения международно-правовых требований» [2]. Такая позиция вызвала критику со стороны иностранных специалистов в области международных организаций, которые в своих работах, определяя ООН как сверхгосударство, ссылаются на консультативный характер заключения Международного Суда ООН и на исключительность правового статуса ООН на международной арене. Мы ни в коем случае не беремся уменьшить роль Объединенных Наций в политических и социальных процессах современности, однако, согласиться с предложенной концепцией сверхгосударства все равно не можем, принимая во внимание все отличительные особенности международной правосубъектности ООН от правосубъектности государств. На наш взгляд, ООН и государства – совершенные различные по своей природе образования, которые имеют уникальный статус на международной арене. Несомненно это тесно связанные понятия, однако соотносимы они лишь с позиции взаимодействия, но уж точно не с позиции «государства» и «сверхгосударства».

Некоторые зарубежные авторы признают ООН конфедерацией [3]. Обращаясь к понятию конфедерации, мы не можем не согласиться с тем, что ООН – это действительно союз суверенных государств, объединившихся для решения общих задач и проведения совместных действий, каждое из которых сохраняет свой суверенитет и правосубъектность на международной арене. Однако, конфедерация, прежде всего, является формой государственного устройства, а ООН признается международной межправительственной организацией.

Несмотря на существующие многообразие доктринальных подходов, нельзя отрицать, что в контексте публичных отношений ООН является абсолютно традиционным субъектом международно-публичных правоотношений. Однако, помимо определения правового статуса международных организаций сквозь призму публичных правоотношений, в связи со стремительным расширением частной сферы деятельности международных организаций, появилась необходимость определения правового статуса и в рамках частноправовых отношений.

Из устава ООН вытекает, что организация осуществляет свою деятельность на правах юридического лица. Тем не менее применение категории «юридическое лицо» в отношении международных организаций имеет массу особенностей с точки зрения национального законодательства каждой отдельной страны, вследствие чего рождается ряд дискуссий и правовых вопросов.

По общему правилу все международные организации осуществляют свою деятельность в частноправовых отношениях на правах юридического лица. Так, являясь самостоятельным и полноценным субъектом международных отношений, обладающим автономной волей и международной правосубъектностью, ООН, в соответствии со ст. 1 Конвенции ООН о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г. является юридическим лицом и правомочна заключать договоры, приобретать недвижимое и движимое имущество и распоряжаться им, возбуждать дела в суде и т.д. [4].

Юридический комитет ООН провел анализ судебной практики как применительно к международным арбитражам, так и по отношению к национальным судам на предмет установления случаев отказа в признании статуса юридического лица за межправительственными организациями. В результате исследования был сделан вывод о том, что судебная и арбитражная практика не знает примеров отказа в признании за межправительственными организациями статуса юридического лица [5]. Существует единственный случай в практике, который демонстрирует непризнание международной организации в качестве юридического лица – Международная комиссия по северо-западному Атлантическому рыболовству не смогла заключить договор со страховой компанией в Канаде [6].

Данному вопросу ни в отечественной, ни в зарубежной научной доктрине, к сожалению, не уделено достаточно внимания. Не дает ответа на него и внутригосударственное законодательство государств, поскольку только в национальном законодательстве США и Великобритании существуют отдельные законы, определяющие и регулирующие правовое положение международных организаций на их территории со статусом юридического лица [7].

Что касается национального подхода, то несмотря на то, что международная межправительственная организация является субъектом частноправовых отношений, а соответственно и субъектом гражданских прав и обязанностей, обладает организационным единством, обособленным имуществом, правом от своего имени выступать в гражданском обороте и в суде, закрепленное в ст. 1 ГК Республики Беларусь определение не отражает всех существующих особенностей правового статуса международной организации и, в некоторых аспектах, даже противоречит им. Рассмотрим существующие противоречия.

Во-первых, международная организация, в процессе осуществления своей деятельности не подчиняется национальному законодательству, а действует на основании норм международного права.

Во-вторых, национальным законодательством установлено положение о самостоятельной ответственности организации. Однако из анализа существующей судебной практики вытекает, что реализация привлечения к ответственности данного субъекта права затрудняется в силу наделения его иммунитетом. В целом, правовая природа правосубъектности ООН осложнена наличием привилегий и иммунитетов, которые не свойственны для национальных юридических лиц.

В-третьих, национальным определением установлена возможность участвовать в судебном разбирательстве в качестве ответчика, что тоже неприменимо к международной организации, так как данные образования чаще выступают в судебном разбирательстве только в качестве истца, а случаи отказа ООН от своего иммунитета на сегодняшний день являются исключительными.

В-четвертых, юридическое лицо подлежит государственной регистрации, вместе с тем легитимация создания международной организации не обсловлена такой процедурой.

В-пятых, в соответствии с национальным законодательством Республики Беларусь, юридическое лицо может быть ликвидировано по решению учредителей или решению суда, однако ликвидация международных организаций происходит в ином порядке.

В-шестых, учредителями юридического лица по общему правилу являются физические лица, учредителями же международных организаций, выступают исключительно государства.

В-седьмых, момент возникновения и прекращения процессуальной право- и дееспособности национальных юридических лиц и международных межправительственных организаций также является различным.

Анализируя вышеизложенное можем заключить, что существующий подход к определению категории юридического лица с точки зрения национального законодательства не отражает всю специфику данного субъекта международно-правовых отношений. Здесь нельзя не согласиться с мнением В.А. Канащевского, который утверждает, что «представительства международных организаций обладают самостоятельным гражданско-правовым статусом, не сводимым ни к статусу учредителей международных организаций, ни к статусу представителей юридических лиц по гражданскому законодательству» [8].

В отечественной доктрине на сегодняшний день существует дискуссия о возможности наделения юридической личностью международных организаций.

Что касается первой точки зрения, предлагается признание международной организации в качестве обычного юридического лица. Так, Г.М. Вельяминов, обращаясь к положениям гражданского кодекса, утверждает, что юридические лица могут быть разных видов и форм, в частности, различают коммерческие и некоммерческие организации [9]. По его мнению, ООН выступает в качестве некоммерческого юридического лица. О.А. Кохоненко также разделяет позицию отнесения международной межправительственной организации к категории обычных юридических лиц [10]. Однако, принимая во внимание все различия международной организации и юридического лица в национальном его понимании, рассмотренные выше, полагаем, с данным подходом трудно согласиться.

В свою очередь, В.А. Канащевский полагает, что международные организации должны признаваться самостоятельным видом юридического лица в дополнение к существующим видам национальных юридических лиц [9]. Вместе с тем, хоть международную организацию и следует наделять правами юридического лица, на наш взгляд, некорректно выделять ее в качестве отдельного вида юридического лица наряду с национальными. Как мы уже сказали ранее, нельзя допускать отождествления правового статуса международной межправительственной организации и национального юридического лица. Такой подход может привести к неверному определению правового статуса указанных субъектов.

Иной точки зрения придерживается М.М. Богуславский. В частности, он выделяет международные юридические лица, под которыми подразумевает образования, созданные непосредственно в силу международного договора, либо на основании внутреннего закона, принятого в соответствии с международным договором [11]. Концепция определения международных межправительственных организаций в качестве международных юридических лиц сегодня является достаточно распространенной в доктрине и разделяется многими авторами (Т.Н. Нешатаева[5], И.В. Павлова-Гетьман [7], Н.Ю. Ерпылева [7], Ж.И. Седова[12]), которые также определяют международную организацию в гражданско-правовых отношениях как международное юридическое лицо или юридическое лицо особого рода. Тем не менее и этот подход подвергся критике. Так, О.А. Ластовская [13], Л.П. Ануфриева [14], М.К. Сулейманов [7], Р.Ш. Кужашева [6] отрицают использование термина международные юридические лица в международном частном праве и говорят о том, что данная конструкция не вписывается в понятийный аппарат международного частного права, утверждая, что международные организации должны включаться либо в группу национальных, либо в группу иностранных юридических лиц. Однако мы не можем согласиться с указанной критикой. Во-первых, рассмотренная выше специфика правового статуса международной организации не позволяет отождествлять указанные понятия, в связи с чем отнесение международной организации к национальным юридическим лицам, на наш взгляд, некорректно. Во-вторых, концепция определения международной организации в качестве иностранного юридического лица нам также видится неверной, поскольку правовое положение международной организации существенно отличается от правового положения иностранных юридических лиц, в силу того что последние обладают национальностью (государственной принадлежностью). Вступая в гражданско-правовые отношения международного характера, иностранное юридическое лицо, подчиняется национальному праву другого государства. Международные организации, в свою очередь, в процессе участия в частноправовых отношениях подчиняются, в первую очередь, нормам международного права, а также внутренним правилам международной организации. Национальному законодательству отводится лишь вспомогательная роль.

Концепцию определения международных организаций в качестве международного юридического лица нельзя признать до конца разработанной, поскольку в доктрине не прослеживается единого подхода к пониманию данного понятия. В связи с этим, на данном этапе разработки концепции международного юридического лица нам приходится говорить о преждевременности внедрения данного термина в понятийно категориальный аппарат международного частного права. Несмотря на это, нам видится, что предложенная концепция имеет место на существование при условии тщательной доработки в виде вычленения конкретных признаков субъектов, подпадающих под категорию международного юридического лица, четкой регламентации прав, обязанностей и ответственности субъектов правоотношений с учетом всех особенностей их правовой природы.

Таким образом, ООН в частноправовых отношениях реализуют свою деятельность на правах юридического лица. Однако анализ зарубежной и отечественной доктрин демонстрирует многообразие существующих подходов к признанию за международными организациями прав юридического лица: рассмотрение международной межправительственной организации с позиции национального юридического, иностранного юридического лица и концепция международного юридического лица. Полагаем, что среди рассмотренных, наиболее прогрессивной является концепция международного юридического лица. Однако недостаточный уровень ее доктринальной разработки на сегодняшний день не дает оснований к внедрению категории «международное юридическое лицо» в понятийно категориальный аппарат международного частного права. На наш взгляд, в рамках данной концепции необходимо дальнейшее исследование конкретных признаков субъектов, подпадающих под категорию международного юридического лица, их прав, обязанностей и ответственности с учетом всех особенностей их правовой природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Freedman, R. UN Immunity or Impunity? A Human Rights Based Challenge / R. Freedman // The European Journal of International Law / Published by Oxford University Press on behalf of EJIL Ltd. – Oxford, 2014. – P. 16.
2. International Court of Justice. Reports from April 11, 1949 [Electronic resource] / UN international court. – Mode of access: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/4/004-1949>. – Date of access: 20.04.2020
3. Бекяшев, К.А. Право Организации Объединенных Наций. Специализированные учреждения ООН / К.А. Бекяшев // Международное публичное право : учеб. для вузов / Л.П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. К.А. Бекяшев. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М., 2009. – Гл. 12. – С. 407–459.
4. Конвенция Организаций Объединенных Наций о привилегиях и иммунитетах [Электронный ресурс] : [заключена в Нью-Йорк 21.11.1946 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
5. Нешатаева, Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании 1998 [Электронный ресурс] / Т.Н. Нешатаева // cyberleninka.ru – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie20817.html>. – Дата доступа: 22.04.2020.
6. Кужашева, Р.Ш. Правовые вопросы деятельности международных организаций в частноправовых отношениях международного характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р.Ш. Кужашева. – Казань, 2008. – 200 л.
7. Раджабов, М.Н. Проблемы международного юридического лица [Электронный ресурс] / М.Н. Раджабов // cyberleninka.ru – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhdunarodnogo-yuridicheskogo-litsa/>. – Дата доступа: 20.04.2020.
8. Вельяминов, Г.М. Международные (дипломатические) привилегии и иммунитеты для межгосударственной акционерной компании [Электронный ресурс] / Г.М. Вельяминов // cyberleninka.ru – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-mezhdunarodnyh-organizatsiy-v-grazhdansko-pravovyyh-otnosheniyah-mezhdunarodnogo-haraktera>. – Дата доступа: 20.04.2020.
9. Канащевский, В.А. Нормы международного права и гражданского законодательства [Электронный ресурс] / В.А. Канащевский // lawlibrary.ru – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie50651.html>. – Дата доступа: 22.04.2020.
10. Кохоненко, О.А. Гражданско-правовой и процессуальный статус международной организации / О.А. Кохоненко // Промышленно-торговое право. – 2008. – №4. – С. 78–88.
11. Богуславский, М.М. Международное частное право : учеб. для вузов / М.М. Богуславский ; Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2004. – 602 с.
12. Седова, Ж.И. Международное юридическое лицо как субъект международного частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ж.И. Седова ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2001. – 23 с.
13. Международная межправительственная организация как субъект международного частного права / О.А. Ластовская. – М. : под науч. ред. И. Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ, 2013. – 203 с.
14. Международное частное право : учеб. для вузов / Л.П. Ануфриева [и др.] ; под ред. Г.К. Дмитриевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект : Велби, 2004. – 687 с.

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К.А. МАТВЕЕВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)

Рассматриваются существующие формы участия Организации Объединенных Наций в частноправовых отношениях. На основе анализа особенностей процессуального статуса международных межправительственных организаций, как субъектов гражданских и хозяйственных правоотношений, особое внимание уделено проблемным аспектам, затрудняющим возможность участия специализированных учреждений Организации Объединенных Наций в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь.

Тенденции прогрессивной глобализации мировой экономики и планомерного возрастания роли международных межправительственных организаций привели к стремительному расширению сферы их деятельности в частноправовых отношениях. Несмотря на то, что международные межправительственные организации традиционно принято считать субъектами международного публичного права, нельзя отрицать, что для существования в современной международной системе, даже у субъектов публичных отношений, возникает необходимость вступать в частные правоотношения. Нельзя не согласиться со справедливым утверждением одного из активных разработчиков Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН) профессора С. Б. Крылова о том, что данная организация обладает рядом полномочий и правоспособностью в международно-правовых отношениях как в области международного публичного, так и международного частного права [1].

По общему правилу все международные организации осуществляют свою деятельность в частноправовых отношениях на правах юридического лица. Юридический комитет ООН провел анализ судебной практики как применительно к международным арбитражам, так и по отношению к национальным судам на предмет установления случаев отказа в признании статуса юридического лица за межправительственными организациями. Судебная и арбитражная практика не знает примеров отказа в признании за межправительственными организациями статуса юридического лица [2]. Существует единственный случай в практике, который демонстрирует непризнание международной организации в качестве юридического лица, когда Международная комиссия по северо-западному Атлантическому рыболовству не смогла заключить договор со страховой компанией в Канаде [3].

Как субъект частноправовых отношений, ООН представляет собой самостоятельное образование, созданное на основании устава и осуществляющее свою деятельность на правах юридического лица, которое в целях осуществления международно-правовой деятельности, от своего имени приобретает и располагает имуществом, обладает правами и обязанностями, несет ответственность, пользуется привилегиями и иммунитетами [4].

Определив статус ООН с позиции международного частного права, проанализируем существующие формы участия данной организации в частноправовых отношениях.

Первым и безусловно неотъемлемым видом правоотношений, в которые вступает ООН по праву можно признать трудовые отношения, возникающие между нею и гражданами различных государств с целью организации ее работы и штаб-квартир представительств на территории государств-участников. Вопрос о том, попадают ли данные отношения в сферу регулирования международным частным правом, является дискуссионным. Мы разделяем мнение Н. Б. Крылова, утверждающего, что правила, которые применяются к контрактам между организацией и ее служащими, действительно являются международными. Он оправданно приходит к выводу о том, что эти нормы не международно-правовые, а частноправовые [5]. Однако в вопросе регулирования трудовых отношений не все так однозначно. Помимо норм международного частного права, чаще всего трудовые отношения с участием ООН регулируются ее внутренним правом. В рамках ООН учрежден орган по рассмотрению споров с участием ее сотрудников. Процедура рассмотрения подобных споров регламентируется соответствующими внутренними документами, например, Положением о персонале ООН от 2 февраля 1952 г.

Следующим и не менее важным видом правоотношений являются договорные отношения. Объединенные Нации правомочны выступать в качестве стороны гражданско-правового договора. Из ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) вытекает, что установленные гражданским законодательством правила применяются к отношениям с участием иностранных и международных юридических лиц (организаций, не являющихся юридическими лицами), если иное не определено Конституцией Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь. Так, например в процессе организации своей деятельности, ООН заключает договоры об аренде помещений, купли-продажи товаров и оборудования, договоры страхования, договоры подряда, договоры возмездного оказания услуг и другие

гражданско-правовые договоры. В частности, Т.Н. Нешатаева пишет о том, что заключение контрактов гражданско-правового характера с международной организацией для многих коммерческих фирм считается не только выгодной, но и достаточно престижной и ответственной операцией. Многие из этих контрактов заключаются на конкурсной или аукционной основе [2]. Действительно, международные межправительственные организации часто используют конкурсную основу для заключения гражданско-правовых договоров. Так, например, в рамках Программы развития ООН в Республике Беларусь был объявлен ряд тендеров: на поставку наборов для экспресс-анализа гепатита С и гепатита В; на поставку переносных мультимедиа-проекторов и экранов; на поставку настенных информационных досок; на выполнение работ в рамках реализации проекта международной технической помощи «Создание условий для устойчивого функционирования системы охраняемых водно-болотных угодий в Белорусском Полесье»; на оказание услуг по организации и проведению мероприятий в рамках компонента по профилактике передачи ВИЧ от матери ребенку и другие [2; 6; 7].

Помимо договорных правоотношений, ООН также может выступать субъектом и внедоговорных отношений, ведь исключить возможность причинения вреда жизни, здоровью, имуществу граждан и юридических лиц в результате функционирования международной организации не представляется возможным. Так, например, вред может быть причинен в результате деяний сотрудников международной организации, вследствие осуществления миротворческих операций или иной деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, в том числе в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автомобиля, принадлежащего организации и т.д.

Четвертым видом правоотношений, в которые вступает ООН, можем выделить вещные правоотношения. Устав ООН наделяет организацию правом собственности на принадлежащее ей имущество (недвижимость, автотранспортные средства, оргтехнику и т.д.), а также правом отчуждать его [8]. Однако необходимо учитывать существующие особенности ООН в вещных правоотношениях, проявляющихся в специальных основаниях приобретения и прекращения прав собственности в связи с особым правовым режимом ее имущества. В ст. 236 ГК устанавливается правило недопустимости принудительного изъятия у собственника имущества, кроме случаев, предусмотренных законом, а также согласно постановлению суда [9]. К таким случаям, относятся, например, реквизиция, конфискация, национализация и др. В то же время раздел 3 Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН устанавливает неприкосновенность помещений Объединенных Наций. Имущество и актив Объединенных Наций, в соответствии с положениями Конвенции, где бы и в чьем бы распоряжении не находились, не подлежат обыску, реквизиции, конфискации, экспроприации или какой-либо другой форме вмешательства путем исполнительных, административных, судебных или законодательных действий [10]. Кроме того, в отношении собственности Объединенных Наций не применяются меры принуждения по обеспечению иска и исполнению судебных решений.

ООН активно участвует в отношениях, связанные с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности. Однако в литературе, посвященной вопросам правового регулирования интеллектуальной собственности, непосредственно международная межправительственная организация, как правило, не выделена в качестве субъекта интеллектуальной собственности. Так, например, А.П. Сергеев отмечает, что обладателями субъективных авторских прав могут быть граждане, лица без гражданства и иностранцы, их наследники, иные правопреемники, а также государство в целом, указывая далее, что наряду с физическими лицами обладателями авторских прав на произведения науки, литературы, искусства по российскому законодательству выступают юридические лица [11]. Тем не менее большинство проектов, создаваемых ООН, являются результатами интеллектуальной и творческой деятельности ее работников, и лиц, работающих на основании краткосрочных контрактов (в частности, Individual consultant contract – до 11 месяцев или Service contract – контракт, заключаемый в рамках проведения какого-либо проекта, может заключаться на несколько лет). Лица и организации, привлекаемые для работы над проектами, делают рекламу, проводят различные акции в СМИ, разрабатывают план реализации того или иного проекта и т.д. Таким образом, встает вопрос о том, кому будут принадлежать авторские права на тот или иной проект и каким правом регулируются правоотношения, связанные с созданием объектов интеллектуальной собственности с ООН?

Принято говорить о том, что ООН выступает в качестве субъекта права интеллектуальной собственности в нижеуказанных случаях. Во-первых, по аналогии с авторскими правами на служебные произведения, приобретаемые юридическим лицом, думается, что применение данных положений возможно и в отношении Объединенных Наций. В таком случае, если работники ООН создают произведения науки, литературы, искусства, изобретения и иные результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг в силу служебных обязанностей или служебного задания, имущественные права на такой объект будут принадлежать организации, если внутренним правом или соглашением с работником не предусмотрено иное. Во-вторых, ООН может приобретать права на объекты интеллектуальной собственности, например, по договору, в силу правопреемства: при прекращении деятельности другой международной межправительственной организации (если оформлено правопреемство) или в силу наследования.

Что касается наследственных правоотношений, то национальное законодательство, как правило, непосредственно не предусматривает возможность привлечения к наследованию международных организаций. Так, в соответствии со ст. 1037 ГК наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства [12]. Наследниками по завещанию могут быть признаны также и юридические лица, которые являлись созданными в момент открытия наследства, Республика Беларусь и административно-территориальные единицы. В силу того, что мы исходим из возможности признания за ООН юридической личности, то, допускаем, ввиду отсутствия прямого запрета международным межправительственным организациям выступать в качестве наследника, возможность признание права ООН быть наследником по завещанию.

Проанализированные формы участия ООН в частноправовых отношениях наглядно демонстрируют высокий уровень ее вовлеченности. Такое положение вещей требует создание надлежащих условий защиты прав участников подобных правоотношений, в том числе в судебном порядке.

Возможность участия международных межправительственных организаций в гражданских и хозяйственных процессуальных отношениях в качестве истца в настоящее время не подвергается сомнению. Межправительственные организации вправе обращаться в национальные суды за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав, что, как правило, закрепляется в учредительных документах организаций. Так, например, из ст. 1 Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН следует ее право возбуждать дела в суде.

Международные межправительственные организации нельзя назвать традиционными субъектами гражданских и хозяйственных процессуальных правоотношений, поскольку прецедентная практика не демонстрирует рассмотренных дел с их участием, однако отрицать возможность участия указанных субъектов в процессуальных правоотношениях не совсем корректно.

Вместе с тем Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) не рассматривает международную организацию в качестве участника гражданского процесса. В частности, ни в ст. 58 ГПК, ни в разделе X «Международный гражданский процесс» прямо не указывается на возможность обращения международной организации в суды Республики Беларусь. Отсутствуют и нормы, позволяющие определить гражданскую процессуальную правоспособность международной межправительственной организации. В отличие от ГПК, на возможность участия международной организации в хозяйственных процессуальных правоотношениях указывает ч. 4 ст. 39 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) [13]. Данная норма устанавливает, что суд, рассматривающий экономические дела, рассматривает подведомственные ему дела с участием юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами, индивидуальных предпринимателей и граждан Республики Беларусь, а также иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую деятельность, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь. Однако здесь следует оговориться, что возможность их участия в хозяйственном процессе обусловлена возникновением споров о праве и иных требований только в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности. В ст. 1 ГК под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления [12]. Иными словами, уточняющая конструкция «осуществляющих предпринимательскую деятельность» оказывает ограничительное действие на специализированные учреждения и ООН в целом, поскольку она не является коммерческой организацией и любая ее деятельность ограничена функциями и задачами, возлагаемыми мировым сообществом и уставом.

Вместе с тем, положения ст. 235 ХПК, определяющей компетенцию судов, рассматривающих экономические дела, по рассмотрению экономических споров и иных дел с участием иностранных лиц, также указывают на международную организацию как на потенциального участника процесса [13]. Кроме того, в п. 1 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» от 31 октября 2011 г. № 21 (далее – постановление Пленума ВХС Республики Беларусь № 21) разъясняется, что международным организациям гарантировано право на обращение в суды, рассматривающие экономические дела в пределах их компетенции для защиты своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов наравне с организациями и гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь, законами и международными договорами Республики Беларусь [14].

Еще более неоднозначно регламентированы вопросы участия международных межправительственных организаций в качестве ответчика, поскольку правовой статус международных межправительственных организаций существенно осложняется наличием у них судебного иммунитета. В этом вопросе, стоит обратиться к нормам, регламентирующим порядок рассмотрения таких дел экономическими судами.

Так, согласно п. 10 постановления Пленума ВХС Республики Беларусь № 21 суд принимает к производству иск по хозяйственному (экономическому) спору, ответчиком по которому является международная организация, судебный иммунитет которой определен международными договорами Республики Беларусь, только при наличии явно выраженного согласия ответчика на рассмотрение спора в экономическом суде [14]. Подобное согласие следует рассматривать в качестве отказа от судебного иммунитета международной организации. В свою очередь, в разделе 2 Конвенции ООН о привилегиях и иммунитетах закрепляется возможность ее отказа от судебного иммунитета [10].

Существующие проблемы неоднозначной законодательной регламентации возможности участия международных межправительственных организаций в гражданском и хозяйственном процессах объясняются различием в доктринальных подходах к термину процессуальная правосубъектность, посредством которого традиционно определяется процессуальный статус соответствующих субъектов права.

В материальном праве правосубъектность международных организаций носит договорной характер, поскольку определяется их учредительными актами, т.е. международными договорами, заключенными государствами об их создании. Помимо таких договоров, важное значение имеют универсальные конвенции об иммунитетах и статусе международных организаций, соглашения с государством пребывания. В соответствии со ст. 241 ХПК дела с участием иностранных лиц рассматриваются экономическим судом по правилам, установленным ХПК, с учетом особенностей, предусмотренных гл. 27 ХПК, если иное не установлено международным договором Республики Беларусь [13]. Однако нельзя не согласиться с тем, что объем правомочий каждой отдельной международной организации, определяемый в международных договорах и учредительных документах, различен, в связи с чем нет единой концепции в отношении применимого права. Так, часть ученых утверждает, что процессуальная правосубъектность международных организаций должна определяться, в первую очередь, международными договорами, другие, напротив, занимают позицию преимущественного определения процессуального статуса международных организаций в соответствии с правом Республики Беларусь [15–17].

Таким образом, возрастающий уровень вовлеченности ООН в частноправовые отношения обуславливает необходимость дальнейшей доктринальной разработки вопросов, касающихся ее процессуального положения, во избежание проблем реализации и защиты прав граждан и организаций, вступающих с ней в гражданско-правовые отношения международного характера. Наличие различных подходов к определению процессуальной правосубъектности в рамках национального законодательства затрудняют правоприменительную деятельность. Регламентация частноправового статуса международных межправительственных организаций, рассмотрение данных субъектов во внутреннем праве в качестве участников гражданского и хозяйственного процесса создаст условия для защиты оспоренных или нарушенных прав как самих организаций, так и иных субъектов, вступающих с ними в частноправовые отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылов, С.Б. История создания Организации Объединенных Наций : разраб. текста Устава Орг. Объед. Наций (1941–1945) / С. Б. Крылов ; под ред. Г. И. Тункина. – М. : Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1960. – 343 с.
2. Нешатаева, Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании 1998 [Электронный ресурс] / Т.Н. Нешатаева // cyberleninka.ru – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie20817.html>. – Дата доступа: 22.04.2020.
3. Кужашева, Р.Ш. Правовые вопросы деятельности международных организаций в частноправовых отношениях международного характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р.Ш. Кужашева. – Казань, 2008. – 200 л.
4. Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений [Электронный ресурс] : [заключена в Нью-Йорке 21.11.1947 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
5. Крылов, Н.Б. Правотворческая деятельность международных организаций / Н.Б. Крылов. – М. : Наука, 1988. – 170 с.
6. Мириам О. Хайман. Применение законодательства о труде к представительствам иностранных государств / Мириам О. Хайман, Наталия А. Баренбойм // Московский журнал международного права. – 2001. – № 4. – С. 158.
7. ООН в Беларуси [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://un.by/tenders>. – Дата доступа: 01.04.2020.
8. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда / ООН, Департамент обществ. информ. – Нью-Йорк : ООН, 1998. – 104 с.
9. Бекяшев, К.А. Право Организации Объединенных Наций. Специализированные учреждения ООН / К.А. Бекяшев // Международное публичное право : учеб. для вузов / Л. П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. К. А. Бекяшев. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М., 2009. – Гл. 12. – С. 407–459.
10. Конвенция Организаций Объединенных Наций о привилегиях и иммунитетах [Электронный ресурс] : [заключена в Нью-Йорке 21.11.1946 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
11. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. / А. П. Сергеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005. - С. 168.
12. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. от 18.12.2018 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998., № 219-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.08.2020 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
14. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 31 окт. 2011г., № 21 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
15. Международная межправительственная организация как субъект международного частного права / О.А. Ластовская. – М. : под науч. ред. И. Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ, 2013. – 203 с.
16. Иностранные лица в хозяйственном процессе: теоретико-прикладной аспект / Н.А. Бесецкая. – М. : – Новополоцк : ПГУ, 2016. – 368 с.
17. Кохоненко, О.А. Гражданско-правовой и процессуальный статус международной организации / О.А. Кохоненко // Промышленно-торговое право. – 2008. – №4. – С. 78–88.

УДК 341.9

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА**

К.А. МАТВЕЕВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)

В статье рассмотрена правовая природа международной правосубъектности Организации Объединенных Наций. Дан детальный анализ элементов ее международной правосубъектности. И сквозь их призму выявлены отличительные особенности ее международной правосубъектности в гражданско-правовых отношениях международного характера.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) является важнейшим механизмом международного нормотворчества, занимающим центральное место в системе межгосударственных организаций, и играющем исключительную роль в современном международно-политическом и социальном развитии. По инициативе ООН заключаются сотни международных конвенций и договоров, регулирующих положение дел в самых разнообразных сферах общественной жизни.

Правовая природа ООН, в первую очередь, характеризуется ее международно-правовым характером, поскольку ООН является субъектом международного права и признается международной организацией. С этимологической точки зрения, термин «международный» определяется как «относящийся к внешней политике, к сношениям между народами, государствами», а также «существующий между народами, распространенный на многие народы, интернациональный». Слово «организация» происходит от латинского слова *organize* – «сообщаю стройный вид, устраиваю». Организация – это объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур. Обращаясь к доктринальному определению международных организаций, нам видится лаконичной конструкция дефиниции, предлагаемая К.А. Бекяшевым, которая наиболее полно раскрывает сущностные признаки данных образований. Ученый определяет международную организацию как объединение государств, созданное в соответствии с международным правом и на основе международного договора, для осуществления сотрудничества в политической, экономической, культурной, научно – технической, правовой и иных областях, имеющее необходимую систему органов, права и обязанности, производные от прав и обязанностей государств, и автономную волю, объем которой определяется волей государств-членов [1]. Наиболее точно отражающим сущность рассматриваемой категории с нормативной точки зрения, на наш взгляд, является данное в проекте статей об ответственности международных организаций, подготовленных Комиссией международного права ООН, в которых под международной организацией понимается «организация, учрежденная международным договором или иным документом, регулируемым международным правом, и обладающая собственной международной правосубъектностью» [2].

Как известно, все международные организации подразделяются на межправительственные (межгосударственные) и неправительственные. ООН признается межправительственной организацией, поскольку представляет из себя объединение суверенных государств, создаваемое для достижения общих целей в политической, экономической, социальной, научно-технической и культурной областях в соответствии с международным правом на основе многостороннего международного договора. Любая межправительственная организация *ipso facto* является субъектом международного права, прежде всего потому, что государства согласились наделить ее соответствующими правами и обязанностями, которые четко определены в учредительных актах и полностью соответствуют основным принципам международного права [3].

Несмотря на то, что ООН по общему правилу признается субъектом международного публичного права, один из активных разработчиков Устава ООН профессор С. Б. Крылов справедливо отмечает: «Организация Объединенных Наций обладает рядом полномочий и правоспособностью в международно-правовых отношениях как в области международного публичного, так и международного частного права» [4].

Правовые основы правосубъектности ООН закреплены в ее Уставе [5], Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН [6], Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений [7], Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями [8], Венской конвенции о праве международных договоров [9], Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала [10], а также соглашениях ООН со специализированными учреждениями, соглашении между ООН и США по вопросу о местоположении Центральных учреждений ООН и во многих других международных договорах. Указанные международные акты регламентируют вопросы членства, статуса организации, полномочия на заключение международных договоров и содержат другие нормы, определяющие цели и задачи организации, полномочия ее органов, порядок взаимоотношений организации с государствами – членами и нечленами, а также иными международными организациями.

Ввиду того, что международная правосубъектность ООН производна от воли государств-членов, принято говорить о ее вторичном характере, поэтому в теории международного публичного права, международные организации, в том числе и ООН, называют вторичными или производными субъектами международного права [1].

Международная правосубъектность – это юридическое свойство того или иного образования, придающее ему статус субъекта международного права [11]. По сути, международная правосубъектность выражается во вступлении субъектов международного права в правоотношения международного характера.

Мы разделяем мнение К.А. Бекяшева, что содержание правосубъектности международных организаций включает такие элементы, как: правоспособность, т.е. способность обладать правами и обязанностями; дееспособность, т.е. способность организации своими действиями осуществлять права и обязанности; способность участвовать в процессе международного правотворчества; способность нести юридическую ответственность за свои действия в случае нарушения международно-правовых норм [1].

Первым элементом международной правосубъектности является правоспособность организации. В соответствии со статьей 104 Устава, «Организация Объединенных Наций пользуется на территории каждого из своих Членов такой правоспособностью, которая может оказаться необходимой для выполнения ее функций и достижения ее целей» [5]. Так, в процессе функционирования, организация правомочна заключать договоры имущественного характера; приобретать недвижимое и движимое имущество и распоряжаться им; возбуждать дела в суде, предъявлять претензии юридического характера к государствам и другим международным организациям и т.д. Наряду с правами, которыми наделается организация, существуют еще и обязанности. Не только ООН может требовать неукоснительного соблюдения договорных обязательств, поскольку ООН и ее специализированные учреждения также выступают сторонами международно-правовых договоров. В связи с этим, исходя из общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda*, невыполнение этими организациями взятых на себя по договорам обязательств влечет за собой международно-правовую ответственность [9].

Обращаясь ко второму элементу правосубъектности международных организаций, мы рассмотрим вопрос возможности ООН своими действиями осуществлять права и обязанности, которыми наделена организация. Обратим внимание на то, что нельзя отождествлять международную правосубъектность государств, которые, в свою очередь, являются первичными субъектами международного права, и международную правосубъектность ООН, потому что основой международной правосубъектности государств является их суверенитет, а международная правосубъектность международных организаций носит договорно-правовой характер и закрепляется в учредительных документах.

Договорная правоспособность является важной составляющей международной правосубъектности ООН и международных организаций в целом, поскольку организации, наряду с осуществлением возложенных на них функций и задач, вынуждены вступать в договорные отношения с государствами и другими субъектами международно-правовых отношений. В преамбуле Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. говорится о том, что международная организация обладает такой правоспособностью заключать международные договоры, которая необходима для выполнения ее функций, ее целей и задач. Согласно ст. 6 этой Конвенции договорная правоспособность международной организации регулируется правилами этой организации [8]. Так, Секретариатом ООН были разработаны специальные правила по заключению контрактов и представлены типовые договоры, предусматривающие определенную процедуру заключения контрактов. По своей юридической силе договоры международных организаций не отличаются от договоров, заключаемых государствами, несмотря на разную правовую природу правосубъектности данных субъектов, о чем прямо говорится в ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [9].

В отечественной доктрине отмечается, что важнейшим свойством субъекта международного права является юридическая способность к самостоятельному осуществлению международно-правовых действий. Способность реализовывать такого рода действия напрямую зависит от правового волеизъявления субъекта международных правоотношений, а именно от наличия у такого субъекта самостоятельной (автономной воли). Именно наличие самостоятельной воли у субъектов, вступающих в международные правоотношения, лежит в основе международной правосубъектности. Так, например, уругвайский юрист Э. АРЕЧАГА высказывает мнение о том, что международные организации имеют свою собственную правосубъектность и в международном плане занимают самостоятельные и независимые от государств-членов позиции [11]. Этот подход разделяют и голландские юристы Г. Шермерс и Н. Блоккер, которые утверждают, что положения учредительных актов «обязывают государства-члены признать организацию в качестве сепаратной международной личности, компетентной совершать действия, которые по традиционному международному праву могут совершать только государства» [12]. Обращаясь к нормативному регулированию аспекта правосубъектности ООН, в статьях об ответственности международных организаций, одобренных 66-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 2011 г., также указывается, что международная организация обладает своей собственной международной правосубъектностью [13]. Обобщая рассмотренные

позиции, нам видится справедливой концепция объективной правосубъектности международной организации, разработанной норвежским юристом Ф. Сейерстедом. Поскольку любая организация имеет хотя бы один орган и тем самым как бы дистанцируется от государств-членов, считает он, она *ipso facto* становится международной юридической личностью. Правосубъектность с точки зрения теории «объективности» существует вне зависимости от воли государств-членов [14].

Из вышеизложенного, мы можем заключить, что несмотря на производность международной правосубъектности от воли государств-членов, ООН, в соответствии с положениями ее учредительного документа, вправе заключать договоры имущественного характера, приобретать и распоряжаться имуществом, возбуждать дела в суде, предъявлять претензии юридического характера к государствам и другим международным организациям, что несомненно говорит нам о том, что данное образование обладает самостоятельной (автономной волей).

Обращаясь к следующему элементу правосубъектности, затронем возможность участия ООН в международном нормотворчестве, под которым понимается деятельность организации, направленная на создание, изменение, совершенствование или отмену международно-правовых норм. Объем, виды и направления правотворчества ООН регламентированы уставом и другими международно-правовыми актами. В процессе заключения определенного межгосударственного договора, организация может предложить свой вариант проекта заключаемого договора и создать специальную дипломатическую конференцию для этого. Международная организация также может выступить инициатором пересмотра договора, заключенного при ее участии, принимать решения, резолюции и рекомендации, которые содержат нормы международного права, большинство из которых составляют так называемое мягкое право. Эти акты признаются вспомогательными нормами международного права и могут составлять основу для формирования международных обычно-правовых норм.

Что касается ответственности Объединенных Наций за свои действия в случае нарушения международно-правовых норм, то данный элемент правосубъектности представляет собой сложную конструкцию, специфика которой предопределена наделением ООН привилегиями и иммунитетами. По общему правилу международные организации могут и даже должны выступать субъектами международно-правовой ответственности. Основанием такой ответственности могут стать нарушения общепризнанных норм и принципов международного права, норм учредительного акта международной межправительственной организации, внутреннего права международной организации, международного договора, заключенного международной организацией, и др. Тем не менее в частноправовых отношениях широкое распространение получило стойкое убеждение об абсолютной правовой природе юрисдикционного иммунитета ООН, что затрудняет ее привлечение к ответственности. Уставом ООН предусмотрена невозможность участия организации в суде в качестве ответчика, если организация сама не откажется от иммунитета [5]. Негативным последствием такого подхода является рисковый характер правоотношений с участием ООН частноправового характера для граждан и организаций, которым может быть отказано в защите их прав и законных интересов.

Из вышеизложенного вытекает, что отличительные особенности правовой природы правосубъектности Объединенных Наций выражаются в исключительном объеме прав и гарантий, которыми наделена организация. Так, в процессе реализации своих целей, функций и задач ООН обладает достаточно широкими полномочиями не только в сфере публичного, но и в сфере частного права. Объем привилегий и иммунитетов, которыми обладает ООН, существенно отличает ее от других субъектов и образований, функционирующих в современной системе международных отношений. Кроме того, основания и механизм привлечения к ответственности Объединенных Наций обусловлены признаваемой абсолютной правовой природой ее иммунитета. ООН свободно функционирует на международной арене, признаваясь самостоятельным и полноправным субъектом международно-правовых отношений. В процессе осуществления своей деятельности, как международная организация она существует в международном нормотворчестве, пользуется привилегиями и иммунитетами, реализует свои права и исполняет обязанности, обладая автономной волей. И в связи с этим, обладает собственной исключительной правосубъектностью, отличной от универсальной правосубъектности государств и других образований.

ЛИТЕРАТУРА

- Международное публичное право : учеб. / Л.П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. К.А. Бекяшев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 784 с.
- Report of the International Law Commission: Sixty-first session (4 May – June and 6 July – 7 August 2009) : General Assembly Official Records Sixty-fourth session [Supplement No. 10 (A/64/10)] ; United Nations. – New York : United Nations, 2009. – 366 р.
- Шибаева, Е.А. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций : учеб. пособие для вузов по спец. «Правоведение» / Е.А. Шибаева, М. Поточный. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во МГУ, 1988.
- Крылов, С.Б. История создания Организации Объединенных Наций : разраб. текста Устава Орг. Объед. Наций (1941–1945) / С.Б. Крылов ; под ред. Г.И. Тункина. – М. : Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1960. – 343 с.

5. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда / ООН, Департамент обществ. информ. – Нью-Йорк : ООН, 1998. – 104 с.
6. Конвенция Организаций Объединенных Наций о привилегиях и иммунитетах [Электронный ресурс] : [заключена в Нью-Йорк 21.11.1946 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
7. Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений [Электронный ресурс] : [заключена в Нью-Йорке 21.11.1947 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
8. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями : совершено, Вена, 21 марта 1986 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N86/554/11/IMG/N8655411.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 30.04.2020.
9. Венская конвенция о праве международных договоров : совершено, Вена, 23 мая 1969 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2020. Режим доступа: http://www.un.org.ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 30.04.2020
10. Конвенция Организаций Объединенных Наций о безопасности персонала и связанного с ней персонала [Электронный ресурс] : [заключена в 9.12.1994 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
11. Малинин, С.А. Правосубъектность международных организаций [Электронный ресурс] / С.А. Малинин, Т.А. Ковалева // Юридический портал. – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article1003967.html>. – Дата доступа: 22.04.2020.
12. Schemers, H.G. International Institutional Law : unity within diversity. Fifth rev. edition/ H.G. Schemers, N.M. Blokker. – Boston : Martinus nijhoff published 2011. – Р. 1310.
13. Проект статей об ответственности международной организации // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf. – Дата доступа: 25.04.2020.
14. Бекяшев, К.А. Право Организации Объединенных Наций. Специализированные учреждения ООН / К.А. Бекяшев // Международное публичное право : учеб. для вузов / Л.П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. К.А. Бекяшев. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М., 2009. – Гл. 12. – С. 407–459.

УДК 340

КРАУДФАНДИНГ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

A. В. ПАВЛЮКОВ
(Представлено: П. В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается краудфандинг как объект правового регулирования, в т.ч. вопросы нуждающиеся в правовом упорядочивании в сфере краудфандинга. Обосновывается необходимость правового регулирования краудфандинга в Республике Беларусь.

Тема краудфандинга в мире достаточно актуальна и набирает обороты. Явление краудфандинга появилось достаточно давно и протекало без использования Интернета. Но массовый характер и популярность краудфандинга получил с появлением Интернета. Первый случай краудфандинга с использованием Интернета произошёл в США в 1997. Фанаты рок-группы Marillion без уведомления группы организовали сбор средств через интернет для осуществления тура по территории США. В Сумме было собрано \$60000. После этого случая сбор средств через интернет начал набирать популярность [3].

Первая краудфандинговая платформа была создана в 2001 году в США компанией ArtistShare. На данном сайте осуществлялась поддержка музыкантов. Вслед за ним стали появляться такие сайты, как Sellaband (2006), SliceThePie (2007), Hyper Funding (2008), IndieGoGo (2008), Pledge Music (2009), Kickstarter (2009), RocketHub (2009), FundaGeek (2011) и т.д. [3].

Краудфандинг (народное финансирование, от англ. crowd – «толпа», funding – «финансирование») – это коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои средства через интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций. Краудфандинг разделяют на:

- коммерческий (финансирование с целью получения выгоды);
- некоммерческий (благотворительность, пожертвования) [4].

По опыту зарубежных стран, краудфандинг является достаточно эффективным способом развития коммерческих и благотворительных проектов.

Свообразный рывок в сфере краудфандинга сделали США. 23 сентября 2013 стал историческим днём для малого бизнеса в США. Президент США, Барак Обама подписывает закон The Jumpstart Our Business Startups Act, or JOBS Act (Закон о наших стартапах). Данный закон содержал раздел III (CROWDFUND) который полностью регулировал отношения в данной сфере. Этот закон являлся первой регламентацией краудфандинга в мире [2].

В данный момент в Республике Беларусь явление краудфандинга не развито и не распространено, однако онлайн-площадки по сбору средств существуют и функционируют. Нераспространённость и замедленный процесс развития объясняется тем, что белорусское законодательство не регламентирует и даже не содержит его определения. Множество компаний, которые начинают свою деятельность выдвигают свои проекты на краудфандинговые площадки и поэтому требуется адаптация законодательства [1].

Из-за того, что нет регламентации в законодательстве, вытекают определенные правовые проблемы. Потенциальные инвесторы не хотят использовать возможность коллективного финансирования, так как опасаются определенных рисков. Потенциальных инвесторов отпугивает отсутствие необходимых знаний о механизме работы, потому что отсутствует законодательная база. Для реципиентов (лат. recipere – получать, принимать) – объект или субъект, получающий (принимающий) что-либо от другого объекта или субъекта, называемого в противоположность донором) существуют огромные риски в плагиате идей. Озвучивая на платформах краудфандинга новые идеи есть риск, что данную идею реализуют более мощные компании, которые не нуждаются в финансовой поддержке.

Большой риск существует и для инвесторов, так как финансируя определенный проект, инвестор не знает его возможных перспектив, на сколько он станет успешным и не создан ли проект с преступным умыслом. Например, Летом 2014 года на Indiegogo начался сбор средств для цифрового браслета Ritot. Идея понравилась многим, и к осени Ritot собрал 1,5 миллиона долларов. Компания не показывала инвесторам прототипы часов и инвесторы выразили сомнения в добросовестности компании. После проверки оказалось, что авторы проекта использовали не настоящие имена и найти авторов данного проекта невозможно. Позже разработчики проекта признались, что использовали не настоящие имена и скрыли украинское происхождение компании, пояснили это действие тем, что происходящий конфликт в то время между Украиной и Россией мог негативно сказаться на их продукте. Позже дизайнер браслета объявил, что первый прототип уже изготавливается, а поставки серийных образцов Ritot начнутся в феврале 2015 года. Однако, когда журналисты приехали на встречу с компанией, команда разработчиков перестала выходить на связь. На 16 июня 2015 года собранная сумма превысила 1,6 миллиона долларов [5].

Краудфандинг должен получить развитие в Беларуси, поскольку является фактором стимулирования денежного оборота и национальной экономики в стране. В 2017 Нацбанк заявил, что считает перспективным сотрудничество банков с крауд-площадками и будет готовить соответствующий законодательный проект. Таким образом, необходимо развитие правового регулирования общественных отношений в сфере краудфандинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелёхина, М. Краудфандинг в Беларуси: площадки, перспективы, мировой опыт. [Электронный ресурс] / М. Мелёхина // 10 ноября, 2015. – Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/5478-kraufdanding-v-belarusi-ploshhadki-perspektivy-mirovoj-orut>.
2. United States Code Congressional and Administrative News, 2012-06, 112th Congress, 2nd Session, Public Laws 112–105 to 112–106, pp. 125 STAT. 306–327 NAME: Jumpstart Our Business Startups Act, Public Law 112-106 [H.R. 3606].
3. Санин, М.К. История развития краудфандинга. Классификация видов. Анализ перспектив развития и преимуществ / М.К. Санин // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экономический менеджмент». – 2015. – №4. –С. 57–58, 61–62.
4. Бандык, О.И. Профессионально об актуальном. Краудфандинг: понятие и перспективы применения. [Электронный ресурс] / О.И. Бандык // 27 февраля, 2019. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/pravo-by/2019/february/32656>
5. Карелов, С. Перспективы краудфандинга: в США – закон, в России – мошенничество. [Электронный ресурс] / С. Карелов // 17 января, 2013. – Режим доступа: <https://republic.ru/posts/l/875352>.

УДК 340

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАУДФАНДИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. ПАВЛЮКОВ
(Представлено: П. В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается вопрос правового регулирования краудфандинга в Республике Беларусь, в т.ч. через призму имеющихся институтов законодательства. Указывается на необходимость комплексного правового регулирования отношений краудфандинга в Республике Беларусь.

Краудфандинг (народное финансирование, от англ. crowd – «толпа», funding – «финансирование») – это коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои средства через интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций.

Краудфандинг в Беларуси можно разделить на два вида: коммерческий и некоммерческий. Коммерческий краудфандинг означает финансирование определенных проектов с целью получения выгоды от организации. Некоммерческий краудфандинг подразумевает инвестирование своих средств в проекты, с которых нельзя получить выгоду, т.е. благотворительность [4].

Краудфандинг в Беларуси начал набирать популярность с 2011 года. Метод коллективного финансирования стал привлекать белорусов так как может использоваться для осуществления стартапов или для пожертвований. Проблема краудфандинга в Беларуси заключается в том, что он в полной мере не регулируется законодательством. Однако, несмотря на пробел в правовом регулировании, законодательство Республики Беларусь принимает краудфандинг как метод инвестирования. Крауд-площадки, реципиенты и инвесторы осуществляют деятельность, пользуясь нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь, в части регулирования пожертвований и иных гражданских отношений, Налогового кодекса Республики Беларусь, в части налоговых отношений, Банковского кодексом Республики Беларусь и Указа Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 г. № 300 «О безвозмездной (спонсорской) помощи».

Указ от 31.01.2017 № 31 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы» установил, что в проекте, в котором инвестор получает определенную выгоду, должно принимать участие минимум три стороны:

- производитель товаров и услуг – лицо, запрашивающие инвестиции через интернет-платформу;
- оператор интернет-платформы – лицо, организовывающие поступление инвестиций;
- инвестор – лицо или организация, финансирующее средства в проект.

При благотворительности:

- лицо, которое запрашивающее средства;
 - оператор интернет-платформы;
 - лицо, предоставляющие средства на безвозмездной основе.
- В данный момент времени, в Республике Беларусь работают две краудфандинговые площадки
- <https://ulej.by/>;
 - <https://www.talaka.org/>.

При инвестировании с целью получения выгоды между инвестором и реципиентом заключаются следующие договора:

- займа (ст. 760 ГК РБ);
- купли-продажи с предварительной оплатой (ст. 457 ГК РБ) [3].

При краудфандинге без выгоды между инвестором и реципиентом заключаются следующие договора:

- пожертвования (ст. 553 ГК РБ);
- дарения (ст. 543 ГК РБ);
- предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи (п. 5 Указа Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 г. № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи») [3].

Однако, на данный момент мы имеем лишь фрагментарное правовое регулирование отношений краудфандинга. Исходя из этого, вытекает проблема нераспространённости и отсутствие знаний о механизме работы. Инвесторы и реципиенты не хотят использовать возможность коллективного финансирования, так как опасаются определенных рисков. Необходимо комплексное правовое регулирование отношений краудфандинга в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелёхина, М. Краудфандинг в Беларуси: площадки, перспективы, мировой опыт. [Электронный ресурс] / М. Мелёхина // 10 ноября, 2015. – Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/5478-kraufdanding-v-belarusi-ploshhadki-perspektivy-mirovoj-opryt>.

2. Лысаковская, О. Налоги, успешные кейсы и принципы: как работает краудфандинг в Беларусь. [Электронный ресурс] / О. Лысаковская // 23 июля, 2019. – Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/13784-nalogi-uspeshnye-kejsy-i-principy-kak-rabotaet-kraudfanding-v-belarusi>
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З // Принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : Одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. : Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, 1999 г., №7–9, ст.101 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь.
4. Мотивилов, О.В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Т.34. – Вып. 2. – С. 298–316.

УДК 340 (027)

ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

A.С. ПЕТРОВСКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

В данной статье рассмотрено понятие нематериальных благ, ответственность за несанкционируемый доступ к компьютерной информации, каким образом защищаются права пользователей в сети Интернет.

В современном обществе широко развиваются информационные технологии: появляются новые разработки, которые, в последующем времени, пользователи сети Интернет начинают внедрять в свою социальную жизнь. Ни для кого не секрет, что большую часть жизни человек проводит в социальной среде: общаясь не только вживую, но и виртуально, создавая свои приоритеты и отношение к интернет пространству. Молодое и старшее поколение зачастую проводят это время в данном пространстве, однако, немногое количество из них знает, как защитить свои нематериальные блага.

Защита личной информации пользователя и его прав в сети Интернет – самостоятельная ценность. Она заключается в свободе от вмешательства государства, организаций и других граждан в социальную жизнь человека, в создаваемых обществом и государством возможностях для сохранения в тайне сведений об информационной стороне жизни. Право на неприкосновенность частной жизни по своему юридическому содержанию представляет сложное образование, которое состоит из таких институтов, как: тайна частной жизни, тайна голосования, тайна корреспонденции, телефонных и иных сообщений, свобода мысли, свобода совести, свобода вероисповедания, свобода выражения мнений, убеждений, право выбора языка общения, право на неприкосновенность жилища, и др.

Неприкосновенность личной информации пользователя в сети Интернет – составляющая часть из жизни человека. Пользователи интернета ежедневно делятся материалами со своими близкими и знакомыми, а также малознакомыми людьми о своём физическом состоянии, семейной жизни, образовании, опыте работы, финансовом положении, своих хобби, достижениях, наградах, привычках, своей ежедневной деятельности. Таким образом происходит взаимодействие и обмен информацией в интернет пространстве. Важно знать, что наша личная информация под охраной государства и никто не может незаконно вмешиваться в неё.

Персональные данные и информация о частной (личной) жизни – разнородные юридические понятия, хотя границы между ними не всегда выразительно отличаются. Однако оба эти понятия создают основу обеспечения конституционного права: «каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и других сообщений, на его честь и достоинство» – статья 28 Конституции Республики Беларусь [1].

В последнее десятилетие государство обращает большое внимание вопросам персональных данных, стал вопрос об отдельном законе. Так, в июне 2019 года Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении был принят законопроект «О персональных данных», а во время подготовки ко второму чтению проект закон был переименован на «О защите персональных данных». Второго чтения и дальнейшего подписания президентом Республики Беларусь ещё не было, поэтому опираемся на положения опубликованного законопроекта.

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь «О персональных данных», персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано на основании такой информации [2].

Прочитав и разобрав данный закон, мы обнаружим не только понятие персональных данных, но и специальные категории персональных данных, такие как: биометрические, генетические, общедоступные, специальные. Общедоступные – это персональные данные, распространенные самим человеком или с его согласия; специальные – это данные, касающиеся расовой или национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, судимости, а также биометрические и генетические персональные данные.

Незаконный доступ к личной информации пользователя – нарушение законодательства. Несомненно, кто попытается проникнуть в частную жизнь пользователя будет нести ответственность.

В Республике Беларусь такой мерой является уголовная ответственность. В Уголовном Кодексе Республики Беларусь в части 1 статьи 349 несанкционируемый доступ определён как несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях,

сопровождающийся нарушением системы защиты (несанкционированный доступ к компьютерной информации), повлекший по неосторожности изменение, уничтожение, блокирование информации или вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда, – наказывается штрафом или арестом [3].

Как мы можем заметить, первая и вторая части данной статьи не представляют большой общественной опасности, но если посмотрим далее, на часть третью, то появится большое различие в способах реализации несанкционируемого доступа к информации:

Несанкционируемый доступ к компьютерной информации либо самовольное пользование электронной вычислительной техникой, средствами связи компьютеризированной системы, компьютерной сети, повлекшие по не-осторожности крушение, аварию, катастрофу, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей среде или иные тяжкие последствия, – наказываются ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до семи лет [3].

Физическая и психическая неприкосновенность личности, свобода личности являются составной частью нематериальных благ, относимых к благам, характеризующих физическое и психическое благополучие личности, но с условием, если под свободой личности и неприкосновенностью личности понимать физическую и психическую неприкосновенность личности, недопустимость посягательства на его личную неприкосновенность.

Но свободу личности можно понимать и в более широком смысле слова (а не только в аспекте личной физической неприкосновенности, самостоятельного физического передвижения по территории страны), как возможность самостоятельно определять свои поступки, руководить своими действиями, жить своей внутренней духовной жизнью, свободно заниматься творческой, культурной, предпринимательской и трудовой деятельностью. Во втором случае (аспекте) этот вид свободы личности (физического лица) относится к разряду нематериальных благ, характеризующих автономию (свободу) личности. Такое понимание (вид) свободы следует включить в перечень нематериальных благ, указанных в ст. 151 Гражданского Кодекса Республики Беларусь [4].

Обеспечение безопасности в сети Интернет – это основное условие защиты конфиденциальных данных от разного рода угроз, таких как шпионаж, уничтожение файлов и прочие несанкционированные действия.

Зная, какую ответственность несут правонарушители и какие бывают типичные нарушения прав пользователей в сети Интернет, отметим какими же способами можно защитить свои права, находясь в киберпространстве:

- 1) не передавайте никому данные своего личного аккаунта или пароля от точки доступа к Wi-Fi;
- 2) не сообщайте малознакомым людям конфиденциальную информацию о Вашей заработной плате и где хранятся сбережения, а уж тем более номер карты и все данные о ней;
- 3) создайте надёжный пароль, который нелегко взломать, то есть состоящих не только из букв, но цифр и вводных символов;
- 4) при пользовании чужим компьютером следуют помнить, что вся введённая вами информация (пароли, переписки и т.д.) может дублироваться в специальных текстовых документах, не говоря уже о том, что не нужно ставить галочку запомнить пароли, а тем более не нужно забывать выходить с социальных сетей, в которых вы авторизовались;
- 5) старайтесь не открывать сомнительные письма от любых адресатов людей, а уж тем более не переходите по ссылкам, которые могут содержаться в этих письмах, так как это могут быть вредоносные ссылки. Например, вы переходите по ссылке, и ваш компьютер автоматически скачивает программу, которая закреплена там злоумышленниками;
- 6) проверяйте все скачанные файлы антивирусом, так как в них могут быть помечены специальные вредоносные программы. Например, программа, которая отправляет информацию с вашего компьютера на абсолютно любой другой, в основном на компьютер злоумышленника;
- 7) при вводе пароля внимательно проверяйте точно ли это настоящая главная страница социальной сети (существуют сайты, которые созданы для того, чтобы получать информацию, вводимую пользователем в строки «пароль» и «логин»), например, главная страница «Вконтакте» – <https://vk.com>. Если, выделяя ссылку, мы увидим лишнюю букву, или хоть какие-то изменения, такие как – <https://vkontakte.com>, то будьте уверены – этот сайт создан злоумышленниками.

Выполнение всех семи пунктов позволит улучшить защиту персональных данных в сети Интернет. Но самое главное – тщательно всё обдумать, перед тем как оправить письмо, документ, фотографию кому-либо, пусть даже в закрытом от чужих глаз, личном сообщении. Следует помнить, что при желании можно взломать почти любую страницу в любой социальной сети и все эти данные легко окажутся в руках киберпреступников, а что будет дальше, уже описывалось выше. Поэтому следует серьёзно относиться ко всем действиям в сети Интернет, ведь каждое выполненное вами действие в мировой паутине может быть использовано против вас.

Социальные сети сами значительно трансформировали принципы приватности. Дать характеристику личности в оффлайн обществе – значит потратить много времени, усилий и энергии. Характеристика личности в киберпространстве, в социальных сетях происходит в несколько кликов компьютерной мыши: различные аспекты социально-демографической информации, но в реальной жизни оказывается не всё так просто.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятами на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.
2. О персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2019 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 15 с.
3. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.В. ПИЛЬНИЦКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

В данной статье рассмотрено понятие, причина возникновения, гармонизация поэтапного развития Болонского процесса, целевое направление задач процесса и стремление к их достижению.

Современное образование – фундаментальная основа человеческой жизнедеятельности, выступающая как интегральная, обобщающая ценность духовной культуры. Наряду с политической и правовой культурой образование формирует эстетические и нравственные черты личности в неразрывной связи с жизнью общества. Целью функционирования социального института образования в обществе является формирование интеллектуально-нравственного потенциала нации. Эффективность функционирования социального института образования необходимо изучать с позиций комплексного подхода, который предполагает учет многообразия разнокачественных субъектов образования и системы их взаимосвязей и управления [2].

Болонский процесс – процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования, сближения стран-участниц и образовательных процессов, который направлен на повышение эффективности национальных образовательных систем, усиление их взаимосвязи с непосредственными нуждами общества и увеличение вклада высшего образования в развитие и повышение квалификации [3]. Это достигается путем принятия правил и соглашений, в соответствии с которыми должны быть урегулированы системы высших образований стран участниц [5].

Он является ярким проявлением интеграционных тенденций, которые интенсивно развиваются в этой части света в последние годы. Европа все более ощущает себя единым целым: создано общее экономическое пространство, открылись границы, формируется общеевропейский рынок труда. В этих условиях пестрота систем высшего образования, несопоставимость присваемых квалификаций тормозят мобильность квалифицированной рабочей силы.

Предмет Болонского процесса – это система знаний о реформировании европейского высшего образования и науки. Прежде всего, Болонский процесс строится на началах добровольности и ничего от своих участников, строго говоря, не требует [1].

Создание Болонского процесса берет свое начало в 1999 г., и на начальной стадии подразумевает под собой создание единого образовательного пространства. Подписание декларации было инициировано представителями 29 европейских стран. Беларусь начала процедуру присоединения к Болонскому процессу, подписав Конвенцию о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (Лиссабонскую конвенцию). Этот вопрос обсуждался на совещании у Президента Республики Беларусь в январе 2005 г., по результатам которого было принято решение о введении двухступенчатой системы с учетом белорусской специфики, а именно: сохранена подготовка специалистов в качестве первой ступени высшего образования, магистратура сориентирована на подготовку к аспирантуре, 5 марта 2009 г. делегация Министерства образования Республики Беларусь приняла участие в 8-м заседании Комитета управления высшего образования и исследований (г. Страсбург), где впервые была озвучена позиция Беларуси о присоединении к Болонскому процессу. 21–24 мая 2009 г. делегация Республики Беларусь выступила с предварительным отчетом о деятельности по присоединению нашей страны к Европейскому пространству высшего образования на Форуме ЮНЕСКО по высшему образованию в Европейском регионе: доступность, ценности, качество и конкурентоспособность (г. Бухарест). 10 июня 2009 г. вопросы присоединения Республики Беларусь к Болонскому процессу были рассмотрены и поддержаны вузовским сообществом на выездном заседании Республиканского совета ректоров высших учебных заведений «Болонский процесс: возможные последствия от присоединения к нему Республики Беларусь» (г. Брест) [3].

Болонский процесс создает новую по своим характеристикам и возможностям среду общеевропейского общения, обеспечивая новые перспективы для диалога и сотрудничества в самом широком спектре. История дает нам примеры того, как страны, нации коренным образом преображались за счет «ударного» образования. Без консолидации общества, выхода на иной интеллектуальный, культурный уровень экономические и социальные прорывы вряд ли возможны. Именно поэтому педагогическая общественность, Министерство образования Республики Беларусь, представители Республиканского совета ректоров высших учебных заведений поддерживают решение присоединиться к Болонскому процессу.

Суть Болонского процесса подразумевала то, что прежде всего в должно произойти достижение конвергенции образовательных систем европейских стран с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Важнейшим результатом должно стать создание единого общеобразовательного, европейского рынка труда, с обеспечением единых прав, возможностей и требований к выпускникам вузов стран-участниц при устройстве на работу в Евросоюзе. [4] При наличии заинтересованности

у стран-участниц и образовательных учреждений в данном процессе возрастет спрос и качество образования, с условием прозрачности и широкой распространенности однотипных образовательных циклов, утвержденных квалификаций с высоким качеством подготовки.

Несомненно Болонский процесс без всяких сомнений войдет в историю как один из самых грандиозных, широкомасштабных проектов по формированию Европейского образовательного пространства в условиях новых, кардинальных вызовов современного глобализованного общества. Преследуя европейские цели по установлению более прочных связей и укреплению интеллектуального потенциала, мобильности и конкурентоспособности кадров во всей развивающейся «Европе знаний», Болонский процесс в предстоящем сотрудничестве государств все более приобретает глобальные целенаправленные изменения. Принимая во внимание европейские цели, Болонский процесс определял и реализовывал задачи по реформированию национальных систем высшего образования Беларуси, настройке их на собственно интегральный «камертон» по созданию европейских «рамок», принципов и вполне гибких стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Царенок, Т.С. Проблемы и перспективы вступления Республики Беларусь в Болонский процесс [Электронный ресурс] / Т.С. Царенок. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103799/1/165-169.pdf>. – Дата доступа: 05.05.2020.
2. Мокша, И.Н. Болонский процесс и Беларусь [Электронный ресурс] / И.Н. Мокша. – Режим доступа: <https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/10637/Мокша%20И.%20Н.%20Болонский%20процесс....pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 06.04.2020.
3. Герасимович, С.Ф. Гармонизация высшего образования Беларуси через призму Болонской декларации [Электронный ресурс] / С.Ф. Герасимович. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/6973/1/Герасимович.pdf>. – Дата доступа: 09.04.2020.
4. Макаров, А.В. Болонский процесс и модернизация высшего образования в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / А.В. Макаров. – Режим доступа: <https://www.gstu.by/sites/default/files/atoms/files/6d/d5/a.v.makarov.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2020
5. Горылев, А.И. Нормативно-правовое регулирование участия вузов в Болонском процессе [Электронный ресурс] / А.И. Горылев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-uchastiya-rossiyskih-vuzov-v-bolonskom-protsesse> Дата обращения: 07.04.2020.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ОСНОВЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Д.В. ПИЛЬНИЦКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

В данной статье рассмотрена целевая направленность развития Болонского процесса, влияние на образовательный процесс, а также проблематика развития процесса в национальной системе образования.

Высшее образование становится более универсальным и практико-ориентированным. Студенты могут воспользоваться им и в других странах. Приобретение знаний основывается не на том, чтобы прочитать студентам лекции, а на том, чтобы студенты без помощи других лиц изучали материал, а потом сдавали его своим преподавателям, но с периодичностью не раз в семестр, а раз в неделю.

Болонский процесс строится на началах добровольности. Его главная цель –прозрачность, сопоставимость, «понятность» существующих образовательных систем, возможность легкого «пересчета» одной системы на другую [1].

Цель декларации –установить европейскую зону высшего образования, сопоставимость и гармонизацию национальных образовательных систем высшего образования в странах Европы, активизировать европейскую систему высшего образования в мировом масштабе.

Для реализации целей были определены десять основных направлений Болонского процесса (10 Bologna Action Lines):

1. Принятие системы общепонятных, сравнимых квалификаций (степеней).
2. Внедрение двухступенчатой системы высшего образования (бакалавриат –магистратура).
3. Применение системы зачетных единиц (академических кредитов), количество которых зависит от объема часов по дисциплине и отражения учебной программы в приложении к диплому, образец которого разработан ЮНЕСКО.
4. Развитие академической мобильности студентов, преподавателей и административно-управленческого персонала.
5. Взаимное признание квалификаций и соответствующих документов в области высшего образования, обеспечение автономности вузов.
6. Развитие европейского сотрудничества в области обеспечения качества высшего образования.
7. Обучение в течение всей жизни.
8. Активизация участия вузов и студентов в развитии Болонского процесса.
9. Усиление европейской составляющей в системе высшего образования Европы.
10. Введение докторантуры в общую систему высшего образования (в качестве третьего уровня) [2].

Главная задача проекта – развитие академической мобильности, построение выгодного сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования, повышение качества и перспективности высшего образования на пространстве СНГ.[6]

На данном этапе перед Беларусью стоит важнейшая задача, преобразование экономики, для обеспечения конкуренто-способности и своевременного обеспечения высокого экономического роста, который гарантирует достойное существование гражданам. Без улучшений качества образования и динамичного развития образовательных структур, академической мобильности поставленная задача не будет достигнута. Это означает, что все реформы происходящие на данном этапе исходят не от быстро сменяемости приоритетов в самом образовании, а в связи с появляющимися потребностями общества в грамотных и высококвалифицированных специалистах.

Болонский процесс оказывает существенное влияние на национальную образовательную систему европейских стран. Происходит некое их сближение и взаимствование. Интернационализация высшего образования – это реальность настоящего времени. Общие положения декларации кардинально меняют общеобразовательные уклады и фактически Болонский процесс становится одним из важнейших факторов двигающий процесс реформирования белорусской системы высшего образования.[3]

Тем не менее успешная реализация положений декларации не может быть осуществлена без надлежащего реформирования оснащенной нормативно-правовой базы, регулирующей высшее национальное образование. В правовом аспекте понятие «законодательство» включает в себя всю совокупность нормативных правовых актов, непосредственно законы, подзаконные акты, нормативные договоры и соглашения (в том числе и международные), правовые акты органов местного самоуправления. Законодательство Республики Беларусь еще до конца не сформировано в данном вопросе, так это довольно трудоемкий процесс. Развитие данного вопроса пока что остановилось на локальных актах между университетами [5].

Безусловно, участие страны в Болонском процессе требует немалых экономических затрат, а также эффективности действий по осуществлению программы данной реформы, доведение системы высшего образования до европейских стандартов, и принятие нововведений в устоявшиеся традиции сферы национального образования.

Положительными сторонами присоединения к Болонскому процессу называют следующие:

1. Введение кредитно-модульной системы;
2. Накопление баллов даёт возможность получить вознаграждение, так называемый «автомат»;
3. Использование европейских методик в национальном образовании;
4. Интеграция европейского национального пространства;
5. Мобильность;
6. Достойный заработок.

Но также, на мой взгляд, существуют следующие некоторые проблемные направления, которые полежат решению и впоследствии искоренению:

1. Проблема формирования эффективной системы аккредитации; (разная система оценивания);
2. Неготовность значительного числа вузов в Беларусь к переходу на двухуровневую систему подготовки специалистов;
3. Недостаточность научно-методического, кадрового, материально-технического обеспечения для реализации положений Болонской декларации;
4. Излишняя регламентация недостаточная гибкость, адаптивность учебных программ.

(Количество предметов и их разнообразие может отличаться в вузах Беларусь от предметного ориентирования на специальностях Евразийских вузов) [4].

Как только Беларусь станет полноправной участницей Болонского процесса, выполнив все указания, перед нашими студентами откроется множество перспектив. Основной из них является облегчение устройства на работу за пределами страны благодаря приложению к диплому европейского образца. Это позволит работодателям не путаться в разных системах оценок, что, в свою очередь, повысит лояльность к выпускникам белорусских учреждений высшего образования за рубежом. Весомым плюсом является свободный выбор студентами дисциплин для изучения. Гибкий подход к процессу обучения, его индивидуализация позволяют студентам практически самостоятельно регулировать процесс обучения. Студенты смогут накапливать определенное количество кредитов, приостанавливать свою учебу и возобновлять ее по желанию, т.е. учиться на протяжении всей жизни, как это делают жители Европы или Америки. Тем не менее, процессы интеграции с европейской системой образования в Беларусь идут уже давно и довольно успешно, поэтому белорусской высшей школе после вхождения в Болонский процесс останется взять только лучшее от Европы, при этом сохранив свою индивидуальность [6].

Присоединение Республики Беларусь к Европейскому пространству высшего образования будет означать, что страна берет на себя обязательства в целом следовать принципам построения данного образовательного пространства и сделать национальную систему высшего образования понятной и прозрачной для других стран европейского континента. Каких-либо санкций за нарушение сроков реализации принципов формирования Европейского пространства высшего образования или очередности мероприятий нет, так как ключевую роль играет заинтересованность самой страны в достижении поставленных целей [3].

Таким образом, участие Беларусь в Болонском процессе приводит к повышению уровня национального образования, существует некоторая проблематика, но достижение поставленных целей в системе образования в конечном итоге отразит свой результат. На сегодняшнем этапе все сферы жизнедеятельности очень динамично развиваются, из чего следует вывод о том, что активное преобразование систем высшего образования наших государств приведет только к положительным перспективам на рынке труда, происходит постепенный переход к активизации участия вузов и студентов в Болонском процессе, так же свободного выбора уровня своего образования(бакалавриат и магистратура), возможность получение образования в любой стране,участвующей в процессе, что немало важно. Академическая мобильность создает еще более прочный союз среди общества, играя большую роль на политической, экономической и образовательных аренах. Выполнение всех поставленных целей декларации, безусловно является трудоемким процессом, но Беларусь нацелена на положительный результат в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толочкива, Т.Н. Влияние Болонского процесса на национальную культуру [Электронный ресурс] / Т.Н. Толочкива. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-bolonskogo-protsessa-na-natsionalnuyu-pravovuyu-kulturu-rossii>. – Дата обращения: 20.04.2020.
2. Суслова, Д.В. Болонский процесс [Электронный ресурс] / Д.В. Суслова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-bolonskom-protsesse>. – Дата доступа: 08.04.2020.

3. Мокша, И.Н. Болонский процесс и Беларусь [Электронный ресурс] / И.Н. Мокша. – Режим доступа: <https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/10637/Мокша%2C%20И.%20Н.%20Болонский%20процесс....pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 06.04.2020.
4. Герасимович, С.Ф. Гармонизация высшего образования Беларуси через призму Болонской декларации [Электронный ресурс] – С.Ф. Герасимович. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/6973/1/Герасимович.pdf>. – Дата обращения 09.04.2020
5. Куприянов, Р.В. Болонский процесс специфика и сложности реализации [Электронный ресурс] / Р.В. Куприянов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-v-rossii-spetsifika-i-slozhnosti-realizatsii>. – Дата доступа: 08.04.2020.
6. Трипутень, А.Д. Развитие высшего образования Республики Беларусь в рамках Болонского процесса [Электронный ресурс] / А.Д. Трипутень – Режим доступа: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/29035/Razvitiye_vyshego_obrazovaniya_Respubliki_Belarus_v_ramkah_Bolonskogo_processa.pdf?sequence=1&isAllowed=y. – Дата доступа : 16.04.2020.

УДК 347.63

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ ОТЦОВСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С.О. РУБЦОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)

Рассматриваются подходы к определению термина «отцовство». Предметно исследованы общие основания для оспаривания отцовства и круг лиц, которым предоставлено такое право. Анализируются особенности оспаривания отцовства в отношении ребенка, рожденного с применением методов вспомогательных репродуктивных технологий. Обосновывается необходимость закрепить в семейном законодательстве Республики Беларусь право супруга, давшего согласие на применение ВРТ, отзывать свое согласие.

Развитие института вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) в настоящее время помогает лицам приобрести родительские права и реализовать свои репродуктивные права, когда все природные, а также терапевтические механизмы исчерпаны. На сегодняшний день применение данных методов породило ряд целых этнических и правовых проблем, связанных с оспариванием отцовства в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ. Однако нормы белорусского законодательства, регулирующие правоотношения, возникающие при применении данных методов, являются противоречивыми и затрагивают лишь отдельные аспекты возникающих проблем. Тем не менее поднятая проблема исследуется в основном в российской доктрине. Отечественные авторы не проявляют к ней должный интерес. Среди российских ученых можно выделить работы Ю.Н. Корбута [6], А.Н. Левушкина [5] и др.

В юридической литературе термин «отцовство» рассматривается в биологическом, правовом (юридическом) и социальном аспектах. Так, С. Д. Некрасов отмечает, что в биологическом аспекте данный термин рассматривается как факт кровного происхождения ребенка от конкретного мужчины, а в правовом – официальный факт происхождения ребенка, зафиксированный в государственном документе [1]. По мнению А.А. Новикова, под социальным аспектом термина «отцовства», напротив, следует понимать установление отцовства в отношении ребенка не являющимся его биологическим отцом, при условии, что у ребенка в свидетельстве о его рождении отсутствует запись об отце [2]. Однако единообразного понимания термина не выработано.

Обобщая рассмотренные выше позиции можно утверждать, что не всегда наличие биологической связи лиц является достаточным, чтобы признать мужчину отцом ребенка с юридической точки зрения.

Под оспариванием отцовства следует понимать оспаривание записи об отце ребенка, которая производится органом записи актов гражданского состояния. Другими словами, оспаривание отцовства есть не что иное, как удаление из документов записи о том, что какое-либо лицо является отцом. При этом оспаривание отцовства в судебной практике происходит значительно чаще, чем оспаривание материнства.

В настоящее время, согласно общему правилу, п. 1 ст. 58 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоВС) допускает возможность оспаривания отцовства только в тех случаях, когда в книге записей рождений отцом ребенка записано не то лицо, которое является им в действительности [3]. В соответствии с п. 3 ст. 47 Гражданского процессуального Кодекса Республики Беларусь, требования об исключении записи об отце, произведенной в актовой записи о рождении, рассматриваются судом в исковом порядке [4].

Рассматривая вопрос оснований для оспаривания отцовства в судебном порядке, значимость такой категории как «кровное родство» сложно переоценить, так как именно оно определяет объем прав и обязанностей между людьми, делая их родственниками. В семейном праве, считает А.В. Левушкин, кровное родство выступает в качестве естественного основания возникновения семейных правоотношений. Следовательно, отсутствие генетической связи между мужчиной, записанным в свидетельстве о рождении ребенка в качестве его отца, и самим ребенком является основанием для оспаривания отцовства [5].

Однако в случае применения методов ВРТ генетическая связь ребенка с обоими родителями может быть как очевидной, так и вовсе отсутствовать с одним из родителей либо с обоими родителями. Из этого следует, что более сложным представляется оспаривание отцовства по отношению ребенка, рожденного с применением ВРТ, в основу которого положено социальное отцовство. Кроме того, утверждение, что отец – тот мужчина, который имеет биологическое родство с ребенком, не может носить бесспорный характер, так как он может и не быть родным отцом данного ребенка.

Важным аспектом в дискуссии об оспаривании отцовства в отношении ребенка является вопрос о том, кому принадлежит такое право. Так, в ст. 58 КоВС закрепляется исчерпывающий перечень лиц, которым предоставлена возможность оспаривания отцовства в судебном порядке. К ним следует относить:

- лицо, записанного в качестве отца или матери ребенка;
- лицо, фактически являющееся отцом или матерью ребенка;

- самого ребенка по достижении им совершеннолетия;
- опекуна (попечителя) ребенка.

Однако государство, разрешая вопрос о возможности лиц оспорить отцовство в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, в большей мере ориентируется на запретительные и ограничительные нормы, защищая права и интересы не только такого ребенка, но и самих лиц, давших согласие на применение таковых. Так, ч. 2 ст. 52 КоВС устанавливает запрет лицам, явившимся донорами половых клеток, которые использовались при применении ВРТ, оспаривать отцовство ребенка, родившегося в результате применения данных методов. Супруги, обращаясь в медицинское учреждение с целью искусственного оплодотворения, вступают в правоотношения с данным учреждением, которое заранее предупреждает их о том, что донор не берет на себя родительские обязанности по отношению к будущему ребенку.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, донор и женщина, родившая ребенка в результате искусственного оплодотворения, не вступают друг с другом в какие-либо правоотношения, а сам донор не может быть признан отцом ребенка, зачатого с применением методов ВРТ.

Как отмечалось ранее, на сегодняшний день развитие методов ВРТ позволило рассматривать отцовство не только в биологическом или юридическом аспектах, но и социальном. Так, ч. 1 ст. 52 КоВС устанавливает, что что супруг, давший письменное согласие на применение его супруге методов ВРТ, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства [3]. Однако указанная норма нуждается в толковании. Вряд ли можно ее понимать буквально в том смысле, что супруг, давший такое согласие, ни при каких обстоятельствах не вправе оспаривать юридическую значимость высказанного им волеизъявления и, соответственно, свое отцовство.

Как уточняет Ю. Н. Корбут, несмотря на то, что указанные лица не лишаются права предъявить иск об оспаривании записи, они не могут ссылаться на отсутствие генетической связи с ребенком как на основание подачи своего иска [6, с. 62]. С позицией автора следует согласиться, однако это не исключает возможности оспаривания своего отцовства по иным основаниям. Например, лицо дает согласие на искусственное оплодотворение своей жены донорской спермой, в действительности же беременность возникает не в результате искусственного оплодотворения, а в результате связи с посторонним лицом [7].

Следует отметить, что семейная политика многих государств основывается на тотальном следовании интересам детей. Суд при рассмотрении дел об оспаривании отцовства в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, зачастую выделяет единственный важный факт – появление на свет несовершеннолетнего субъекта, но абсолютно игнорирует иные обстоятельства дела, ссылаясь на согласие супруга на применение методов ВРТ. Так, на практике часто возникают ситуации, когда женщина прекрасно знает, что семейные отношения, по сути, прекращены, но обращается в медицинскую организацию за специализированной помощью. В данном случае, как минимум, можно говорить о злоупотреблении правом и нарушении прав супруга, который ранее дал свое согласие на применение методов ВРТ. В связи с этим представляется необходимым дополнить ст. 52 КоВС нормой следующего содержания: «Согласие супруга на применение методов ВРТ может быть отозвано им в случае подачи заявления о расторжении брака, а также в случае прекращения совместной жизни, которые имели место до применения методов ВРТ». Таким образом, закрепление данной нормы позволит не только не допустить возложения родительских прав и обязанностей на лицо против его воли, но и избежать оспаривания отцовства в судебном порядке.

Отдельно следует остановиться на вопросе, касающемся возможности оспаривания отцовства в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью. В отечественном законодательстве прямо устанавливается запрет суррогатной матери, генетической матери ребенка и её супругу, давшему согласие на заключение договора суррогатного материнства, оспаривать отцовство ребенка, рожденного с применением такого метода ВРТ. В данном случае согласие на применение ВРТ является юридическим фактом, с которым связывается установление происхождения детей, рожденных с применением таких технологий, не только по отношению к отцу, но и к матери ребенка, а как следствие, лишает их возможности оспорить данный факт. Однако исключением из данной нормы будет являться возможность оспаривания отцовства супругом, давшим согласие на применение данного метода ВРТ в случае, когда имеются доказательства того, что суррогатная мать забеременела не в результате применения ВРТ.

Такой подход существенно отличается от зарубежного, где чаще в основу происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, положена гестационная теория, когда матерью ребенка априори является родившая его женщина. Так, российский законодатель посчитал менее защищенной стороной суррогатную мать и закрепил за ней право на оставление ребенка. Из этого следует, что в случае отказа в передаче ребенка лицам, давшим согласие на применение данного метода ВРТ, родителями ребенка признается суррогатная мать и её муж, а генетические родители не вправе оспорить их родительские права.

Предоставление права суррогатной матери на оставление ребенка подвигается критике многих авторов, исследующих данную проблему. Например, О. Ю. Лебедева пишет: «... если суррогатная мать, состоящая в браке, воспользуется своим правом оставить ребенка себе, то, отцом совершенно чужого ему ребенка будет зарегистрирован супруг вынашивающей матери, при том, что он мог возражать против того,

чтобы его жена выступала в роли суррогатной матери, либо мог вообще не знать об этом» [8, с. 5]. Считаем, следует согласиться с данным суждением, поскольку оставление ребенка суррогатной матерью ведет к ущемлению прав её супруга, ведь решение об оставлении ребенка принимается матерью, а как следствие, ведет к возложению против воли супруга обязанности по воспитанию генетически не родного ребенка. В данной ситуации единственным механизмом защиты прав супруга суррогатной матери является возможность оспорить своё отцовство в судебном порядке [11].

Таким образом, единого подхода к пониманию термина отцовства так и не выработано. Развитие и применение методов ВРТ, в основу которых положена теория социального отцовства, поставило под сомнение важность такой категории как «кровное родство». Отсутствие генетической связи между ребенком и отцом при применении методов ВРТ не может служить основанием для оспаривания отцовства. В связи с этим в национальном законодательстве происходит ограничение круга лиц, которым предоставлено такое право. На наш взгляд, отечественное законодательство в области оспаривания отцовства при применении методов ВРТ несовершенно. Использование данных методов должно сопровождаться необходимыми гарантиями интересов не только ребенка, но лиц, давших согласие на применение ВРТ. Для этого необходимо дополнить семейное законодательство нормой, закрепляющей право супруга отзывать свое согласие на применение методов ВРТ в связи с наступлением определенных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов, С.Д. Определимся с понятием отцовство / С.Д. Некрасов, З.И. Рябкина, А.Р. Тиводар // Киберленника. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelimsya-s-ponyatiem-ottsovstvo/viewer>. – Дата доступа: 03.05.2020.
2. Новиков, А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект – Германия, Польша, Россия / А.А. Новиков, А. Вударски // Киберленника. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-proishozhdeniya-rebенka-sravnitelno-pravovoy-aspekt-germaniya-polsha-rossiya/viewer>. – Дата доступа: 03.05.2020.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Левушкин, А.Н. Юридические факты в семейном праве России и других государств – участников СНГ [Электронный ресурс] / А.Н. Левушкин // Юридический портал Центр Берег. – Режим доступа: <http://center-be-reg.ru/d86.html>. – Дата доступа: 10.04.2020.
6. Корбут, Ю.Н. Установление происхождения детей в результате применения репродуктивных технологий / Ю.Н. Корбут // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2012. № 1(1). – С. 59–63.
7. Евсеева, Л.А. Проблемы оспаривания отцовства (материнства) при применении искусственных методов репродукции человека [Электронный ресурс] / Л.А. Евсеева // eLABRARY.RU. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24919334>. – Дата доступа: 20.04.2020.
8. Лебедева, О.Ю. Проблемы возникающие при установлении происхождения детей, рожденных при помощи методов вспомогательной репродукции / О.Ю. Лебедева // Семейное и жилищное право. – 2013 – № 5. – С. 4.
9. Пермяков, В.А. О роли и месте состояний в механизме гражданско-правового регулирования [Электронный ресурс] / В.А. Пермяков // Юриспруденция. – Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=4379>. – Дата доступа: 14.04.2020.

ПРОБЛЕМА ОСПАРИВАНИЯ МАТЕРИНСТВА И ОТЦОВСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

C.O. РУБЦОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)

Рассматривается опыт законодательного закрепления института оспаривания материнства и отцовства при применении методов ВРТ в зарубежных странах. На основе сравнительно-правового анализа выявляются круг лиц, которым предоставлено данное право, и основания оспаривания материнства и отцовства при применении данных методов, а также возникающие при этом проблемные вопросы. Акцентируется внимание на отсутствии в национальном и зарубежном законодательстве детального правового регулирования данного института.

Расширение случаев применения методов вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) при зачатии и рождении детей порождает ряд связанных с этим правовых вопросов. В зарубежных странах законодатель по-разному отреагировал на произошедшие изменения в институте семьи. В связи с этим, были внесены изменения в соответствующие кодексы либо принятые отдельные нормативные акты, регулирующие вопросы, связанные с применение методов ВРТ. Необходимость определения круга лиц, которым предоставлено право на оспаривание отцовства при применении подобных методов, является прямым следствием таких процессов.

Целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ положений семейного законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран (на примере стран постсоветского пространства) в области оспаривания отцовства при применении методов ВРТ.

Общепринятой практикой признается разрешение споров, связанных с оспариванием отцовства, в судебном порядке. При этом семейным законодательством каждой страны ограничивается круг лиц, которым предоставлено такое право, и соответствующих оснований. Однако правовая регламентация данных вопросов при применении методов ВРТ обладает определенной спецификой. Представляется, что различия в правовом регулировании данного вопроса напрямую зависят от того, какую сторону в репродуктивных правоотношениях законодатель считает менее защищенной. В ч. 1 ст. 52 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (далее – КоВС Республики Беларусь) закрепляется, что супруг, давший письменное согласие на применение его супруге методов ВРТ, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства [1]. Аналогичное положение содержится и в семейных кодексах Азербайджана [2], Молдовы [3] и Казахстана [4]. Заслуживает внимания суждение Ю. Н. Корбути о том, что «запрет на оспаривание отцовства при применении методов ВРТ не следует толковать ограничительно, поскольку данное использование должно быть произведено на оговоренных условиях, нарушение которых влечет сложные моральные и этнические вопросы» [5]. Из этого следует, что лицо не лишается возможности обратиться в суд, но при условии, что основанием его иска выступает не отсутствие генетической связи, а иной юридический факт.

В семейном законодательстве Узбекистана отсутствует специальная норма, которая бы регулировала оспаривание отцовства при применении ВРТ. Следовательно, оспаривание отцовства должно происходить по общим правилам, предусмотренным ст. 63 Семейного кодекса Республики Узбекистан, в соответствии с которыми лицо, записанное в качестве отца или матери ребенка, вправе в судебном порядке оспорить произведенную запись [6]. Иными словами, законодатель предоставляет право не только оспорить запись о родителях в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, но и ссылаться на отсутствие генетической связи в качестве основания своего иска.

Вместе с тем не во всех странах постсоветского пространства демонстрируется такой подход в данном вопросе. Интересным является опыт Украины, семейное законодательство которой также содержит нормы, касающиеся оспаривание отцовства при применении методов ВРТ. Однако в п. 5 ст. 136 Семейного кодекса Украины установлено, что лицо, давшее согласие на применение методов ВРТ, не имеет права оспорить свое отцовство, а как следствие, лишается судебного механизма защиты своих репродуктивных прав [7]. Сходная норма закрепляется и в п. 5 ст. 74 Семейного кодекса Туркменистана: «Муж, давший согласие на искусственное оплодотворение своей жены с помощью донора, записывается отцом рожденного ею ребенка и не вправе оспаривать произведённую запись в судебном порядке» [8]. Запрет на оспаривание отцовства также предусмотрен законодательством Латвии. При этом репродуктивные правоотношения в этой стране регулируются Гражданским кодексом Латвийской Республики. Так, отец не может оспорить отцовство в случае, если он дал согласие на искусственное зачатие ребенка [9]. Тем не менее фактически остается неурегулированной ситуация, когда супруга лица, давшего согласие на применение

методов ВРТ, забеременела не в результате применение таких методов. На наш взгляд, наличие такой императивной нормы не отвечает интересам лица, давшего согласие на применение ВРТ, и, по сути, *de jure* и *de facto* лишает его права на судебную защиту.

Что касается правового положения доноров при применении методов ВРТ, то в законодательстве большинства стран постсоветского пространства предусматривается запрет донора оспорить своё отцовство в отношении ребенка, рожденного с применением его половых клеток. В частности, семейное законодательство Эстонии, защищая права ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, и лиц, давших согласие на их применение, закрепляет, что суд не устанавливает в качестве отца ребенка донора, сперматозоиды которого использованы для искусственного оплодотворения, а как следствие, лишает его возможности оспорить свое отцовство [10]. Аналогичная норма установлена и в ч. 2 ст. 52 КоВС.

Подобный подход существенно отличается от подхода, закрепленного в семейном законодательстве Российской Федерации [11], Украины [7], Туркменистана [8], Армении [14], Узбекистана [6]. В частности, п. 1 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации указывает на возможность оспорить запись о родителях в книге записей рождений по требованию лица, фактически являющегося отцом ребенка [11]. Из буквального толкования данной нормы вытекает, что в качестве такого лица может выступить *de facto* и донор половых клеток, чей материал использовался при осуществлении искусственного оплодотворения. Аналогичное положение содержится в ч. 2 п. 3 ст. 128 Семейного кодекса Украины [7]. При применении упомянутого метода ВРТ необходимо различать ситуации, когда существует неанонимный и анонимный донор половых клеток. В первой ситуации, как правило, в качестве донора выступает родственник либо знакомый лиц, участвующих в программах лечения бесплодия, во второй – им является постороннее и неизвестное для них лицо. Как отмечает Л. А. Евсеева в своей работе, мотивом для установления отцовства со стороны донора может явиться отсутствие или гибель собственных детей, чувство привязанности, любви к ребенку [12].

Вместе с тем неопределенность рассмотренных выше норм в части формулировки круга лиц, имеющих право оспаривать запись о родителях, полагаем, негативным образом отражается на правовом положении родителей, применивших для зачатия ребенка метод искусственного оплодотворения с использованием донорских половых клеток. Это создает прямую возможность для злоупотребления своим правовым положением лиц, выступивших донорами половых клеток. Подход, закрепляющий запрет донора половых клеток на оспаривание отцовства, на наш взгляд, является более прогрессивным, поскольку исходит из приоритета прав ребенка и создает правовые гарантии интересов лиц, давших согласие на применение методов ВРТ.

Отдельно следует остановиться на рассмотрении вопроса об оспаривании отцовства в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью. Условно в зависимости от подхода, предусмотренного в законодательстве к установлению происхождения детей, рожденных суррогатной матерью, страны постсоветского пространства можно разделить на две группы:

- в которых матерью ребенка считается суррогатная мать (в частности, Азербайджан [3], Россия [11], Узбекистан [6]);
- в которых действует презумпция материнства женщины, изъявившей желание и намерение воспитывать ребенка, рожденного суррогатной матерью (например, в Беларуси [1], Киргизстане [13], Казахстане [4], Украине [7]).

Данное различие в подходе к законодательному закреплению правил установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, в указанных странах обуславливается положенными в их основу теориями родства. Неопределенную позицию по данному вопросу демонстрирует семейное законодательство Армении, так как в Законе «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» фактически присутствует коллизия. В частности, п. 8 ст. 2 предусматривает гестационную теорию возникновения родительских прав, а п. 5 ст. 15 – теорию намерения. Отсюда вытекает правовая неопределенность, поскольку до конца не ясно, какой вид суррогатного материнства разрешен, и кто признается родителями рожденного таким методом ребенка [14].

В странах, где матерью ребенка признается суррогатная мать, генетическое родство занимает главенствующую роль (гестационная теория), подтверждая важность традиционного представления о связи ребенка и родившей его матерью. Так, например, на данной теории основываются положения ст. 207 Семейного кодекса Республики Узбекистан, в соответствии с которыми возникновение родительских прав у генетических родителей зависит от согласия суррогатной матери [6]. Подобная норма закреплена в ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации. Из этого следует, что только от воли суррогатной матери зависит возникновение родительских отношений между рожденным ею ребенком и генетическими родителями. В случае отказа в передаче ребенка лицам, заключившим договор суррогатного материнства, матерью ребенка признается суррогатная мать, а генетическим родителям практически невозможно оспорить ее родительские права. Это на практике порождает спорные ситуации. Полагаем, что более рациональным при таком походе к установлению происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, является приятие праву суррогатной матери быть записанной в качестве матери ребенка производного характера, которое должно быть обусловлено только отказом от ребенка генетических родителей.

Такая презумпция материнства суррогатной матери подверглась в доктрине справедливой критике. В частности, по мнению Ю.Н. Корбута, подобный подход «не отвечает интересам всех заинтересованных участников правоотношения, и прежде всего лиц, ожидающих ребенка» [5, с. 62-63]. Вместе с тем высказывается и иная точка зрения. Так, Н. С. Анцук подчеркивает позитивные стороны презумпции материнства суррогатной матери, поскольку «между суррогатной матерью и вынашиваемым ей ребенком возникает особая биологическая и эмоциональная связь, которая появляется только после рождения ребенка» [15, с. 156]. Однако, на наш взгляд, автоматическое установление родительских прав в отношении суррогатной матери по отношению к рожденному ребенку и наделение ее правом оставить рожденного ребенка изначально провоцирует нестабильность ситуации, так как ставит в зависимость исключительно от ее воли возникновение родительских прав у генетических родителей, которые именно с этой целью вступают с ней в договорные отношения. Кроме того, ситуация может еще больше осложниться, если не только она, но и генетические родители не изъявят желания оставить ребенка у себя, а значит будут ущемлены и его права.

В других странах, напротив, приоритет отдается правам генетических родителей (теория намерения). Из буквального толкования п. 2 ст. 123 Семейного кодекса Украины вытекает, что родительские права по отношению к ребенку, рожденному с применением современных репродуктивных технологий, принадлежат исключительно паре, которая предоставила свои половые клетки [7].

Тем не менее в ч. 2 п. 3 ст. 55 Семейного кодекса Кыргызской Республики предусматривается, что родительские права у супружеских пар, давших согласие на заключение договора суррогатного материнства, возникают только после совершения записи родителей в книге записей рождений [13]. При этом после совершения данной записи супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на данные обстоятельства. Из этого следует, что до момента совершения записи о родителях возможность оспорить материнство или отцовство супругами либо суррогатной матерью по основанию отсутствия генетической связи с ребенком *de jure* не исключается. Полагаем, что такое подход не совсем отвечает интересам самого ребенка, а также суррогатной матери, с которой был заключен соответствующий договор. При этом выявленная коллизия вытекает из закрепленной теории родства, на основании которой строится институт установления происхождения ребенка от родителей. В связи с этим подход стран, в которых действует презумпция отцовства и материнства генетических родителей при применении суррогатного материнства, создает необходимые правовые гарантии указанных лиц.

Таким образом, в законодательстве стран на постсоветском пространстве сформировались разные подходы к правовому регулированию оспаривания материнства и отцовства в отношении детей, рожденных с применением методов ВРТ. В Республике Беларусь связанные с этим вопросы, в части применения такого метода ВРТ как суррогатного материнства, урегулированы более детально и на более прогрессивном уровне. В отдельных странах по-прежнему предпочтение отдается традиционному представлению об институте семьи, что обуславливает сохранение в семейном законодательстве ограничения права на оспаривание записи о родителях при применении соответствующих методов ВРТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Семейный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 28 дек. 1999 г., № 781-IQ : в ред. Закона Азербайджанской Республики от 03.12.2019 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386. – Дата доступа: 28.09.2020.
3. Семейный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 26 окт. 2000 г., № 1316-XIV : в ред. Закона Республики Молдова от 09.07.2020 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30398164#pos=6;-108. – Дата доступа: 28.09.2020.
4. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье [Электронный ресурс] : 26 дек. 2011 г., № 518-IV : в ред. Закона Респ. Казахстан от 01.04.2019 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386#pos=195;-52. – Дата доступа: 28.09.2020.
5. Корбут, Ю.Н. Установление происхождения детей в результате применения репродуктивных технологий / Ю.Н. Корбут // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2012. - №1(1). – С. 59–63.
6. Семейный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : 30 апр. 1998 г., № 607-I : в ред. Закона Республики Узбекистан от 10.03.2020 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421452#pos=5;-108. – Дата доступа: 28.09.2020.
7. Семейный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 10 января 2002 г., № 2947-III : принят Верховной Радой Украины от 5 апреля 2001 г. : в ред. Закона Украины от 28.08.2018 г. // Верховная Рада Украины. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14#Text>. – Дата доступа: 28.09.2020.
8. Семейный Кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 10 января 2012 г., № 258-IV : в ред. Закона Туркменистана от 09.06.2018 г. // Параграф «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31343599. – Дата доступа: 28.09.2020.

9. The Civil Law of the Republic of Latvia [Electronic resource] : 28 January 1937 : in edition of the Law of the Republic of Latvia from 05.12.2019 // Licumi – Legal Acts of the Republic of Latvia. – Mode of access: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/225418-the-civil-law/>. – Data of access : 28.09.2020.
10. Закон о семье Эстонской Республики [Электронный ресурс] : 18 нояб.2009 г., № RT I 2009 : в ред. Закона Эстонской Республики от 20.04.2017 // Jurist Aitab. – Режим доступа: https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%9D%20%D0%9E%20%D0%A1%D0%95%D0%9C%D0%AC%D0%95_01.03.2018.pdf. – Дата доступа: 28.09.2020.
11. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 06.02.2020 г. // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
12. Евсеева, Л.А. Проблемы оспаривания отцовства (материнства) при применении искусственных методов репродукции человека [Электронный ресурс] / Л.А. Евсеева // eLABRARY.RU. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24919334>. – Дата доступа: 20.04.2020.
13. Семейный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 30 авг. 2003 г., №201 : в ред. Закона Кыргызской Республики от 17.08.2020 г. // Информационная система «Континент». – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30286698#pos=6;-239. – Дата доступа: 28.09.2020.
14. О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека : Закон Респ. Армения, 11 декабря 2002 г., №3Р-474 : в ред. Закона Респ. Армения от 07.02.2020 г. // Parliament.am - Legislation: National Assembly of RA. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1339&la&lang=rus>. – Дата доступа: 28.09.2020.
15. Анцух, Н.С. Трансграничные проблемы правового регулирования суррогатного материнства : монография / Н.С. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2015. – 156 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Э.В. СКУРЬЯТ
(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)

В статье исследована правовая среда по обеспечению социальных, медицинских и иных связанных с ними прав инвалидов. Проведена работа по выявлению общих и частных недостатков в действующих нормативных правовых актах Республики Беларусь. Предлагаются возможные пути их решения.

Количество инвалидов в нашей стране составляет 575 тыс. человек. Всё это число составляет 6.1% от общей численности населения – с учетом инвалидов всех групп [1]. Сам по себе процент невелик, но всё познается в сравнении: в Российской Федерации это число составляет 11875000 человек (8% соответственно) [2].

Если абстрагироваться от числа в процентах и рассмотреть отдельно регионы Беларуси, то можно подсчитать, что в Витебской области 59756 человек имеют статус «инвалид». Это 2,5 Браславских района в совокупности. На основании этого возможно сделать вывод о достаточно большом числе указанной категории граждан по отношению к общему количеству проживающих.

Что такое инвалид с точки зрения национального законодательства? В ст.1 Закона Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» инвалид определяется как – лицо с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами мешают полному и эффективному участию его в жизни общества наравне с другими гражданами [3]. Одновременно возникает проблема того, что в какой-то степени отечественное законодательство не соответствует современным реалиям: ведь в настоящее время приведенное определение при употреблении считается, как минимум, некорректным. В Конвенции о правах инвалидов Организации Объединенных Наций (далее – ООН) употребляется термин «person with disability» (человек с ограниченными возможностями). Так же в мировой практике распространено выражение «people with specialneeds» (люди с особыми потребностями). В качестве примера изменения законодательства в отношении правового статуса людей с ограниченными возможностями возможно привести правотворческую деятельность в соседнем государстве. В декабре 2017 года Верховная рада Украины законодательно заменила термин «инвалид» на «человек с инвалидностью» – как раз для того, чтобы привести украинские законы в соответствие с конвенцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2006 году и вступившей в силу в мае 2008 года [4].

В Конвенцию ООН о правах инвалидов (далее – Конвенция) включена дефиниция понятия «инвалидность». Инвалидность в данном контексте – это эволюционирующее понятие; инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношениями и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими [5]. Таким образом, в определении содержится упоминание о наличии как материальных, так и морально-духовных барьеров, объективно существующих в обществе и являющихся препятствиями для самореализации указанных индивидов. И, проводя в государстве деятельную работу с материальными проблемами, не всегда уделяют достаточно внимания проблемам этического, психологического и культурного характера.

Согласно Закона Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» признание лица инвалидом осуществляется медико-реабилитационной экспертной комиссией. Положение о медико-реабилитационных экспертных комиссиях, а также порядок и критерии определения группы и причины инвалидности, а для лиц в возрасте до 18 лет – степени утраты здоровья, утверждаются Советом Министров Республики Беларусь или уполномоченным им органом [3]. В соответствии с Инструкцией о порядке и критериях определения группы и причины инвалидности, признание гражданина инвалидом осуществляется соответствующей медико-реабилитационной экспертной комиссией (далее – МРЭК, комиссия) при проведении медико-социальной экспертизы исходя из комплексной оценки состояния здоровья гражданина на основе клинико-функциональных, социально-бытовых, профессионально-трудовых и психологических данных с использованием классификаций основных видов нарушений функций и основных критериев жизнедеятельности. Условиями признания гражданина инвалидом являются:

- нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами;
- ограничения жизнедеятельности (полная или частичная потеря гражданином способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться или заниматься трудовой деятельностью);
- необходимость в мерах социальной защиты, включая реабилитацию [6].

Признание лица инвалидом на основании приведённого списка условий вполне возможно при средней тяжести поражения; при этом, имеется косвенное упоминание о других барьерах, указанных в Конвенции.

Следует рассмотреть социальную политику на основании вышеизложенных фактов. Начать следует с Конституции, в ч. 1 ст. 1 которой говорится о том, что наше государство социальное, направленное на удовлетворение потребностей каждого человека без исключения. Также требуется анализ ст. 2, в которой нормы соответствуют нормам Конвенции. В статье сказано, что права являются высшей ценностью и целью общества и государства [7]. В Конституции Республики Беларусь также установлено, что чинить препятствие другому человеку не является одним из принципов государства – тем самым фиксируется внимание на отношении к ним в обществе со стороны людей, а не только государства.

Государство также ответственно за создание условий для свободного и достойного развития личности [7]. Из этого выходит, что любые социально ориентированные государственные программы являются исполнением обязанности, прописанной в ст. 2 Основного Закона.

Для реализации ч. 1 ст. 1 и ст. 2 Конституции в Республике Беларусь проводиться государственная политика в области социальной защиты инвалидов. Закрепление она получила в ст. 4 Закона «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь». В ней установлено, что «Каждый инвалид, который не в состоянии удовлетворить свои жизненные потребности собственными силами, имеет право на гарантированную помощь со стороны государства».

Государственная политика Республики Беларусь в области социальной защиты инвалидов направлена на обеспечение полноправного участия инвалидов в жизни общества и проводится на основе принципов:

- соблюдения прав человека;
- запрещения дискриминации по признаку инвалидности;
- обеспечения доступности медицинской, социальной, профессиональной и трудовой реабилитации;
- равных прав инвалидов, наряду с другими гражданами, на охрану здоровья, образование и свободный выбор трудовой деятельности;
- взаимодействия государственных органов с общественными объединениями инвалидов [3].

Названные принципы направлены на создание такой ситуации, когда граждане имеют равные парва, не зависимо от особенностей здоровья.

Реализация государственной политики Республики Беларусь в области социальной защиты инвалидов осуществляется государственными органами в пределах их компетенции. Иные организации, в том числе общественные объединения инвалидов, индивидуальные предприниматели также принимают участие в реализации государственной политики в этой области [3].

Для более полного регулирования общественных отношений в данной области в ст. 5 Закона «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь», людей с ограниченными возможностями здоровья выделили в отдельную социальную общность. Установленная норма соответствует ст. 14 Основного Закона [7]. Этим государство придаёт значение довольно широкому социальному слою, ведь по ст. 6 того же Закона: «инвалиды имеют неотъемлемое право на уважение их человеческого достоинства. Защита прав, свобод и законных интересов инвалидов в Республике Беларусь гарантируется государством и обеспечивается в судебном или ином порядке, установленном законодательством» [3]. Однако даже в этой статье обращается внимание на то, что такие лица имеют особенности здоровья.

Главным условием нормального существования лиц с особенностями здоровья считается процесс реабилитации. Реабилитация инвалидов осуществляется в соответствии с законодательством об инвалидах на основании индивидуальных программ реабилитации инвалидов, выдаваемых медико-реабилитационными экспертными комиссиями по результатам медико-социальной экспертизы. Индивидуальная программа реабилитации инвалида определяет комплекс реабилитационных мероприятий, конкретные виды и сроки проведения реабилитации инвалида, а также ответственных за ее проведение исполнителей. Индивидуальная программа реабилитации инвалида является обязательной для исполнения соответствующими государственными органами, а также организациями и индивидуальными предпринимателями, занимающимися реабилитацией инвалидов. Отказ инвалида или его законного представителя от индивидуальной программы реабилитации инвалида в целом или от реализации отдельных ее частей освобождает соответствующие государственные органы, а также организации и индивидуальных предпринимателей, занимающихся реабилитацией инвалидов, от ответственности за ее исполнение [3].

С целью наиболее качественной реабилитации был издан Закон Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов». Данный нормативный правовой акт выделяет 4 вида реабилитации:

- медицинская реабилитация инвалидов – комплекс мероприятий, направленных на восстановление жизнедеятельности организма человека и компенсацию его функциональных возможностей, нарушенных вследствие перенесенных заболеваний;
- профессиональная реабилитация инвалидов – комплекс мероприятий, направленных на полное или частичное восстановление трудоспособности, включающий профессиональную ориентацию, профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации инвалидов;

– социальная реабилитация инвалидов – комплекс мероприятий, направленных на улучшение качества жизни инвалидов посредством создания им условий для независимого проживания и интеграции в общество;

– трудовая реабилитация инвалидов – комплекс мероприятий, направленных на обеспечение инвалидам возможности получения и (или) сохранения подходящей для них работы, включающий адаптацию к трудовой деятельности и трудоустройство инвалидов [8].

Главным достоинством системы реабилитации можно считать то, что каждому лицу отдельно составляется комплекс реабилитационных мероприятий.

Если рассматривать само понятие реабилитации инвалидов, то это система мер, направленных на оказание помощи инвалидам в достижении ими оптимального физического, интеллектуального и социального уровней деятельности, а также поддержание их посредством предоставления необходимых средств, услуг, информации и иными способами, обеспечивающими улучшение качества жизни и расширение рамок их независимости, состоящая из медицинской, профессиональной, трудовой и социальной реабилитации [8]. Возможно выделить то обстоятельство, что данный перечень реабилитационных мер не исчерпывающий, и, наряду с основными, есть реальная возможность включать новые меры.

Отдельно в реабилитационных процессах выделяют адаптацию инвалида – комплекс мероприятий, направленных на достижение инвалидом уровня самообслуживания, достаточного для его самостоятельного проживания, трудовой и иной деятельности [8]. Процесс направлен на приобретение необходимых условий, для соответствующей реабилитации. Тем самым выделяют 4 вида адаптации.

Социальная реабилитация инвалидов включает в себя:

- социальную адаптацию инвалидов;
- обеспечение инвалидов техническими средствами социальной реабилитации;
- социальное обслуживание инвалидов на дому, в том числе оказание им повседневной помощи;
- развитие творчества, физической культуры и спорта среди инвалидов;
- иные виды социальной реабилитации в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида.

Социальная адаптация инвалидов направлена на их психологическую поддержку и обучение основным социальным навыкам личной гигиены, самообслуживания, передвижения, общения в целях достижения наиболее полного удовлетворения потребностей инвалидов и создания оптимальных условий для их интеграции в общество, а также адаптации внешней среды к потребностям инвалидов.

Социальная адаптация инвалидов включает в себя:

- формирование жизненной среды обитания инвалидов, обеспечивающей беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры, средствам транспорта, связи и информации;
- воспитание у инвалидов самостоятельности;
- обучение инвалидов передвижению, навыкам персонального ухода и приемам самообслуживания;
- обучение инвалидов пользованию техническими средствами социальной реабилитации;
- иные меры по созданию благоприятной социальной среды для инвалидов [8].

Функция социальной реабилитации может проводиться с помощью физкультурно-оздоровительной деятельности, что соответствует ст. 34 Закона «О физической культуре и спорте Республики Беларусь». «Физкультурно-оздоровительная и спортивно-массовая работа с инвалидами направлена на повышение их двигательной активности и является составной частью социальной реабилитации инвалидов. Организацию физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы с инвалидами осуществляют Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь, Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы, иные государственные органы в соответствии с их компетенцией. Государственные органы, указанные в пункте 2 настоящей статьи, проводят физкультурно-оздоровительную и спортивно-массовую работу с инвалидами совместно с Паралимпийским комитетом Республики Беларусь, организациями, возглавляющими Дефлимпийское движение Беларуси, специальное олимпийское движение Беларуси, организациями физической культуры и спорта, иными организациями, осуществляющими деятельность в сфере физической культуры и спорта» [9].

В данной статье исследуется правовой статус исключительно лиц с особенностями здоровья. Общее положение о проведении таких мероприятий, которые также вполне могут соответствовать данным критериям не учитываются. На которых люди в больше степени контактируют с лицами, которые редко сталкиваются с трудностями, стоящими на путях именно инвалидов. Проводятся такие мероприятия физическими или юридическими лицами с (или без) привлечением соответствующих специалистов в сфере физической культуры и спорта [9].

Спортивно-массовая деятельность является лишь составной частью государственной политики по реабилитации лиц с нарушением здоровья. Государственная политика Республики Беларусь в этой области выражается в создании правовых, экономических и социальных условий для охраны здоровья граждан, удовлетворения потребностей инвалидов в средствах реабилитации и реабилитационных мероприятиях.

Каждой категории лиц с ограничениями здоровья создают свои условия, к примеру, для общения инвалидов с нарушением слуха используется жестовый язык. Жестовый язык признается государством в качестве средства межличностного общения. Государственная поддержка жестового языка предусматривает:

- сохранение и развитие жестового языка;
- включение изучения жестового языка в учебные планы учреждений образования, обеспечивающих повышение квалификации и переподготовку специалистов органов по труду, занятости и социальной защите, по чрезвычайным ситуациям, правоохранительных органов, других государственных организаций;
- организацию перевода жестового языка;
- предоставление бесплатных услуг по переводу жестового языка.

При участии инвалида с нарушением слуха в работе государственных органов, иных организаций, а также при проведении процессуальных действий и судопроизводстве обеспечивается перевод жестового языка.

Финансирование мероприятий по поддержке жестового языка осуществляется за счет средств общественных объединений инвалидов, средств республиканского и (или) местных бюджетов, а также иных источников, не запрещенных законодательством.

Лицам с ограничениями здоровья, наряду с другими льготами, предоставляются и льготы при поступлении в учреждения образования. Таким лицам с психофизическими особенностями создаются условия для получения образования с учетом этих особенностей [3].

Проблема национального законодательства скорее состоит в том, что необходимо людей научить не создавать препятствия лицам с особенностями, иначе говоря, видеть в них равных. Для этого в ст. 19 Закона Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» установлено, что такое лицо вправе работать по собственному желанию и по нормальным условиям и нормам, прописанным для остальных граждан. Создано это в целях более полного творческого и профессионального развития указанных лиц.

Республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы, иные организации обеспечивают инвалидам необходимые условия для свободного доступа к объектам социальной инфраструктуры, жилым, общественным, производственным зданиям и сооружениям, беспрепятственного пользования общественным транспортом и транспортными коммуникациями, средствами связи и информации, местами отдыха и досуга [3].

В отношении обеспечения людей с ограниченными возможностями здоровья средствами социальной реабилитации следует отметить, что в Перечень таких средств включены:

- коляска;
- постельные принадлежности;
- трость, костили;
- протезы и т.д. [10].

Протезы являются в данном случае ещё и средством медицинской реабилитации. Порядок и очередность протезирования определяет приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 6.05.2010 г. № 467 «О совершенствовании медицинской реабилитации и протезирования пациентов с ампутационными культурами конечностей».

По итогам рассмотренной информации складывается неоднозначное мнение. Ведь все реабилитационные процедуры вполне возможно уместить в социальную реабилитацию, об этом, например, указывалось на сайте ОО «БелОИ» [11], и «Pravo.by» [12]. В обоих случаях отмечалось, что следует ориентироваться исключительно на социальный аспект, ведь в большинстве своём именно он не позволяет в полной мере реализовать остальные сферы жизнедеятельности. Например, трудовую деятельность. Лицо с особым здоровьем, имеющее лишь коляску, не во все учреждения может добраться, часто именно люди смотрят с осуждением или жалостью на них. Необходимо устраниТЬ это, показать, что такой человек сам способен обеспечивать все свои потребности. Достигается это новейшими программами по медицинской реабилитации: производство современных протезов, приборов для слабослышащих и т.д. Следует ориентироваться на достижение именно этого аспекта, тем самым возможно решить проблемы трудовой и профессиональной реабилитации. Тогда, кстати, не будет необходимости проходить обучение по другим специальностям и т.д.

В отношении взаимодействия с людьми и создания здоровой атмосферы по поводу инвалидности, на наш взгляд, в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» следует разрешить и физическим и юридическим лицам в дополнение к государственным органам проводить адаптационный процедуры, т.к. спорт является важной сферой для обеспечения равноправия всех категорий граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Численность инвалидов, получающих пенсию в органах по труду, занятости и социальной защите, по состоянию на 01.07.2020. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/ru/chislinv>. – Дата доступа: 14.07.2020.

2. Статистика и показатели [Электронный ресурс] : Количество инвалидов в России и размер ЕДВ. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/invalidy/>. – Дата доступа: 14.07.2020.
3. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 11 нояб. 1991 г., № 1224-ХII: с изм. и доп. от 17 июля 2009 г., № 49-3 // Kodeksy-by.com. – Режим доступа:https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_sotsialnoj_zashite_invalidov.htm. – Дата доступа: 17.07.2020.
4. BBC [Электронный ресурс]: "Инвалиды" – правильное слово? Как говорить, чтобы не обидеть. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-45667220>. – Дата доступа: 14.07.2020.
5. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи Орг. Объед. Наций от 13 дек. 2006 г.] // Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа: 14.07.2020.
6. Об утверждении Инструкции о порядке и критериях определения группы и причины инвалидности, перечне медицинских показаний, дающих право на получение социальной пенсии на детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, и степени утраты их здоровья [Электронный ресурс] : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 25 окт. 2007 г., № 97 // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=20315. – Дата доступа: 15.07.2020.
7. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятами на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
8. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г., № 422-З // Министерство труда и социальной защиты. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/ZAKON-RB-O-preduprezhdenii-invalidnosti-i-reabilitatsii-invalidov.pdf>. – Дата доступа: 16.07.2020.
9. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 125-З : в ред. от 9 янв. 2018 г. № 92-З. // Kodeksy-by.com. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_fizicheskoy_kulture_i_sporte.htm. – Дата доступа: 17.07.2020.
10. О государственном реестре (перечне) технических средств социальной реабилитации и порядке обеспечения ими отдельных категорий граждан [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 дек. 2007 г., N 1722 // ОО «РАИК». – Режим доступа: <https://raik.by/biblioteka/o-gosudarstvennom-reestre-perechne-technicheskix-sredstv-socialnoj-reabilitacii-i-poryadke-obespecheniya-imii-otdelnyx-kategorij-grazhdan/>. – Дата доступа: 17.07.2020.
11. ОО «БелОИ» [Электронный ресурс] : Удельный вес инвалидов в общей численности населения Беларуси составляет 6%. – Режим доступа:<https://beloi.by/2019/udelnyj-ves-invalidov-v-obshhej-chislenosti-naseleniya-belarusi-sostavlyaet-6/>. – Дата доступа: 17.07.2020.
12. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] : В Беларусь планируется увеличить сроки установления инвалидности. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/june/51230/>. – Дата доступа: 17.07.2020.

УДК 349

ПРАВОВОЙ СТАТУС СПОРТСМЕНА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Э.В. СКУРЬЯТ
(Представлено: В.В. МАКСИМЕНЮК)

В статье рассматривается правовой статус адаптивного спортсмена как в Республике Беларусь, так и на международной уровне. Проанализированы правовые акты, регулирующие общественные отношения с участием спортсменов с ограниченными возможностями здоровья. На основании приведенного анализа сделаны выводы о необходимости совершенности правового регулирования статуса адаптивного спортсмена.

Правовой статус субъекта правоотношения в наиболее распространенном значении представляет совокупность его прав и обязанностей. Для каждого субъекта содержание правового статуса будет различным. Следовательно, любой субъект права обладает специфическими правами и обязанностями.

В настоящее время среди спортивных отношений большое распространение приобрел так называемый «адаптивный спорт», то есть спорт с участием спортсменов-инвалидов (инваспорт), который в широком смысле возможно также назвать «спорт для лиц с ограниченными возможностями здоровья». Соответственно сформировались три основных направления адаптивного спорта:

- паралимпийское, которое возглавляет Международный Паралимпийский комитет (International Paralympic Committee – IPC);
- дефлимпийское (сурдлимпийское), возглавляемое Международным комитетом спорта глухих (ICSD);
- специальное олимпийское во главе с Special Olympics International (SOI), а в Беларуси – с Общественным объединением «Белорусский комитет Спешиал Олимпикс» [1].

Из этого следует, что каждый спортсмен с ограниченными возможностями здоровья относится к одной из названных групп (направлений) адаптивного спорта.

Основными нормативными правовыми актами, регулирующими общественные отношения в данной области общественных отношений, являются:

- Конституция Республики Беларусь, как основной и высший нормативный правовой акт государства. Согласно ст. 21 Конституции, государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства. Ст. 41 гарантируется гражданам Республики Беларусь право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей. В ч. 3 ст. 45 закреплено право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья, которое обеспечивается также развитием физической культуры и спорта [2];
- Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» от 4.01.2014 г. № 125-З с последующими изменениями и дополнениями.

Ст. 2 указанного Закона установлен принцип верховенства права, а также особенность применения международных договоров как более значимых правовых актов. Следовательно, закреплена возможность применения международных актов при определении правового статуса спортсмена.

В ст. 1 названного Закона определено понятие вид спорта как части спорта, представляющую собой обособленную сферу общественных отношений, имеющую специфические особенности, правила спортивных соревнований, среду занятий, используемые спортивный инвентарь и оборудование [3]. Данной статьей опосредованно декларируется возможность существования не только обычных видов спорта, но и адаптивных, обладающие собственной спецификой. Смысл, переданный законодателем понимался более широко, чем просто установившиеся спортивные движения. Исходя из постоянно меняющихся общественных отношений, развития технологий он заложил основу для развития спорта будущего без ограничений, с возможностью интерпретации устоявшихся диспозиций по отношению к новым спортсменам.

Согласно п. 1 ст. 4 указанного Закона каждому гражданину Республики Беларусь дано право на занятие физической культурой и спортом, а п. 2 ст. 4 установлено, что «право граждан Республики Беларусь на занятие физической культурой и спортом обеспечивается государством посредством создания необходимых условий для его реализации, проведения государственной политики в сфере физической культуры и спорта» [3]. Еще раз обратившись к ст. 1 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» необходимо отметить, что п. 2 ст. 4 выполняется путем трактовки смысла ст. 1. Это означает, что сами создаваемые условия – это не только материальные условия для занятий спортом; в совокупности это все точки возможного взаимодействия данной нормы на деятельность спортсменов.

Как было отмечено, каждый спортсмен с ограниченными возможностями здоровья по приведенному закону имеет право выступать и получать вознаграждения в соответствующем его проблеме со здоровьем направлении адаптивного спорта.

Согласно Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» в Республике Беларусь получают закрепление следующие спортивные движения для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Паралимпийское движение Беларуси – часть международного паралимпийского движения, целями которого являются содействие развитию физической культуры и спорта инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, зрения, укрепление международного сотрудничества в сфере физической культуры и спорта, представление Республики Беларусь на Паралимпийских играх, иных международных спортивных мероприятиях, проводимых с участием указанных лиц (п. 2 ст. 7);

Дефлимпийское движение Беларуси – часть международного дефлимпийского движения, целями которого являются содействие развитию физической культуры и спорта инвалидов с нарушениями слуха, укрепление международного сотрудничества в сфере физической культуры и спорта, представление Республики Беларусь на Дефлимпийских играх, иных международных спортивных мероприятиях, проводимых с участием указанных лиц (п. 3 ст. 7);

Специальное олимпийское движение Беларуси – часть международного специального олимпийского движения, целями которого являются содействие развитию физической культуры и спорта инвалидов с нарушениями интеллекта, укрепление международного сотрудничества в сфере физической культуры и спорта, представление Республики Беларусь на Специальных олимпийских играх, иных международных спортивных мероприятиях, проводимых с участием указанных лиц (п. 4 ст. 7) [3].

Спортсмен, выступающий в одном из специальных направлений, обладает правовым статусом спортсмена выбранного движения, обладает правами и обязанностями, установленными законодательством для соответствующего движения.

На спортсменов с ограниченными возможностями здоровья распространяется и общий статус спортсмена. В ст. 1 Закона «О физической культуре и спорте» понятие «спортсмен» расшифровывается как физическое лицо, проходящее спортивную подготовку по избранному виду спорта. Спортсмен высокого класса – спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов (абз. 24 ст. 1 того же закона) [3]. Вместе с тем, в Законе не учитываются особенности здоровья, не предается значение физическим возможностям.

Поскольку в адаптивном спорте вправе участвовать лишь инвалиды, их правовой статус уточняется Законом Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов Республики Беларусь». Согласно ст. 1 Закона, инвалид – лицо с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами мешают полному и эффективному участию его в жизни общества наравне с другими гражданами. Признание лица инвалидом осуществляется медико-реабилитационной экспертной комиссией. Положение о медико-реабилитационных экспертных комиссиях, а также порядок и критерии определения группы и причины инвалидности, а для лиц в возрасте до 18 лет – степени утраты здоровья утверждаются Советом Министров Республики Беларусь или уполномоченным им органом [4].

Применительно к паралимпийскому движению применяется «Классификационный кодекс Спортсмена МПК и Международные стандарты» принятые в ноябре 2015 года; в Кодексе содержится понятие спортсмена – это «любое лицо, принимающее участие в спортивных соревнованиях на международном (как определено каждой международной спортивной федерацией) или национальном уровне (как определено каждой Национальной спортивной федерацией) и любое лицо, принимающее участие в спортивных соревнованиях на более низком уровне, если таковой установлен Национальной федерацией, представляющей участника». Наряду с этим выделен список допустимых поражений, которые позволяют приобрести статус паралимпийского спортсмена и участвовать в соревнованиях [5].

В ст. 34 Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» установлен перечень государственных органов и организаций, которые вправе заниматься реабилитационной деятельностью на базе Паралимпийского комитета. Это является составной частью гос. политики в области социальной защиты инвалидов [4]. Указанная норма лишь составная часть более огромного пласта правового регулирования социальной реабилитации, которая направлена не только на восстановление двигательной активности человека, но и придания ему возможности ощущать себя полноценным членом общества через другие системы взаимодействия.

Материальное стимулирование участия спортсмена в спортивных соревнованиях закреплено п. 12 ст. 35 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» и выражается в праве спортсмена получать вознаграждение за участие и победу в различных спортивных мероприятиях [3]. Однако по законодательству РБ такое материальное вознаграждение не является основным источником заработка спортсмена, а относиться к дополнительному стимулу – то есть, по сути, является материальным эквивалентом занятого места.

Общие для всех спортсменов характеристики правового статуса содержится в ст. 38 того же Закона. Указанная категория субъектов имеет право на:

- выбор видов спорта;
- участие в спортивных соревнованиях по избранному виду спорта в порядке, установленном правилами спортивных соревнований по виду спорта и положениями о проведении (регламентами проведения) спортивных соревнований;
- заработную плату и (или) вознаграждение (доход) за осуществление деятельности в сфере профессионального спорта.
- осуществление иных прав в соответствии с законодательными актами.
- В числе основных обязанностей:
 - соблюдение требований Правил безопасности проведения занятий физической культурой и спортом;
 - соблюдение требований Положения об антидопинговых правилах Республики Беларусь;
 - принятие участия в спортивных мероприятиях в соответствии с законодательством;
 - исключение табакокурения, употребления алкогольных, слабоалкогольных напитков, пива, потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ;
 - исполнение иных обязанностей в соответствии с законодательными актами [3].

Среди главных обязанностей по Классификационному кодексу Спортсмена МПК и Международным стандартам следует выделить прохождение классификации для определения спортивного класса в целях более честного судейства и проведения соревнований [5]. Данное действие является вынужденной необходимостью, выражаящейся в определении класса, наиболее подходящего для спортсмена. Достигается это путём учёта всех фактов: специальных спортсмена с ограничениями здоровья, степенью поражения и т.д.

Имеется особенность в правовом регулировании спорта высших достижений: в законодательстве указано лишь Олимпийское движение, тем самым ставится акцент на то, что паралимпийские виды спорта не входят в профессиональный спорт, или же имеют меньшую значимость в сравнении с Олимпийским. Тем самым претендовать на статус профессионального спортсмена такой атлет, по сути, не вправе.

На основании изложенного возможно сделать вывод о том, что в законодательстве возникает явное противоречие: как в Законе «О физической культуре и спорте», так и в Законе «О социальной защите инвалидов». Ведь каждый гражданин, независимо от своего положения, без дискриминации, вправе на равных со всеми участвовать в социальной жизни, получать за это вознаграждение, исходя из вышесказанного должны создаваться школы спорта высших достижений специальной направленности. На данный момент в Беларуси существуют лишь центры по подготовке Паралимпийским и Дефлимпийским видам спорта.

В то же время, в Российской Федерации существует отдельная детско-юношеская Паралимпийская лига которая является свидетельством о соблюдении права на реабилитацию и социальное взаимодействие [6].

Применительно к Республике Беларусь в Законе «О физической культуре и спорте» возможно включение нормы о детско-юношеском спорте. Так, спортсменом – учащимся детско-юношеской спортивной школы (специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва), включенной в структуру клуба по виду (видам) спорта в виде обособленного структурного подразделения, является физическое лицо, зачисленное в это обособленное структурное подразделение для спортивной подготовки на основе учебных программ по отдельным видам спорта [3]. При осуществлении толкования указанно нормы в контексте прав людей с ограничениями здоровья возможно сделать вывод о возможности создания специализированных школ на базе таких клубов.

В соответствии с международным законодательством и законодательством Республики Беларусь о спорте антидопинговые правила распространяются на спортсменов с ограниченными возможностями здоровья.

Одними из главных обязанностей является недопущение попадания запрещенной субстанции в организм. Спортсмены несут ответственность за любую запрещенную субстанцию, или ее метаболиты, или маркеры, обнаруженные во взятых у них пробах. Персональной обязанностью каждого спортсмена является недопущение попадания запрещенной субстанции в его или ее организм, а также неиспользование запрещенного метода. Уклонение от сдачи пробы, или без уважительной причины отказ, или неявка на процедуру сдачи пробы после уведомления в соответствии с действующими антидопинговыми правилами. Спортсмен по антидопинговым правилам вправе участвовать в беспристрастном слушании по делу о нарушении правил [7].

Каждый спортсмен рассматриваемой категории имеет право на получение спортивного разряда и звания соответствующее его поражению [8], с учётом существования разделения на классы при проведении инваспортивных соревнований получение разряда/класса становится довольно справедливым процессом, ведь оценивают в одинаковых условиях. Специальные виды спорта не имеют наград, а результаты, полученные на соревнованиях, нигде не числятся.

Отдельно следует выделить размеры вознаграждения в рассматриваемых направлениях спорта: призы за участие в Дефлимпийских, Паралимпийских играх значительно ниже чем в олимпийских играх. Именные стипендии, которые в случае превышении их количества идут в порядке убывания значимости от Олимпийских к Паралимпийским. Сужен перечень оснований для присвоения наград, а государственные стипендии учреждены лишь для чемпионов Олимпийских игр [9, с. 296].

Несмотря на прогрессивные черты отечественного законодательства, необходима возможность его переосмыслиения исходя из содержания: на основании этого выявляются характерные проблемы, связанные с определением спорта для со спортсменов с ограничениями здоровья. Главная из них выражается в определении всей совокупности инваспорта как трёх составляющих: Паралимпийского, Дефлимпийского и Специального олимпийского движений. По нашему мнению, данные направления включены в Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» не всеохватывающие: ведь не учитывают наличие спорта высших достижений и профессионально спорта. К примеру олимпийское движение развивается ещё с создания специальных школ для развития олимпийского резерва, закреплённой в законе, а резерв других направлений отсутствует, лишь предполагается возможность его создания. Не видно каких-либо положительных подвижек в этой области и в национальных федерациях спорта. Правила участия в них свидетельствуют лишь о том, что решения медкомиссии является решающим фактором. Вторым дискриминационным моментом является, как было отмечено, оплата спортсменов и их поощрение.

На основании изложенного выявляется основной путь решения существующих проблем – изменение и дополнение действующего законодательства. Это возможно осуществить путем создания отдельного закона, регулирующего отношения в адаптивном спорте, либо дополнение действующего Закона «О физической культуре и спорте». А чтобы активизировать провозглашенные права и возможности рассматриваемых субъектов спортивных отношений, в каждой федерации спорта целесообразно создание отдельных соревнований для спортсменов с различными ограниченными возможностями здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломако, А.Ю. Спортивное право: учеб. Пособие / А.Ю. Ломако. – Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 207 с.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
3. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 125-З : в ред. от 9 янв. 2018 г. № 92-З. // Kodeksy-by.com. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_fizicheskoy_kulture_i_sporte.htm. – Дата доступа: 17.07.2020.
4. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 11 нояб. 1991 г., № 1224-XII: с изм. и доп. от 17 июля 2009 г., № 49-З // Kodeksy-by.com. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_sotsialnoj_zashite_invalidov.htm. – Дата доступа: 17.07.2020.
5. Классификационный кодекс Спортсмена МПК и Международные стандарты [Электронный ресурс]: ноябрь 2015 г. // Паралимпийский комитет России. – Режим доступа: <https://paralymp.ru/upload/iblock/1c2/1c27b874512f5b2142-19c624629c1636.pdf>. – Дата доступа: 17.07.2020.
6. Паралимпийский комитет России [Электронный ресурс]: детско-юношеский паралимпийский спорт. – Режим доступа: <https://paralymp.ru/sport/youth-paralympic-sport/>. – Дата доступа: 09.07.2020.
7. Антидопинговые правила Республики Беларусь [Электронный ресурс]: приказ дир. учрежд. «Нац. антидопинговое агентство» Респ. Беларусь, 16 авг. 2017 г., № 126-од: в ред. Приказа дир. учрежд. от 22 мая 2019 г., № 083-од // Национальное антидопинговое агентство Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://nada.by/upload/media-library/a5a/a5a3e270995f20797d3048874494e377.pdf>. – Дата доступа: 15.03.2020.
8. Об утверждении Единой спортивной классификации Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Министерства спорта и туризма, 31 авг. 2018 г., № 61 // Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mst.by/ru/actual-ru/view/utverzhdena-edinaja-sportivnaja-klassifikatsija-respublikii-belarus-15128-2018/>. – Дата доступа: 10.07.2020.
9. Журавлева, Т.В. Правовой аспект адаптивного спорта в контексте конвенции о правах инвалидов / Т.В. Журавлева // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол. : И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – Т. 2. – С. 293–299.

УДК 342.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

К.А. СТАДОЛЬНИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ВЕГЕРА)

Нормативно-правовое регулирование общественных отношений, связанных с предоставлением доступа к информации в Республике Беларусь, в первую очередь, закреплено в Конституции Республики Беларусь. В продолжение оно находит своё развитие не только в законах, указах, программах, концепциях, полностью посвящённых вопросу права предоставления информации, но и в нормативных правовых актах, относимых к другим отраслям права и не связанных с предоставлением информации. Однако, в сформированном на сегодняшний день законодательстве, по-прежнему остаются пробелы и коллизии, приводящие к возможным нарушениям других прав личности.

В качестве социальной предпосылки закрепления права на информацию на законодательном уровне стала объективная необходимость правового обеспечения удовлетворения различных информационных потребностей человека, общества и государства. Впервые в Республике Беларусь право на информацию было закреплено в Конституции Республики Беларусь 1994 года.

Согласно статье 34 Конституции Республики Беларусь гражданам гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, о состоянии окружающей среды [1]. С помощью этой нормы установлена гарантия для каждого гражданина, в случае необходимости, иметь возможность обращения в различные инстанции для выяснения законности своих интересов и защиты своих прав и свобод. Эта гарантия работает в случае, если на такое право не установлено ограничение, которое допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Статья 33 Конституции гарантирует свободу мнений, убеждений и их свободное выражение, предусматривается недопущение цензуры [1].

Именно эти правовые нормы составляют конституционную основу субъективного права на информацию, которое реализуется в правовых отношениях различного вида, включая частноправовые и публично-правовые.

В качестве двигателя развития отраслевого законодательства об информации в Республике Беларусь действует Закон об информации, информатизации и защите информации (далее – Закон об информации), который содержит в себе основные положения об информационных общественных отношениях, о правовом режиме информации, способах её реализации, информационных технологиях и о защите информации, о правах и обязанностях субъектов правоотношений в области права на информацию. Помимо этого, в нём закрепляется основное право физического лица на доступ к информации, в соответствии с которым «физическими лицам гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, политических партий, других общественных объединений, иных юридических лиц, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, политические партии, другие общественные объединения, иные юридические лица, а также их должностные лица могут представлять сведения о своей деятельности средствам массовой информации путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и иными способами» [2].

В Законе об информации отсутствуют правовые нормы, регулирующие деятельность средств массовой информации, хотя данный институт является частью реализации рассматриваемого права. Правовое регулирование содержится в отдельном нормативном правовом акте – Законе «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ). В нем закреплены основные положения о средствах массовой информации, о распространении продукции средств массовой информации, о правовом статусе субъектов средств массовой информации, об ответственности за нарушение данного законодательства [3].

В Указе Президента Республики Беларусь №565 «О порядке распространения правовой информации в Республике Беларусь» закрепляются основные гарантии обеспечения прав граждан на получение полной, достоверной правовой информации. В соответствии с Указом «государственные органы обеспечивают: официальное опубликование принятых (изданных) правовых актов; ознакомление граждан с правовой информацией, исходящей от этих органов и затрагивающей права и законные интересы граждан, в порядке, установленном руководителями государственных органов; направление принимаемых (издаваемых) ими правовых актов в Национальный центр правовой информации для формирования Национального реестра правовых актов Республики Беларусь и эталонного банка данных правовой информации» [5].

Реализация права на информацию является важным направлением государственной политики в информационной сфере. Об этом свидетельствует утвержденная Указом Президента Республики Беларусь Концепция национальной безопасности [6]. Согласно данной концепции одним из приоритетных направлений обеспечения безопасности государства в информационной сфере является обеспечение доступа к открытым информационным ресурсам государственных органов, органов местного управления и самоуправления, к архивным материалам и другой социально-значимой информации. В свою очередь к жизненно важным интересам государства в информационной сфере относят обеспечение информационной потребности личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности. Помимо этого, Концепцией предусмотрены источники угрозы в информационной сфере, в качестве одной из них выступает распространение недостоверной или умышленноискажённой информации, способной причинить ущерб национальным интересам Республики Беларусь. Но в этот пункт не включена ситуация о непредставлении информации, так как в некоторых случаях это может повлечь серьёзные последствия. Поэтому видится рациональным также включить в пункт в качестве источника угрозы умышленное непредставление информации заинтересованным субъектам.

Право на информацию находит отражение и в юридическом содержании ряда частноправовых отношений. Так, согласно статье 465 Гражданского кодекса Республики Беларусь по договору розничной купли-продажи покупатель имеет право на получение необходимой и достоверной информации о предлагаемых к продаже товарах [7]. Помимо этого, ряд других статей Гражданского кодекса также предусматривают право на получение информации: право на информацию входит в содержание множества обязательственных гражданских правоотношений.

Замечена тесная связь права на информацию с избирательным правом, реализация которого невозможна без права на информацию. В соответствии с Избирательным кодексом Республики Беларусь (далее – Избирательный кодекс) одним из основных принципов деятельности избирательных комиссий является гласность. А согласно статье 13 Избирательного кодекса подготовка и проведение выборов Президента Республики Беларусь, депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, депутатов местных Советов депутатов, референдума, отзыва депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, депутатов местных советов депутатов осуществляется открыто и гласно [8]. В свою очередь соответствующие обязанности возлагаются на комиссии, местные представительные, исполнительные и распорядительные органы по информированию граждан о своей деятельности и подготовке, и проведении выборов, референдума, отзыва депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики и другие.

Значительная роль придаётся субъективному праву на информацию в сфере охраны здоровья. Так, Законом Республики Беларусь «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) статьёй 41 гарантировано каждому право на получение в доступной форме информации о состоянии собственного здоровья, применяемых методах оказания медицинской помощи, а также о квалификации лечащего врача, других медицинских работников, непосредственно участвующих в оказании ему медицинской помощи [9]. Информация, содержащаяся в медицинской документации, составляет врачебную тайну и может представляться только с согласия пациента, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами. В основном, такая информация может представляться с санкции прокурора органом, ведущим административный процесс, органом уголовного преследования и по запросу судов. Видится рациональным содержание данной нормы расширить, закрепив право на получение информации такого вида тем лицом, чьи права и свободы в будущем могут быть ограничены при её сокрытии. В данном случае имеет место факт вступления лиц в брак. Одно лицо или оба могут скрыть друг от друга информацию об имеющихся заболеваниях, вследствие чего может быть нанесён вред здоровью другого лица. В соответствии с этим предлагается внести в статью 46 Закона О здравоохранении норму о праве на информацию лиц, вступающих в брак, о состоянии здоровья их партнёров, которая станет 12 частью статьи. Этую поправку необходимо изложить в следующей редакции «Организации здравоохранения обязаны представлять информацию, составляющую врачебную тайну, без согласия пациента или лиц, указанных в части второй статьи 18 настоящего Закона, с запросом, указанным в абзаце первом части седьмой настоящей статьи: лицам, вступающим в брак или вступившим, на условии предоставления вместе с запросом документов, подтверждающих факт вступления в брак в будущем (копии заявлений лиц на вступление в брак, заверенные печатью органа, регистрирующего акты гражданского состояния) или факт заключения брака (копия свидетельства о заключении брака, заверенные печатью органа, регистрирующего акты гражданского состояния)».

Сходные положения из Закона о здравоохранении о праве на доступ к информации содержатся в Законе Республики Беларусь «Об оказании психиатрической помощи» (далее – Закон о психиатрической помощи). В нём установлено, что «информация о состоянии психического здоровья пациента предоставляется врачом-специалистом пациенту или его законному представителю устно и излагается в форме, соответствующей требованиям медицинской этики и деонтологии и доступной для понимания лицом, не обладающим специальными знаниями в области оказания психиатрической помощи». Также в Законе закрепляется, что «информация о факте обращения пациента за оказанием психиатрической помощи

и состоянии его психического здоровья, сведения о наличии психического расстройства (заболевания), диагнозе, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту психиатрической помощи, составляют врачебную тайну». Помимо этого, в нём содержится ссылка на Закон о здравоохранении по вопросу предоставления такой информации. Сообщать такие сведения допускается только в случае поступления письменного запроса, в котором должны содержаться обоснование такой необходимости и объём необходимых при этом сведений государственным органам, контролирующими оказание психиатрической помощи, а также судебным и правоохранительным органам в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь. Соответственно по введению в Закон О здравоохранении дополнений в норму о предоставлении информации лицам, вступающим или вступившим в брак, она будет распространяться и относительно информации о психическом здоровье.

Соответствующим изменениям подвергнутся и обязанности лиц, вступающих в брак, когда в процессе подачи заявления для регистрации брака необходимо устно или письменно поставить в известность друг друга о состоянии своего здоровья, о наличии либо отсутствии психических или наследственных заболеваний, что способствует реализации права на информацию, а также защите прав и законных интересов лица. В данном случае дополнения будут внесены в статью 14 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье» [11]. Предлагается дополнить статью частью третьей, при этом сместить действующую третью часть на место четвёртой. Статья должна быть изложена в следующей редакции «Лица, вступающие в брак, вправе до заключения брака потребовать предоставления полной информации о состоянии физического и психического здоровья друг друга».

Предлагая внести в Закон о здравоохранении дополнение в виде представления информации о состоянии здоровья лицам, вступающим в брак, возникает сопутствующая проблема. В первую очередь она касается моральных ценностей. Устанавливая обязанность личности оглашать информацию о своём здоровье, нарушаются принцип тайны личной жизни.

Рассматривая этих два противоречащих друг другу аспекта, необходимо определить, в каком случае всё-таки допускается ограничение прав человека, связанных с тайной личной жизни. В соответствии со статьёй 23 Конституции Республики Беларусь «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [1]. В данном случае, целью такого ограничения является реализация прав и свобод других лиц.

Таким образом, изучив правовое регулирование права на доступ к информации, мы можем уверенно сказать, что оно является многоаспектным. Оно пронизывает все отрасли права: начиная от публично-правовых и заканчивая частно-правовыми. Некоторые аспекты реализации права на информацию требуют дополнительного регулирования и гарантий. В интересах населения и сохранения его здоровья возросла необходимость установления дополнительных обязанностей для супружеских пар, выражающихся в оглашении сведений о состоянии здоровья. Такие дополнения могут повлечь ограничение субъективного права о тайне личной жизни, основанное на достижении благой цели – сохранении здоровья человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
2. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь, 17 июля 2018 г., №130-З // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
3. О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь, 17 июля 2008 г., №427-З // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
4. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 10 июля 2012 г., №390-З // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
5. О порядке распространения правовой информации в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 01 декабря 1998 г., №565 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
6. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 09 ноября 2010 г., №575 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. от 17.07.2018 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
8. Избирательный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 января 2000 г.: одобрен Советом Республики 31 января 2000 г.: в ред. от 04.06.2015 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
9. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г., №2435-XII // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
10. Об оказании психиатрической помощи: Закон Республики Беларусь, 7 января 2012 г., №349-З // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
11. Кодекс Республики Беларусь о Браке и Семье: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. от 17.07.2018 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 342.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

К.А. СТАДОЛЬНИК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И.В. ВЕГЕРА)

Право на доступ к информации получило свою институализацию еще в 20м веке. Постепенно развиваясь, оно отразилось в нормативных правовых актах как международного уровня, так и в национальном законодательстве. Однако закреплено такое право в различной форме: в некоторых государствах оно рассматривается как право требовать, а в других – как обязанность обеспечивать.

Начало осуществления правового регулирования права на информацию датируется 20-м веком. Генеральной Ассамблей ООН была принята Всеобщая декларация прав человека [4] и Международный пакт о гражданских и политических правах [1]. Кроме того, в Риме была принята Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод [2]. Эти международные акты закрепляют основные начала о праве доступа к информации.

В 1993 году в рамках функционирования ООН была учреждена должность специального докладчика по вопросам права на свободное выражение информации и доступ к ней. Он исследует такое право в качестве одного из аспектов свободного выражения мнений.

Уже в 1995 году докладчик выступил с докладом о связи между свободой выражения мнений и доступом к информации: «в современном обществе из-за социальной и политической роли, которую играет информация, право каждого на получение информации и идей должно быть тщательно защищено. Это право не просто право на распространение информации, но и свобода сама по себе. Право искать информацию или иметь доступ к ней является одним из важнейших элементов свободы слова и выражения. Свобода будет лишена эффективности, если люди не имеют доступа к информации. Доступ к информации является основой для демократического образа жизни. Поэтому следует тщательно выявлять тенденцию, направленную на отсутствие доступа людей к информации» [3].

А в 2013 году был представлен несколько иной доклад, в котором было дано заключение о субсидиарной роли права на доступ к информации. Это право является «активатором» других прав, которые реализовать без доступа к информации невозможно.

В 2015 году в рамках деятельности ООН была поставлена цель для государств-участников: призвано оказывать эффективное содействие построению информационного общества, которое будет ориентировано на интересы граждан, оно должно быть открыто и направлено на развитие пространства, в котором каждый сможет создать информацию, иметь к ней доступ, пользоваться и обмениваться ею. При чём планируется достичь таких целей уже к 2030 году.

Несколько иной аспект права доступа к информации рассматривается в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 года [5]. Она рассматривает это право в рамках отрасли по защите окружающей среды. Право на информацию признаётся ключевым фактором защиты окружающей среды. Многие мировые лидеры согласились, что «экологические проблемы лучше всего решать с участием всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне. На национальном уровне каждый человек должен иметь соответствующий доступ к информации об окружающей среде, которая хранится государственным и органами, включая информацию об опасных материалах и экологически опасной деятельности в местах их проживания, а также возможность участвовать в процессах принятия решений. Государства содействуют и поощряют информированность общественности и ее участие путем широкого распространения информации. Должен быть обеспечен эффективный доступ к судебным и административным процедурам, включая возмещение причиненного вреда и средства правовой защиты» [5]. Право на доступ к информации относительно окружающей среды стало постепенно отражаться в международных договорах и соглашениях о загрязнении окружающей среды и изменении климата, кроме того, в рамках Совета ООН принимаются целевые резолюции по правам человека в сфере охраны окружающей среды.

Отдельно право на доступ к информации закрепляется в Конвенции о правах ребёнка [6] и Конвенции о правах инвалидов [5]. В данных документах доступ к информации рассматривается как возможность эффективной реализации других прав и участия в публичных обсуждениях политики и деятельности государства.

В международном праве, касающемся борьбы с коррупцией, право на доступ к информации также оставило свой след. В статье 13 Конвенции ООН против коррупции призываются государствам обеспечивать возможность общественности иметь эффективный доступ к информации и принимать меры для «выявления, поощрения и защиты свободы искать, публиковать и распространять информацию о коррупции» [7].

Право на доступ к информации находит своё отражение и в Европейском праве. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод выражен свой подход относительно такому праву. Так, в соответствии со статьёй 40 Конвенции «доступ к документам, переданным на хранение в Секретариат, открыт для публики, если Председатель Суда не примет иного решения» [8]. Также по применению данной Конвенции формируется практика из судебных прецедентов, которая применяется государствами-участниками для разрешения аналогичных дел по поводу предоставления информации, за исключением государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье.

Среди государств-участников Совета Европы и ООН было заключено ещё несколько конвенций относительно реализации права на информацию: Конвенция Европейской экономической комиссии ООН о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция, 1998). Её основной целью стала гарантирование права на доступ к информации, на участие общественности в процессе принятия решений и на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды для содействия защите права каждого человека нынешнего и будущих поколений жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния [9]. В статье 4 Конвенции подробно описан доступ к экологической информации. Так, государственные органы при запросе на предоставление экологической информации обязаны к ответу в качестве приложения добавлять копии фактической документации, содержащей требуемую информацию. Отдельные статьи Конвенции посвящены сбору и распространению экологической информации, доступу к правосудию и участию общественности в различных сферах, касающихся экологии [9].

Некоторые положения относительно доступа к информации содержатся в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [10]. Так, в соответствии со статьёй 28 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию «Сторона может по собственной инициативе предоставить другой Стороне информацию об обстоятельствах правонарушения, когда она считает, что разглашение такой информации может помочь этой или другой Стороне в возбуждении или проведении расследований или иных процессуальных действий, связанных с уголовными преступлениями...». При этом регламентировано обязательное правило, что стороны должны незамедлительно друг друга информировать о любых обстоятельствах, которые делают невозможным осуществление мер, принятых при окончательном результате дела, или значительном задержании их выполнения [10].

Со временем во многих государствах тенденция формирования законодательства в области права на получение и распространение информации возросла. Оно стало закрепляться в конституциях различных стран, однако возникла необходимость в формализованном механизме его реализации, который должен получать своё отражение в специальных отраслевых законах.

Во многих государствах основные положения относительно права на информацию закрепляются в Конституциях, так как это право признано на мировом уровне неотъемлемым субъективным правом человека. Так, согласно статье 50 Конституции Азербайджанской Республики «каждый обладает свободой законным путем искать, приобретать, передавать, составлять и распространять информацию. Гарантируется свобода массовой информации» [11]. А согласно статье 29 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [12]. Аналогичная статья содержится в Конституции Грузии, в соответствии с которой «каждый вправе свободно получать и распространять информацию, высказывать и распространять свое мнение в устной, письменной или иной форме. Средства массовой информации свободны. Цензура запрещается» [13]. Конституционные гарантии США в отношении права на информацию берут свое начало из первой поправки Конституции, которая гласит, что «конгресс не вправе принимать законы, ограничивающие свободу слова и свободу печати...» [14]. При этом из практики Верховного суда США выделено, что основным центральным предназначением данной поправки, является гарантирование свободы обмена информацией по вопросам, имеющим отношение к функционированию властей.

Изучив нормы относительно права на доступ к информации в конституциях некоторых государств, мы заметили, что они имеют определённые расхождения. Так, в Конституции Российской Федерации, Конституции Грузии, даже Конституции нашего государства сделан основной упор на право свободного поиска, получения, предоставления, производства и распространения информации. А в Конституциях Республики Молдова и Эстонской Республики определено право каждого на доступ к информации посредством установления соответствующих обязанностей для государственных органов, которые обязаны обеспечивать достоверное информирование граждан. Таким образом мы видим, что некоторые государства не считают включение в Конституцию норм об обязанности государственных органов предоставлять информацию, а другие – детализировать способы реализации права на информацию. Нам видится, что такие конституционные нормы станут обладать полной защитой права на доступ к информации только при фиксировании двух аспектов: установление возможных форм реализации права на доступ к информации и соответствующих обязанностей органов по её предоставлению.

После закрепления права на информацию на конституционном уровне, оно получает свое развитие в специальных законах. Например, в Азербайджанской Республике принят закон «О свободе информации» [15] и «О средствах массовой информации» [16]. В Республике Армения принятые законы «О свободе информации» [17] и «О массовой информации» [18]. В Украине принят закон «О доступе к публичной информации» [19]. В США также принят закон США «О свободе информации» [20], суть которого заключается в открытости для граждан всех документов органов Федерального Правительства США, за исключением случаев, оговоренных в законе. В Великобритании принят закон «О свободе информации» [21], который обеспечивает доступ к информации, хранящейся в органах государственной власти или у лиц, представляющим им услуги. Кроме того, функционирует отдельный закон «О защите информации» [22]. В таком же ключе выстроены многие аналогичные законы европейских стран. Их целью является решение проблемы доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти.

Таким образом, о праве человека на информацию изначально всерьёз начали задумываться на международном уровне, после чего последовало его включение как в международные акты, так и в национальное законодательство стран. Так, в различных государствах конституции включали право на информацию в качестве основного субъективного права. Однако оно выражается по-разному: как право человека на доступ к информации или как обязанность государственных органов содействовать реализации такого права у граждан. В связи с использованием различных формулировок оно не обладает полнотой как содержания, так и защиты. Видится рациональным предусматривать в норме два вышеуказанных аспекта, только тогда право человека на доступ к информации получит всестороннее содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. Дата доступа: 23.04.2020.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. Дата доступа: 23.04.2020.
3. Международное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://team29.org/wp-content/uploads/2017/08/Access-to-information.pdf>. Дата доступа: 23.04.2020.
4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/>. Дата доступа: 23.04.2020.
5. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: принятая Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, 3-14 июня 1992 г. // Электрон. копия банка данных правовой информации [Электронный ресурс] / официальный веб-сайт ООН. – Нью-Йорк, 2020.
6. Конвенция о правах ребёнка: принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи, 20 ноября 1989 г. // Электрон. копия банка данных правовой информации [Электронный ресурс] / официальный веб-сайт ООН. – Нью-Йорк, 2020.
7. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции: принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи, 31 октября 2003 г. // Электрон. копия банка данных правовой информации [Электронный ресурс] / официальный веб-сайт ООН. – Нью-Йорк, 2020.
8. Европейская Конвенция о защите прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>. Дата доступа: 23.04.2020.
9. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция]: принятая Генеральной Ассамблей на основании резолюций Генеральной Ассамблеи 37/7 от 28 октября 1982 г., на основании хартии природы 45/94 от 14 декабря 1990 г. // Электрон. копия банка данных правовой информации [Электронный ресурс] / официальный веб-сайт ООН. – Нью-Йорк, 2020.
10. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901788603>. Дата доступа: 23.04.2020.
11. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.07.2016 г.) // Электрон. копия из архива материалов за 2000-2010 гг. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – Баку, 2020.
12. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Электрон. копия справочной правовой системы КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / Справочная правовая система. – Москва, 2020.
13. Конституция Грузии (принята 24 августа 1995 года) // Электрон. копия их официальной веб страницы «Законодательный вестник Грузии» [Электронный ресурс] / действующая под управлением Министерства юстиции Грузии поисковая база нормативных актов. – Тбилиси, 2020.
14. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm. Дата доступа: 23.04.2020.
15. Закон Азербайджанской Республики «О свободе информации» от 19 июня 1998 года №505-ІГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2719. Дата доступа: 23.04.2020.
16. Закон Азербайджанской Республики «О средствах массовой информации» (от 7 декабря 1999 года №769-ІQ, с поправками, внесенными по Постановлению Конституционного Суда от 12 июля 1999 года, Законам от 23 ноября

- 2001 года № 2-IQ, от 28 декабря 2001 года № 247-IQ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=190. Дата доступа: 23.04.2020.
17. Закон Республики Армения «О свободе информации» (Принят Национальным собранием Республики Армения 23 сентября 2003 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dzyalosh.ru/02-dostup/zakon/tub-03/Zakon_Armenii_o_svobode_informatsii.htm. Дата доступа: 23.04.2020.
18. Закон Республики Армения «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journalist.rau.am/rus/21/42. Дата доступа: 23.04.2020.
19. Закон Украины «О доступе к публичной информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: google.com/site/kompaniyadvokasi/zakon. Дата доступа: 23.04.2020.
20. Закон «О свободе информации» (США) с учётом изменений, Титул 5. Свод законов США, 552 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dzyalosh.ru/02-dostup/books/opit/scha.html. Дата доступа: 23.04.2020.
21. Закон Великобритании «О свободе информации»: принят в 2000 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dzyalosh.ru/02-dostup/books/opit/scha.html. Дата доступа: 23.04.2020.
22. Законодательство Великобритании в сфере защиты персональных данных и информационной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: iipdr.com/solutions/services/consulting/legislation/eu/england.html. Дата доступа: 23.04.2020.

УДК 347

ГИПОТЕЗА: ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

А.С. СТЕПАНОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

Исследуется гипотеза о домашнем животном как субъекте гражданских прав. На основе анализа и логических выводов проводится рассмотрение признаков и особенностей института домашних животных в гражданском праве.

Как известно, объект гражданских правоотношений – это то благо, по поводу которого возникает гражданское правоотношение, а также в котором заключается интерес его участников, на достижение которого направлены их действия. Согласно статье 128 ГК Республики Беларусь к объектам гражданских прав, относятся вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, иное имущество, включая имущественные права; работы и услуги; охраняемая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Животные выделяются законодателем как особый объект гражданских прав [1]. В основании белорусского гражданского законодательства лежит статья 137, которая предусматривает, что к животным применяются правила об имуществе поскольку, поскольку иное не установлено законодательством и не вытекает из особенностей этого объекта. Согласно этому, к животным применяются общие правила, регулирующие имущественные отношения.

Однако, на наш взгляд, животное нельзя определять, как объект гражданских прав, что предусматривает неодушевленную вещь, не имеющую каких-либо материальных потребностей.

Прежде чем, рассматривать домашних животных как субъектов гражданских прав, необходимо знать, что понимается под субъектом гражданских правоотношений.

Белов считает, что, с точки зрения позитивного права, под именем субъектов гражданского права следует понимать круг лиц – отдельно взятых людей и их формально организованные коллективы (объединения) – на которых распространяется действие гражданско-правовых норм, т.е. лиц, чье поведение может и должно подвергаться оценке с точки зрения его соответствия или несоответствия гражданско-правовым нормам» [2]. Из чего делается вывод, что автор понимает под субъектами людей, а также созданные из них группы (коллективы, объединения). Также автор говорит, что субъектами являются «и иные социальные сущности, участвующие в отношениях, регулируемых правом (точнее – в отношениях, получающих правовую оценку)».

То есть можно сказать, что к субъектам гражданских прав относят сущность, обладающую способностью к участию в отношениях, регулируемых гражданским правом.

Если рассматривать животных как субъектов гражданских правоотношений, необходимо привести признаки, по которым нельзя относить институт домашних животных к объектам гражданских прав.

Домашние животные – существа социальные, имеющие разум, волю, душу, имеющие определенное отношение к другим вещам (также существам), у которых развивается привыкание, существуют особенные предпочтения, свой стиль жизни. То есть к особенностям домашних животных относится:

- одушевленность;
- наличие сознания, зачатков ума, воли и чувств;
- необходимость питаться адекватной пищей, при отсутствии или недостатке которой наступает неизбежная болезнь или гибель животного;
- наличие клички – собственного имени, используемого для общения с животным;
- наличие документов (родословная, мед книжка и др.).

Животное – это так же, как и человек биологический организм, который никто не может назвать предметом или же вещью, как говорят гражданские нормы. Н.А. Пузевич ссылается на определение Н.Н. Аверченко, который понимал волю как неотъемлемое свойство исключительно личности и человека, поэтому он отказывает в признании воли за животными [3]. Таким образом, автор отстаивает однозначное признание воли за личностью (человеком) и отказывает в таковом всем другим одушевленным созданиям (животным). Но также и отрицает его мнение, говоря, что «нельзя не отметить тот факт, что в действующем законодательстве за животными все же признается способность иметь волю и проявлять ее».

Так, анализ норм действующего законодательства приводит нас к обратному, то есть мы считаем целесообразным согласиться с Н.А. Пузевичем. Согласно ч. 2 ст. 232 ГК РБ, в случае явки прежнего собственника животных после перехода их в собственность другого лица прежний собственник вправе при наличии обстоятельств, свидетельствующих о сохранении к нему привязанности со стороны этих животных или о жестоком либо ином ненадлежащем обращении с ними нового собственника, потребовать их возврата на условиях, определяемых по соглашению с новым собственником, а при недостижении соглашения – судом.

Если привязанность определять, как желание быть с кем-то вместе, проявляющееся с силой привычки, то животное, по мысли законодателя, может вполне адекватно выражать чувство тоски и грусти, свидетельствующие о его расположении (привязанности) к определенному человеку и желании быть с ним, и наоборот, выражать злость и вести себя агрессивно по отношению к лицу, которое обращалось с ним жестоко, не заботилось о нем надлежащим образом или к которому оно еще просто не привыкло.

Если делать вывод по данной норме, то можно сказать, что законодатель признает за животными иметь и проявлять свою волю.

Конечно, нельзя соотносить животное и человека, потому что у животных не такой широкий объем воли, как у людей. Животное не способно распоряжаться имуществом, выражать и отстаивать свою волю и позиции в отношении чего-либо, защищать себя. Следовательно, животное нельзя отнести к субъектам гражданских прав. Но сам факт признания, что животные чувствуют и способны к привыканию, то есть иметь волю, означает, что нельзя домашних животных относить к вещам.

Также необходимо отметить, специфические нормы и законы, введенные законодателем по отношению к животным, что является основанием к отделению животных от остальных объектов гражданских прав.

Например, статья 1137 Гражданского кодекса Российской Федерации, под названием «Завещательное возложение», предполагает возможность поставить обретение имущества в порядке наследования под условие совершения общественно полезного действия. Завещатель волен обязать наследника содержать и заботится о своем домашнем животном [4]. Законодатель не ограничивает наследодателя в степени конкретизации обязанностей наследника по поводу животного. Правила ухода могут содержать пункты касательно питания, выгула, посещения ветеринара и проч. Наследодатель также может поручить надзор за выполнением заранее оговоренного плана мероприятий специализированной компании.

Также необходимо отметить, что в силу того, что в последнее время многие люди указывают животных в своем завещании, наследуя ему определенную сумму денег, законодатель ввиду того, что животные не могут получать наследство, так как не являются субъектом права, ввел норму, благодаря которой, человек, желающий хорошей жизни своему домашнему животному, может ему её обеспечить. Следовательно, нельзя животное нельзя отнести к объекту гражданских прав, но можно выделить его отдельное положение.

По нашему мнению, необходимо создать определенную категорию объектов гражданского права, к которым должны относиться домашние животные и иные существа, способные иметь чувства, волю, сознание. Это на самом деле будет соответствовать гуманному отношению к животным, наделяя их определенными особенностями в правовом регулировании, а также определении. Мы считаем, относить к вещам институт животных недопустимо, так как это противоречит этическим и логическим нормам. Поэтому, на основании вышесказанного, мы можем вывести свое определение животных. Животные, по нашему мнению, - это особый объект гражданских прав, наделенный способностью чувствовать, испытывать негативные болевые ощущения от внешних раздражителей, имеющие потребности, удовлетворение которых обеспечивает само их существование, а также участвовать в совершении сделок в качестве особой категории объектов в гражданском праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты : учебник / В. А. Белов. – М. : Издательство Юрайт, 2011. – с. 22.
3. Пузевич А. Н. Понятие и признаки животных как объекта гражданского права // Юридическая наука № 4 – 2011. – с. 78.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. - Режим доступа: www.consultant.ru – Дата доступа: 11.12.2018.

УДК 347

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА БЕЗНАДЗОРНЫХ ЖИВОТНЫХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

A.C. СТЕПАНОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

Проводится анализ правового положения безнадзорных животных в зарубежных странах. Исследуются правила содержания домашних животных, правовое регулирование безнадзорных животных в нормах гражданского права зарубежных стран.

Проанализировав законодательство Республики Беларусь, можно увидеть некоторые пробелы в регулировании институтов домашних и безнадзорных животных. Мы считаем, для совершенствования белорусского законодательства необходимо рассмотреть данный институт на практике в зарубежных странах, на основании которых можно сделать выводы о текущих проблемах правового регулирования безнадзорных животных, а также предложить пути их решения.

Во многих странах существует довольно жесткие рамки регулирования положения и содержания животных. Например, в Словении «Закон о защите животных» был дополнен «Положением о приютах», которое непосредственно предписывает каждому муниципалитету организовывать приют для животных, или, если это невозможно, заключить контракт с другой организацией для размещения отказных собак. Также существует акт «Положение о благосостоянии животных», в котором ограничиваются круг лиц, имеющих право владеть домашним животным, их обязанности, а также запрещение оставления без попечения животных. В стране установлена обязательная регистрация собак, которым ветеринарами бесплатно вводится микрочип. Однако данное законодательство разрешает эвтаназию здоровых бездомных животных[1].

В Албании, Армении, Азербайджане и Молдове, напротив, основной мерой по регулированию популяции собак является отстрел. В этих странах число бездомных собак остается неизменным либо растет [2].

В Индии же законодательство не ставит цель избавиться от бездомных животных совсем, потому что в стране даже те собаки, у которых есть хозяева, живут на улицах. Основная цель отлова – борьба с бешенством, а уже во вторую очередь стабилизация численности [3].

Однако есть страны, в которых права животных довольно четко регламентированы и защищены. Например, по отношению к владельцам домашних животных в Швеции действуют строгие правила. Их нельзя оставлять одних и выпускать при прогулке во дворе. Правилами содержания собак установлена ответственность хозяина за физическое состояние питомца. Все щенки должны получать прививку так называемой тройной вакциной.

Правила содержания домашних животных также определяют, что кошки должны получать свою потребность в социальном контакте, необходимый уход за шерстью и здоровьем. Заболевание, серьезная травма и агрессия являются причиной усыпления беспризорных животных[4].

Ситуация с безнадзорными животными довольно положительная. Единственными безнадзорными собаками в Швеции являются свободно гуляющие владельческие собаки, не сопровождаемые владельцем. Безнадзорные собаки в общественных местах изымаются либо бдительными гражданами, либо полицией или инспекторами защиты животных (эквивалент уполномоченного муниципального специалиста по животным).

Полиция может содержать собаку в течение суток перед передачей её в приют для животных на оставшееся время установленного периода передержки (7 дней). Владельцев наказывают штрафом, если их отловленная собака содержалась на протяжении суток и более. Однако большинству владельцев возвращают их собак в течение нескольких часов после отлова, так как собаки очень легко опознаются по татуировке или микрочипу.

Шведский закон требует, чтобы собака была зарегистрирована с четырехмесячного возраста и имела перманентную идентификационную метку. С 2000 года идентификация посредством микрочипа предпочтительнее маркировки с помощью татуировки на ухе [5].

Что касается работы приютов в зарубежных странах, то можно отменить Чехию. Практика работы приютов очень развита, где к заботе о бездомных животных приобщена полиция. Горожане, если видят одинокую собаку, звонят на горячую линию, отчего активизируется служба отлова бездомных животных. Когда животное оказывается в приюте, у него ищут чип или татуировку, по которым можно установить владельца. Если таких нет – на сайте городской полиции размещают фотографии, чтобы подобрать ему нового хозяина. Если же это не работает, то животное остается в приюте, усыпление же в данной стране не проводится. Так же городская полиция имеет два бюджетных приюта для беспризорных животных, как и частные организации в городе.

В Италии за выброшенного на улицу питомца светит штраф в € 10 000, условное наказание или заключение под стражу на год. Кроме законодательно-правовых нюансов проблему бездомных животных решают просвещением: в начальной школе дети учатся обращению с животными вместе с волонтерами зоозащитных организаций. А по всей стране работает «зеленый номер», звонком на который помогают брошенным или пострадавшим в ДТП животным [6].

В законодательстве Франции есть статьи о защите животных, по которым не разрешается бросать и оставлять домашних животных без присмотра. Кодекс законов дал возможность местным властям препятствовать бродяжничеству животных, а также отлавливать их и сопровождать в приемники.

15 апреля 2014 депутаты французского парламента признали животных «живыми существами, наделенными чувствами». Так законодатели откорректировали Гражданский кодекс, гражданское право, который присваивал собакам, кошкам и прочим четвероногим странный статус «движимого имущества» [7].

Также мы считаем необходимым рассмотреть законодательства США и Германии, в которых данный институт, по нашему мнению, достаточно правильно и четко выработан.

В США, чтобы иметь домашнее животное, необходимо получить лицензию. Она платная. Помимо этого, владелец должен уплачивать ежегодный сбор за право на содержание собаки. Для удобства владельцев лицензия может быть оформлена на дому в удобное для них время (соответствующие службы, выдающие лицензии, работают в будние дни в вечернее время, когда у большинства людей заканчивается рабочий день, а также в выходные дни). Плата за лицензию дифференцируется с учетом того, стерилизован ли животное, каков возраст владельца (пенсионеры платят меньше), а для слепых людей сбор за содержание собаки-поводыря отменен. Проверяется, имеет ли владелец достаточные доходы для содержания животного, так как он должен обеспечить ему надлежащие условия содержания, обеспечивающие его физическое и психическое здоровье. Каждое животное должно иметь идентификационный жетон, который владелец приобретает за плату. Собаки должны проходить обучение в специальных школах. Численность животных у одного владельца ограничивается законодательством. В разных штатах она может отличаться, но обычно численность животных, которых может содержать один владелец, составляет не более 3–4 (иногда 6). Если животных больше, владелец должен получить специальную лицензию и организовать питомник.

Основная тяжесть контроля исполнения законодательства в сфере обращения с домашними животными ложится на муниципальные службы контроля животных. При необходимости им оказываются помощь сотрудники полиции (к примеру, когда нужно отловить агрессивное животное и тем более заболевшее бешенством), а также общественных организаций. Любое безнадзорное животное подлежит немедленному отлову. В США есть приюты для животных, в которых постоянно осуществляется их эвтаназия (так как эти приюты должны обеспечивать высокую пропускную способность) и те, в которых эвтаназия не осуществляется (количество мест для животных там ограничено, и владельцы, желающие сдать своих животных в такой приют, вынуждены ждать своей очереди). Бездомных животных из приютов продают по сниженным ценам. Сетью приютов для домашних животных оплата вся страна: существуют государственные, частные приюты (некоммерческие, освобожденные от налогообложения организации, существующие в основном на пожертвования) и приюты с государственным контрактом.

Ввиду того, что почти все отловленные безнадзорные животные довольно быстро подвергаются процедуре эвтаназии, применяются следующие методики для быстрого поиска потерявшегося животного: горячие телефонные линии, а также специальные локальные сетевые программы. Все органы, имеющие полномочия в сфере контроля содержания домашних животных, а также приюты объединены общей локальной сетью и имеют единую базу данных.

За нарушения действующего законодательства введена административная ответственность. Практика выявила эффективность применения штрафных санкций. Максимальный штраф за совершение административного правонарушения в сфере обращения с домашними животными может достигать 5000 долларов.

Также в США ведется статистический учет отловленных, возвращенных владельцам и усыпленных животных.

Что касается Германии, в данном законодательстве действует специальная отрасль права – право домашних животных.

Домашнее животное должно иметь регистрационный номер, который может размещаться на ошейнике или клеймоваться на ухе животного. Также может быть осуществлено микрочипирование. В Германии взимается налог на содержание собак. Годовая сумма выплат составляет 100–150 евро за первое животное и 200–250 за последующих. За содержание бойцовых собак установлен повышенный налог – 615 евро. Владельцы таких животных должны получить специальную лицензию на владение и справку о благонадежности собаки, которую животное получает в результате тестирования. Также владельцы таких собак должны осуществлять обязательное страхование ответственности за причинение этими животными вреда жизни и здоровью людей. Ввоз на территорию Германии и разведение бойцовых собак запрещены. Малоимущие слои населения могут освобождаться от уплаты налога на содержание собаки или получить существенную скидку. За содержание служебных собак налог не взимается. Чем больше численность населения в городе, тем выше плата за содержание собаки.

За выброс животного на улицу или его самостоятельное умерщвление штраф достигает 25000 евро. Профессиональным заводчикам животных предоставляются квоты на разведение животных, превышать которые запрещено.

В Германии создана бесплатная база данных о потерянных животных. Приюты для бездомных животных могут выполнять функцию дома для домашних животных на время отпуска их владельцев. Альтернативные варианты – это зоомагазины, частные пансионаты для животных, так называемые услуги «семейного уюта», фирмы по уходу за животными с выездом на дом. К работе в приютах помимо всех желающих привлекаются солдаты альтернативной службы, школьники и студенты [29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Практика контроля безнадзорных (бездомных) животных в Европе. Словения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.real-ap.ru/node/693>. – Дата доступа: 14.12.2018.
2. Безнадзорные животные за границей [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.sq.com.ua/rus/news>. – Дата доступа: 14.12.2018.
3. Иностранный опыт: Что делать с бездомными собаками [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.the-village.ru>. – Дата доступа: 13.12.2018
4. Содержание собак в Швеции, рекомендации и правила [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://swedenlife.ru/> - Дата доступа: 15.12.2018.
5. Практика контроля безнадзорных (бездомных) животных в Европе. Обзор стратегий контроля популяций в 31 стране | Швеция [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.real-ap.ru/node/694> - Дата доступа: 15.10.2019.
6. Как разные страны решают проблему бездомных животных? [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://34travel.me/post/city-animals> - Дата доступа: 14.12.2018.
7. Кошки и собаки во Франции признаны «живыми существами» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://m.ru.rfi.fr/frantsiya/20140417-koshek-s-sobakami-vo-frantsii-priznali-zhivymiushchestvami> - Дата доступа: 13.12.2018.
8. Филимонова И.В. Правовое регулирование содержания домашних животных: опыт зарубежных стран (на примере Германии и США) // Политика, государство и право. 2014. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politika.sciencedata.ru/2014/12/2139> - Дата доступа: 09.12.2018.

ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Д.Д. СТЕПАНОВА
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматриваются цифровые объекты как элемент гражданских правоотношений. Анализируются понятия: цифровые права, цифровые объекты правоотношений. Обращается внимание на необходимость комплексного правового регулирования цифровых объектов гражданских правоотношений.

В условиях всеобщей информатизации взаимоотношения между людьми претерпевают различные изменения. С момента возникновения интернета и социальных сетей всё чаще возникают правовые вопросы, касающиеся оборота различных объектов современного цифрового общества: токены, криптовалюты, интернет-аккаунты и др. Вследствие таких стремительных процессов государство не успевает создавать необходимую правовую базу для их регулирования. Возникают пробелы в законодательстве. Настоящая статья направлена внести определённую правовую ясность в данную проблему.

Первоначально определим понятие цифровых прав. Такой вид прав понимается в двух значениях: гражданском и в целом. С.А. Грачева, М.Е. Черемесинова рассматривают цифровые права как широкий круг базовых прав, которые могут реализовываться в цифровой среде. Например, к цифровым правам относятся: право на доступ к электронным устройствам и коммуникационным сетям, право на защиту персональных данных, право на информационное самоопределение, право на анонимность, право на забвение, право на свободную передачу и распространение информации [2, с. 57]. Цифровые права понимаются как универсальные права человека, адаптированные к условиям информационного общества.

В гражданском смысле А.А. Карцхия предлагает понимать под цифровым правом совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав [6, с. 36]. Следовательно, отмечается, что такой вид прав распространяется на имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права, права на вещи.

По мнению С.М. Негареша цифровое имущество является более широким понятием и включает, помимо виртуального имущества, также цифровую форму других объектов гражданских прав (например, результатов интеллектуальной деятельности) [9, с. 267].

Дж. Лэмм утверждает, что под цифровым имуществом следует понимать различные интернет данные, аккаунты в социальных сетях и иные записи в Интернете, включая договорное право и право на интеллектуальную собственность. Под данными он предлагает считать электронную почту, текстовые документы, электронные таблицы, изображения, аудиофайлы и фильмы и т.п. [7].

В тоже время Р.К. Митин выделяет ряд объектов, которые напрямую могут относиться к цифровому имуществу: имущество в социальных сетях, игровое, криптовалюты и аккаунты, посредством которых производятся операции [10].

Интересным является тот факт, что под цифровым имуществом возможно понимать различного рода бонусы в сетях магазинов, игровые аккаунты, социальные сети, криптовалюты, токены, бонусы в мобильных сетях и банках и т.д.

Важно понимать, что действующее законодательство Республики Беларусь не даёт чёткого и полного понимания цифровых прав, учитывая их особенности и специфику. В связи с этим в действующих нормативных правовых актах, например, отсутствуют нормы, устанавливающие порядок раздел общей совместной собственности супружеской, в состав которой входит цифровое имущество.

В этом случае становится ясно, что в Республике Беларусь вопросы цифрового имущества при возникновении подобных аспектов в гражданском праве в большинстве случаев остаются без должного внимания, разъяснения и, соответственно, регулирования.

В связи с вышеизложенным становится ясно, что законодателю необходимо оперативно реагировать на появляющиеся изменения.

В статье 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплены следующие виды объектов гражданских прав: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрыта информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага [8]. Это позволяет сделать вывод о том, что в законе не существует правового регулирования цифрового имущества. Неясными остаются вопросы, касающиеся раздела игровых и интернет аккаунтов, бонусов в сетях магазинов и мобильной связи. Следовательно, в вопросах раздела имущества, например, при бракоразводном процессе, существует законодательный пробел, касающийся цифровых прав и имущества.

Таким образом, в Республике Беларусь необходимо правовое регулирование цифровых прав, а также регулирование вопросов цифрового имущества. *Законодательство Республики Беларусь не содержит правовых норм, которые в той или иной степени регулировали бы эту проблематику.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 ноября. 1994 г., N 51-ФЗ : Принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : одобр. Советом Федерации 14 ноябр. 2001 г. : в ред. Фед. Закона от 31 июля 2020 г.
2. Грачева, С.А., Черемисинова, М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав / Грачева С.А., Черемисинова М.Е. – Вестник МГПУ. – №4 (32). – Москва, 2018. – 56 с.
3. Андрюшин, С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России / С.А. Андрюшин. – Банковское дело. – № 2. – Москва, 2018 – 4 с.
4. Вольский, В. Что такое криптовалюта и как ее заработать? [Электронный ресурс] // МТБлог. – Режим доступа: <https://mtblog.mtbank.by/chto-takoe-kriptovalyuta-i-kak-ee-zarabotat-razvernutyj-putevoditel-v-voprosah-i-otvetah>. – Дата доступа: 14.09.2020.
5. Конобеевская, И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И.М. Конобеевская. // Экономика. Управление. Право. – №3. – Саратов, 2019 – 330 с.
6. Кацхия, А.А. Цифровое право как будущее классической цивилистики / А.А. Кацхия // Интеллектуальная собственность, авторское право и смежные права – № 5. – Москва, 2018. – 67 с.
7. Lamm, J. What is Digital Property? [Электронный ресурс] / J. Lamm / Minnesota, 2010.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 17 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 // КонсультантПлюс. Законодательство Республики Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
9. Негареш, С.М. Цифровые активы (цифровое имущество): понятие и перспективы законодательного регулирования / С.М. Негареш // Государство и право в условиях глобализации : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов – Минск, 2020. – 267-268 с.
10. Митин, Р.К. Правовое регулирование виртуального имущества // Р.К. Митин. // Закон и право. – № 5. – Москва, 2020. – 202 с.

РАЗДЕЛ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ, ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ ЦИФРОВЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Д.Д. СТЕПАНОВА
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматривается проблематика раздела общей совместной собственности супружеского, являющегося цифровым имуществом. Изучается зарубежный опыт и предлагается решение существующей проблемы.

Активное развитие информационных технологий, социальных сетей, поисковых систем, «мобильная революция» и повсеместная цифровизация оказывает существенное влияние на право в целом: появляются новые общественные отношения, которые нуждаются в регулировании. Данный тезис справедлив и для проблемы раздела общей совместной собственности супружеского, являющейся цифровым имуществом.

Статья 23 Кодекса о браке и семье гласит, что имущество, нажитое супружескими в период брака, независимо от того, на кого из супружеских оно приобретено либо на кого или кем из супружеских внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью [2]. Супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом, если иное не предусмотрено Брачным договором.

Каким образом определяется доля каждого из супружеских? Статья 24 Кодекса о браке и семье предписывает, что в случае раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супружеских, их доли признаются равными, если иное не предусмотрено Брачным договором. Доля одного из супружеских, в частности, может быть увеличена, если другой супруг уклонился от трудовой деятельности или расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи [2].

Становится видно, что цифровое имущество также не исключает возможности быть предметом раздела между супружескими, а значит должно регулироваться на законодательном уровне. Кодекс о браке и семье регулирует аспект, связанный с разделом имущества, однако на практике раздел цифрового имущества сложен.

При признании равной доли между двумя бывшими супружескими встает другой, не менее важный, вопрос: каким образом будет осуществляться пользование цифровым имуществом? Стоит начать с понимания имущества в вопросе семейного права и какие конкретно моменты будут подвергаться разделу. Статья 26 Кодекса о браке и семье определяет правила определения собственности супружеских: «Имущество, принадлежавшее супружеским до вступления в брак, а также полученное ими в период брака в дар или в порядке наследования, является собственностью каждого из них. Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.д.), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супружеских, признаются имуществом того супружеского, который ими пользовался. Имущество каждого из супружеских может быть признано судом их общей совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супружеских или личного имущества другого супружеского были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция и т.п.), если иное не предусмотрено Брачным договором».

Следует обратить внимание, что Кодекс о браке и семье не закрепляет специальных правил раздела цифрового имущества, например игровые аккаунты или аккаунты в социальных сетях. Однако в Республике Беларусь существует ряд практических примеров, когда основным вопросом является раздел имущества. Суд в своих решениях исходил из действующего законодательства, руководствуясь Гражданским кодексом или Кодексом о браке и семье.

В этом связи интересен опыт Российской Федерации. Согласно так называемому закону о цифровых правах цифровые права могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому на тех же условиях (статья 129 ГК РФ), что и объекты гражданских прав, права на которые которых они удостоверяют, с особенностями, которые устанавливаются настоящим Кодексом и иными законами [3]. Следовательно, порядок владения цифровым имуществом определён в Российской Федерации, что позволяет нам сформировать более чёткое представление о том, какие изменения должны быть внесены в законодательство Республики Беларусь.

С.М. Негареш приводит своё понимание цифрового имущества. Однако прежде он рассматривает виртуальное имущество, куда включает объекты, которые не имеют материальной формы или связи с «реальным» миром, а существуют, к примеру, только на экране компьютера или, другими словами, в виртуальном мире, но при этом имеют ценность [4, с. 267–268]. Важным аспектом является их функциональность лишь в пределах виртуальной системы или сети. Такие объекты не являются частью интеллектуальной собственности, вследствие того, что являются частью компьютерного кода. С его точки зрения

цифровое имущество обладает более широким пониманием, чем виртуальное имущество. С.М. Негареш указывает, что такой вид имущества включает в себя интеллектуальную собственность, он также уделяет большее внимание виртуальному имуществу говоря о том, что законодателю следовало бы обратить внимание на именно этот вид.

Основной проблематикой в Республике Беларусь, вероятно, является новизна появляющихся вопросов относительно цифрового имущества, так как вопросы правового оборота криптовалют, токенов, бонусов, интернет аккаунтов, игровых аккаунтов и т.п. детально не регулируются.

Таким образом, необходимы изменения не только в законодательстве, но и в судебной системе. Должна быть создана единая судебная практическая база, которая позволила бы активно и легально урегулировать возникающие вопросы. Вместе с тем важно понимать, что общество постоянно меняется и вследствие изменений необходимо своевременно реагировать на появляющиеся правоотношения во всех сферах жизни людей. Отсюда ясно, что аспекты цифрового имущества (игровые аккаунты, криптовалюта, бонусы, токены т.п.) нуждаются в правовом регулировании, в т.ч. и с точки зрения раздела такого имущества супругами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой Представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Кодекс о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой Представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 ноября. 1994 г., N 51-ФЗ : Принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : одобр. Советом Федерации 14 ноябр. 2001 г. : в ред. Фед. Закона от 31 июля 2020 г.
4. Негареш, С.М. Цифровые активы (цифровое имущество): понятие и перспективы законодательного регулирования / С.М. Негареш // Государство и право в условиях глобализации : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов – Минск, 2020. – 267-268 с.

ПРОБЛЕМА РЕГЛАМЕНТАЦИИ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ЖИВОТНЫХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КУЛЬТУРНО-ЗРЕЛИЩНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Д.А. ТРОФИМОВА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В настоящей статье поднимается вопрос о необходимости запрета на использование диких животных в культурно-зрелищных мероприятиях, таких как цирки, передвижные и контактные зоопарки, а также дельфинарии. Рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие данные отношения в Республике Беларусь. Автор предлагает внести изменения в белорусское законодательство, а так же пути повышения экологического сознания населения.

Действующее законодательство не имеет цели сохранения и устойчивого использования биоразнообразия в естественных экологических системах, а также не транслируют ценность гуманного отношения к диким животным. На сегодня в нашей стране урегулировано законодательство, касающееся вопросов обращения с представителями животного мира. Так, в Республике Беларусь действует Закон Республики Беларусь № 241-З от 10.01.2011 «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования хозяйственного судопроизводства», который дополнил Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) статьёй 339-1 об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными [1; 2]. Однако вопросы содержания зверей и птиц в цирках, контактных и передвижных зоопарках остаются открытыми. Отметим, в Республике Беларусь действует Закон Республики Беларусь №257-З от 10.07.2007 «О животном мире», однако на сегодняшний день он не регулирует содержание зверей в цирке [3]. На наш взгляд, данные вопросы должны решаться на законодательном уровне, поскольку животный мир имеет достаточно важное значение среди белорусского народа. Данная проблема может решиться путём внесения поправок или разработки отдельного закона «Об обращении или благополучии животных».

Помимо Закона Республики Беларусь «О животном мире», правовое положение животных в цирках регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 февраля 2007 г. №16 «Об установлении требований к содержанию и (или) разведению диких животных в неволе, а также к проведению вселения (включая расселение), интродукции, реинтродукции, акклиматизации, скрещивания диких животных и требований к форме и содержанию биологического обоснования вселения диких животных в угодья» [4]. Данное постановление устанавливает требования к содержанию животных вне естественной среды, но не регулирует общественные отношения, складывающиеся в данной деятельности между человеком и животным. На основании чего считаем целесообразным пересмотреть законодателю данный нормативный правовой акт, с целью добавления норм, регулирующих такие правоотношения.

Мировые тенденции с проявлением гуманности и порицанием жестокого обращения способствуют повсеместному запрету на использование диких животных в цирках. Ограничения сегодня установлены в более чем 50 странах мира. Кроме того, локальные запреты принимают отдельные муниципалитеты. Беларусь, как страна, которая взяла на себя международные обязательства по охране животных, а также как демократическое государство, в котором действует верховенство закона, не может осуществлять своё развитие без внедрения принципов гуманного отношения к животным и защиты их от жестокого обращения. А это подразумевает прекращение их содержания в ненадлежащих условиях, избиение, запугивание и тому подобное. Из анализа опыта и условий применения диких животных в цирках, наиболее целесообразным является принятие запрета на их использование в контактных и передвижных зоопарках, стационарных цирках и дельфинариях.

Посещая стационарные цирки и передвижные цирки-шапито, зрители зачастую видят диких и редких животных из других стран и континентов мира, выполняющих различные трюки, на шоу также существует возможность сфотографироваться с ними. Цирки, в свою очередь, активно привлекают животных, поскольку это значительно влияет на посещаемость шоу и увеличивает объёмы выручки от проданных билетов. Они обосновывают это просветительскими целями: доносят информацию о животных и их поведении до посетителей. В то же время негативная реакция публики связана в первую очередь с принуждением животных в цирках к выполнению трюков, применением к ним жестоких методов дрессировки, содержанием их в ненадлежащих условиях, а также с существующей угрозой нападения на людей. Кроме того, большинство представителей флоры и фауны, использующихся в цирках, были изъяты из их природной среды, что является потерей для экосистем. Само же привлечение к шоу редких видов животных не позволяет сохранить и воспроизвести эти виды. В связи с вышеизложенными аргументами, считаем целесообразным установить запрет на использование диких животных с целью получения прибыли. Данная мера имеет перспективу реализации только в случае правового закрепления в нормативных правовых актах Республики Беларусь.

В постановлении Минприроды № 16 прописаны нормы по содержанию диких животных, которые также требуют пересмотра для создания более гуманных условий, приближенных к естественной среде обитания вида, ментальным и физическим потребностям, адаптируя международные стандарты.

Рассмотрим немало важный вопрос, а именно какого же судьба диких животных после запрета использования их в цирках. Необходимо установить переходный период ввода в действие данного решения для того, чтобы владельцы или пользователи животных, привлекаемых к цирковым представлениям, могли обеспечить питомцам надлежащие условия содержания или переместить их в максимально приближенные к естественным условия (зоопарки, реабилитационные центры) и др. Кроме того, такие реабилитационные центры, эколого-натуралистические центры, зоопарки могут стать альтернативой для ознакомления с природными особенностями животных. В то же время сам по себе запрет на использование диких животных в цирках не приведёт к немедленному прекращению их эксплуатации, исчезновению спроса на посещение таких представлений. Именно поэтому необходимо повышать экологическое сознание населения.

К сожалению, часть посетителей не задумывается о том, в каких условиях содержат животных и что происходит с ними за кулисами. Люди не осознают в полной мере необходимость сохранения природного ареала обитания диких животных и запрета на их содержание в неволе. Поэтому отношение к животным, в частности диким, часто является негуманным, а в отдельных случаях – жестоким.

На наш взгляд, повышение экологического сознания населения возможно путём:

- 1) проведения просветительских мероприятий,
- 2) распространения информации среди широкого круга лиц о важности сохранения природных условий обитания диких животных и их пребывания на свободе.

Внедрение такого решения приведёт к уменьшению посещений представлений с участием диких животных и, как следствие, сокращению случаев жестокого обращения с ними.

Таким образом, учитывая выше приведённый анализ, мы предлагаем принять запрет на использование диких животных в передвижных и контактных зоопарках, дельфинариях и стационарных цирках. Это позволит остановить жестокое и негуманное обращение с животными, использующимися для получения прибыли. А также, необходимо сосредоточиться на образовательных мероприятиях для повышения экологического сознания населения без посещения шоу с привлечением диких животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования хозяйственного судопроизводства [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 января 2011 г., № 241-З : с изм., внес. в соответствии с Законом Республики Беларусь от 06.11.2014 г. // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июл. 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июн. 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
3. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-З : с изм., внес. в соответствии с Законом Республики Беларусь от 18.06.2019 г. // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
4. Об установлении требований к содержанию и (или) разведению диких животных в неволе, а также к проведению вселения (включая расселение), интродукции, реинтродукции, акклиматизации, скрещивания диких животных и требований к форме и содержанию биологического обоснования вселения диких животных в угодья [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 27 февраля 2007 г., № 16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Д.А. ТРОФИМОВА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В настоящей статье рассматривается правовой статус животных в Республике Беларусь. Автор, путем выделения особенностей разграничивает «животно» от иных объектов гражданских прав. А также предлагает выделять животных среди других объектов гражданского права с созданием для них особенного правового режима, в рамках которого закреплялся бы особый порядок обращения с животными.

На сегодняшний день в Гражданском Кодексе Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) предусмотрены ряд норм, регулирующих правовой статус животных. Это ст. 137 ГК Республики Беларусь, закрепляющая общие положения о применение к животным правил об имуществе. Нормы, регулирующие приобретение права собственности на безнадзорных животных (ст.ст.231, 232, 233 ГК Республики Беларусь). Так же законодатель определил специальный способ «выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними» (ст. 242 ГК Республики Беларусь). Помимо данных норм, Гражданским Кодексом закреплено, что животное может быть предметом возложения, что выражается в содержание принадлежавших наследодателю животных, надзор и уход за ними (ст.1055 ГК Республики Беларусь) [1].

Как известно, большое значение для правильного понимания и применения закона имеет закрепление в нем понятий, позволяющих обеспечить единообразный подход к регулированию однотипных отношений. Отметим, что ни в Гражданском Кодексе, ни в иных нормативно-правовых актах не дано определение понятию животное. На наш взгляд, это является значительным пробелом в законодательстве Республики Беларусь, как правовом государстве. В связи с отсутствием закрепленного понятия, возникает вопрос куда обращаться правопримениителю при возникновении частных случаев: толковому словарю или же «биологическим» источникам.

Отметим также, что из анализа белорусского законодательства, традиционно выделяют такие виды животных как:

- 1) безнадзорные;
- 2) домашние;
- 3) дикие.

Обратимся к проекту Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными», который определяет правовые основы обращения с животными, направлен на обеспечение безопасности, иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными, защиту животных от жестокого обращения, утверждение принципов гуманности в обществе и укрепление его нравственного состояния. Отметим, что данный законопроект с 2014 года до настоящего времени не одобрен депутатами Национального собрания Республики Беларусь. Все же, он также не дает определения понятию «животное», однако в нем прописаны разделения животных на восемь категорий, а именно [2]:

- 1) безнадзорные животные;
- 2) животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях;
- 3) животные-компаньоны;
- 4) изъятые животные;
- 5) лабораторные животные;
- 6) отказные животные;
- 7) сельскохозяйственные животные;
- 8) служебные животные.

Вернемся к ст. 137 ГК Республики Беларусь, в соответствии с которой к животным используются правила об имуществе. В данной норме закреплено: «поскольку иное не установлено законодательством и не вытекает из особенностей этого объекта» [1]. Таким образом, законодатель подчеркнул, что животное является предметом, поскольку оно не имеет свойственных особенностей, которые бы подтверждали обратное.

Обратимся к филологическому толкованию понятия «животное». Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, под животным понимается живой организм, существо, обладающее способностью двигаться, и питающиеся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями [3]. В юридической энциклопедии к животным относятся все представители зоологического подтипа позвоночных животных, а также беспозвоночных, обладающих развитой нервной системой, способных испытывать чувство боли.

Из всех вышеизложенных вариантов определения понятию «животное», можно выделить следующее характерные признаки, которые являются той особенностью, что отличает их от иных объектов гражданских прав:

- 1) животные – это живые существа. Они имеют свою душу, в то время как прочие объекты в гражданском праве являются вещью, т.е. не одушевленными предметами;

2) способность животного испытывать чувства, руководствуясь которыми они могут проявлять свою волю. В действующем гражданском законодательстве за животными признается способность иметь волю и проявлять ее. Ярким подтверждением служит тот факт, что в случае явки прежнего собственника животных после перехода их в собственность другого лица прежний собственник вправе при наличии обстоятельств, свидетельствующих о сохранении к нему привязанности со стороны этих животных или о жестоком либо ином ненадлежащем обращении с ними нового собственника, потребовать их возврата на условиях, определяемых по соглашению с новым собственником, а при не достижении соглашения – судом.(ст. 232 ГК Республики Беларусь). Если привязанность определить как желание быть с кем-то, проявляющееся с силой привычки, то животное, по мысли законодателя, может выражать чувства тоски и грусти, свидетельствующие о его расположении к определенному человеку и желании быть с ним, а наоборот выказывать злость и вести себя агрессивно по отношению к лицу, которое обращалось с ним жестоко, не заботилось о нем;

3) необходимость животного в питании, без которого спустя небольшой промежуток времени наступит гибель животного. Такая особенность говорит о необходимости особого с ним обращения;

4) еще одной индивидуализирующей чертой, на наш взгляд, характерной только для данного объекта гражданского права, является имя животного – кличка. Как известно, вещам не принято давать имена, поскольку имя предназначено для общения и это абсолютно бесполезно по отношению к неодушевленному предмету. Именно имя выделяет животного и придает ему особую значимость по сравнению с другими, закрепленными в ГК Республики Беларусь, видами имущества.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимым выделить животных среди других объектов гражданского права с созданием для них особенного правового режима, в рамках которого закреплялся бы особый порядок обращения с животными, а также особые условия заключения сделок, где предметом выступают животные. А также закреплялся бы особый порядок наступления ответственности за гибель животного, наступившей вследствие нарушения положений, предусмотренных в ГК Республики Беларусь. На наш взгляд, необходимо вывести порядок обращения с животными в отдельный раздел объектов гражданских прав. Хоть такая мера является не столько правовой, сколько нравственной, но на наш взгляд она решает многие пробелы и коллизии в белорусском законодательстве, например такой вопрос как несмотря на то, что к животным применяются правила об имуществу, при наступлении ответственности за жестокое обращение с животными (ст. 15.45 КоАП Республики Беларусь, ст. 339-1 УК Республики Беларусь) данные составы дополнительной квалификации по ст. 218 УК Республики Беларусь или ст. 10.9 КоАП Республики Беларусь (ответственность за умышленное уничтожение либо повреждение имущества) не требует [4; 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : текст Кодекса по состоянию от 4 мая 2019 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
2. Проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cane-corso.by/> – Дата доступа: 23.06.2020;
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. – М.: Мир и образование, 2014. – 1376 с.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 21 апреля 2003 г.: принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.: Одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. (ред. от 18.12.2019) // КонсультантПлюс: Беларусь. [Электронный ресурс]. – Минск, 2020;
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию от 11 окт. 2019 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ДЕТСКОГО ТРУДА

П.С. УРБАН

(Представлено: магистр юридических наук, К.Д. САВИЦКАЯ)

Проблема детского труда признается глобальной и важной для обсуждения во всем мировом сообществе. Однако не весь труд детей имеет негативный характер и не вся работа, выполняемая детьми, входит в понятие детского труда. В статье изучено понятие детского труда и его формы, проанализировано понятие «опасная работа» применительно к детскому труду.

На сегодняшний день глобальной проблемой во всем мире является детский труд. Международным сообществом было принято большое количество международных важных документов, государства-члены которых взяли на себя обязательство по искоренению этой проблемы, а также должны сами не прибегать к использованию детского труда. Во многих государствах на национальном уровне закреплен запрет на использование детского труда. Несмотря на все принятые меры, в настоящее время данная проблема все еще имеет глобальный характер.

Стоит обратить внимание на тот факт, что использование термина «детский труд» в мировом сообществе как носит негативный характер и считается незаконным. Не существует единого определения понятия «детский труд», также как и единого перечня недопустимых форм труда, выполняемыми детьми.

Международные организации, государства при обсуждении проблемы детского труда сходятся на том, что понятие «детский труд» относится к детям, которые вынуждены заниматься детским трудом, они лишаются возможности на детство и нормальное будущее. Эти дети вынуждены работать на протяжении длительного времени, в слишком раннем возрасте, получать минимальную плату за свой труд. Они работают в условиях, вредных для их здоровья, физического и умственного развития, оторваны от семей или лишены возможности получить образование. Такой труд может нанести непоправимый вред ребенку, он осуществляется в нарушение международного права и, как правило, национального законодательства.

Исходя из того, что мировое сообщество подразумевает под проблемой детского труда, можно сделать вывод, что под «детским трудом» понимается работа, которая наносит вред здоровью и полноценному развитию детей, несет определенную опасность для них, может помешать их образованию, нанести им психический, социальный, психологический и физический вред.

Международная организация труда обращает внимание на то, что не весь детский труд, может наносить им вред. Большинство детей с самого раннего возраста помогают своим семьям с домашними обязанностями, некоторые оказывают родителям помощь на семейном предприятии или ферме. По мере того, как дети взрослеют, их привлекают к легкой работе или традиционному ремеслу. Вся эта работа, которая не влияет на здоровье и развитие детей, а также не препятствует получению образования, обычно считается положительным явлением. Ведь дети смогут приобрести определенные полезные навыки, которые пригодятся им в будущем, не только как работникам, но и как достойным членам общества. При выполнении легкой работы, дети учатся брать на себя ответственность и начинают гордиться своими достижениями. Такой труд не защищен от опасностей, но он не относится к тому, что вообще понимается под детским трудом. При соответствующем контроле такой труд может являться естественной частью процесса развития детей и их интеграции в социальную жизнь.

Важно отличать понятие «детский труд» и работу, выполняемую детьми. Тот труд, который считается приемлемым для выполнения детьми, не входит в понятие «детский труд». Для определения работы, которая не наносит вред ребенку, а иногда может быть и полезна для развития и социализации ребенка, в мировом сообществе говорят о работе, выполняемой детьми.

Детский труд, которые обсуждается всем мировым сообществом, можно подразделить на следующие категории:

- наихудшие формы детского труда;
- работа детей, которые не достигли минимального возраста поступления на работу в соответствии с национальным законодательством и международными нормами, в особенности с Конвенцией №138 о минимальном возрасте при приеме на работу;
- опасная работа для здоровья, жизни и развития ребенка [1].

Наихудшие формы детского были закреплены в Конвенции №182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, принятой Международной организацией труда в 1999 году.

В соответствии с данной Конвенцией такой термин, как «наихудшие формы детского труда» включает в себя:

- 1) все формы рабства или практику, сходную с рабством, как, например, продажа детей и торговля ими, долговая кабала и крепостная зависимость, а также принудительный или обязательный труд, в том числе принудительную или обязательную вербовку детей для использования их в вооруженных конфликтах;

2) использование, вербовку или предложение ребенка для занятия проституцией, для производства порнографической продукции или для порнографических представлений;

3) использование, вербовку или предложение ребенка для занятия противоправной деятельностью, в частности для производства и продажи наркотиков, как они определены в соответствующих международных договорах;

4) работу, которая по своему характеру или условиям, в которых она выполняется, может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей [2].

Минимальный возраст для приема на работу установлен Конвенцией МОТ №138. Данная Конвенция устанавливает:

– минимальный возраст для поступления на работу не должен быть ниже минимального возраста завершения обязательного школьного обучения, и в любом случае не может быть ниже пятнадцати лет;

– в странах, где наблюдается недостаточный уровень развития образования и экономики, может быть установлен минимальный возраст, равный четырнадцати годам;

– более высокий минимальный возраст в размере восемнадцати лет установлен для опасной работы, «которая по ее характеру или в силу обстоятельств, в которых она осуществляется, может нанести ущерб здоровью, безопасности труда или нравственности подростка». Определение видов такой работы оставлено на усмотрение государств после проведения консультаций с организациями работодателей и работников;

– национальным законодательством или правилами может допускаться прием на работу по найму или на другую работу лиц в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет для легкой работы, при условии, что эта работа не будет наносить ущерб здоровью и развитию ребенка, а также не будет препятствовать получению образованию [3].

К опасному детскому труду относится та работа, которая связана с присутствием опасности и риска на рабочем месте (работа на хлопковых полях, на вредных химических предприятиях), а также с условиями работы (работа в ночное время) [4].

Является ли такой труд опасным для ребенка или нет, полностью зависит от обстоятельств, задач и видов деятельности. Та работа, которая представляет опасность для взрослых, определенно считается опасной и для детей. Однако дети являются более уязвимыми, так как они находятся на стадии физического и умственного развития. Дети часто являются более целеустремленными, желают выполнить работу хорошо, но не имеют опыта и подготовки для преодоления опасностей. Инструменты и оборудование сделаны не для них и, следовательно, создают больше опасностей. Все эти факторы способствуют тому, что одна и та же задача, выполняемая детьми и взрослыми, может быть более опасной для детей, чем для взрослых. Последствия опасного детского труда могут варьироваться от заболеваний дыхательных путей, кожных покровов и вплоть до смертельных травм. Результатом опасного детского труда могут быть не только физические, но и психические и поведенческие проблемы.

Установление форм детского труда является необходимым для дальнейшей борьбы с этой проблемой. Основная проблема по выявлению и закреплению форм детского труда заключается в постоянном их изменении, деформации, адаптации к созданным методам противодействия данной проблеме, а так же в том, что многие формы детского труда крайне тяжело выявить.

Такое явление как детский труд является крайне распространенным во всем мире. Для всего мирового сообщества должно быть в приоритете, обеспечение детей достойным детством, что в будущем поможет им стать полноценными членами общества. Привлечение детей к работе, которая разрушает их чувство собственного достоинства, пагубно влияет на их здоровье, нравственность и лишает их возможности получить образование, серьезно подрывает экономическую жизнеспособность общества и долгосрочные перспективы его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Определение: что такое детский труд и его наихудшие формы [Электронный ресурс] / Международная организация труда. – Режим доступа: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/child-labour/WCMS_188002/lang--ru/index.htm. – Дата доступа: 10.05.2020.
2. Конвенция Международной организации труда о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [Электронный ресурс]: [заключена в г. Женеве 01.06.1999 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. Конвенция Международной Организации Труда о минимальном возрасте [Электронный ресурс]: [заключена в г. Женеве 19.06.1976 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
4. Опасный детский труд [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <https://www.who.int/ceh/risks/labour/tu/>. – Дата доступа: 10.05.2020.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕТСКОГО ТРУДА

П.С. УРБАН

(Представлено: магистр юридических наук, К.Д. САВИЦКАЯ)

На сегодняшний день проблема детского труда признается глобальной всем мировым сообществом. В статье изучены международные документы, принятые международными организациями, которые регулируют вопросы детского труда.

Международные организации на протяжении всего своего существования уделяли большое внимание проблеме детского труда. Несмотря на то, что было принято уже достаточно международных документов, которые направлены на искоренение детского труда, данная проблема все еще существует как в развивающихся, так и в развитых странах.

После окончания Второй мировой войны за противодействие многим глобальным проблемам, в том числе и попытки искоренить детский труд взялась Организация Объединенных Наций.

Дети, их права и благополучие всегда находились в центре внимания в ООН с самого начала работы данной организации. Одним из первых актов Генеральной Ассамблеи было образование Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), который и сегодня является главным механизмом международной помощи детям.

Одним из самых первых документов, который был направлен на защиту прав детей, является Конвенция о правах ребенка, подписанная Генеральной Ассамблейой Организации Объединенных Наций от 20 ноября 1989 года [1].

Запрет на трудовую эксплуатацию детей предусмотрен данной Конвенцией в ст. 32: «Ребенок имеет право на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования, либо наносить ущерб его здоровью и развитию». А именно в трудовой эксплуатации детей нарушается право ребенка на образование, наносится ущерб его здоровью и развитию.

В соответствии с этой Конвенцией ребенок имеет огромное количество прав. К ним можно отнести такие права: на отдых и досуг, участвовать в играх и развлекательных мероприятиях и свободно участвовать в культурной жизни и заниматься искусством; право на образование; на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития; на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и др. Однако всех этих прав его лишает такая проблема, как детский труд.

Конвенция о правах ребенка получила самое широкое международное признание из всех документов по правам человека: ее ратифицировали все страны мира за исключением двух. Конвенция объединяет весь спектр прав человека – гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав – относящихся к детям в одном документе.

Также значительную роль в защите прав детей сыграл такой документ, как Декларация прав ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 20 ноября 1959 года. Документ провозглашает десять социальных и правовых принципов, касающихся защиты и благополучия детей на международном уровне.

Задача ребенка от всякого рода трудовой эксплуатации выражается в данной Декларации: «Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации. Он не должен быть объектом торговли в какой бы то ни было форме. Ребенок не должен приниматься на работу до достижения надлежащего возрастного минимума; ему ни в коем случае не должны поручаться или разрешаться работа или занятие, которые были бы вредны для его здоровья или образования или препятствовали его физическому, умственному или нравственному развитию». Данный принцип запрещает любую эксплуатацию ребенка, в том числе и трудовую, и является одним из основополагающих в Декларации прав ребенка [2].

Также вопросами решения проблемы детского труда занимается Международная организация труда. Данной организацией было разработано специальное пособие, которое должно помочь всем лицам, занятым в сфере инспекции труда выявлять детский труд.

В данном пособии говорится о важной роли инспекторов труда в борьбе с детским трудом, предлагаются возможные пути решения данной проблемы в государственных предприятиях, учреждениях, неформальном секторе, сельском хозяйстве и других сферах деятельности. Оно также обеспечивает инспекторов труда информацией, необходимой для понимания проблемы и принятия мер против использования детского труда, который представляет опасность и ставит под угрозу будущее детей, предоставляет методологические инструменты, которые будут полезны для оценки проблем детского труда. Данное пособие учит инспекторов выявлять примеры плохого обращения с детьми и опасности, которой они подвергаются, а также оценивать конкретную ситуацию и действия, необходимые для принятия эффективных решений.

В 1988 году Международная организация труда приняла Декларацию об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации, в которой указаны основные принципы борьбы с принудительным трудом и единственного запрещения детского труда. Также отмечается, что детский труд занимает одно из лидирующих мест из всех существующих форм торговли людьми.

В дополнение, в данной декларации в ст.3 МОТ обязалась оказывать своим государствам-членам содействие в удовлетворении установленных и высказанных ими нужд, используя в полной мере для достижения этих целей все свои уставные, практические и бюджетные ресурсы, в том числе посредством привлечения внешних ресурсов и поддержки, а также поощряя другие международные организации [3].

Международной организацией труда были приняты несколько основных конвенций, связанных с вопросами принудительного детского труда, – Конвенция о принудительном и обязательном труде, Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, Конвенция о минимальном возрасте.

Основные положения Конвенции о принудительном и обязательном труде содержат в себе понятие принудительного труда, работу, не относящуюся к принудительному труду, основные принципы, вопросы, ряд предложений [4].

В 1992 году Международная организация труда приняла решения о начале осуществления Международной Программы по искоренению детского труда (ИПЕК) для оказания необходимой технической и политической помощи странам в борьбе с детским трудом. Благодаря ИПЕК вопросы по искоренению детского труда приобрели приоритет среди всех других мировых проблем.

Позже, данная деятельность привела к принятию Конвенции «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» принятой на 87-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда, Женева, 1 июня 1999 года. Данная Конвенции описывает наихудшие формы детского труда и в ч. 2 ст. 7 обязует все государства-члены принять меры, которые будут направлены на:

- недопущение вовлечения детей в наихудшие формы детского труда;
- оказание необходимого и должно прямого содействия для прекращения занятия детей наихудшими формами детского труда, а также их реабилитации и социальной интеграции;
- предоставление всем детям, освобожденным от наихудших форм детского труда, доступа к бесплатному базовому образованию, а также по мере возможности и необходимости к профессионально-технической подготовке;
- выявление и охват детей, находящихся в особо уязвимом положении;
- учет особенностей положения девочек [5].

Утвержденная в 1973 году Конвенция о минимальном возрасте устанавливает минимальный возраст для приема на работу, а также в ней говорится о том, что каждое государство, для которого настоящая Конвенция находится в силе, обязуется осуществлять национальную политику, имеющую целью обеспечить эффективное упразднение детского труда и постепенное повышение минимального возраста для приема на работу до уровня, соответствующего наиболее полному физическому и умственному развитию подростков [6].

Одним из достижением является то, что Международная организация труда учредила Всемирный день борьбы с детским трудом в 2002 году. Его цель – привлечь внимание к этой проблеме и необходимости мер по ее ликвидации. Каждый год 12 июня правительства, организации работодателей и работников, представители гражданского общества, а также миллионы людей по всему миру объединяют свои усилия по борьбе с детским трудом.

Такое явление как детский труд нарушает многие права ребенка и носит глобальный характер. Для того, чтобы ему противодействовать необходимы усилия всего мира и таких крупных организаций, как Организация Объединенных Наций, Международная организация труда и другие. Эти организации продолжают вносить большой вклад в борьбу с детским трудом, и одной из их целей является искоренение данной проблемы во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка [Электронный ресурс]: [заключена 20.11.1989 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. Женевская декларация прав ребенка [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
4. Конвенция Международной Организации Труда о принудительном или обязательном труде [Электронный ресурс]: [заключена в г. Женеве 28.06.1930 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
5. Конвенция Международной организации труда о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [Электронный ресурс]: [заключена в г. Женеве 01.06.1999 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
6. Конвенция Международной Организации Труда о минимальном возрасте [Электронный ресурс]: [заключена в г. Женеве 19.06.1976 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

K.B. ХАМЕНОК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО)

Институт интеллектуальной собственности в Республике Беларусь включает две относительно самостоятельных составных части: институт авторского права и смежных прав и институт права промышленной собственности. Основным отличием между ними является система охраны прав. В данной статье мы рассмотрим роль и права интеллектуальной собственности в фармацевтической промышленности. Также, мы затронем понятие о товарном знаке в данной сфере.

Фармацевтика является одной из наиболее важных отраслей промышленности, зависящих от надежности охраны прав интеллектуальной собственности. Согласно статистике исполнительного директора ассоциации «Фармацевтические инновации» (InPharma) В. Кукава, на создание одного лекарственного препарата может уйти порядка 13–14 лет. Что касается финансовой стороны, то для этого потребуется до 2 млрд долларов США. Однако разработка эффективных лекарственных средств и их выход на рынок возможны только при условии защиты прав интеллектуальной собственности [1].

Несмотря на нарушение прав в сфере интеллектуальной собственности, производители оригинальных лекарств продолжают вкладывать средства в разработку новых лекарств более быстрыми темпами. Объем инвестиций также прямо пропорционален уровню доверия и, соответственно, уровню защиты интеллектуальной собственности.

Очевидно, что если по формуле «рост фармацевтической промышленности = доверие к интеллектуальным инвестициям» уровень защиты интеллектуальной собственности будет стремиться к нулю, то рост фармацевтической промышленности замедлится.

Ресурсы международных фармацевтических компаний не бесконечны. Как минимум, объем инвестиций в локализацию инновационного лекарственного производства сократится в тех странах, где проблемы в защите интеллектуальной собственности становятся все шире.

Инновационные западные фармацевтические компании, стремящиеся вывести свои новые продукты на российский рынок, часто сталкиваются с нарушениями своих прав и существующих патентов. Российское законодательство, в свою очередь, не запрещает регистрировать препараты-копии инновационных препаратов, которые защищены патентом. Но в результате, компании, производящие копировальные препараты, нарушают права интеллектуальной собственности тех, кто владеет патентом. Если вы считаете, что нарушили ваши права, можете обратиться в суд. Однако на самом деле судебные дела в области фармацевтики делятся не более двух лет. Производители фармацевтической продукции тратят время и немалые деньги, хотя производство лекарств не прекращается на время проведения разбирательств.

Что касается Республики Беларусь, согласно ст. 8 Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» от 20 июля 2006 г. № 161-З, все лекарственные средства, используемые на нашей территории, должны быть зарегистрированы в соответствующем уполномоченном органе [2]. Этот орган ведет государственный реестр лекарственных средств. В Республике Беларусь таким органом является РУП «Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении».

Например, Россия, по объему инвестиций в исследования и разработки инновационных лекарственных препаратов, значительно отстает от ведущих стран мира. «Если Соединенные Штаты ежегодно инвестируют в свои исследования и разработки до 40 миллиардов долларов США, то в России эти суммы составляют всего около 60 миллионов долларов США», – говорит Н. Белозерцева, директор по правам и регуляторным вопросам InPharma [3].

Согласно Большой медицинской энциклопедии: «Фармацевтическая промышленность – это отрасль экономики, сочетающая в себе производство лекарственных средств и лечебно-профилактических средств». Исходя из этого, если рассматривать интеллектуальную собственность в этой сфере, то мы должны рассматривать объекты, которые используются при распространении и производстве лекарственных средств. К ним относятся: изобретения, товарные знаки и промышленные образцы [4].

Когда продукт (в нашем случае фармацевтический продукт) выпускается на коммерческий рынок, для правообладателя наиболее важно отделить и выделить свой продукт. В этом случае наиболее удачным решением является регистрация наименования товара в качестве товарного знака. Это действие, очевидно, уместно, поскольку исключительные права на товарный знак являются абсолютными и оправдывают запрет другим лицам использовать его без разрешения владельца.

В Республике Беларусь действует отдельный Закон «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 5 февраля 1993 года [5]. Регистрация товарного знака в Беларуси осуществляется в «Национальном центре интеллектуальной собственности» (НИПЦ). Товарный знак может принадлежать юридическим или физическим лицам, ассоциациям, союзам или иным объединениям юридических лиц.

Обсуждая важность и место интеллектуальной собственности в фармацевтической промышленности, следует отметить, что регистрация изготовленных лекарственных средств и используемых торговых наименований в качестве объектов интеллектуальной собственности позволяет обеспечить защиту и уникальность прав производителей лекарственных средств. Лекарственное средство является результатом творческого труда человека, а патентование как изобретение допускает исключительный режим использования и обеспечивает монополию на производство лекарственного средства в течение срока действия прав на изобретение. Регистрируя торговое наименование лекарственного средства в качестве товарного знака, производитель обеспечивает защиту от недобросовестных конкурентов, которые могут использовать название лекарственного средства для выпуска поддельных лекарственных средств.

Таким образом, интеллектуальная собственность играет ключевую роль в фармацевтической промышленности, позволяя производственным компаниям обеспечить исключительный характер своих прав и тем самым возместить финансовые затраты, понесенные при разработке и испытании новых лекарственных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная конференция: интернет-портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://inopharma.ru/konferenciya-inopharma/>. – Дата доступа: 10.04.2020.
2. Вопросы защиты прав интеллектуальной собственности: интернет- портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http:// https://www.vidal.ru/novosti/assotsiatsiya-inpharma-ozvuchila-pozitsiyu-vedushhih-innovatsionnyh-farmatsevticheskikh-kompanij-po-voprosam-zashchity-prav-intellektualnoj-sobstvennosti-330/>. – Дата доступа: 10.04.2020.
3. О лекарственных средствах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2006 г. № 161-З : в ред. от 29 июня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Большая Медицинская Энциклопедия : в 35 т. / под ред. А. Н. Бакулева. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978 гг. – Т. 28 (ч. 2). – 256 с.
5. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 февр. 1993 г., № 2181-XII : в ред. от 18 дек. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н.И. ЦАПИН
(Представлено: Т.В. СЕМЁНОВА)

Данная статья посвящена анализу правового режима Белорусской Православной Церкви, в частности вопросам имущественных отношений православной церкви, их регулирования и особенностей.

Белорусская Православная Церковь – главная республиканская религиозная организация, объединяющая под своим началом самое большое количество верующих (около 80%). Так как православная религия в Беларуси является наиболее распространённой, то и не трудным будет сделать вывод о материальном обеспечении организаций данной религии. Наше государство придаёт настолько важную роль Православной церкви, что между ними было заключено «Соглашение о сотрудничестве», согласно которому государство признаёт право церковной юрисдикции на своей канонической территории [1]. В данной работе хотелось бы обратить внимание на имущественную составляющую в деятельности православной церкви.

Каноническое право устанавливает особенный статус для церковного имущества. Но в ходе развития общественных отношений появилась необходимость законодательного регулирования имущественных отношений с участием церкви. Иными словами, церковь, как организация, стала юридическим лицом.

На имущественные отношения православной церкви обращено государственное регулирование с общим для юридических лиц законодательством и каноническое право, которое во многом определяет порядок использования имущества церкви и иные

На сколько Белорусская православная церковь схожа с наиболее распространёнными юридическими лицами?

Действующим законодательством определено, что Религиозные организации являются некоммерческими организациями. Данная норма предусмотрена ч. 2 ст. 32 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» [2] (Далее - Закон). Соответственно, им также присущие все признаки юридического лица.

Статьёй 44 Гражданского кодекса устанавливаются следующие признаки юридического лица:

- наличие в собственности (хозяйственном ведении, оперативном управлении) обособленного имущества;
- самостоятельная ответственность по своим обязательствам;
- может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде;
- государственная регистрация (либо признание государственным актом) [3].

Согласно статье 30 Закона религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное физическими или юридическими лицами или переданное религиозным организациям в собственность государством либо приобретенное другим способом, не противоречащим законодательству Республики Беларусь [2]. Следующий признак находит отражение в п. 4 Устава Белорусской православной церкви (Далее – Устав) – Белорусская Православная Церковь имеет на правах собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в судах. Белорусская Православная Церковь имеет самостоятельный баланс или смету, расчетный счет, бланки, штамп и печать со своим наименованием и символикой в том числе в виде православного восьмиконечного креста [4].

Зачастую, люди думают о религиозных организациях не в том ключе. То есть существует мнение, что церковь не подвергается налогообложению, имущество формируется во многом за счёт пожертвований. Автор хочет внести ясность по поводу двух указанных аспектов. Что касается налогообложения, согласно частям 1 и 2 статьи 16 Закона, Религиозные организации подлежат обязательной государственной регистрации. С момента государственной регистрации религиозная организация приобретает статус юридического лица. Религиозные организации как юридические лица пользуются правами и выполняют обязанности в соответствии с законодательством Республики Беларусь и своими уставами [2]. А одной из обязанностей организаций в Беларуси, независимо от того, коммерческие они или же некоммерческие, является уплата налогов, пошлин и иных платежей. Что касается пожертвований, то и этому есть свои объяснения. В первую очередь объяснение находится в том, что пожертвования осуществляются из-за веры и для веры. Получая какое-либо имущество безвозмездно, церковь не имеет коммерческого интереса, так как это имущество используется в религиозных целях.

Так же согласно данному законодательному акту различные религиозные организации подлежат обязательной государственной регистрации, после которой становятся юридическим лицом.

Но режим собственности церковного имущества обладает некоторыми особенностями и ограничениями, так как имущество церкви служит для общества и преследует определённые цели, исповедующего определённую религию, хотя по общим правилам, юридическое лицо может распоряжаться принадлежащим ему на праве собственности имуществом свободно. Данные положения конкретизируются в Уставе Белорусской православной церкви

Интересным положением Устава является пункт 29, согласно которому на движимое и недвижимое культовое имущество, принадлежащее Белорусской Православной Церкви, не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов, оно не может быть отдаваемо в залог, быть вкладом в предпринимательские структуры или гарантией долговых обязательств [4]. Иными словами, имущество церкви, признаваемое «культурным» не может быть отчуждено у церкви по тем основаниям, по которым, к примеру, коммерческие организации, в обязательном порядке лишаться своего имущества.

Подводя итог, можно сказать, что Белорусская Православная Церковь является субъектом имущественных отношений с рядом особенностей. Проанализировав положения об имуществе церкви, становятся видны отличительные признаки природы церковного имущества, такие как: формирование во многом за счёт пожертвований, в том числе за счёт государственной поддержки, неотчуждаемость имущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью: [Электронный ресурс]. - 2020. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/>. – Дата доступа: 26.09.2020.
2. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-XI: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Гражданский кодекс: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 29 авг. 2020 г. – Минск: Амалфея, 2020. – 83 с.
4. Устав Белорусской Православной Церкви: [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/12535.html>. – Дата доступа: 26.09.2020.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н.И. ЦАПИН
(Представлено: Т.В. СЕМЁНОВА)

Статья посвящена изучению особенностей регулирования трудовых отношений внутри Белорусской Православной Церкви, анализу трудовой деятельности священнослужителей и вопросам правового регулирования трудовых отношений с участием такой категории лиц.

В данной работе хотелось бы обратить внимание на трудовые отношения членов религиозных организаций, регулирование государством отношений такого рода, их нормативную регламентацию на момент написания этой статьи.

Свою историю на белорусских землях православная религия начинает в 998 году, а именно с крещения Руси князем Владимиром. В наше время в Республике Беларусь христианство – самая распространённая религия, исповедует которую около 80% от всех верующих в государстве. О том, насколько распространено православное христианство на территории Беларуси много говорить не приходится. По состоянию на 1 января 2020 года, в Республике Беларусь насчитывается 1709 православных общин [1]. Автор думает, что этот показатель является одним из аргументов в пользу самостоятельного регулирования трудовых отношений лиц, осуществляющих свою деятельность в религиозных организациях, так как при таком количестве общин имеется внушительное количество священнослужителей, права и законные интересы которых должны регулироваться и защищаться в соответствии с действующим законодательством.

Частью 1 статьи 41 Конституции Республики Беларусь установлено, что Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда [2]. Что же касается священнослужителей в нашем государстве? Каковы особенности их трудоустройства в религиозных организациях? Автор считает, что данный аспект подлежит рассмотрению через призму трудового законодательства Республики Беларусь, так как религиозная служба для этих лиц, с юридической точки зрения, основной род деятельности, то и регулирование, защита прав в трудовых отношениях, как считает автор, должны осуществляться в соответствии с законодательством, к содержанию которого имеется ряд вопросов.

В пункте 34 Устава БПЦ указывается на то, что работники и церковнослужители Белорусской Православной Церкви обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка, учитывающего особенности условий труда в православной религиозной организации, на них распространяются нормы трудового законодательства Республики Беларусь [3]. В этом случае логичным видится обратиться к трудовому законодательству и к Трудовому кодексу, в частности. Данный нормативный акт не предусматривает какого-либо отдельного регулирования трудовых отношений священнослужителей.

Что же касается вопроса закрепления за религиозной организацией, то здесь стоит сказать о членстве в соответствующих организациях. Но членство в религиозных организациях не является фиксированным и, что немаловажно, членские взносы.

Объясняется отсутствие контрактной формы найма тем, что эта деятельность слишком специфична, религия, богослужение являются не трудовой деятельностью, а духовной. Религия – мировоззрение и миоощущение, а также соответствующие им поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в сверхъестественное, священнослужитель – лицо, уполномоченное соответствующим религиозным объединением на духовническое, пастырское, проповедническое служение. Такие определения закреплены в статье 1 Закона «О свободе совести и вероисповедании» [4]. По мнению автора, данные понятия в определённой мере дают ответ на вопрос о том, почему священнослужители не трудоустраиваются в религиозных организациях.

Но для объективности анализа тематики исследования стоит сказать, что в церкви есть место и формализованным трудовым отношениям, которые носят договорной характер и напрямую урегулированы нормами законодательства о труде. То есть: официальное оформление, трудовой договор, заработка плата – эти слова можно наблюдать не только в объявлениях при поиске трудоустройства, но и к церкви такие понятия вполне относимы, вот только так оформляются трудовые отношения с иными работниками церкви, выполняющими работы технического характера, продающими предметы (свечи, иконы), литературу религиозного значения и содержания. В статье 34 Закона «О свободе совести и вероисповедании» предусмотрено, что трудовые отношения в религиозных организациях регулируются законодательством

Республики Беларусь о труде. Условия труда, формы, система и размеры его оплаты устанавливаются на основании коллективного договора, соглашения и трудового договора в соответствии с законодательством Республики Беларусь [4].

Как было указано выше, законодательство о труде не содержит подробной регламентации особенностей труда священников. В свою очередь, в соседней для нашего государства Российской Федерации, имела место инициатива, согласно которой, работников общин, приходов и иных организаций обязали заключать трудовые договоры с религиозными организациями. Русская Православная Церковь отрицательно высказалась о данной инициативе. Священнослужители в России, как и в Беларуси, по-прежнему не осуществляют свою деятельность на основании контракта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Религиозные общины в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – 2020. - Режим доступа: <https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshchin-v-respublike-belarus-na-1-yanvarya-2019-g>. – Дата доступа: 26.09.2020.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
3. Устав Белорусской Православной Церкви: [Электронный ресурс]. - 2020. – Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/12535.html>. – Дата доступа: 26.09.2020.
4. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-XI: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

КОНФИСКАЦИЯ IN REM КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

E.P. ЧУДАКОВ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье исследуются конфискация in rem как перспективное средство противодействия коррупции. Рассматриваются международные правовые акты и зарубежный опыт правового регулирования данного вопроса. Делается вывод, что данный вид конфискации становится все более популярным и эффективным инструментом в борьбе с коррупционными проявлениями и их последствиями.

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» понятие коррупции определяется как «умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного» [1].

Коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью – властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению. Главным стимулом к коррупции является возможность получения экономической прибыли, связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором – риск разоблачения и наказания [2, с. 229].

Поэтому одной из основных целей любого государства должна являться разработка перспективных, направленных на опережение действий, связанных с ужесточением сдерживающего фактора.

В первую очередь, такие меры видятся в разработке юридически обоснованных законодательных актов либо дополнений, изменений к существующим, которые бы оперативно вступали в действие на всех уровнях власти и в отношении всех субъектов коррупционных правонарушений.

С 19 июля 2019 г. вступили в силу изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Среди прочих изменений, внесенных в кодекс, значится исключение из системы наказаний такого вида дополнительного наказания как конфискация имущества (статья 61 – исключена) и расширение применения специальной конфискации (статья 46¹ – введена). Насколько эффективным и действенным окажется указанное изменение, покажет правоприменительная практика.

Но согласно принципу конфискации, применяемому в Республике Беларусь, и до, и после изменений, в качестве его центральной фигуры находится лицо, которое совершило преступление, и его уголовная ответственность согласно части 5 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь основывается на принципе личной виновной ответственности, то есть лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные Уголовным кодексом, в отношении которых установлена его вина. И конфискация имущества, приобретенного им вследствие совершения преступления, осуществляется в уголовном порядке (лат. – *in personam*). Иными словами, конфискация *in personam* применяется в отношении конкретного лица в уголовном процессе при вынесении обвинительного приговора, когда доказана вина подсудимого и связь между преступлением и полученным в его результате доходом.

Вместе с тем, в поиске эффективных и действенных мер в борьбе против коррупционных и экономических преступлений все чаще власти различных стран обращаются к конфискации, производимой вне уголовного производства и нацеленной на судебное преследование имущества. Такая конфискация получила название *in rem* (лат. – «против имущества»).

Конфискация *in rem* направлена против собственности, а не против ее владельца. Она сосредотачивается на имуществе, которое не является предметом преступления, но обнаружено у гражданина и имеется достаточные данные полагать, что оно получено им без законных оснований.

Имущество физического лица, во многом превышающее источники его доходов и указывающее на то, что эти блага могли быть нажиты преступным путем, изымается независимо от вины лица, степени его вовлеченности в незаконную деятельность. При этом обязанность по доказыванию законности происхождения имущества ложится на собственника этого имущества.

Конфискация *in rem* осуществляется не в уголовном, а в гражданском порядке. В мировой практике такая конфискация не требует осуждения и не ограничена собственностью виновного, т.е. может применяться и к собственности третьих лиц, например, родственников или соучастников совершенных преступлений.

Главная особенность этого вида конфискации состоит в том, что она используется только в тех случаях, когда невозможно применить уголовную конфискацию. Например, когда:

- преступник скрывается от правосудия;
- преступник скончался до возбуждения дела или умер до вынесения приговора;
- преступник имеет правовой иммунитет, защищающий его от уголовного преследования;
- активы найдены, а преступник неизвестен;
- имущество находится у третьих лиц, которым не предъявлялось обвинение в уголовном преступлении, но они, зная о криминальном происхождении собственности, сознательно игнорируют этот факт.

Гражданская конфискация не рассматривается в качестве альтернативы или замены возбуждения уголовного дела. Бремя доказывания законности приобретения спорного имущества перемещается на его владельца. В этом состоит главное отличие данного вида конфискации от конфискации в уголовном процессе. При наличии разумных оснований для подозрений, что общий размер состояния лица превышает размер его законных доходов, суд вправе потребовать от этого лица представить доказательства того, что его состояние не было получено в результате нарушения законов. Если таких доказательств не будет представлено, имущество конфискуется [3].

Применение правового института возложения обязанности доказывания законности происхождения имущества и доходов на обвиняемого в преступлении на международном уровне впервые было закреплено в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принятой 19 декабря 1988 г. В пункте 7 статьи 5 Конвенции указано, что каждое государство-участник «может рассмотреть возможность обеспечения переноса бремени доказывания законного происхождения предполагаемых доходов или другой собственности, подлежащих конфискации, в той степени, в какой такая мера соответствует принципам ее национального законодательства и характеру судебного и иного разбирательства» [4].

В пункте 7 статьи 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой 15 ноября 2000 г., и пункте 8 статьи 31 Конвенции ООН против коррупции, принятой 31 октября 2003 г., также указано, что «государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует основополагающим принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства» [5; 6].

Статья 20 Конвенции ООН против коррупции предусматривает, что «при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» [6].

Как показывает правоприменительная практика некоторых зарубежных стран, конфискация активов вне уголовного производства является эффективным способом изъятия незаконно приобретенного имущества, особенно, когда конфискация в уголовном порядке невозможна или ее нельзя применить.

Например, в Италии институт гражданской конфискации активно стал внедряться с 1956 г., когда был принят закон «О профилактических мерах против лиц, угрожающих безопасности и общественной нравственности». Этим законом было введено лишение активов вне уголовного судопроизводства как самих мафиози, так и лиц, связанных с мафией. В ходе расследования, направленного на установление и оценку источника доходов или иных активов, в том числе принадлежащих третьим лицам, которым такие активы могли быть переданы, выяснялись все источники доходов и активы ответчика, которые впоследствии арестовывались и конфисковывались, если удавалось установить:

- несоответствие между богатством такого лица и его реальным доходом;
- имелись доказательства того, что активы являлись доходами от преступлений и (или) владелец не мог доказать законность происхождения денежных средств или недвижимого имущества [7].

В 2002 году Парламент Соединенного Королевства Великобритании принял часть 5 Закона «О доходах, полученных преступным путем», состоящую из четырех глав и имеющую наименование «Возвращение доходов, полученных от противоправного поведения, в гражданско-правовом порядке». Она фактически ввела в английское право конфискацию *in rem*. Целями, которые преследуют нормы части 5 указанного закона, являются:

- предоставление возможности исполнительному органу в гражданском судопроизводстве возвратить имущество, которое является или представляет собой имущество, полученное в результате незаконного поведения;

– предоставление возможности конфискации в рамках гражданского судопроизводства наличных денежных средств, которые являются или представляют собой имущество, полученное в результате незаконного поведения или предназначеннное для использования в незаконном поведении.

Также установлено, что полномочия, предоставленные настоящей частью, могут быть осуществлены в отношении любого имущества, независимо от того, было ли возбуждено какое-либо уголовное разбирательство в связи с преступлением, связанным с имуществом, либо нет.

Законодательство Великобритании исходит из того, что доходы от преступлений могут изыматься без вынесения уголовного приговора в тех случаях, когда подозреваемое лицо умерло, покинуло юрисдикцию или когда оно имеет иммунитет от уголовного преследования и (или) гражданского иска. Гражданское производство может быть возбуждено даже тогда, когда производство по возбужденному уголовному делу привело к оправданию обвиняемого [8].

В 2017 г. в стране был принят Закон «О криминальных финансах», в соответствии с которым доказывания легальности происхождения имущества и доходов перенесено на подозреваемых.

Если лицо отказывается от предоставления объяснений по поводу происхождения имущества, то это становится основанием для его конфискации. При этом следует отметить, что для осуществления конфискации Закон не требует установления связи с преступлением. Это значит, что богатство, не соответствующее официальным данным о доходах лица, не преступно само по себе, но может создать основания для конфискации в гражданско-правовом порядке.

К признакам, которые могут послужить основанием для конфискации имущества, относят в первую очередь следующие:

- имущество должно иметь стоимость свыше 50 тысяч фунтов-стерлингов;
- имущество находится во владении соответствующего лица и абсолютно не важно, является ли такое имущество собственностью ответчика, имеют или не имеют иные лица права на данное имущество, поскольку оно может находиться в собственности, например, близкого человека или кого-то из окружения [9].

В США в порядке конфискации *in rem* подлежит следующее имущество:

- любое имущество, связанное со сделкой или попыткой совершения сделки с целью отмывания денежных средств, в том числе путем осуществления незаконных операций по переводу денежных средств;
- любое имущество в пределах юрисдикции США, состоящее из доходов, полученных прямо или косвенно в результате совершения преступления, либо имущества, используемого для содействия в совершении преступления, а также связанное с ними.

Лицо, имеющее интерес в конфискованном имуществе, может использовать один из двух подходов (или оба подхода) к защите от конфискации:

- оспаривание связи имущества с преступлением;
- доказывание собственного статуса в качестве «невиновного владельца», имущество которого не будет конфисковано, даже если Правительство докажет связь имущества с преступлением [8].

На основании гражданского законодательства Норвегии конфискация предусматривает возможность изымать все имущество, если нарушитель не сможет доказать законность его происхождения, причем сама недоступность ответчика для такой конфискации (нахождение в другой стране, неизвестность местонахождения) не является основанием для неприменения конфискации [10]. Данная норма распространяется не только на имущество самого ответчика, но и на имущество его супруги (бывшей или нынешней).

В Австралии система конфискации без вынесения обвинительного приговора прописана в Законе о преступных доходах 2002 г., позволяющем судам издавать приказы о конфискации имущества, если владелец не может доказать его законность происхождения.

Некоторые принципы конфискации имущества *in rem* присутствуют и в законодательстве Гонконга. Самой первой мерой в борьбе с коррупцией стала отмена презумпции невиновности для чиновника. Взамен ее применяется принцип «докажи, что купил имущество не на взятки». Если чиновник не в состоянии доказать, что законным путем получил средства, которые лежат на его заграничных счетах или на которые приобретена его недвижимость и дорогостоящее имущество, то он будет осужден на тюремное заключение на срок до 15 лет лишения свободы. Эту норму законодательства органы власти стали последовательно реализовать с 1974 г. [11].

Таким образом, законодательный опыт зарубежных стран в применении конфискации вне уголовного судопроизводства либо параллельно с ним показывает, что данный вид конфискации становится все более популярным и эффективным инструментом в борьбе с коррупционными проявлениями и их последствиями. Несомненно, правоприменительная практика института *in rem* в каждой конкретной стране носит свои национальные черты, подчинена исторически сложившейся и устоявшейся правовой системе в каждом отдельном государстве, а, следовательно, не лишена определенной трансформации в условиях существующих реалий. Тем не менее, данный институт конфискации должен попасть в поле зрения тех стран,

которые еще не успели рассмотреть его в качестве действенного и эффективного сдерживающего фактора в распространении коррупции, т.к. зачастую опасения лишиться своих активов оценивается как риск, более устрашающий, нежели лишение свободы.

ЛИТЕРАТУРА

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КОНФИСКАЦИИ IN REM

E.P. ЧУДАКОВ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье исследуются перспективы имплементации института конфискации имущества in rem в гражданское законодательство Республики Беларусь как одного из методов борьбы с коррупционными преступлениями. В работе предложена и обоснована примерная правовая модель конфискации in rem, раскрыты принципы данного института.

Коррупция уже достаточно давно приобрела массовый характер и превратилась в проблему, которая затрагивает все сферы жизни человека, причем не только на уровне одного конкретного государства. Она свойственна всем странам, независимо от их политического устройства, уровня развития экономики, образования, географического положения.

Республика Беларусь также не является исключением, поскольку, несмотря на предпринимаемые меры, статистика лиц, осужденных за коррупционные преступления, свидетельствует об их росте. В 2016 г. за совершение преступлений коррупционной направленности осуждено 569 лиц, в 2017 г. – 694, в 2018 г. – 1005, в 2019 г. – 1007 [1].

Поскольку данный вид преступления очень быстро приобретает все новые формы, важно, чтобы также оперативно предпринимались ответные шаги по его предотвращению. Таким шагом может стать внедрение в законодательство страны института конфискации имущества по принципу in rem, обязывающего владельца имущества самостоятельно доказывать в суде законный путь его приобретения. Рассмотрение государством возможности использования такой меры было бы реальным шагом вперед на пути противодействия коррупции.

Отметим тот факт, что определенные признаки конфискации in rem уже присутствуют в законодательстве Республики Беларусь. Так, в статье 36 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» указано, что «после выявления факта явного превышения стоимости принадлежащего лицам, указанным в части первой настоящей статьи, имущества и иных расходов этих лиц над их доходами, полученными из законных источников, руководитель государственного органа, иной организации, должностное лицо, в который (которому) представляются декларации о доходах и имуществе, или должностное лицо налогового органа получают у таких лиц письменные объяснения об источниках доходов, за счет которых приобретено имущество, стоимость которого явно превышает доходы, либо явно превышен расходы над доходами. Если лица, указанные в части первой настоящей статьи, отказываются либо не могут объяснить источники таких доходов либо установлена недостоверность их объяснений, руководитель государственного органа, иной организации, должностное лицо, в который (которому) представляются декларации о доходах и имуществе, или должностное лицо налогового органа в течение десяти дней с момента получения объяснений либо отказа лиц, указанных в части первой настоящей статьи, дать объяснения предлагает этим лицам добровольно передать в доход государства имущество на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, или выплатить его стоимость и сумму иных расходов, явно превышающих подтвержденные доходы».

При отказе лиц, указанных в части первой настоящей статьи, в течение одного месяца со дня предъявления требования добровольно передать в доход государства имущество на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, либо выплатить его стоимость и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, при наличии факта явного превышения стоимости принадлежащего имущества и иных расходов этих лиц над доходами, полученными из законных источников, органы прокуратуры обращаются в суд с иском о безвозмездном изъятии этого имущества или о взыскании его стоимости либо о взыскании иных расходов на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы» [2].

Согласно части 2 статьи 236 Гражданского кодекса Республики Беларусь принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда это производиться по основаниям, предусмотренным законом, а также согласно постановлению суда. И в числе таких оснований значится «безвозмездное изъятие имущества в случаях, предусмотренных законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией» [3].

Здесь следует сделать оговорку о том, что данные законодательные нормы распространяются лишь на отдельные категории государственных должностных лиц:

- на государственных должностных лиц, занимающих ответственное положение;
- на лиц, поступивших на государственную службу путем избрания.

Кроме того, при отсутствии объяснений источников доходов, может быть также изъято имущество у супруга (супруги) указанных государственных должностных лиц; их несовершеннолетних детей, в том

числе усыновленных (удочеренных); совершеннолетних близких родственников, совместно с ними проживающими и ведущими общее хозяйство.

Касаемо иных лиц, если установлены вышеуказанные факты, к ним применяются требования, установленные Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 174-З «О декларировании физическими лицами доходов и имущества по требованию налоговых органов», где в части 6 статьи 11 указано, что «если налоговым органом при осуществлении контроля за соответствием расходов доходам физического лица установлено, что расходы физического лица превышают его доходы, указанные в декларации о доходах и имуществе, либо факт получения дохода не подтверждается, налоговый орган направляет физическому лицу требование о представлении пояснений об источниках доходов» [4].

Если же требуемые пояснения не будут представлены либо они не позволят установить источник доходов (исключить факт несения расходов), доходы физического лица, исчисленные исходя из сумм превышения расходов над доходами, будут подлежать налогообложению в соответствии с законодательными актами.

Учитывая вышесказанное, есть основания полагать, что предпосылки для внедрения конфискации *in rem* в законодательство Республики Беларусь имеются, и правовым полем для него, думается, может стать гражданское судопроизводство.

Такой подход позволит избежать коллизий, которые могут возникнуть при необходимости доказывания законности происхождения имущества собственнику этого имущества в рамках уголовного судопроизводства.

Во-первых, данный подход исключит противоречия со статьей 26 Конституции Республики Беларусь, которая гласит о том, что «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность» [5, с. 8].

Во-вторых, поскольку изъятие имущества будет происходить вне уголовного порядка, не будет затронута, а, следовательно, и не нарушена статья 16 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, в которой указано, что «лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Орган уголовного преследования, суд не вправе перелагать обязанность доказывания на обвиняемого...» [6].

В третьих, не потребуется соблюдения норм и гарантий, определяемых положениями статей 9, 24, 45 вышеуказанного кодекса, которыми определено, что правосудие по уголовным делам в Республике Беларусь осуществляется только судом и никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом; правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты; в производстве по материалам и уголовному делу обязательно участие защитника.

При этом не исключено, что определенного рода противоречия могут возникнуть в применении конфискации *in rem* в рамках гражданского законодательства.

Так, согласно статье 232 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь доказательства собираются и представляются суду заинтересованными в исходе дела лицами. И в данном случае должен действовать принцип, указанный в статье 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь и статье 13 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, основанный на том, что любой участник гражданского судопроизводства предполагается добросовестным, пока не доказано обратное. Но в случае применения конфискации в порядке *in rem* в гражданском правовом поле, согласно которому лицо должно доказывать законное происхождение своего имущества (что оно не имеет отношения к какому-либо преступлению), уже до процесса предполагается некая его недобросовестность, что может вступить в противоречие с указанными выше статьями.

К тому же, положения института *in rem*, обязывающие гражданина доказывать в суде, что его имущество нажито законно, могут повлечь несоблюдение статьи 27 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников» [5, с. 8].

Однако, в данном случае возможно рассуждать и в ином ключе, вероятнее, более правильном. Поскольку конфискация *in rem* предполагает иск не к лицу, а к имуществу, то «действует презумпция неправомерности происхождения вещи, которую (презумпцию) титульный владелец должен процессуально опровергнуть. Отсутствует правовой упрек владельцу: ты украл, верни ворованное; действует иной алгоритм: скорее всего, ты честный человек, следовательно, как законопослушный и честный гражданин расскажи, откуда у тебя появилось имущество, если ты этого не сделаешь, то так и останешься «скорее всего законопослушным гражданином», но без имущества» [7]. Следовательно, тогда вышеуказанные противоречия теряют право на существование.

Несомненно, применение конфискации *in rem* потребует определенных корректировок законодательства, но не существенных, т.к. сама схема процедуры достаточно проста в применении:

1. Прокурор или иной уполномоченный орган (например, налоговый орган, Комитет государственной безопасности, Департамент финансовых расследований и др.) обращается в суд с исковым заявлением о конфискации имущества с обоснованием необходимости её применения.

2. Обязанность доказывания законности происхождения имущества возлагается на его владельца.

3. Владелец представляет факты, подтверждающие источник и легитимность происхождения имущества.

4. Суд принимает решение о конфискации в доход государства имущества физического лица в случае неподтверждения им законности его происхождения либо отказывает прокурору (иному уполномоченному органу) в удовлетворении исковых требований.

В данном случае важно только законодательно отработать эту схему для внедрения процедуры в правовое поле страны. И первоочередная задача состоит в определении принципов применения института конфискации *in rem* в белорусском гражданском законодательстве.

На наш взгляд суть их должна заключаться в следующем:

1. Конфискация *in rem* не должна подменять собой уголовное преследование, т.е. ее нельзя рассматривать как альтернативу уголовному преследованию в тех случаях, когда возможно добиться осуждения преступника в уголовном порядке. Недопустимо, чтобы преступник имел возможность избежать наказания, прибегнув к гражданской конфискации как способу откупиться за совершенное преступление.

2. В законодательстве должно быть четко определено, при каких условиях разрешается начинать процедуру конфискации вне уголовного производства, а именно, будет ли гражданская конфискация разрешена только в том случае, когда уголовное преследование и конфискация имущества в уголовном порядке невозможны (смерть преступника, его бегство из страны, наличие у него иммунитета от судебного преследования, обвиняемый оправдан и т.п.), или же гражданская конфискация и уголовное судопроизводство могут идти одновременно.

3. Должны быть определены активы лица, подлежащие контролю со стороны соответствующих государственных органов, превышение которых повлечет конфискацию *in rem* (движимое имущество, недвижимое имущество, денежные средства, ценные бумаги, предметы искусства, драгоценные металлы, антиквариат и т.д.).

4. При подготовке законодательства о конфискации вне уголовного производства следует определить, можно ли использовать в этой сфере уже существующие процессуальные нормы. В случае необходимости разработки новых норм, целесообразно рассмотреть возможность принятия специального нормативного правового акта, который бы жестко регламентировал процессуальное поведение и с точки зрения конкретного содержания этого поведения, и с точки зрения логической последовательности действий, и с точки зрения времени и места их совершения, и с точки зрения их документального оформления [8, с. 97]. Это важно в равной степени с тем, насколько эффективно сработает данная мера в борьбе с коррупционными преступлениями. Процесс этот должен отличаться предельной прозрачностью и доступностью для общественности и средств массовой информации, чтобы не дать возможности коррупционерам с широкими связями в правоохранительных органах и судах воспользоваться этими связями в своих интересах.

Установленный порядок применения конфискации *in rem* в законодательстве Республики Беларусь позволил бы обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника, приобретшего имущество, так как никоим образом не лишает такое лицо права представить в суд доказательства законности происхождения средств, на которые приобреталось имущество.

Также данный вид конфискации в силу достаточно простого механизма его применения может осуществляться в оперативном порядке, без затягивания процесса. Однако было бы ошибочным полагать, что введение конфискации *in rem* может коренным образом и в одночасье изменить ситуацию в стране, связанную с ростом коррупционной преступности.

Необходимо констатировать, что ряд проблем все же остается.

Во-первых, нельзя забывать о коррупционной составляющей, поскольку четких и исчерпывающихся критериев установления законности имущества не может быть определено, что в свою очередь может породить увеличение предложений взяток должностным лицам государственных органов и судов, а также их прямому вымогательству со стороны последних.

Во-вторых, расширение возможностей по безвозмездному изъятию имущества граждан может стать инструментом давления на неугодных чиновников.

В-третьих, велика опасность того, что еще до принятия окончательного решения судом о неприменении конфискации (лицо докажет законность приобретения имущества) может сложиться мнение общественности об ответчике как о лице, связанном с противозаконной деятельностью, что может повлечь ущемление его чести и достоинства, а также иные негативные последствия (потерю деловой репутации, доверия коллег, партнеров по бизнесу и т.д.).

Тем не менее, применение института конфискации имущества in rem в гражданском порядке может оказаться эффективным механизмом по предупреждению коррупции в стране и стать гораздо действеннее уголовного наказания уже потому, что в качестве инструмента наказания коррупционера выступает лишение материального блага. В условиях сокращения применения лишения свободы за коррупционные и экономические преступления все остальные наказания не смогут эффективно играть предупредительную роль и противостоять искушению быстрого обогащения. Только риск лишиться имущества может остановить коррупционера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистика о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.court.gov.by/ru/statistika1/>. – Дата доступа: 15.04.2020.
2. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь: 15 июля 2015 г. № 305-3// Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=-H11500305&p1=1>. – Дата доступа: 04.04.2020.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь: 7 декабря 1998 г. № 218-3: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 04.05.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218>. – Дата доступа: 04.04.2020.
4. О декларировании физическими лицами доходов и имущества по требованию налоговых органов [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь 4 января 2003 г. № 174-3: в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2002 // КонсультантПлюс: Республика Беларусь. – Дата доступа: 10.04.2020.
5. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – 64 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295>. – Дата доступа: 04.04.2020.
7. Арямов, А.А. Конфискационные меры как средство противодействия коррупции [Электронный ресурс] / А.А. Арямов // Режим доступа: [https://books.google.by/books?id=pR6ODwAAQBAJ&pg=PT77&lpg=PT77&dq=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BD%D0%BD%D1%84%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BD%D1%86%D0%BD%D1%8F%20%D0%BD%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BD%D1%84%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BD%D1%86%D0%BD%D1%8F%20rem&f=false">https://books.google.by/books?id=pR6ODwAAQBAJ&pg=PT77&lpg=PT77&dq=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BD%D0%BD%D1%84%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BD%D1%86%D0%BD%D1%8F%20%D0%BD%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BD%D1%84%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BD%D1%86%D0%BD%D1%8F%20rem&f=false](https://books.google.by/books?id=pR6ODwAAQBAJ&pg=PT77&lpg=PT77&dq=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BD%D0%BD%D1%84%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BD%D1%86%D0%BD%D1%8F%20%D0%BD%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BD%D1%84%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BD%D1%86%D0%BD%D1%8F%20rem&f=false). – Дата доступа: 14.04.2020.
8. Осокина, Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – Москва: Юристъ, 2003. – 669 с.

АВТОРСКОЕ ПРАВО В РЕКЛАМЕ

O.A. ШПАКОВА
(Представлено: А.В. ПАШКОВА)

Проблема защиты интеллектуальных прав особенно обострилась с широким распространением сети Интернет. Теперь копирование материалов, размещенных в сети, не представляет особого труда и весьма заманчиво с точки зрения лёгкости и безнаказанности. Более того, сегодня в интернете можно скачать не только реферат, но и приобрести дипломную работу и даже диссертацию [4].

«Реклама – это способность чувствовать и передавать сердцебиение бизнеса словами, на бумаге и в чернилах».

Стоит отметить, что в век информационных технологий сфера взаимодействия клиентов и продавцов переместилась в интернет. И это логично, ведь ежедневно 5 млрд людей на планете заходят в сеть. В связи с этим в последнее время все более популярной становится реклама в интернете.

Под рекламой подразумеваются информация об объекте рекламирования, распространяемая в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке [2].

Следует выделить основные виды рекламы в интернете:

- медийная;
- контекстная;
- таргетированная реклама (реклама в социальных сетях);
- поисковое продвижение;
- пресс-релизы;
- вирусная реклама;
- геоконтекстная реклама;
- продукт плейсмент;
- реклама через рассылку электронной почты;
- реклама в новостных рассылках;
- спам [3].

В ст. 4 Закона Республики Беларусь «О рекламе» говорится от том, что Реклама может полностью или частично являться объектом авторского права и смежных прав [2].

Авторское право – совокупность прав, как имущественных, так и неимущественных, принадлежащих человеку (автору, то есть физическому лицу), который своим творческим трудом создал произведение литературы, науки или искусства.

Объектами авторского права являются произведения:

- науки (статьи в различных сферах науки, монографии и др.);
- литературы (стихотворения, романы, слоганы и др.);
- искусства (живопись, скульптура и др.) [1].

Также авторское право распространяется на обнародованные и необнародованные произведения, существующие в какой-либо объективной форме:

- письменной,
- устной,
- звуко- или видеозаписи,
- изображения,
- объемно-пространственной, электронной, в том числе цифровой,
- в иной форме [1].

Объекты авторского права могут использоваться в рекламе. Но возникает ряд вопросов о том, как будет охраняться тот или иной объект рекламной деятельности.

В рекламе может использоваться музыка или речь, которые будут защищаться авторским правом Республики Беларусь. Так чтобы не допустить нарушений лучше всего:

- у композитора взять разрешение на использование данного произведения, где четко оговорены все виды возможного использования (если это произведение не сделано специально по заказу для данной рекламы), так как если это сделано на заказ для рекламы, этот пункт юридически оформляется перед началом работы;
- подписать контракт со всеми исполнителями. При исполнении произведения оркестром или хором контракт заключается с каждым участником отдельно, либо с художественным руководителем, либо с продюсером, либо с дирижером;

- у автора текста песни взять разрешение на использование его произведения. Если авторов несколько, то разрешение надо брать у каждого автора и договариваться об использование с каждым. В разрешении должно быть строго прописано, как можно, а как нельзя использовать данное произведение;
- с автором рекламного текста заключается контракт на выполнение работ по написанию текста с обязательным указанием стоимости работ и размеров премиальных. Если авторов несколько, то контракт заключается с каждым в отдельности;
- с диктором или актером заключается договор найма и исполнения;
- если участников несколько, то договор заключается с каждым из них с указанием объема проделанных работ и сумм гонораров. Если принято решение о непосредственном прочтении рекламного текста в прямом эфире, в договоре указывается количество и время сеансов прочтения.

Если печатная реклама будет использовать: дизайн, текст, фотографии, рисунки (безусловно которые будут отвечать требованиям объекта авторского права) то и они будут облагаться авторским правом, и лучше всего предусмотреть все нюансы, по поводу защиты прав как автора произведений, так и лица, который будет их использовать:

- с дизайнером и разработчиком заключить контракт на изготовление печатного продукта. В разрешении оговаривается, как и в какой форме можно это использовать. Макеты, появляющиеся в процессе разработки, рекомендуется регистрировать;
- с автором рекламного текста заключается контракт на выполнение работ по написанию текста с обязательным указанием стоимости работ и размеров премиальных. Если авторов несколько, то контракт заключается с каждым в отдельности;
- если в работе над рекламным произведением были задействованы фотограф или художник, то с ними заключаются трудовые контракты на выполнение работ. Если же работа производится не по данному заказу, а используется уже существующее произведение или его часть, требуется обязательное согласие авторов на использование их произведений, даже если это маленькая часть произведения, и вам она кажется совсем не заметной и трудно узнаваемой. Если над произведением работала группа авторов, то соглашение подписывается с каждым участником. Если произведение написанное, сделанное ранее, и там был tandem авторов, то необходимо найти всех участников тандема. Разрешение надо получить с каждого участника;
- если в рекламе были использованы стоп-кадры из какого-либо произведения, надо искать операторов и договариваться с ними о лицензии на использование данной части произведения [5].

Коммерческое использование автором созданного произведения осуществляется с помощью авторского договора, которым автор за получаемое вознаграждение предоставляет другому лицу использовать свое произведение на определенных условиях, прописанных в договоре.

В зависимости от вида произведения и способа его использования выделяют следующие авторские договоры:

- 1) договоры на создание и использование литературных произведений;
- 2) договоры на создание и использование музыкальных произведений;
- 3) договоры на создание и использование архитектурных произведений;
- 4) договоры на создание и использование иных произведений.

Также можно выделить такие договора как:

- 1) авторский договор на обнародованное произведение;
- 2) авторский договор на необнародованное произведение.

В зависимости от характера передаваемых прав выделяют следующие:

- 1) авторский договор о передаче исключительных прав;
- 2) авторский договор о передаче неисключительных прав [6].

Согласно Закону «об авторском праве и смежным правам», договор, противоречащий закону, не является действительным. Таким образом можно говорить о том, что Авторский договор является важнейшим, хотя и не единственным способом передачи прав на использование творческого произведения. Авторский договор носит конкретный характер закрепления и регулирования отношений автора и иного лица, которому передается право использования произведения по договору. Охрана авторских прав в последнее время приобретает все большее значение. И авторский договор, закрепляя взаимные права и обязанности сторон, является важным средством защиты, как прав автора или его правопреемника, так и прав пользователя.

Но существует ряд ошибок, которые допускают стороны такого договора в сфере рекламы. Например, они используют в рекламе произведение в более широком объеме, чем это согласовано в авторском договоре (узнаваемый голос актера, снявшегося в телерекламе, не согласовано использовали в радиоролике). Стоит также упомянуть, что нарушение существенных условий авторского договора ведет к его недействительности.

Моющее средство «Миф» и используемый в рекламе знаменитый образ «Майдодыра», который является персонажем книги Корнея Ивановича Чуковского. «Procter & Gamble» с 1997 года по 2007 год ежегодно

выплачивали по 15000 долларов за образ «Мойдодыра» внучке – Елене Чуковской. После 10-летнего контракта «Procter & Gamble» отказалось продлевать договор с наследницей писателя, но продолжала использовать образ «Мойдодыра» в телерекламе. Елена Чуковская подала в суд на компанию «Procter & Gamble» за использование литературного образа «Мойдодыра» в рекламной деятельности [6].

В свою защиту компания «Procter & Gamble» заявляла, что описание «Мойдодыра», которое дал Корней Чуковский расплывчатое, и под «умывальник, кривоногий и кривой» – ассоциация возникает с изображением 1954 года придуманное художником-иллюстратором Анатолием Савченко. А также то, что каждый художник изображает данного персонажа по-своему [7].

Так как у Елены Чуковской не сохранился договор 1997 года, компания «Procter & Gamble» заявляла, что его могло и вовсе не быть. И то что их умывальник в рекламе, никакого отношения к «Мойдодыру» вообще не имеет. Умывальник ни в рекламных роликах, ни на упаковке не назван «Мойдодыром», а текст литературного произведения никак не использован компанией.

Юристы утверждают, что авторы – не важно, писатели или художники – могут максимум доказать свои права на конкретный рисунок или текст, но не на персонажа, который стал результатом работы всего творческого коллектива киностудии. Так заведующий кафедрой интеллектуальной собственности ЮНЕСКО Михаил Федотов, утверждает, что права на мультфильмы и его персонажей принадлежат той киностудии, которая их произвела [8].

Чтобы не допустить нарушений авторских прав в рекламе, стоит заключать договоры с авторами различных объектов авторского права. Предлагается внести в Закон Республики Беларусь «О рекламе» изменения и дополнения в области авторского права, и дополнить главой, которая отдельно бы регулировала основные положения связанные с рекламой и авторским правом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., №262-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О рекламе: Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : с изм. и доп. от 17 июля 2017 г. № 52-З. Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск : Амалфея, 2020.
3. Амблер, Т. Практический маркетинг / Т. Амблер. – СПб.: Питер, 1999. – 400 с.
4. Ивойлова И. Украденные мысли. Половина студенческих рефератов и курсовых скачивается из Интернета // Российская газета. – № 4830, 20 января 2009 г.
5. Авторское произведение и авторские права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://propel.ru/presentacii/avtorskie_prava_oll.php#11 – Дата доступа: 27.09.2020.
6. Авторские договоры: понятие, виды, содержание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xliby.ru/shpargalki/shpargalka_po_pravu_intellektualnoi_sobstvennosti/p55.php – Дата доступа: 27.09.2020.
7. Суд отклонил иск внучки Чуковского о защите интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=212988> – Дата доступа: 27.09.2020.
8. Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Всё о юридическом рынке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/6104/> – Дата доступа: 27.09.2020.

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

O.A. ШПАКОВА
(Представлено: А.В. ПАШКОВА)

Реклама в современном мире играет огромную роль и её значение отрицать невозможно. Некоторым она нравится, некоторым нет, а некоторые относятся к ней нейтрально. Рекламные сообщения доводят до внимания потенциальных покупателей наиболее важные сведения и воздействуют на них с целью заинтересовать в приобретении тех или иных товаров (услуг).

Реклама – единственный из несущих компонентов маркетинговой политики. Маркетинг – постоянный процесс, в котором следует принимать участие регулярно, поднимаясь все выше и выше. Невозможно представить такое, что можно исчезнуть из системы маркетинга [1]. В дальнейшем, для возврата в эту систему потребуется очень много времени и очень большое количество средств, как в рекламу определенного продукта либо обслуживание, так же и на возобновление своего имиджа среди потребителей.

Реклама – это красочное явление нашего времени: всепроникающее, всесущее. Историческое понимание о рекламе это данные о том, какими средствами, с помощью чего, в процессе чего формировался данный вид текстов в заре человеческой истории, какие изменения происходили в самых различных уголках мира и в какие периоды времени.

Реклама – распространяется в любой форме, с помощью любых средств информация о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях (рекламная информация), которая предназначена для неопределенного круга лиц и призвана формировать или поддерживать интерес к этим физическому, юридическому лицу, товарам, идеям и начинаниям и способствовать реализации товаров, идей и начинаний [5, с. 24].

Под рекламой подразумеваются информация об объекте рекламирования, распространяемая в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке [2].

В настоящее время, многие люди в современном обществе приобщаются к Интернету, где совершают различные действия от простого просмотра социальных сетей, где как раз встречается реклама, до покупок, совершаемых благодаря рекламе.

Регулирование рекламой деятельности на рынке решает различные задачи. Главная из них – защищать предприятия от недобросовестных действий конкурентов, отрицательно сказывающихся на эффективности их деятельности, а общество – от рекламы, влекущей за собой негативные для потребителей и государства последствия.

В связи с отсутствием серьезных организаций по защите прав потребителей, а также общественных объединений рекламодателей и рекламных агентств, основную роль в создании рекламного рынка в Республике Беларусь играет государственное регулирование. Оно осуществляется как путем создания широкой законодательной базы, так и путем формирования системы исполнительных органов, осуществляющих контроль.

В Республике Беларусь на государственные контролирующие органы возлагается решение следующих задач в сфере рекламы:

- направление рекламодателям, рекламопроизводителям и рекламораспространителям предписания о прекращении нарушения законодательства Республики Беларусь о рекламе и решении об осуществлении контррекламы;
- направление материалов о нарушении законодательства Республики Беларусь о рекламе в суд для применения мер административного воздействия, а при неоднократном нарушении – в органы, выдавшие лицензию, для решения вопроса о приостановлении или аннулировании лицензии на осуществление соответствующего вида деятельности;
- направление в органы прокуратуры и другие подведомственные ей правоохранительные органы материалов по признакам правонарушений в области рекламы.

Государство, регулируя и контролируя рекламную деятельность, выполняет две основные задачи:

- защищает потребителей от недостоверной рекламы;
- способствует честной конкуренции в рекламном бизнесе, наказывая нарушителей правовыми методами.

Наряду с государственным регулированием важным фактором становления и функционирования рекламного рынка является саморегулирование, представляющее собой взаимодействие участников рекламного процесса: рекламодателей, рекламных агентств и СМИ (средств распространения рекламы)

с целью принятия и соблюдения единых принципов добросовестной практики, предполагающей законность, честность, правдивость рекламы. Саморегулирование в области рекламной деятельности является своего рода трехсторонним объединением рекламодателей, рекламопроизводителей и рекламораспространителей. В то же время саморегулирование можно определить, как регулирование определенной области общественных отношений со стороны сообщества предпринимателей, объединенных по профессиональному или отраслевому принципу. Безусловно, саморегулирование в области рекламной деятельности не может заменить государственный контроль. Вместе с тем оно содействует более глубокому регулированию с точки зрения профессиональных аспектов, в некоторых случаях дополняет государственный контроль и предполагает предъявление более жестких регулятивных норм или правил к участникам конкретного рынка.

В идеале подобные саморегулируемые организации должны содействовать разрешению конфликтов в определенной сфере регулируемых ими общественных отношений во внесудебном порядке. Эффективным средством саморегулирования рекламной деятельности является функционирование внутриотраслевых наблюдательных советов или подобных им органов [4, с. 99].

Всеобъемлющего законодательства регулирующие рекламу в сети Интернет, нет ни в одной из стран мира. Существующие нормативные акты регулируют лишь частные аспекты функционирования сети. Такие как например Закон «О рекламе» Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации». «Правовые проблемы Интернет включают широкий круг вопросов, например, такие, как авторское право, добросовестность использования информации, нарушения в области использования товарных знаков, защита чести и достоинства, вторжение в частную жизнь», регулирование лицензируемых рынков товаров и услуг, в частности банковских услуг, рекламы, образования и многое другое.

Интернет с его огромными информационными ресурсами и уникальными коммуникационными возможностями привлекает коммерсантов (лицо, занимающееся частной торговлей, осуществляющее торговое предпринимательство). Появляется возможность быстро найти необходимый товар, производителей, лучшие цены, наиболее выгодные предложения, за несколько минут можно заказать, купить, продать любой товар или услугу. Даже если компании находятся на разных краях света, они могут получить информацию друг о друге и начать взаимодействовать через Сеть. А для получения информации о товарах и услугах в Сети, конечно же, используется реклама. И именно; она позволяет сделать этот поиск наиболее удобным и комфортным для любого человека, который заинтересован в этом [3].

Кроме того, рекламная деятельность в сети Интернет является в настоящий момент основным источником доходов, получаемых в Сети. В настоящий момент реклама в Интернете регулируется на основе существующих законов, которые применяются к несетевой рекламе.

Существует необходимость разделить ответственности между владельцем сайта, который разрешает размещать ссылку на рекламный сайт, содержащий противоправную информацию и самим владельцем рекламы. Предлагается внести положение об ответственности рекламораспространителя – владельца сайта, который размещает ссылку на сайт с противоправной информацией.

Исходя из того, что реклама в Интернете обладает двухуровневым характером (первый уровень – рекламодатель размещает рекламу, т.е. ссылки на сайтах; второй - сам веб-сайт рекламодателя, на который по ссылке и попадает пользователь) сделан вывод, что гражданско-правовую ответственность за рекламу несет не только владелец рекламного веб-сайта, но и владелец другого сайта, который разрешает размещать на своем сайте ссылку на эту рекламу.

Реклама в сети Интернет представляет собой особый вид рекламы, отличающийся от перечисленных в Законе Республики Беларусь «О рекламе». На основании изученного законодательства и многих других источников, можно сделать вывод, о необходимости расширенного регулирования рекламы в Интернете. Так как рекламы в Интернете имеет ряд специфических особенностей от других видов реклам, указанных в Законе «О рекламе» Республики Беларусь.

На этом основании предлагается включить в главу II «Общие и специальные требования к рекламе» Закона Республики Беларусь «О рекламе» статью «Особенности рекламы в Интернете», - которые бы содержали следующие положения: ответственность рекламораспространителя, ответственность рекламопроизводителя, и другое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный портал marketing.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://marketing.by>. – Дата доступа: 03.07.2020.
2. О рекламе: Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : с изм. и доп. от 17 июля 2017 г. № 52-З. – Минск : Амалфея, 2020.
3. Синяева М.И. Паблик рилейшнз в коммерческой деятельности. - Москва: Юнити,2000. - С. 160.
4. Петрова, Е. Б. Правовое оформление саморегулирования рекламной деятельности / Е. Б. Петрова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. - 2011. - N 2. - С. 98-105.
5. Уэллс У. и др. Реклама: принципы и практика. – СПб.: Питер, 1999.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Я.Д. БОРОДИЧ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Возраст лица, совершившего общественно опасное деяние, признается одним из важнейших оснований уголовной ответственности, а потому и необходимым элементом состава преступления. Доктрина уголовного права, как и юриспруденция в целом, не выработала всестороннего понятия о возрасте. По всей видимости, это вызвано тем, что в науках, являющихся базовыми для решения вопроса о возрасте уголовной ответственности для юридических наук – социологии, психологии, педагогики – нет единого осознания того, что, собственно, следует понимать под возрастом индивида. Также неоднозначен подход к минимальному возрасту уголовной ответственности.

Уголовный закон традиционно устанавливает возрастные границы уголовной ответственности лишь для тех лиц, которые по уровню развития в состоянии осмыслить недопустимость совершения общественно опасных деяний под страхом применения уголовного наказания. Возраст уголовной ответственности устанавливается на момент совершения преступления, а не на момент привлечения лица к уголовной ответственности. Из этого следует, что недостижение установленного уголовным законом возраста к моменту совершения преступления исключает уголовную ответственность [1, с. 97].

Хотя в юридической литературе указывается, что целостного учения о возрасте в науке не сформировано, научная и практическая необходимость в нем – для разработки концепции преступления, наказания, уголовной ответственности, криминализации и декриминализации – безусловно существует. Доктрина уголовного права до настоящего момента не выработала единственного и даже единообразного толкования возраста. Понятие «возраст» в уголовном праве основывается на общей оценке возраста и на теоретических разработках психологии и социологии [2, с. 5]. И это вполне закономерно, так как наука уголовного права имеет специфические цели и вынуждена основываться для их решения на достижениях наук о человеке. Однако возраст определяется в вышеуказанных науках различным образом.

В науке психологии Г. И. Щукина отмечает, что возрастом принятого называть этап становления человека, который характеризуется качественными переменами в физических и психологических потребностях [1, с. 97]. Впрочем, в такой науке как социология Р. И. Михеев определил более содержательное понятие возраста, определяемые в широком и узком смыслах. В широком значении он определяет возраст «как календарный этап, прошедший от рождения и до того или иного хронологического периода в жизни человека; в узком значении – как подобный календарный этап психофизиологического состояния в жизни человека, с которым связаны своеобразные медико-биологические, социально-психологические и правовые изменения» [3, с. 17].

В уголовно-правовой литературе возраст идентифицируется с возможностью лица действовать виновно [4, с. 388]. М. М. Коченов полагает, что понятие возраста употребляется в законе только лишь в одном значении – как указание на количество прожитого человеком времени, а основанием уголовной ответственности считается сам физический возраст, а равно как способность в момент совершения преступления регулировать свое поведение [5, с. 34]. В. П. Кашепов определяет, что достижение конкретного возраста как условие привлечения лица к уголовной ответственности представляет собой объективную характеристику возможности лица осознавать социальное значение собственных действий или же управлять ими [6, с. 85]. Вместе с тем отметим, что в уголовном праве возраст считается в некоторой степени ориентиром для наступления уголовной ответственности за совершенное преступление.

Для того, чтобы проанализировать с какого возраста происходит становление личности несовершеннолетних и её формирование необходимо исходить из самого понятия «детства».

До этих пор в юриспруденции отсутствовало правовое определение «детства» как наиболее защищаемого периода жизни. Дети, совершившие преступления несли уголовную ответственность наравне со взрослыми.

В наше время суды, уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних, то есть во всех случаях, когда ребенок оказывается в ситуации конфликта с законом или становится потерпевшим, при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, базируются на серьезном соблюдении требований уголовного и уголовно-процессуального законов, всячески содействуют обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, производство по делам имеет целью не только

назначение справедливого наказания и предупреждения совершения новых преступлений, но также интересы несовершеннолетних (детей) и в связи с этим сохранение возможности их развития и становления.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время органы ведущие уголовное судопроизводство в полной мере содействуют обеспечению защиты прав несовершеннолетних и их законных интересов, при определении возраста уголовной ответственности в первую очередь во внимание принимают периоды формирования и социализации личности, периоды расширения круга общественно важных связей и отношений несовершеннолетнего и достижение им социального опыта.

Для того чтобы проследить за периодами формирования личности и достижением несовершеннолетними социального опыта необходимо обратиться к классификации возрастных периодов, которая использовалась еще в римском праве (в настоящее время она усовершенствована в психологии и педагогике).

Согласно упомянутой классификации, все несовершеннолетние подразделяются на 3 возрастные группы:

– к первой возрастной группе относится детский возраст (дети от 11–12 лет). Согласно уровню физического и социально-психологического развития, в частности по степени социализации не могут быть признаны уголовно вменяемыми также нести уголовную ответственность за свои действия;

– ко второй группе относится подростковый возраст (подростки от 12–15 лет). Это так называемый трудный возраст. Он предполагает особую сложность вследствие противоположности и противоречивости как по степени физического, так и по уровню социально-психологического развития личности. Вопрос об уголовной ответственности решается двояко: невменяемыми по уровню своего развития признаются несовершеннолетние первого подросткового возраста (12–13 лет), относительно вменяемыми – лица второго подросткового возраста (14–15 лет);

– и к третьей группе относится ранний юношеский возраст. В нее входят несовершеннолетние от 16 до 18 лет, т.е. лица, достигшие согласно закону уголовной правосубъектности, признаваемые полностью вменяемыми и подлежащими уголовной ответственности. Вместе с тем они по-прежнему остаются несовершеннолетними, поскольку в этот период они ещё не достигают полной социальной зрелости [7, с. 122].

Установление в качестве общего возраста уголовной ответственности 16-ти лет (ч. 1 ст. 27 УК Республики Беларусь), а за отдельные преступления – 14-ти лет (ч. 2 ст. 27 УК Республики Беларусь) можно определить как один из принципов наступления уголовной ответственности несовершеннолетних.

Стоит обратить внимание на то, что в иных государствах дифференциация объема уголовной ответственности осуществляется в зависимости от возраста, базируясь на исторических и культурных обычаях [8, с. 113]. Так, английская судебная практика и доктрина исходит из того, что ребенок в возрасте от 10 до 14 лет может быть обвинен в совершении преступления только лишь в том случае, когда обвинение без того или иного разумного сомнения установит, что в его действиях имеются оба элемента преступления – *actus reus* и *mens rea* (психическое состояние, обязательное для наступления уголовной ответственности, в английском уголовном праве обычно называется латинским термином «*mens rea*», а запрещенное поведение – «*actus reus*»), а также в случае понимания ребенком факта причинения существенного вреда. Таким образом, обвинение должно доказать, что конкретный инцидент произошел вследствие поведения обвиняемого или что наступивший результат запрещен уголовным законодательством, а кроме этого, что душевное состояние такого лица имело отношение к обозначенному событию или его последствиям [1, с. 103].

Представляется необходимым исследовать возрастной порог наступления уголовной ответственности в зарубежных странах.

В США возраст уголовной ответственности меняется от штата к штату [9, с. 239]. К примеру, в Нью-Йорке уголовная ответственность за убийство наступает с 13 лет, за иные существенные преступления – с 14 лет, в то время как общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. В Оклахоме малолетний от 7 лет может быть привлечен к уголовной ответственности в том случае, если будет установлено, что во время совершения деяния он отдавал себе отчет о своих действиях и об их противоправности. В Неваде возраст уголовной ответственности – 8 лет, в Колорадо и Луизиане – 10, в Орегоне – 12 лет. В 23 штатах и федеральном округе Колумбия не определен минимальный возраст уголовной ответственности. Так, несовершеннолетние имеют все шансы быть признанными виновными в совершении уголовно наказуемых деяний наравне со взрослыми за большинство серьезных преступлений. В других 27 штатах минимальный возраст варьируется от 10 до 15 лет [10, с. 171].

В Австралии общий возраст уголовной ответственности приравнивается к 10 годам – лицо в возрасте от 10 до 14 лет подлежит уголовной ответственности за совершенное им деяние, если в момент его совершения осознавало его неправомерный характер. В Турции минимальный возраст уголовной ответственности составляет 11 лет [11]. В Бразилии 18 лет; Израиле, Канаде, Нидерландах – 12 лет. Во Франции 13 лет; Монако, в Узбекистане уголовную ответственность несут по достижении 15 лет [12].

Следовательно, мы должны прийти к выводу, что в мире нет единого подхода единого подхода к минимальному возрасту уголовной ответственности, то есть к ответственности несовершеннолетних.

Вместе с тем, возрастной порог, определенный в УК Республики Беларусь для несовершеннолетних, как и прежде, вызывает дискуссию в научном сообществе. Специалисты в области психологии утверждают, что характеристика приобретенного уровня развития к 14 годам – умственного, волевого, субъективного – доказывает обоснованность с психологической точки зрения определенного законодателем нижнего порога

уголовной ответственности [13, с. 110]. Несовершеннолетние рассматриваемой возрастной группы имеют ряд психофизических особенностей, к которым относят повышенную эмоциональность, неустойчивость поведения, незрелость мышления как итог недостающих навыков и знаний, предрасположенность к подражанию и фантазии, самовнушению и т.д. Они оказываются в среде усиленного и еще не законченного процесса формирования личности, им характерна определенная уступчивость отрицательным воздействиям микросреды. Равным образом для подросткового возраста свойственно доминирование психологической сферы над волевой, что особенно выражается в эмоциональной нестабильности, импульсивности поведения.

В связи с данными психологическими особенностями малолетние не могут быть субъектами преступления, потому как не имеют, чаще всего, способности в соответствии со своим возрастом в необходимой мере отдавать отчет в собственных действиях и управлять своими поступками [14, с. 83].

Именно в возрасте от 12 до 15 лет развивается чувство зрелости. Несовершеннолетний начинает отождествлять себя со взрослыми людьми, но пока не способен наладить с ними полноценные отношения. Это связано с еще недостаточно сформированной психофизиологической основой зрелости, а еще с тем, что взрослые продолжают смотреть на него как на ребенка. Вследствие этого в несовершеннолетнем пробуждается конфликтность, влечеение к самоутверждению, подражание асоциальным формам поведения, упрямство, негативизм. Эти возрастные особенности определили установление в отношении ответственности несовершеннолетних ряда особенностей и дополнений в сравнении с общими правилами уголовной ответственности.

Вследствие этого установление возрастных пределов ответственности за свое поведение подразумевает, что, собственно, по достижении конкретного возраста несовершеннолетние уже осознают, что за служивают поощрения, что делать не следует, в каких случаях их действия могут причинить урон находящимся вокруг людям.

В то же время некоторые юристы выступают за снижение возрастного порога уголовной ответственности и расширение круга деяний, за совершение которых наступала бы ответственность с 11–13 лет [15, с. 96]. Так, отдельные авторы полагают, что к уголовной ответственности за убийство следует привлекать несовершеннолетних с 12–13 лет, прочие авторы исследуют возможность понижения возраста уголовной ответственности до 12 лет за совершение особо тяжких преступлений [16, с. 149].

Доктор юридических наук, профессор Я.И. Гилинский утверждает, что сторонники снижения возраста уголовной ответственности мыслят, мягко выражаясь, негуманно, ведь 14 лет – возраст далеко не зрелого человека. В свою очередь он убеждал, что нахождение в местах лишения свободы детей представляет себе крайне страшно [17, с. 121]. Ему возражает доктор юридических наук С.Ф. Милуков, отмечая, что тюрьма, конечно, исправляет не многих, но она в какой-то изолирует подростка и не допускает причинения им нового вреда обществу, государству и гражданам (в первую очередь сверстникам и гораздо младшим по возрасту детям) [16, с. 167].

Следовательно, в отношении несовершеннолетних должны преобладать превентивные меры, так как ювенальная преступность – явление, прежде всего социальное, ее источник находится в обществе, в социальных противоречиях. Следует сказать, что снижение возраста уголовной ответственности будет требовать изменений и действующей системы наказаний, а особенно введения специализированных мер ответственности для несовершеннолетних.

Таким образом, на основании вышеуказанного мы приходим к выводу, что наступления уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста является достаточным, потому как к этому возрасту несовершеннолетний достигает такого периода психофизического развития, который позволяет понимать в полном объеме не только общественно опасный характер своих действий, но и последствия таких действий.

Что касается привлечения к уголовной ответственности с четырнадцатилетнего возраста, то, на наш взгляд, следует предусмотреть привлечение к ответственности и с двенадцатилетнего возраста за некоторые категории преступлений, так как некоторые в этом возрасте уже в полной мере осознают значение своих действий и в полной мере могут руководить ими.

Рассмотрев позиции «за» и «против» снижения возраста уголовной ответственности нам представляется необходимым указать на следующий факт: при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, в перечень элементов предмета доказывания необходимо включить возраст несовершеннолетнего, условия жизни и воспитание несовершеннолетнего, и, что особенно немаловажно, уровень интеллектуального, волевого также психического развития. Также в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления в возрасте от 12 до 18 лет, предусмотреть возможность помещения их в специальные учебно-воспитательные учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Хромова, Н.М. Уголовное право и криминология / Н.М. Хромова // Журнал российского права. – 2018. – № 4. – С. 96–109.
- Михеев, Р.И. Возраст. Уголовно-правовые и криминологические проблемы / Р.И. Михеев // Изд-во Иркут. ун-та. – 1985. – № 2. – С. 3–17.

3. Михеев, Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности : (Теория и практика) / Р.И. Михеев. – Москва, 1995. – 70 с.
4. Коробеев, А.И. Полный курс уголовного права: Преступление и наказание. В 5-ти томах. Т. 1 / А.И. Коробеев. – Юрид. центр Пресс, 2008. – 1113 с.
5. Коченов, М. М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы / М. М. Коченов. – Москва, 1991. – 45 с.
6. Уголовная ответственность несовершеннолетних / П. В. Кашепов [и др.]. – Юрид. лит., 1999. – 160 с.
7. Зушник, М. М. Основные вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних / М. М. Зушник. – Минск, 2002. – 297 с.
8. Капинус, О.С. Актуальные проблемы уголовного права / О.С. Капинус. – Москва : Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. – 484 с.
9. Мацкевич, И.М. К вопросу о возрасте уголовной ответственности несовершеннолетних / И.М. Мацкевич. – М. : Юрайт, 2015. – С. 238–267.
10. Michael A. Corriero, Judging Children As Children: A Proposal for a Juvenile Justice System / Michael A. Corriero. – Temple University Press, 2007. – 232 с.
11. Уголовный кодекс Турции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravoturka.ru/ugolovniy-kodeks-turcii/>. – Дата доступа: 21.06.2020.
12. Возраст наступления уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://total-rating.ru/1186-vozrast-nastupleniya-ugolovnoy-otvetstvennosti.html>. – Дата доступа: 27.09.2020.
13. Ситковская, О. Д. Психология уголовной ответственности / О. Д. Ситковская. – М. : НОРМА, 1998. – 285 с.
14. Кашепов, В.П. Концепция развития уголовного законодательства / В.П. Кашепов. – Москва : Городец, 2004. – 381 с.
15. Павлов, В. Г. Субъект преступления / В. Г. Павлов. – Юрид. центр Пресс, 2001. – 318 с.
16. Милюков, С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С. Ф. Милюков. – Санкт-Петербург : Знание, СПБИВЭСЭП, 2000. – 279 с.
17. С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-kakogo-vozrasta-mozhno-privlekat-k-ugolovnoy-otvetstvennosti>. – Дата доступа: 27.09.2020.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ШТРАФА И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Я.Д. БОРОДИЧ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Особенность назначения мер уголовно-правового характера по делам несовершеннолетних состоит в том, что совершенные несовершеннолетними преступления наносят ущерб не только охраняемым законодательством благам, но и губительно воздействуют на формирование их личности. В связи с этим реагирование на преступления несовершеннолетних является чрезвычайно сложным и требующим тщательности мероприятия. Исправительные работы и штраф рассмотрены на предмет их соответствия принципам назначения уголовного наказания и реальной их способности оказывать воспитательное воздействие на несовершеннолетних.

На наш взгляд, статистика является базой для постановки проблем применения уголовного закона, и именно штраф и исправительные работы являются проблемными при применении их к несовершеннолетним. Это выражается в нечастом применении данных видов наказаний, ввиду того, что не у всех из несовершеннолетних к моменту совершения преступления имеется свой собственный заработок и место работы.

В соответствии со статьей 111 Уголовного кодекса Республики Беларусь штраф назначается лицу, совершившему преступление в возрасте до 18 лет, если оно имеет самостоятельный заработок или имущество, в размере, не превышающем двадцатикратного размера базовой величины, установленной на день постановления приговора, а за корыстное преступление – стократного размера такой базовой величины [1].

Применение штрафа к несовершеннолетним в судебной практике Республики Беларусь минимально [2, с. 137]. Доля работающих несовершеннолетних в возрасте 14-16 лет невелика. Таким образом, большая часть несовершеннолетних не обладает самостоятельным заработком. Эти лица, которые получают стипендии, пенсии, пособия, из-за своего материального положения еще не готовы нести бремя штрафной санкции [3, с. 111]. Это создало серьезную проблему для правоприменения, так как не все несовершеннолетние имеют самостоятельный заработок или имущество.

Имущество несовершеннолетнего принадлежит ему на праве личной или на праве общей (долевой, совместной) собственности. В частности, в пределах своего личного имущества несовершеннолетний обязан нести ответственность. Мы разделяем точку зрения Н.А. Бабия, утверждающего, что «взыскание штрафа за счет имущества близких либо других лиц не допускается» [4, с. 412], ведь в соответствии с принципом личной виновной ответственности этот вид наказания, как и любой иной, должен обладать персональным характером и применяться исключительно к виновному в преступлении лицу. Более того, на наш взгляд, весьма маловероятно, что применение данной меры государственного воздействия послужит реальным уроком несовершеннолетнему на будущее: скорее всего он не осознает существенной ценности в имуществе родителей. Вследствие этого, в данном случае никакого воспитательного воздействия на несовершеннолетнего мы не получим. Таким образом, наказание будет выражено лишь в проявлении порицания и осуждения действий несовершеннолетнего со стороны его родителей или законных представителей [5, с. 49].

В свою очередь мы можем обратиться к Уголовному кодексу Российской Федерации, где определено, что по решению суда штраф может взыскиваться с законных представителей несовершеннолетнего в том случае, если у несовершеннолетнего нет самостоятельного заработка и имущества, на которое может быть обращено взыскание.

В научной литературе в связи с данным положением закономерно возникло множество дебатов. Такие авторы как О.В. Грицай и Ю.А. Тимошенко, ссылаясь на принцип вины и общие начала назначения наказания, придерживаются мнения о том, что родители либо иные законные представители несовершеннолетнего не могут нести ответственность за него, так как уголовная ответственность «носит индивидуальный характер» и эффективность назначенного судом наказания несовершеннолетнему будет сведена к нулю [6, с. 104; 7, с. 18]. Согласно их мнению, существующая позиция российского законодателя значительно изменяет подход к решению вопросов уголовной ответственности и также вряд ли может быть признано удачным. Тем не менее, данная норма функционирует и по сегодняшний день, что никак не дает возможность ее игнорировать.

Другие авторы, например, Н.А. Лопашенко, нашли вполне приемлемые пути решения разногласий и придерживаются мнения о том, что возложение уплаты штрафа на родителей может быть эффективным в том случае, если несовершеннолетний проживает совместно с родителями и уплата штрафа затронет его материальные блага [8, с. 255]. Данное суждение вполне приемлемо, и его нельзя оставлять без внимания.

Полагаем, что штраф может быть действительно эффективной мерой уголовно-правового воздействия на несовершеннолетнего, но только в том случае, если он персонально несет ответственность за преступление своим имуществом или заработанными им лично денежными средствами.

По данным официальной статистики Республики Беларусь за 2019 год штраф и иные меры уголовной ответственности были применены к 15,7% несовершеннолетним [9], а за 2020 год составляет 28,0% [10], поэтому можно сделать заключение, что штраф в отношении несовершеннолетних в республике применяется в незначительной мере.

На наш взгляд также следует отметить, что вопрос о целесообразности применения исправительных работ к несовершеннолетним является достаточно дискуссионным.

Так, автор Гаверов Г. С. считал, что большинство несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, вряд ли вообще всерьез задумываются над последствиями данного вида наказания [11, с. 189]. Согласно суждению иных, указанное наказание не может и не должно широко применяться к несовершеннолетним. Тем не менее, это не означает, что данную меру следует признать ненужной, подлежащей исключению из множества средств, применяемых в отношении несовершеннолетних, так как одним из ключевых положительных качеств исправительных работ является то, что они дают возможность несовершеннолетнему осуждённому оставаться в семье и не утрачивать социальные связи [12].

В чем же причина неэффективности данного вида наказания в отношении несовершеннолетних? При решении этого вопроса необходимо обратиться к судебной статистике, которая показывает, что из 727 осужденных несовершеннолетних исправительные работы были назначены только 5 подросткам (0,7%) [9]. Одной из главных причин уменьшения назначения данного вида наказания, на наш взгляд, являются трудности, связанные с его исполнением. В настоящее время в нашей стране существует безработица [3, с. 111]. Многие законопослушные граждане остаются без работы или попросту не могут её найти. Число государственных предприятий незначительно уменьшилось [13, с. 26]. Исходя из этого, отбывание наказания в виде исправительных работ вызывает определенные трудности не только для несовершеннолетних, но и для взрослых правонарушителей. Возможность отбывания данного вида наказания значительно сократилась [14, с. 1]. По нашему мнению, необходимо разрешить отбывать исправительные работы не только на государственных предприятиях, учреждениях, организациях, но и на кооперативных, частных предприятиях.

Анализ правовой природы исправительных работ приводит к выводу о том, что этот вид наказания в первую очередь рассчитан на назначение взрослым незаконопослушным гражданам. Карательные свойства этой меры, кроме удержаний из заработной платы, выражаются в ряде других правоограничений: время отбывания исправительных работ не засчитывается в общий и непрерывный трудовой стаж и не включается в стаж, дающий право на отпуск, на получение льгот и надбавок к заработной плате; во время отбывания исправительных работ очередной отпуск не предоставляется; пособие по временной нетрудоспособности, беременности и родам исчисляется из заработка за вычетом удержаний, назначаемых приговором суда и т.п.

Одни авторы полагают, что применение исправительных работ к несовершеннолетним вообще следует отменить. По мнению М. Журавлева и П. Ильина исправительные работы не достигают своей цели тогда, когда они назначаются лицам, которые не могут их отбывать. Среди этих лиц авторы указывают на несовершеннолетних [15, с. 45].

Одним из аргументов последователей отказа от применения исправительных работ несовершеннолетним является то, что широкий круг льгот и правовых гарантий, предоставляемых им трудовым законодательством, фактически не совместим с правоограничениями, связанными с применением этой меры наказания [16, с. 157]. Но дело в том, что правоограничения при исправительных работах касаются главным образом двух сфер: удержаний из заработной платы, предоставления отпуска и трудового стажа. Назначение данной меры наказания не аннулирует, таким образом, всю систему льгот и гарантий, обеспечиваемых трудовым законодательством. В том числе гарантий, связанных с обучением профессии, совмещением работы и учебы, рабочего времени и времени отдыха и т. д. Ограничиваются временно лишь часть льгот, которыми пользуется работающий несовершеннолетний, и это совместимо с его общим правовым статусом.

Существует и противоположная точка зрения. Согласно мнению Г.В. Дровосекова, который полагает, что именно исправительные работы являются целесообразными и наиболее эффективными мерами наказания несовершеннолетних [17, с. 6]. По мнению других авторов, в силу определенных особенностей наказания в виде исправительных работ не может и не должно широко назначаться несовершеннолетним, но это не означает, что данную меру вообще следует отменить для несовершеннолетних [18, с. 101].

По мнению М.А. Скрябина несовершеннолетним нельзя широко назначать исправительные работы. Возможности назначения исправительных работ к несовершеннолетним ограничиваются, прежде всего, положениями трудового законодательства, согласно которому прием на работу несовершеннолетних допускается с шестнадцати лет [19, с. 28].

В действительности, особенности, характерные для правовой природы этой меры наказания, ограничивают возможность ее использования в отношении несовершеннолетних, что, безусловно, учитывается судами, которые крайне редко назначают исправительные работы несовершеннолетним. Необходимо учитывать и тот факт, что эта мера наказания назначается только несовершеннолетним преступникам, исправление которых возможно с помощью общественно-полезного труда.

Особенностью данного вида наказания является то, что оно не связано с лишением свободы и позволяет осужденному несовершеннолетнему оставаться в семье и не утрачивать социальных связей. Справедливо отмечается, что нецелесообразно назначать исправительные работы учащимся несовершеннолетним, так как это неизбежно связано с прекращением учебы, если осужденный не в состоянии совмещать обучение с работой, что крайне нежелательно для несовершеннолетнего.

Существенные возражения имеются и против широкого назначения исправительных работ работающим несовершеннолетним. В большинстве случаев они не имеют еще достаточно высокой профессиональной квалификации, в силу чего их заработки обычно невелики. При таких условиях назначение исправительных работ, связанных, как известно, с удержанием в доход государства определенной части заработка и, значит, с ухудшением материального положения осужденного, создает ситуацию, при которой эффект наказания может оказаться обратным желаемому.

На наш взгляд, полностью отказываться от исправительных работ как вида наказания, применяемого к несовершеннолетним и не связанного с лишением свободы, нельзя, так как в перечне видов наказания в Уголовном кодексе Республики Беларусь, помимо исправительных работ, альтернативы лишению свободы не так много.

Таким образом, особенности, вытекающие из правовой природы данной меры наказания, не устраивают, но ограничивают возможность ее назначения несовершеннолетним. И это учитывается судами, которые редко назначают исправительные работы в отношении несовершеннолетних.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что определенные особенности наказания в виде исправительных работ требуют особенно вдумчивого подхода в случае применения этой меры в отношении несовершеннолетних. К сожалению, приходится отмечать, что в судебной практике допускается немало ошибок при назначении несовершеннолетним данной меры воздействия. Решая вопрос о назначении несовершеннолетнему исправительных работ, суд обязан тщательно и всесторонне оценить все «за» и «против», связанные с назначением данного вида наказания в каждом конкретном случае.

На наш взгляд, при правильном подходе судов к назначению исправительных работ несовершеннолетним и при надлежащей организации исполнения данного вида наказания, возможно, повысить эффективность использования этого наказания в судебной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 ноября 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Шидловский, А.В. Применение наказаний к несовершеннолетним в контексте развития ювенальной юстиции в Республике Беларусь / А. В. Шидловский. – Минск : БГУ, 2010. – С. 130–147.
3. Дети и молодежь Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/63c/63c248b4df9ea160bbbffd99acd6a152.pdf>. – Дата доступа: 15.09.2020.
4. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Н.А. Бабий, А.В. Барков, И.О. Грунтов и др.; Под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. - 496 с.
5. Оловенцова, С.Ю. Штраф как вид уголовного наказания, применяемого к несовершеннолетним / С.Ю. Оловенцова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2013. – № 2. – С. 48–50.
6. Грицай, О. В. Исполнительное производство / О. В. Грицай. – Самара : Универс групп, 2009. – 334 с.
7. Тимошенко, Ю.А. Некоторые вопросы назначения несовершеннолетним осужденным наказания в виде штрафа / Ю.А. Тимошенко // Криминалистика. – 2010. – № 2. – С. 18–20.
8. Лопашенко, Н.А. Уголовное наказание в России: состояние и проблемы закона, практики и уголовной политики / Н.А. Лопашенко // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 2. – С. 255–285.
9. Данные судебной статистики за 2019 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/3c486a3a385b456d.html. – Дата доступа: 13.02.2020.
10. Данные судебной статистики за 1 полугодие 2020 года об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/2bd6dec1d5244422.html. – Дата доступа: 22.07.2020.
11. Гаверов, Г.С. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним / Г. С. Гаверов // Изд-во Ом. ВШМ МВД. – 1978. – № 2. – С. 27–36.
12. О необходимости повышения эффективности наказаний, назначаемых несовершеннолетним преступникам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-povysheniya-effektivnosti-nakazaniy-naznachaemyh-nesovershennoletnim-prestupnikam>. – Дата доступа: 06.05.20.
13. Гайдук, К. Сектор госпредприятий: структурные вызовы / К. Гайдук // Банкаўскі веснік. – 2020. № 7. – С. 26–30.
14. Рогова, Е.В. Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним / Е. В. Рогова. – Иркутск : Криминалистика, 2004. – 218 с.
15. Журавлев М., Ильин П. За правильное применение и исполнение исправительных работ / Журавлев М., Ильин П. // Соц. законность. – 1964. – № 5. – С. 45–47.

16. Шаблинская, Д. В. Повышение эффективности и усиление превентивного воздействия системы уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних / Д. В. Шаблинская // ГНУ. – 2018. – № 5. – С. 151–164.
17. Дровосеков, Г. В. Основные вопросы применения наказания в виде исправительных работ к несовершеннолетним / Г. В. Дровосеков. – Свердловск : Российский криминологический взгляд, 2016. – 246 с.
18. Бабаев, М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних / М. М. Бабаев. – М. : Юрайт, 2009. – 287 с.
19. Скрябин, М. А. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним / М. А. Скрябин. – М. : Лань, 1988. – 125 с.

УДК 343

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЁННЫХ

Д.С. ДМИТРИЕВ
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В статье рассматривается значение ресоциализации осуждённых, его понятие, основные цели и задачи. Автором анализируются существующие способы ресоциализации

Ресоциализация – повторный процесс социализации человека. Но, по мнению автора, наиболее точным и емким является определение профессора О.Г. Ананьева: «Ресоциализация – повторный процесс усвоения человеком норм, которые он не усвоил в период первичной социализации, а также новых норм, знаний, навыков проживания в обществе, а также устранение недостатков развития личности» [1, с. 23].

В свою очередь, исправление осуждённых, согласно ч. 2 ст. 7 Уголовно-Исполнительного Кодекса Республики Беларусь (Далее – УИК), – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни [2].

Сопоставление вышеприведенных понятий «ресоциализация» и «исправление осуждённых» позволяет сделать вывод о том, что исправление относится к процессу ресоциализации как часть к целому и является понятием более узким, чем ресоциализация.

В Республике Беларусь до настоящего времени не создана стройная система государственных и общественных организаций в сфере ресоциализации или же адаптации заключённых. Нет законодательного определения этих понятий, а также не определены те или иные мероприятия в рамках этих процессов.

Следует также отметить и недостаточную изученность такой специфической отрасли научно-практических знаний, как пенитенциарная психолого-социальная работа, что затрудняет выделение её собственного понятийного аппарата.

Все наказания, предусмотренные в ст. 48 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (Далее – УК) можно условно классифицировать в зависимости от их строгости и условий выполнения. По мнению автора, Д.А. Павленко наиболее точно классифицировал наказания:

«1. «Символические» наказания:

- общественные работы, заключающиеся в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества сроком от 60 до 240 часов;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 5 лет.

2. «Материальные» наказания, предусматривающие восстановление социальной справедливости посредством внесения осужденным лицом определенных денежных выплат:

- штраф (как единовременная финансовая выплата);

– исправительные работы (предполагающие перечисление осужденным части заработка (от 10 до 25%) в течение установленного судом периода времени (от 6 месяцев до 2 лет), то есть фактически исправительные работы могут рассматриваться как «штраф, уплачиваемый в рассрочку»).

3. Наказания с «режимом минимальных ограничений» (осужденный остается проживать по прежнему месту жительства, однако на него возлагаются определенные обязанности и ограничения):

- ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (далее – ИУОТ);
- исправительные работы (так как данный вид наказания кроме регулярных финансовых отчислений предполагает определенное ограничение прав осужденного).

4. Наказания, предусматривающие нахождение осужденного в условиях «полусвободы», когда осужденный проживает в специальном общежитии исправительного учреждения (находится под надзором администрации исправительного учреждения), но не изолирован от общества и включен в основные социальные процессы:

- ограничение свободы с направлением в ИУОТ;
- лишение свободы в условиях исправительной колонии-поселения.

5. Наказания, связанные с полной изоляцией от общества:

- арест на срок до 3 месяцев;
- лишение свободы (кроме лишения свободы в условиях исправительной колонии поселения)»

Таким образом, уголовное законодательство предусматривает широкий спектр наказаний, которые могут быть использованы для восстановления социальной справедливости и исправления осужденного с учетом его личности, тяжести совершенного преступления и иных обстоятельств. При этом эффект может быть усилен посредством назначения дополнительных наказаний (лишения воинского или специального звания, конфискации имущества). Также в качестве дополнительных наказаний могут быть назначены общественные работы, штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью (например, общественные работы могут быть назначены в качестве дополнительного наказания к штрафу)» [3, с. 2]. Используя данную классификацию можно воссоздать «идеальную» модель «социального лифта». Цель «социального лифта» состоит в том, чтобы сделать осужденного субъектом своего исправления (ресоциализации), то есть сформировать у него субъективную возможность и осознанное стремление к ведению правопослушного образа жизни.

«Идеальная» модель «социального лифта» должна предусматривать постепенное прохождение осужденным (перед полным освобождением) лишения свободы, условий «полусвободы», «режима минимальных ограничений», а затем «материального» либо «символического» наказания. Однако возможны варианты – в зависимости от личности и поведения осужденного.

Следует сделать вывод, что исполнение уголовного наказания – не превращение осуждённого в объект насилия, а процесс возвращение социально деформированной личности к социально адаптированной жизнедеятельности.

Социальная работа с осуждёнными направлена на достижение общих целей деятельности:

- увеличение степени самостоятельности осуждённых, а именно их способности контролировать свою жизнь и давать отчёт своим действиям;
- создание условий, в которых осуждённые должны будут проявить свои возможности и получить для этого всё, что им положено по закону;
- социализация или же ресоциализация в обществе;
- достижение такого уровня результата, когда необходимость помощи со стороны соцработника у осуждённых отсутствует.

При этом подобные действия должны быть использованы с научным подходом или же на научной основе. Такие принципы ресоциализации должны быть в основе практики.

В Республике Беларусь целесообразной целью можно считать применение опыта ряда зарубежных стран в сфере ресоциализации осуждённых.

К примеру, Голландия (в части самообслуживания заключённых), Германия (в части составления психологического обследования осуждённых и их готовности к ресоциализации) или же Англии (в части создания информационных пакетов для осуждённых лиц) [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что для создания в Республике Беларусь наиболее эффективной модели ресоциализации заключённых необходимо больше изучать и совершенствовать пенитенциарную практику и практику назначения наказаний судом, а не законодательство Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, О.Г. Ресоциализация и социальная адаптация лиц, освобождаемых из исправительных учреждений : курс лекций / О.Г. Ананьев. – Рязань : Академия ФСИН России, 2012. – 210 с. Дата доступа: 05.04.2020.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, 11 янв. 2000 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2008; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. - №140. – 2/1877. Дата доступа: 05.04.2020.
3. Павленко, Д.А. Модель ресоциализации осужденных преступников в Республике Беларусь / Д.А. Павленко // Проблемы и перспективы современной науки : сб. ст. участников VI Респ. науч.-практ. семинара молодых ученых, Минск, 16 окт. 2015 г. / редколл.: В.В. Гедранович [и др.] ; Минский инновационный ун-т. – Минск : Минский инновационный ун-т, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.miu.by/collections!/item.rnpsmu-pipsn/issue.vi/article.4.html>. – Дата доступа: 02.04.2020.
4. Гуминский, М.Н. Некоторые проблемы ресоциализации осужденных в Республике Беларусь и пути их решения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lib.vsu.by/jspui/handle/123456789/13594> – Дата доступа: 02.04.2020.

УДК 343

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ В РОССИИ

Д.С. ДМИТРИЕВ
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В статье рассматривается значение ресоциализации осуждённых в Российской Федерации, её свойства, основные цели и задачи. Автором анализируются существующий способ ресоциализации в России.

Целью исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России является исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы, обеспечение ресоциализации осужденных в ходе отбывания ими этого наказания, подготовка их к адаптации к условиям жизни современного общества после освобождения из мест лишения свободы. Ресоциализация осужденных в процессе исполнения и отбывания наказания является ведущей задачей пенитенциарных учреждений. Однако практика исполнения наказания в виде лишения свободы является многогранной и противоречивой. С одной стороны, исправительные учреждения должны обеспечить вхождение осужденного в социум, а с другой – в них исполняется наказание в виде лишения свободы и реализуются его цели по средствам режима, правилами которого регламентируется поведение осужденных, определяются пределы и приемы коррекционно-исправительного воздействия на осужденных, что не имеет места в жизни на свободе. Кроме того, анализ исследований, посвященных данной проблеме, позволяет говорить о том, что в период отбывания наказания у осужденных культивируются такие негативные черты, как склонность к насилию, корысть, неуважение к обществу и др, а методы, ориентированные на исправление преступника, не вызывают продуктивных изменений в деформированной личности [1].

В России за последние 5 лет на уровне федеративных единиц было принято 35 региональных законов и 85 постановлений правительства, которые утверждают программы, предусматривающие социальную и социально-психологическую поддержку, а также обслуживание осужденных. В этом можно выделить положительные черты:

- региональные законы и постановления правительства учитывают специфику регионов;
- большинство принятых на региональном уровне программ касаются лиц, освобожденных из мест лишения свободы [2].

Однако нельзя не затронуть ряд проблемных задач, касающихся адаптации осужденных к жизни на свободе. К таким проблемам относятся:

- вопросы правовой защиты недостаточно урегулированы на уровне пенитенциарной системы и общества в целом;
- отсутствуют комплексные государственные программы социальной защиты категорий граждан, освободившихся из мест лишения свободы (есть программы контроля поведения, но нет социального сопровождения);
- отсутствуют комплексные государственные программы развития социальных навыков и социального сопровождения граждан, освободившихся из мест лишения свободы;
- существует необходимость расширения числа организаций, занимающихся социальной адаптацией бывших осужденных [3].

На сегодняшний день на практике возникают следующие проблемы: часть практических работников не придают должного значения получению осужденными общего образования, считая, что им достаточно получить профессиональное образование; отсутствует должное взаимодействие между органами управления образованием и учреждениями УИС, что приводит к ослаблению контроля над организаций учебного процесса. Что касается вопроса реализации осужденными права на образование то тут проблема заключается в том, что они получают профессиональное образование, которое является невостребованным на современном рынке труда, что вызовет у них сложности в трудоустройстве на свободе и может привести к совершению нового преступления.

Немаловажной проблемой выступает отсутствие государственно-правового механизма социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, а сложившаяся практика трудового и бытового устройства лиц, отбывших наказание, не обеспечивает в полной мере реализацию прав и законных интересов указанной категории граждан. Имеющиеся центры социальной реабилитации, социальные приюты в силу их малочисленности не способны охватить своим воздействием всех освобождающихся из мест лишения свободы и нуждающихся в социальной помощи [4, с. 68].

Исходя из части 1 статьи 110 УИК РФ, осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы. Под иным воспитанием в литературе, как правило, понимается эстетическое, экономическое и экологическое воспитание. В итоге стоит подчеркнуть, что средства исправления должны послужить именно мотивом для самовоспитания, положительно характеризующего

осужденного, а не подавления его как личности, результатом чего должно стать изменение его правосознания и поведения, адекватная оценка окружающего мира, а в итоге и досрочное освобождение.

Для того чтобы осужденный в местах лишения свободы соблюдал порядок и условия отбывания наказания, добросовестно относился к труду, учебе, активно участвовал в творческой деятельности, он должен адаптироваться к условиям исправительного учреждения. Но как ни парадоксально, это оказывает негативное влияние на ресоциализацию. Чем больше осужденный адаптировался к местам лишения свободы, тем сложнее ему будет вернуться к обычной жизни, и наоборот [5, с. 125].

Однако если взглянуть на данную проблему под другим углом, то можно отметить, что ежедневный контроль, строгая регламентация дня приводят к возникновению у осужденного различных психофизиологических явлений, сопровождающихся разрушением личности осужденного, что проявляется в потере смысла жизни, отсутствии надежды и перспектив на будущее.

Механизм ресоциализации в России должен быть закреплен на федеральном уровне и включать в себя важные структуры, а именно государство и общество. Для закрепления минимальных стандартов, принципов, видов, форм, источников и стимулов оказания социальной помощи освобожденным осужденным требуется разработка и принятие Федеральной целевой программы, цель которой будет оказании социальной помощи и ресоциализации освободившихся и осужденных. Такое законодательное закрепление позволит реализовать все цели и задачи, основные этапы программы за счет средств федерального бюджета.

Как ранее было изложено в работе, невозможно говорить о ресоциализации без изменения негативных установок и ценностей, правосознания осужденных, а также готовности соблюдать законы, правила и нормы, сложившиеся в обществе. Исходя из данного положения, видится целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, изложив в следующей редакции: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями ресоциализацию осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» [5, с. 126]. В связи с этим методы и средства, направленные на исправление личности осужденного, должны включать в себя процессы, затрагивающие все компоненты структуры личности. Социально-психологическая ресоциализация имеет свою структуру, и одним из ее компонентов является ценностно-смысловая сфера, образующая базовое ядро личности [6, с. 120].

Таким образом, об эффективности ресоциализации в России можно говорить только в том случае, когда осужденный сам сознательно соблюдает порядок и условия отбывания наказания, добросовестно трудится, обучается, повышает свою квалификацию, приобретая тем самым необходимые знания, умения и навыки для жизни на свободе, поддерживает социально полезные связи, участвует в мероприятиях, проводимых психологами, то есть характеризуется положительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салахова, В.Б., Митина, Т.С. Проблема ресоциализации в уголовно-исполнительной системе России // Власть. 2016. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-resotsializatsii-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossii> (дата обращения: 05.04.2020).
2. Городецкий Н. Н. Социальная помощь осужденным без изоляции от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 5. С. 17–20. Дата доступа: 05.04.2020.
3. Танская, Г. А. Актуальные проблемы ресоциализации осужденных молодежного возраста, отбывающих наказание в виде лишения свободы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/157418> – Дата доступа: 04.04.2020.
4. Первозванский В.Б., Голик Н.М. О концепции проекта Федерального закона «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» // Вестник Кузбасского института ФСИН. 2016. № 3. С. 68–69. Дата доступа: 05.04.2020.
5. Козловский С.Н. РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ // Вестник ННГУ. 2019. №1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-osuzhdennyh-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah> – Дата доступа: 05.04.2020.
6. Салахова, В.Б., Митина, Т.С. Проблема ресоциализации в уголовно-исполнительной системе России // Власть. 2016. №9.[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-resotsializatsii-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossii> – Дата доступа: 09.04.2020.

УДК 343

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ В США

Д.С. ДМИТРИЕВ
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В статье рассматривается значение ресоциализации осуждённых в Соединённых Штатах Америки, её свойства, основные цели и задачи. Акцентируется внимание на анализе и выявляется способ ресоциализации.

В США для успешной социальной адаптации в пенитенциарный период проводится работа, результатом которой является анализ заключенными своих противоправных поступков и потребностей и осознание необходимости изменить свою судьбу. В исправительных учреждениях США разработан целый ряд программ, направленных на снижение уровня преступности. Работа с осужденными начинается сразу же после поступления в исправительное учреждение. Проводится диагностика вновь прибывшего осужденного для подбора индивидуальной программы. Уголовный кодекс США регламентирует права осужденных на социальную адаптацию. Так, в соответствии со ст. 304.6 УК США «Программа социального восстановления личности», «директор ведомства исправительных учреждений устанавливает для каждого учреждения соответствующую программу, рассчитанную, насколько это осуществимо, на то, чтобы подготовить каждого заключенного к принятию на себя ответственности за свое дальнейшее поведение и к тому, чтобы он мог сообразовывать свое поведение с требованиями закона, и содействовать ему в этом. При разработке такой программы директор стремится сделать доступными для каждого заключенного, способного извлечь из этого пользу, общее или профессиональное обучение, участие в производительном труде, религиозную и культурную деятельность и такие терапевтические мероприятия, которые могут быть осуществлены» [1, с. 303].

Интересен с точки зрения рассматриваемой проблемы опыт реабилитационной работы США и Канады. В США с 1995 г. по 2005 г. преступность сократилась в целом почти на 30%. Конечно, для истории это не срок, но именно за эти годы в США произошло немало позитивных перемен. Они, понятно, аккумулировали и усилия предыдущих лет. Говоря об очевидных успехах в борьбе с преступностью, и власти, и полиция, и суды, и тюремщики приписывают прогресс себе – и все они отчасти правы. Резкой критике в США подвергся закон 1994 года, который Билл Клинтон подписал вскоре после избрания его президентом. Его называли чрезвычайным и за его дорогоизнну (общая стоимость мер по его реализации превышала 30 млрд. долл.), и за его масштабность – строительство новых тюрем и значительное увеличение расходов на решение проблем ресоциализации осужденных и освобожденных; увеличение численности полиции на 100 тыс. и рост расходов на её техническое оснащение; криминализация более 60 федеральных преступлений; значительное ужесточение карательной практики и т.д. Позитивный эффект реализации всех этих мер оправдал огромные финансовые затраты, ощутимо проявился в последовательном снижении уровня и общего числа преступлений, в резком снижении уровня насилия, в общем повышении чувства безопасности.

В некоторых российских публикациях встречается указание на то, что хотя численность населения США составляет всего 5% от общего населения планеты, на долю этой страны приходится почти 25% мирового тюремного населения. Дело в том, что в силу ряда особенностей пенитенциарной практики в США система исполнения наказаний охватывает не только все категории осужденных к любым видам наказания – в том числе и альтернативным, – но и лиц, освобожденных из мест лишения свободы условно-досрочно и находящихся под надзором. Поэтому национальная статистика ведет единый учет всех этих категорий. Согласно данным статистики за 2003 г., на учете у органов, исполняющих наказание, состояло около 7 млн. чел., однако, на самом деле среди них 4,7 млн. – не «тюремное население», а находящиеся под надзором службы пробации условно осужденные и отсрочки исполнения приговора и условно-досрочно освобожденные «под честное слово». Особо следует отметить использование в США новейших достижений науки в раскрытии преступлений (экспериментальные программы по анализу ДНК, судебно-лабораторные тесты и др. прогрессивные биохимические методы идентификации преступников)

В США ныне действующая практика пенитенциарной системы связана, прежде всего, с проведенной в 70-х годах прошлого века реформой системы неопределенных приговоров. Отметим, что эта система представляла собой вынесение судом обвинительных приговоров без точного указания в нем срока лишения свободы. Иными словами, суд устанавливал для осужденного лишь общие пределы тюремного заключения, обычно довольно большие (например, 5 – 20 лет) или очень большие (например, от 20 до 50 лет или даже от 1 года до 99 лет).

Действительная же продолжительность срока отбытия осужденным лишения свободы определялась специальной комиссией – Советом по условно-досрочному освобождению, который состоял из 4–5 человек, а состав назначался, как правило, губернатором штата. В результате проведенной реформы в 1984 г.

был принят «Закон о реформе системы наказания», который был частью так называемого «Комплексного закона о контроле над преступностью», который, с определенными изменениями и дополнениями, действует и нынче на территории США. Данный закон предписывает, чтобы суд назначал наказание достаточно, но не более того, которое необходимо, чтобы оно соответствовало целям наказания. Кроме того, суд при назначении наказания должен руководствоваться рекомендациями Комиссии по назначению наказаний. В 1985 г. в США такая комиссия была сформирована. Она состоит из 7 членов с правом голоса и одного с совещательными правами. В состав комиссии входит Генеральный Атторней и три федеральных судьи США. Четыре других члена комиссии - специалисты в соответствующих областях: экономист, профессор уголовного права и представитель исправительного учреждения и т.д. [2].

Целенаправленная политика исправления правонарушителей и реинтеграции их в общество в зарубежных странах делает социальную работу с осужденными достаточно эффективной. Во-первых, в системе исполнения уголовных наказаний США заняты сотрудники различных категорий: социальные работники, педагоги, психологи, священнослужители, медицинские работники. Во-вторых, там созданы психологические службы для изучения личности осужденного, истории ее криминального развития, мотивов и факторов ее криминального поведения, выяснения психологических особенностей для успешного перевоспитания осужденных [4]. Полученные данные используются для осуществления дифференцированного подхода к ресоциализации осужденных, позволяют выбрать наиболее эффективные формы и методы работы [3].

Существует еще ряд вопросов, которым следует уделять пристальное внимание при подготовке осужденного к освобождению в США из мест лишения свободы. Для успешной ресоциализации у осужденных необходимо сформировать умения и навыки планирования жизни. Для этого необходимо провести следующую работу:

- информирование осужденных о событиях и изменениях, проходящих в социуме, об особенностях функционирования определенных социальных институтов;
- программы по формированию у осужденных финансовой грамотности, от которой во многом зависит эффективность всего процесса ресоциализации (успешно реализовываются в США), которые предполагают возможность получения бесплатной консультации (специалисты в режиме онлайн, телефонное консультирование, индивидуальное консультирование, информирование), участие в тренингах, обучение на курсах [5, с. 134].

Таким образом, указанные нормы помогают в работе с лицами, совершившими преступления против свободы, чести и достоинства, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / пер. с англ. А.С. Никифорова; под ред. Б.С. Никифорова. М., 1969. – Дата доступа: 10.04.2020.
2. Тохова Е. А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений // Проблемы в российском законодательстве. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-sotsialno-pravovogo-kontrolja-za-litsami-osvobozhdennymi-iz-ispravitelnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 24.09.2020).
3. Молчанова, Т. Ю. Зарубежный опыт ресоциализации осужденных / Т. Ю. Молчанова, В. Г. Мильшина. – Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. – 2020. – № 2 (292). – С. 129–131. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/292/66202/> - Дата доступа: 25.04.2020.
4. Марков В. П. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных к лишению свободы в зарубежной практике // Вестник СамГУ. 2013. № 8/1 (109). С. 31–36. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vestnik.ssu.samara.ru/tgt/2013_8_1_109_5 – Дата доступа: 25.04.2020.
5. Ежова О.Н. Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. 2018. №2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-organizatsii-protsessa-resotsializatsii-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody>. – Дата доступа: 25.04.2020.

УДК 343

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ В ШВЕЙЦАРИИ

Д.С. ДМИТРИЕВ
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В статье рассматривается значение ресоциализации осуждённых в Швейцарии, её свойства, основные цели и задачи. Акцентируется внимание на анализе и выявляется способ ресоциализации.

В Швейцарии по закону целью тюремного заключения является не возмездие, а ресоциализация осужденного. С другой стороны, нельзя упускать из виду и необходимость защиты интересов и безопасности социума.

Особую значимость при рассмотрении вопросов использования труда осужденных, определении целей и сфер его применения при осуществлении производственной деятельности в постсоветский период имели подходы, изложенные в международных правовых актах. В Европейских пенитенциарных правилах «труд в местах лишения свободы рассматривался как позитивный элемент исправительного воздействия, профессиональной подготовки и административного управления». В новой редакции Европейских тюремных правил констатируется не только позитивность труда как такового, но и регламентируются условия устанавливающие невозможность использования труда как наказания, более того, заключенным предоставляется право выбора «форм занятости, в которой они хотят участвовать».

Таким образом, в европейском сообществе преобладающей стала точка зрения, отрицательно оценивающая любую работу по принуждению, так как такой труд не может благоприятно влиять на человека, а позитивные навыки сам человек может получить только в условиях свободного выбора видов трудовой деятельности. Необходимо указать на то, что в международной практике труд заключенных не признается принудительным. Следует также обратить внимание и на то обстоятельство, что условие обязательности труда заключенных в пенитенциарных учреждениях не может быть в полном объеме реализовано в рыночной экономике, так как в рыночных условиях существует безработица, поэтому в пенитенциарных учреждениях всегда будет сохраняться дефицит рабочих мест и избыток рабочих рук.

В Европейских тюремных правилах признается выгода «получения финансовой прибыли от деятельности предприятий в исправительных учреждениях, что может быть полезным с точки зрения повышения стандартов, а также качества и целесообразности профессиональной

В Швейцарии, чтобы повысить шансы заключенного на рынке труда после освобождения, в исправительных учреждениях создаются небольшие производственные предприятия, которые налогом частично не облагаются.

Например, в Швейцарии в обязанность сотрудников колонии входит проведение адаптационных мероприятий, целью которых является исправление осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, и профилактика рецидивов [1, с. 44].

Уголовный кодекс Швейцарии регламентирует порядок организации надзора за освобождающимися из тюрем и оказания им социальной помощи. В соответствии со ст. 47 УК Швейцарии надзор и социальная защита должны способствовать возвращению лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, к нормальному образу жизни; органы социальной защиты и попечительства несут ответственность за оказание помощи в поисках жилья и работы. В данной статье указывается, что опека не должна быть навязчивой, большое внимание уделяется вопросам оказания специализированной помощи лицам, страдающим алкогольной или наркотической зависимостью, имеющим психические расстройства, склонным к совершению повторных преступлений [2, с. 52].

Одним из эффективных методов социальной адаптации является регулярное посещение тюрем социальными работниками, постоянный контакт с социальными службами города (службы занятости, пенсионного обеспечения, надзора) для проведения систематических консультаций по вопросам, которые интересуют осужденных. При возникновении каких-либо трудностей после освобождения гражданин Швейцарии имеет право обратиться в администрацию с заявлением о просьбе встретиться с социальным работником, который предложит комплекс мер по разрешению конкретной проблемы (например, поиск квартиры, работы).

В Швейцарии осужденные в дневное время работают на производстве и только ночью содержатся в камерах, в свободное время они учатся в школе, занимаются спортом. Необходимо отметить, что на базе швейцарских тюрем и колоний (в отличие от российских исправительных учреждений) создается не одно монопроизводство (например, деревообработка, металлообработка), а большое количество мастерских. В таких мастерских осужденные имеют возможность выбрать интересующую их работу, а также овладеть новыми профессиями, которые окажутся весьма полезными после освобождения или будут востребованы в обществе [1, с. 45].

Таким образом, в Швейцарии процесс социальной адаптации начинается с поступления осужденного в места лишения свободы, для каждого осужденного разрабатывается индивидуальная программа подготовки, однако интересы заключенных не должны быть подчинены этой цели». Установление ограничения интересов пенитенциарных учреждений в извлечении прибыли свидетельствует только об одном, что производственные подразделения пенитенциарных учреждений, привлекающие осужденных к труду, не должны преследовать исключительно коммерческие цели. Поэтому при организации производств в пенитенциарных учреждениях стремление названных учреждений получать прибыль, компенсировать понесенные затраты, гарантировать осужденным справедливое вознаграждение за труд является обоснованным желанием, более того, оно выступает экономической необходимостью и требованием, а предоставление осужденным возможности выполнения на этих производствах разнообразной работы будет способствовать развитию личности, приобретению и закреплению профессиональных навыков, обеспечивать решение законодательно закрепленных социальных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухова, А.Н. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях: учеб. пособие. М., 2007. Дата доступа: 25.04.2020.
2. Уголовный кодекс Швейцарии / пер. с нем.; науч. ред. А.В. Серебрянникова. СПб., 2002. Дата доступа: 25.04.2020.

УДК 343

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Д.С. ДМИТРИЕВ
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В статье рассматривается значение ресоциализации осуждённых в Великобритании, её свойства, основные цели и задачи. Акцентируется внимание на анализе и выявляется способ ресоциализации.

Одной из первых стран, организовавших в своих исправительных учреждениях работу, направленную на полную образовательную адаптацию, является Великобритания. Каждый заключенный в Великобритании имеет право получить образование; во всех тюрьмах разработаны образовательные программы вечерних занятий и созданы условия для получения профессионального образования. При реализации социальных программ тюремный персонал Великобритании руководствуется следующими Европейскими пенитенциарными правилами:

1. В каждом учреждении должны быть разработаны социально-образовательные программы, обеспечивающие развитие способностей заключенных. Цели программ: совершенствование перспектив, ресоциализация, развитие самоуважения, нравственное воспитание.

2. Образование должно рассматриваться как форма организации свободного времени заключенных, обладать таким же статусом, как и труд, быть составной частью программ исправления.

3. Заключенные имеют право обучаться вне тюрьмы. В условиях уголовно-исполнительской системы действуют общегосударственные социальные программы по ликвидации безработицы (для профилактических целей). В соответствии с ними безработным предоставляется возможность приобрести профессиональные навыки.

Для молодежи, беременных женщин, инвалидов и других категорий граждан существуют отдельные программы и курсы, т.е. работа с ними ведется по индивидуальным программам. В тюрьмах и колониях проводится разъяснительная работа в рамках программы «Планирование освобождения». Сотрудники уголовно-исполнительской системы дают осужденным исчерпывающую информацию по вопросам обучения, трудоустройства, жилья [1, с. 55].

Представляет интерес опыт Великобритании в области попечительского надзора. Институт попечительского надзора существует с 60-х гг. ХХ в. и вполне оправдал себя. Работники попечительского надзора оказывают серьезную помощь в социальной адаптации, они проводят работу по трудоустройству освободившихся осужденных [2, с. 38].

В пенитенциарной практике Великобритании в последние десятилетия к исправлению правонарушителей применяется программно-целевой подход. Большинство разрабатываемых программ основано на когнитивно-поведенческом подходе, который считается наиболее эффективным в коррекционной работе с осужденными. Они предназначены для выявления причин и факторов, детерминирующих противоправное поведение, уменьшения влияния и управления этими факторами. Кроме снижения риска рецидива, программы обеспечивают оценку пенитенциарного риска и реабилитацию осужденных. Тюремная служба благодаря Отделу по разработке поведенческих программ для правонарушителей (OBPU) в настоящее время представляет различные программы, которые полностью одобрены Аккредитационной комиссией по исправительным учреждениям (CSAP). Они различаются по длительности проведения, сложности и ориентированы на различные категории осужденных в зависимости от тяжести совершенного преступления и их потребностей.

Имеющиеся программы можно разделить:

1) программы, направленные на работу с эмоционально-волевой сферой осужденных. Программа по работе с агрессивным поведением (ART), предназначена для осужденных за насилиственные преступления. В ней применяются психотехники, предназначенные для групповой работы. Они направлены на принятие осужденными ответственности за свое поведение, развитие умений контролировать свои эмоции и принимать решения. У осужденных, которые участвуют в данной программе, снижается агрессивность, желание причинять ущерб другим и нарушать общественный порядок;

2) программы, направленные на коррекцию когнитивной сферы осужденных. Программа по развитию мыслительных навыков (ETS) – это сравнительно короткая, состоящая из 20 сессий (занятий), наиболее часто применяемая программа, которая предназначена непосредственно для работы с преступным мышлением и поведением. Она помогает развить мышление, коммуникативные навыки, умения принимать решения в различных условиях и ситуациях [3, с. 17–25], а также управлять эмоциями. Другая подобная программа (TSP) направлена на снижение вероятности совершения повторных преступлений путем работы с мотивационной сферой, развивая навыки целеполагания, планирования и достижения результата;

3) программы для осужденных за преступления сексуального характера. Серия программ по обращению с осужденными за сексуальные преступления (SOTP, C-SOGP, NSOGP и др.). В настоящее время доступен ряд программ, разработанных специально для данной категории осужденных. Они подбираются индивидуально, в зависимости от степени риска и потребности конкретного осужденного и помогают им осознать, почему они совершили преступления на сексуальной почве. Программы направлены на изменение отношения к жертве. Основной упор делается на то, чтобы помочь преступнику в формировании конструктивных жизненных целей, мышления, эмпатии и поведенческих навыков, которые помогут избежать рецидивов. Существуют также специально разработанные программы для осужденных с высоким риском совершения рецидива;

4) программы для осужденных, склонных к аддитивному поведению. Программа ASRO направлена на повышение мотивации к изменениям, укрепление самоконтроля, выработку стратегии избегания рецидивов употребления психоактивных веществ и совершения преступлений. Она предназначена для осужденных мужского пола с низкой и средней степенью зависимости от различных препаратов;

5) программы, предназначенные для коррекции отношений в семье. Программа для осужденных, совершивших преступления насилиственного характера в семье (CDVP), направлена на снижение рецидива насилистических преступлений в отношении женщин и помогает осужденным мужского пола изменить свое поведение и снизить риск преступного поведения в семье;

6) программы для несовершеннолетних правонарушителей. Программа по формированию жизненно важных навыков у несовершеннолетних правонарушителей (JETS) основана на программе ETS, направлена на изменение преступного мышления и поведения несовершеннолетних;

7) программы для осужденных женщин. Программа по формированию умений делать правильный выбор, действовать в соответствии с принятым решением, управляя эмоциями и сохраняя хорошие взаимоотношения с окружающими (CARE);

8) программы, основанные на модели «терапевтического сообщества». Их сущность состоит в том, что жизнь в стенах исправительного учреждения очень напоминает жизнь в свободном обществе, и эффективность терапии зависит от личностных особенностей осужденного;

9) программа «Хромис». Комплексная и интенсивная программа специально разработана для психопатических личностей и направлена на то, чтобы снизить высокий риск совершения насилистических действий среди правонарушителей, чей уровень развития или сочетание психопатических черт препятствуют их способности воспринимать какое-либо психологическое воздействие [4, с. 49–51].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухова, А.Н. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях: учеб. пособие. М., 2007. Дата доступа: 25.04.2020.
2. Шапарь, М.А. Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных в пенитенциарный период // Вестник КРУ МВД России. 2017. №1 (35). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/optyt-zarubezhnyh-stran-v-voprose-resotsializatsii-osuzhdennyh-v-penitentsiarnym-period> – Дата доступа: 25.04.2020.
3. Пастушена, А.Н. Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 17–25. Дата доступа: 02.05.2020.
4. Лаврентьева Инна Валериевна Зарубежные психокоррекционные программы в ресоциализации осужденных (на примере Великобритании) // Человек: преступление и наказание. 2015. №2 (89). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye-psihokorrektsionnye-programmy-v-resotsializatsii-osuzhdennyh-na-primere-velikobritaniyi>. – Дата доступа: 02.05.2020.

УДК 343

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д.С. ДМИТРИЕВ
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В статье рассматривается значение ресоциализации осуждённых в Республике Беларусь, её свойства, основные цели и задачи. Акцентируется внимание на анализе и выявляется способ ресоциализации, а также рассматривается вариант усовершенствования способов ресоциализации в стране.

1. Состояние модели ресоциализации осуждённых в Республике Беларусь в наше время.

В нашей стране общественный интерес к ресоциализации характеризуется волнобразным проявлением, однако в целом он нарастает. За последние годы реализовано несколько проектов международной технической помощи по данной теме, состоялся целый ряд мероприятий (конференции, круглые столы и т.п.) по проблемам ресоциализации. Общественная значимость и резонанс проблемы приводили к тому, что за последние 5–10 лет уже как минимум дважды на достаточно высоких государственных уровнях выдвигались и обсуждались идеи принятия специального Закона о ресоциализации заключенных, однако эта инициатива так и не была реализована. Тому есть ряд причин, в том числе и экономического характера: полноценная ресоциализационная деятельность требует немалых финансовых, инфраструктурных, кадровых ресурсов. Однако, по нашему мнению, одной из главных причин слабого внимания государства к этой проблеме является и недооценка ее важности, а также традиционное для нашего общества пренебрежение ценностью каждого отдельного человека и его конструктивным потенциалом.

По итогам 2018 года из числа всех расследованных по республике преступлений (59 724):

- 39,3% совершены ранее судимыми 14 гражданами;
- 61% – не работающими и не обучающимися;
- 28,6% – в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Из количества граждан, совершивших преступления (46 400):

- 37,1% совершены ранее судимыми гражданами;
- 59,6% – не работающими и не обучающимися;
- 17,8% – женщинами;
- 28,6% – в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Общепризнанным является факт о ведущей роли труда как основного элемента ресоциализации в Республике Беларусь. Труд для трудоспособного человека является обязательным условием его полноценного функционирования в социуме, средством самореализации. Труд выступает источником развития человека: в ходе труда человек развивается физически, приобретает и закрепляет новые знания и умения, у него формируются творческие способности. Кроме этого, труд существует в формировании личности. Он способствует социализации человека, самовыражению его способностей и талантов. С другой стороны, не стоит забывать, что труд может служить также инструментом унижения и давления на человека.

В соответствии с законодательством Беларуси, исполнение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и другими лицами, а одним из основных средств достижения этой цели является общественно полезный труд. Обязанность трудиться для каждого заключенного зафиксирована в УИК, статьей 98 которого предусматривается, в частности, обязанность каждого осужденного «...трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений», а также обязанность администрации исправительных учреждений «...привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности» [1].

Именно продавая свою рабочую силу, получая материальное вознаграждение за труд, законопослушный человек имеет возможность удовлетворить существующие потребности, начиная от питания и заканчивая материальным обеспечением своей семьи. И, напротив, по любым причинам не имеющий возможности получать вознаграждения за свой труд, человек будет искать иные, нередко преступные возможности удовлетворения своих потребностей. Именно поэтому, например, безработица считается одной из важных причин преступности, и именно поэтому такое существенное значение придается трудоустройству бывших заключенных после их освобождения из мест лишения свободы. По данным официальной статистики, почти две трети всех преступлений в Беларуси совершается людьми, которые не работают и не учатся. Уже, исходя из этого факта, очевидна роль труда как важнейшего инструмента профилактики преступности и ресоциализации бывших заключенных.

Нетрудно подсчитать, что в среднем исправительные учреждения, по мнению сотрудников, исправляют около 12% попавших туда и отбывших срок наказания преступников. Остальные 88% не только

не исправляются, но и приобретают новый криминальный опыт и асоциальные нравственные установки. Это позволяет прийти к выводу о том, что идея исправления осужденных при помощи лишения свободы, принудительного труда и коллективного проживания далеко не бесспорна» [2].

Для людей, не имеющих рабочей профессии, в исправительных учреждениях организовано профессионально-техническое образование и профессиональная подготовка, что в теории позволяет им получить специальность, по которой они могут работать на предприятии ИУ, а также после освобождения. В УИС действуют профессионально-технические училища (ПТУ), в которых ежегодно обучается около 2,7 тысяч человек, приобретая специальности столяра, электромонтера, электрогазосварщика, автоэлектрика, швей-моториста, тракториста, слесаря, токаря, резчика по дереву и др. – всего 3 специальности.

Формально такая система выглядит вполне адекватной задаче трудовой ресоциализации, однако на практике существует ряд проблем. Главной из них следует назвать недостаточную мотивацию, отсутствие установки на труд и, соответственно, на обучение специальности. Материально-техническая база таких ПТУ сильно устарела, износ оборудования, станков составляет более 90%. ПТУ в основном ориентированы на подготовку специалистов по профилю предприятия ИУ, потребности рынка труда на свободе при этом учитываются слабо. Высокая текучесть контингента и другие специфические обстоятельства не стимулируют предприятия УИС инвестировать в рабочую силу – в повышение образования, квалификации, укрепление здоровья, культуру и досуг заключенных.

У каждого работающего заключенного производятся удержания. Несмотря на строгую регламентированность, именно удержания характеризуют отсутствие системности при начислении выплаты осужденным в разных исправительных учреждениях. По сообщениям освободившихся из МЛС людей, удержания за коммунальные услуги с одного человека в некоторых ИУ в месяц превышают суммы, уплачиваемые жильцами за трехкомнатные квартиры на свободе. При этом с людей, которые, находясь в ИУ, не работают и не имеют средств на лицевом счету, удержания не производятся, но как только осужденный приступает к оплачиваемым работам, начинаются удержания. Разумеется, такой подход является мощным демотивирующим труд фактором.

Подобная система «трудового использования спецконтингента» порождает еще одну крайне болезненную проблему. В связи с требованиями полной трудовой занятости и катастрофическим недостатком квалифицированных рабочих мест большое количество заключенных используется на участках с низкоквалифицированным, тяжелым, грязным, унизительным, малооплачиваемым трудом.

Такой рабский по сути труд воспитывает не гражданина, не специалиста, не работника даже, а раба с рабской же психологией. Учитывая длительные сроки заключения и перечисленные обстоятельства, вместо мотивирования заключенного к труду происходит демотивация, другими словами – вместо ресоциализации углубляется десоциализация. В итоге – к выходу из колонии вместо мотивированного на труд человека общество получает сформированного пенитенциарной системой приспособленца с отвращением к труду.

2. Усовершенствованная модель ресоциализации осуждённых в условиях Республики Беларусь.

Для решения проблемы становления системы ресоциализации осуждённых и освободившихся лиц в Республике Беларусь представляется необходимым:

- внедрение положительного зарубежного опыта;
- полная образовательная адаптация в исправительных учреждениях;
- создание системы внештатных психологов, которые бы занимались наблюдением за осуждёнными и освободившимися лицами, проводили их психологическую диагностику и оказывали бы необходимую психологическую помощь;
- помочь освободившимся лицам в решении их материальных (трудовых, жилищных и т.п.), юридических и иных проблем путём создания специальных центров для таких лиц [3].

В настоящее время в уголовно-исполнительной политике Республики Беларусь не в полном объеме проводится работа с осужденными, направленная на положительную социальную адаптацию, в связи с чем требуется качественное реформирование уголовно-исполнительной системы. Однако при внесении поправок в уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь необходимо учитывать положительный опыт стран дальнего зарубежья:

- увеличение спектра возможных профессиональных навыков, которые можно получить на момент социальной программы по ликвидации безработицы
- образование должно рассматриваться как форма организации свободного времени заключенных, обладать таким же статусом, как и труд, быть составной частью программ исправления.
- в процессе социальной адаптации принятие активного участия общественных организаций и попечительских советов. Попечители помогают администрации исправительного учреждения приблизить обстановку в заключение к жизни на свободе. Проводится так называемая групповая психотерапия, организуются беседы, помогающие сглаживать конфликты между тюремным персоналом и осужденными.

Для реализации указанных положений необходимо на базе колоний создавать не одно монопроизводство, а нескольких мастерских с учетом интересов осужденных в рамках полученного профессионального образования.

Также целесообразно включить в Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь статью, закрепляющую за осужденными, склонными к употреблению алкоголя, наркотических и психотропных веществ, ВИЧ-инфицированными, право на специальную помощь (трудоустройство, медицинское обслуживание, жизнеобеспечение).

В заключение следует отметить, что реформирование уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь невозможно без учета методов и форм работы зарубежных стран при рассмотрении вопросов социальной адаптации осужденных.

Считаем целесообразной разработку Государственной программы содействия ресоциализации заключенных и освобожденных из МЛС людей. Программа, в частности, может предусматривать:

– реформирование законодательства, декриминализации ряда правонарушений, радикальное снижение сроков лишения свободы за ненасильственные преступления. Ожидаемый результат – значительное уменьшение количества заключенных, что облегчит решение задачи полной трудозанятости и обеспечения индивидуального подхода при реализации ресоциализационных программ.

– коренные изменения структуры и задач предприятий УИС с внедрением системы позитивной мотивации к труду вместо принудительного рабского труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, 11 янв. 2000 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2008; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – №140. – 2/1877. Дата доступа: 05.04.2020.
2. Кутякин, С.А. «Ресоциализация осужденных к лишению свободы: миф или реальность?» Сборник материалов международной научно-практической конференции «Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества» г. Киров, 2014 г. Дата доступа: 02.05.2020.
3. Гуминский, М.Н. Некоторые проблемы ресоциализации осужденных в Республике Беларусь и пути их решения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lib.vsu.by/jspui/handle/123456789/13594> – Дата доступа: 02.04.2020.

ФАКТОРЫ ВИКТИМНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С СОВЕРШЕНИЕМ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

A.O. ЗАЛЯЦКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Автор данной статьи предлагает рассмотреть виктимность лиц в сфере киберпреступлений. Закономерный рост числа киберпреступлений обусловлен постоянным увеличением пользователей компьютеров. В статье выделены главные факторы виктимности жертв киберпреступлений. На основании всех выделенных факторов, сделан вывод, что данная проблема для Республики Беларусь все еще является актуальной.

Ни для кого не секрет, что в нашем современном мире информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Количество абонентов фиксированного доступа в Интернет растет с каждым годом и это обстоятельство сегодня активно используется преступным сообществом и отдельными правонарушителями. По статистическим данным Управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий в Республике Беларусь количество зарегистрированных киберпреступлений растет. За период январь – июнь текущего года по сравнению с тем же периодом 2019 года количество киберпреступлений увеличилось на 15,6% (с 4049 до 4679) [8]. А это значит, что проблема киберпреступности все более и более актуальна.

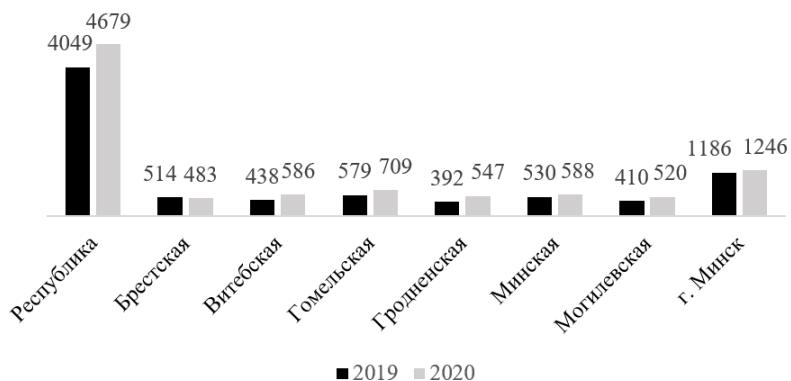

Рисунок. – Сведения о количестве преступлений, совершенных в сфере высоких технологий

Несмотря на значительный рост, киберпреступность – относительно молодой сегмент современной преступности и поэтому исследований, направленных на изучение факторов виктимности данного рода преступлений не так уж много. Это обуславливается тем, что преступность данного вида постоянно развивается и модифицируется, из-за чего правовые механизмы реагирования – по сути всегда являющиеся реакцией на преступление – зачастую запаздывают.

Следует отметить, что полного и точного определения киберпреступности не существует. Однако, если включить общие признаки понятия преступности и добавить признаки определения киберпреступления, то под киберпреступностью понимается особый вид преступности, который охватывает совокупность общественно опасных деяний, которые совершаются посредством использования информационно-телекоммуникационных систем и ее элементов [6, с. 324]. Под киберпреступлением же понимается действие, нарушающее закон, которое совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий и либо нацелено на сети, системы, данные, веб-сайты и (или) технологии, либо способствует совершению преступления [2, с. 9].

Учитывая тенденцию постоянного развития преступности в сети Интернет, можно сделать вывод, что оценить темпы расширения киберпреступности трудно, однако криминализация некоторых составов преступлений, которые учитывают степень общественной опасности какого-либо киберпреступления, происходит от виктимологического критерия. Это значит, что проявление вредных последствий от различных криминальных манипуляций в сети Интернет происходит через оценку виктимности потенциальных жертв киберпреступлений, либо лиц, которым уже фактически причинен вред. Одной из особенностей киберпреступлений является тот факт, что жертвами могут стать как обычные граждане, так и целые корпорации, поэтому факторы виктимности имеют свои специфические признаки, из-за чего становится трудным объединение их в более-менее релевантную группу [3, с. 77].

Изучив некоторые научные публикации, которые связаны с виктимностью киберпреступлений, хотелось бы выделить несколько факторов виктимности на примерах хищений путем использования компьютерной техники и несанкционированного доступа к компьютерной информации, так как данные преступления преобладает в структуре криминогенной обстановки в Республике Беларусь.

Первый фактор, который хотелось бы выделить – это недостаточная «информационная грамотность». Данный фактор больше относится к лицам пожилого возраста (от 60 лет). Как известно в Республике Беларусь наблюдается старение населения. По данным переписи населения 2019 года в возрасте старше трудоспособного находится 2350 млн. человек [5], что составляет 24% от общей численности населения, а по международной классификации общество является стареющим, если доля людей в возрасте 65 лет и больше составляет 7% (в Беларуси этот показатель равен 15.2% от общей численности населения) [1]. Так сложилось, что люди пожилого возраста зачастую относятся к информационным технологиям безразлично и с презрением, из-за чего у них складывается негативное мнение к изучению и освоению компьютерной грамотности. Полагаю, что нередко бывали случаи, когда родные бабушки или дедушки подходили с вопросом: «Правда ли, что мне перечислят деньги, если я перейду по данной ссылке или отправлю данные своей карточки на этот номер?». Это как раз и свидетельствует о недостаточной компьютерной грамотности, чем и пользуются Интернет-мошенники (так за январь–июнь 2020 года по сравнению с тем же периодом 2019 года число хищений путем использования компьютерной техники увеличилось с 70,7% до 77,5% или же с 2863 до 3624 соответственно) [8]. Также такая низкая информированность зависит и от государства, которое недостаточно ведет профилактическую работу пользователей Интернет-сети. Зачастую брошюры и памятки о том, как не стать жертвой киберпреступления, размещаются на сайтах Министерства внутренних дел, на которые обычный пользователей попросту не заходит и, тем более, не ищет и не читает данного рода руководства.

Вторым фактором являются психологические особенности человека. Такими качествами выступают: доверчивость, беспечность, наивность [4]. Данное обстоятельство характерно больше для лиц пожилого возраста и лиц молодого возраста (несовершеннолетние в возрасте от 12 до 14 лет), так как ими легче манипулировать. То есть пожилым человеком проще манипулировать и злоупотреблять его доверием в силу того, что характер его участия в информационных технологиях является вынужденным в силу того, что их включают в различные реестры и банки персональных данных, либо же использование ими информационных технологий необходимо лишь для удовлетворения личных потребностей общения. Примером может служить ситуация, когда пожилому человеку в силу его доверчивости к личным контактам могут позвонить и представиться их банковским оператором или агентом, чтобы завладеть, допустим, данными с банковской карточки. Что касается несовершеннолетних, то они в силу еще не полностью сформированной психики склонны гиперболизировать выгоду от использования информационных технологий – речь идет о увлечениях компьютерными играми. Такое лицо постепенно может отказаться от реальных контактов и ему проще довериться «интернет-другу» и выдать свои данные.

Хорошо известен тот факт, что данные виды преступлений имеют высокий уровень анонимности, из-за чего такие преступления сложно раскрыть. Так, в Беларуси, уровень раскрываемости киберпреступлений составляет 50% [7]. Понимая данный факт, люди крайне редко пишут заявления в случаях, когда была совершена Ddos-атака, кража логинов и паролей – несанкционированный доступ к компьютерной информации. Также зачастую пользователи не применяют никакие антивирусные программы при работе на своем компьютере, что только облегчает возможность киберпреступнику установить вредоносные программы и завладеть данными.

Еще одним фактором виктимности возможно полагать издержки информационной культуры нашего общества [3, с. 78]. Сейчас для того чтобы узнать информацию о человеке, достаточно зайти на его страницу в какой-либо социальной сети. Это связано с тем, что с развитием информационных технологий люди стали больше проводить времени в сети Интернет, чем в жизни, поэтому, чтобы как-то самовыразиться или самореализоваться, пользователи активны в социальных сетях. Это проявляется в том, что люди размещают информацию о себе (город проживания, возраст, место учебы или работы, номер телефона) на своей личной страничке. Существует множество злоумышленников, которые от лица администраторов определенных сайтов присыпают уведомление о том, что на вашей странице произошли неполадки, и чтобы их устранить нужно перейти по ссылке, которая является точной копией известной социальной сети (единственным отличием является URL-адрес). Переходя по такой ссылке, пользователь вводит свои личные данные, как и в обычной социальной сети, однако, эти данные попадают прямиком в руки преступника, тем самым он сможет использовать эти данные в своих преступных целях. Также это проявляется в создании блогов, где люди рассказывают, как они ведут свою жизнь и чем занимаются. Следовательно, данной информацией могут воспользоваться интернет-мошенники.

Исходя из выделенных выше факторов, можно сделать вывод, что проблема виктимности в сфере киберпреступлений все еще актуальна. А это значит, что государство должно уделить внимание данной

проблеме. Необходимо провести анализ всех виктимологических факторов и разработать специальные методы для проведения виктимологической профилактики среди пользователей сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Беларуси 15,2 процента населения старше 65 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bel-ta.by/society/view/v-belarusi-152-naselenija-starshe-65-let-363932-2019/#:~:text=%22Белорусское%20общество%20стареет,%22%2C%20-%20сказал%20Александр%20Румак>. – Дата доступа: 25.09.2020.
2. Введение в киберперступность / Управление Организация Объединенных Наций. – Вена, 2019. – 46 с.
3. Жакупжанов, А.О. Виктимологические факторы киберпреступности / А.О. Жакупжанов // Алтайский юр. вестник. – 2019. – №3. – С. 75-82.
4. Каткова, М.Н. Профилактика виктимности в сети Интернет / М.Н. Каткова, Е.И. Чолак // Право, международное право: материалы междунар. науч.-дистанц. студ. конф., Гродно, 8 апр. 2016 г. / БИП – Институт правоведения; редкол. : А.А. Богустов. – Гродно, 2016. – Режим доступа: <http://step-science-bip.csrae.ru/pdf/1/36.PDF>. – Дата доступа: 25.09.2020.
5. Население Беларуси. Численность населения Республики Беларусь в 2020, состав, структура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myfin.by/wiki/term/naselenie-belarusi>. Дата доступа: 25.09.2020.
6. Кравцова М.А. Понятие киберпреступности и ее признаки / М.А. Кравцова // Журнал Киев. ун-та., Криминальное право и криминология. – 2015. – №2. – С.320-325.
7. Раскрыываемость киберперступлений составляет 53-55 процентов от их общего числа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kapkany-na-virtualnykh-tropakh.html>. – Дата доступа: 25.09.2020.
8. Статистика Управления Министерства внутренних дел по высоким технологиям // Министерство внутренних дел [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-po-raskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravlenie-k/statistika-urpsvt>. – Дата доступа: 25.09.2020.

УДК 343.988

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ КАК ФАКТОР ВИКТИМНОСТИ В СФЕРЕ КИБЕРПЕРСТУПЛЕНИЙ

A.O. ЗАЛЯЦКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

В статье рассматривается виктимность подростков в связи с совершением в отношении них преступлений посредством сети Интернет. Так как активность подростков в Интернет-коммуникационных ресурсах высока, то и результатом данной активности является формирование у них статуса жертвы. В заключение статьи сделан вывод о необходимости исследования виктимности подростков.

Личность жертвы преступления и ее поведение зачастую играют значимую роль в мотивации преступного поведения и в соответствии с этим в последующем совершении преступления. Поэтому исследование виктимности жертв необходимо как для предупреждения преступления, так и для прогнозирования преступного поведения.

Термин «виктимность» происходит от латинского слова *victima* – «жертва» – и представляет собой свойство отдельно взятой личности, социальной роли или ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение, то есть это те врожденные либо приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки, которые способствуют его превращению в жертву [6, с. 180].

В нашем современном мире киберпространство стало неотъемлемой частью жизни большого количества людей, однако большинством пользователей сети Интернет являются именно подростки. Известно, что подростки гораздо более активны в информационных системах, чем люди старшего возраста (от 35 лет). То есть они чаще пользуются интернет-магазинами, системами электронных переводов (в особенности в видеоиграх) и другими Интернет-ресурсами. Получается, что, с одной стороны, в силу своей информационной активности они приобретают много новых навыков, а также повышают свою компьютерную грамотность, но, с другой стороны, по причине частого нахождения их в сети Интернет они формируют у себя определенный уровень виктимности. Так, Генеральная прокуратура Республики Беларусь отметила, что численность подростков, потерпевших от преступлений против информационной безопасности, возросло более чем в 2 раза за 2019 год [2], что только подтверждает вышеизложенное. Поэтому следует разобраться, какие психологические особенности влияют на виктимность подростков.

Подростки в силу своего возраста и незрелости ввиду своего психологического и физиологического развития, а также низкого уровня медиаграмотности особенно уязвимы к воздействию всей медиасреды (Интернет, СМИ, видеоигры). Вступая во все это, они образуют свою зону общения, которая построена на нормах и ценностях не реального, а виртуального мира. Такая коммуникация подростков характеризуется тем, что в данной среде является необязательным соблюдение общепринятых норм, из-за чего высока вероятность создания или участия в социально опасных группах, а иногда и наоборот – высока вероятность стать жертвой данных социально опасных групп. Наиболее частыми посягательствами являются киберпреследования, кибербуллинг, незаконный контакт с дальнейшими преступными действиями, онлайн-насилие, мошенничество, киберпедофилия и др.

Широко известен тот факт, что психологическое состояние у подростков в критических ситуациях является крайне неустойчивым в силу пубертатного периода, из чего следует, что они больше подвержены эмоциональным спадам, так как в данный период повышается чувствительность и возбудимость организма к внешним факторам. Стремление их к неизвестному и рискованному, незрелость нравственных убеждений, упрямство и низкая переносимость трудностей повышает уровень виктимности подростка в сфере киберпреступлений и не только. Данными факторами в целях своей выгоды и могут пользоваться интернет-мошенники или другие интернет-преступники. Так, воспользовавшись стремлением подростка к новому и незрелости психики, злоумышленник может посредством определенных манипуляций заставить подростка прислать свои интимные фотографии в целях их последующего распространения. Данный вид преступления в Европейской конвенции о киберпреступности причисляется к киберпреступлениям [5], так как сейчас наблюдается расширение виртуального рынка детской порнографии или организации детской проституции.

Однако на психологическое состояние подростков влияет не только пубертатный период. В первую очередь на это влияет семья подростка, так как она занимает большую часть жизни ребенка. В исследовании Е. Колесникова отмечается, что основным фактором виктимности подростка считается структурная деформация семьи [4, с. 150]. Это проявляется в ряде факторов: экономическая нестабильность и низкий экономический статус семьи, алкогольная или наркотическая зависимость одного из родителей или даже обоих, отсутствие поддержки со стороны родителей или близких родственников, насилие над детьми и др. Все это также влияет на виктимность подростка. Не ощущая себя полноценным, подросток уходит в виртуальный мир, где ищет поддержку от своих интернет-друзей, которыми могут оказаться злоумышленники.

Также от таких переживаний подросток может попасть в социально-опасную группу, которая будет манипулировать его сознанием. Как пример, широко известная в 2017 игра из социальных сетей «Синий кит».

Еще одна психологическая особенность – это отсутствие психологической готовности к оптимальному пользованию информационными технологиями [3, с. 78]. То есть это означает, что подросток склонен пользоваться интернет-ресурсами не в дозированном и взвешенном отношении, а наоборот. Это проявляется больше в увлечении подростками видеоиграми. Еще 25 мая 2019 года Всемирная организация здравоохранения признала неконтролируемую увлеченность видеоиграми заболеванием [1]. То есть подросток полностью удаляется в виртуальный мир, из-за чего границы реальности у него размываются. Таким образом, он становится подвержен атаке киберпреступника, а возможно и сам может им стать.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что психологические особенности подростков влияют на их виктимность в значительном объеме. Анализ виктимности подростков очень важен для нашего времени, так как сейчас уровень посягательств на подростков повышается с каждым годом. Сейчас распространены такие правонарушения как кибербуллинг, онлайн-насилие и киберпедофилия. Например, в России около 44% несовершеннолетних пользователей подвергались онлайн-домогательствам. Из чего следует, что необходимо больше внимания уделить исследованиям виктимности подростков, так как защита прав детей – это одна из целей международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВОЗ признала игроманию психическим расстройством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://style.rbc.ru/life/5cebad2a9a794737270fa61c>. – Дата доступа: 27.09.2020.
2. Генпрокуратура: все больше детей становятся жертвами киберпреступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/december/43699/>. – Дата доступа: 27.09.2020.
3. Жакупжанов, А.О. Виктимологические факторы киберпреступности / А.О. Жакупжанов // Алтайский юр. вестник. – 2019. – №3. – С. 75–82.
4. Колесников Е.А. Исследование психологических характеристик подростков, склонных к виктимному поведению в виртуальном пространстве / Е.А. Колесников // Вест. Удмурт. ун-та, Сер. философия. Психология. Педагогика. – 2019. – №2. – С. 148–159.
5. Конвенция о компьютерных преступлениях [Электронный ресурс] : [заключена в г. Вене 23.11.2001 г.]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081580>. – Дата доступа: 27.09.2020.
6. Коробова, Е. И. Возникновение и развитие виктимологии / Е. И. Коробова // Тотальные аспекты инновационных технологий : сб. ст. АНО СКАИТОН. – 2017. – №2. – С. 179–181.

УДК 343.851.5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

A.A. ИВАНОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)

В статье рассмотрена деятельность комиссии по делам несовершеннолетних по профилактике противоправного поведения подростков, поскольку проблема подростковой преступности сегодня не теряет актуальности. Определяется место комиссии по делам несовершеннолетних в системе субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Проанализированы статистические данные о совершенных несовершеннолетними преступлениях, а также законодательство, регламентирующее деятельность комиссии по делам несовершеннолетних.

Деятельность комиссии по делам несовершеннолетних направлена на решение проблем детей-беспринципников, подростков, совершивших административные правонарушения, а также рассмотрение и разрешение таких серьезных вопросов как отобрание детей из семей. Комиссии по делам несовершеннолетних, как специальный субъект профилактики, призваны осуществлять деятельность по предупреждению совершения несовершеннолетними правонарушений. Однако практическая деятельность показывает недостаточную эффективность существующих мер по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

Юрисдикционная деятельность комиссий по делам несовершеннолетних (далее КДН), заключающаяся в рассмотрении всех дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, требует высокой степени ответственности и наличия высококвалифицированных специалистов не только в области подростковой психологии, но и в юриспруденции – все это так или иначе оказывает существенное влияние на криминогенную обстановку и качество профилактики. Статистические данные о количестве совершенных несовершеннолетними правонарушений, а также о совершении повторных правонарушений подростками, которым субъекты профилактики должны уделять особое внимание, указывают на наличие проблем в эффективности профилактики правонарушений несовершеннолетних, несомненно требующих разрешения.

Данные судебной статистики за первое полугодие 2020 года гласят о снижении количественных показателей судимости несовершеннолетних в сравнении с первым полугодием 2019 года на 30,0%. Однако, несмотря на относительно положительную тенденцию, подростковая преступность – социальное явление, которое требует от соответствующих государственных органов постоянно совершенствовать систему органов профилактики правонарушений несовершеннолетних, разрабатывать новые подходы, иными словами «идти в ногу со временем», чтобы суметь контролировать социальные процессы в быстро развивающемся и меняющемся обществе. По-прежнему, преобладающее число преступлений совершаются подростками в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, основную массу которых составляют преступления против жизни и здоровья, а также против общественной безопасности [1].

Данные вышеприведённой статистики о преступлениях можно подкрепить опросом, проведенным в рамках предшествующей исследовательской работы. Для опроса были привлечены инспектора инспекции по делам несовершеннолетних ОВД администрации Первомайского района г. Витебска, а также инспекции по делам несовершеннолетних Новополоцкого ГОВД. Согласно данным опроса было выяснено, что за последние годы структура правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, не изменилась, то есть в основном это административные проступки – мелкие хищения, распитие алкогольных напитков в общественных местах и т.п. Последний вид правонарушений обосновывает данные о совершенных в состоянии алкогольного опьянения преступлениях [2].

Статистические данные о совершаемых правонарушениях свидетельствуют тем или иным образом об эффективности работы КДН. Например, максимальный рост подростковой преступности по Витебской области был зафиксирован за 9 месяцев 2019 года, и увеличился в целом на 36 преступлений, или на 29,5% [3]. По данным прокуратуры Брестской области в 2019 году наблюдалось увеличение повторности совершения противоправных деяний подростками, уже имеющими судимость, которым субъекты профилактики должны были уделять особое внимание [4].

Профилактика правонарушений в общем смысле этого слова представляет собой целый комплекс мер, способов и специальных мероприятий, осуществляемых как общими, так и специальными субъектами профилактики с целью предупреждения противоправного поведения, выявления его причин, воспитания граждан в духе правовой культуры, формирования законопослушного образа поведения [5].

Профилактика подростковой преступности является приоритетным направлением политики государства. Она включает в себя воспитательные, правовые, организационные и ряд иных мер воздействия, с помощью которых выявляются и устраняются те обстоятельства и условия, которые приводят к совершению правонарушений. Основной причиной правонарушений, совершаемых подростками, является в большей степени неосознание ими всей серьезности совершаемых проступков, а условиями для учреждения последних несовершеннолетними чаще всего служат неблагополучное окружение, безнадзорность и беспризорность [6].

Коррекцией подростковой противоправной модели поведения занимается как общество в лице близкого окружения подростка, как правило – семья, так и государство в лице специальных органов и учреждений. Процесс воспитания законопослушного гражданина осуществляется на всех этапах становления и развития подростка. Однако, если со стороны общества поведение подростка не удается должным образом скорректировать (например, зачастую в неблагополучных или неполных семьях родители не уделяют должного внимания воспитанию подростка, возлагая эту обязанность на учреждения образования и иных лиц), то большую часть профилактической работы берет на себя государство.

Так, на государственном уровне принято различать два вида субъектов профилактики: общие и специальные. К первым можно отнести учреждения образования, учреждения дополнительного образования, учреждения здравоохранения, различные центры занятости и проведения досуга. Для общих субъектов профилактика не является их первоочередной целью и задачей. Осуществляя свои основные функции и задачи, общие субъекты профилактики так или иначе параллельно принимают участие и вносят свой вклад в формирование правосознания и всестороннего развития личности.

Для специальных же субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних деятельность по проведению профилактических мероприятий, принятию мер с целью пресечению правонарушений и ряд иных действий является их профессиональной обязанностью, закрепленной соответствующими нормативными актами. В Республике Беларусь к специальным субъектам относят инспекции по делам несовершеннолетних и комиссии по делам несовершеннолетних.

Комиссия по делам несовершеннолетних – государственно-общественный, коллегиальный орган, не имеющий штата, действующего на постоянной основе, то есть этот орган, действующий ad hoc [7].

Деятельность КДН регламентируется прежде всего Законом Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также рядом международных и национальных нормативных правовых актов таких, как Конвенция о правах ребенка, Закон Республики Беларусь «О правах ребенка», Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 278-З, а также наряду с вышеуказанными правовыми актами, действует специальное Положение «О порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних», утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2003 г. № 1599 [8–12].

Так, статья 4 Закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон) закрепляет полномочия по осуществлению профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних не только за комиссиями по делам несовершеннолетних, но и за рядом других органов, таких как органы государственного управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по труду и социальной защите, органы государственного управления здравоохранением, органы государственной службы занятости, органы внутренних дел. Однако на практике основной объем профилактической работы сосредоточен прежде всего на комиссиях по делам несовершеннолетних, органах внутренних дел, органах опеки и попечительства и на учреждениях образования как общих субъектах профилактики.

Таким образом, проблема эффективности профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, не теряет свою актуальность с годами. На сегодняшний день многие социологи и юристы отмечают криминогенную деформацию сознания несовершеннолетних. Это обусловлено прежде всего существенными искажениями ценностно-нормативной системы общества и социальных групп, его составляющих, разрушением традиционных религиозных и национальных ценностей, стиранием граней в массовой культуре между социальной нормой и девиацией, размытыми границами между социально поощляемыми и социально осуждаемыми моделями юридически значимого поведения. Процесс криминализации подростков усугубляется деятельностью средств массовой информации, во многом романтизирующих преступный образ жизни. В обществе утверждается понимание того, что существующая в стране государственная система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних несовершенна. Поэтому, ввиду всего вышесказанного, требуется адекватный ответ со стороны государства и общества, соответствующий всем его современным требованиям [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Данные судебной статистики за 1 полугодие 2020 года об осужденных несовершеннолетних. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/2bd6dec1d5244422.html. – Дата доступа: 25.03.2020.
2. Иванова, А.А. Перспективные направления развития инспекции по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь / А.А. Иванова // Юридична осінь 2019 року: зб. тез доповідей та наук. повідомл. учасників міжнар. наук.-практ. конф. молодих учених, Харків, 29 листоп. 2019 р. / Нац. юрид. ун-т імені Ярослава Мудрого ; заг. ред. А.П. Гетьмана. – Х. – Мадрид, 2019. С. 548–552.
3. Витебский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс] / Органами прокуратуры Витебской области приняты меры к стабилизации обстановки в сфере защиты прав детей. – Режим доступа: <http://vitebsk>

- region.gov.by/ru/news/view/organami-prokuratury-vitebskoj-oblasti-prinjaty-mery-k-stabilizatsii-obstanovki-v-sfere-zaschity-prav-detej-19181/?is_announce=1. – Дата доступа: 13.04.2020.
4. Ганцавіцкі час [Электронный ресурс] / Прокуратура Брестской области предложила конкретные меры по совершенствованию работы с подростками. – Режим доступа: <http://www.ganc-chas.by/by/page/world/16729/>. – Дата доступа: 23.04.2019.
 5. Statut.by [Электронный ресурс] / Профилактика правонарушений на новых основах. – Режим доступа: <https://statut.by/lichnyj-jurist/13-respect-law/623-17-01-2014>. – Дата доступа: 23.04.2019.
 6. Государственное учреждение образования "Средняя школа № 2 г.п. Шарковщина" [Электронный ресурс] / Профилактика преступлений среди несовершеннолетних. – Режим доступа: <http://sch2.sharkovschina.edu.by/ru/main.aspx?guid=2331>. – Дата доступа: 23.04.2019.
 7. Слобода, Е.Н. Органы профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь / Е.Н. Слобода // Право и демократия : сб. науч. тр. ; редкол. : В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Вып. 23. – С. 238–251.
 8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З : в ред. от 9 января 2017 г. № 18-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64\(009-034\).pdf&oldDocPage=1](http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64(009-034).pdf&oldDocPage=1). – Дата доступа: 12.04.2020.
 9. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.
 10. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII: в ред. от 11 мая 2016 г. № 362-З// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19302570>. – Дата доступа: 17.01.2020.
 11. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.etalonline.by/document/?regnum=HK9900278>. – Дата доступа: 24.01.2020.
 12. Об утверждении Положения о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 декабря 2003 г., № 1599 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2003-142/2003-142\(013-051\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2003-142/2003-142(013-051).pdf). – Дата доступа: 23.03.2020.
 13. Деформация правового сознания несовершеннолетних: теоретико-правовая постановка проблемы / О.В. Лещенко // Современное право. – 2015. – № 8. – С. 118–124.

**АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

A.A. ИВАНОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)

В статье проведен анализ полномочий комиссии по делам несовершеннолетних как специального субъекта профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Рассмотрен состав комиссии по делам несовершеннолетних, а также проанализирована ее юрисдикционная деятельность.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность комиссии по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является Закон Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее Закон) [1]. В соответствии с указанным Законом за комиссиями по делам несовершеннолетних закреплен ряд полномочий, в соответствии с которыми комиссии по делам несовершеннолетних (далее КДН) призваны:

- осуществлять меры, предусмотренные законодательством, по координации деятельности органов, учреждений и иных организаций, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
 - проводить комплексный анализ причин и условий, способствующих безнадзорности и совершению правонарушений несовершеннолетними, нарушению их прав и законных интересов, и на его основе разрабатывать комплексные мероприятия по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, по защите их прав и законных интересов, а также контролировать их реализацию;
 - принимать участие в разработке нормативных правовых актов по вопросам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
 - проводить правовую пропаганду среди несовершеннолетних, педагогических коллективов и общественности;
 - осуществлять меры по защите, восстановлению и реализации прав и законных интересов несовершеннолетних, выявлению и устраниению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, совершению несовершеннолетними правонарушений;
 - осуществлять контроль за условиями воспитания, обучения и содержания несовершеннолетних в учреждениях, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
 - осуществлять иные функции, предусмотренные законодательством [1].
- Закон также определяет круг основных задач и принципов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которыми являются:
- предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений или иных антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение их причин и условий;
 - обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
 - социально-психологическая реабилитация несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении;
 - выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий.

Согласно букве закона, прежде всего, деятельность КДН направлена на защиту прав и свобод несовершеннолетних при наличии их нарушений. Для реализации вышеуказанной задачи КДН наделены специальным полномочием по рассмотрению и разрешению всех дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними. Следовательно, можно утверждать, что КДН являются альтернативными суду (квазисудебными) органами [2].

Профилактическая деятельность комиссий по делам несовершеннолетних реализуется по трем основным направлениям:

- профилактика правонарушений несовершеннолетних;
- профилактика безнадзорности и беспризорности;
- защита прав детей.

Все эти направления находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

На основании данных опроса инспекторов по делам несовершеннолетних о наиболее часто совершаемых подростками правонарушениях, можно сделать вывод о том, что чаще всего КДН рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 10.5 (мелкое хищение), ст. 17.1

(мелкое хулиганство) и ст. 17.3 (распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения) КоАП Республики Беларусь [3]. Такая юрисдикционная деятельность КДН требует высокой ответственности и специальной подготовки кадров для решения вопросов о рассмотрении дел об административном правонарушении и привлечении к административной ответственности.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о том, насколько КДН компетентна осуществлять такую юрисдикционную деятельность. Состав КДН образует заместитель председателя исполкома, курирующий социальную сферу, на которого помимо председательства в КДН возложен ряд других, основных для него, обязанностей [1]. В компетенцию заместителя председателя исполкома по вопросам социальной сферы входит кураторство социально-культурной сферы, сферы образования, здравоохранения, спорта, идеологической работы, государственной молодежной политики, печати, оздоровления и санаторно-курортного лечения населения, включая оздоровление детей за рубежом, гуманитарной деятельности, охраны труда, СМИ, информирования населения и связи с общественностью, также заместитель председателя исполкома осуществляет взаимодействие с Советами депутатов всех уровней. В то же время, комиссия по делам несовершеннолетних является далеко не единственной комиссией, которую возглавляет заместитель председателя соответствующего исполкома по вопросам социальной сферы. Так, например, в обязанности заместителя председателя Березинского районного исполнительного комитета по вопросам социальной сферы включено руководство следующими комиссиями, помимо КДН:

- по профилактике производственного травматизма и профессиональной заболеваемости;
- по проверке знаний по вопросам охраны труда;
- наблюдательной комиссией при райисполкоме;
- попечительского Совета;
- по назначению адресной социальной помощи;
- советом по демографической безопасности района;
- по контролю за организацией приема и распределения иностранной безвозмездной помощи;
- аттестационной комиссией;
- по формированию резерва руководящих кадров района;
- районной призывной комиссией;
- районным штабом добровольных дружин при райисполкоме;
- по профилактике алкоголизма, наркомании и суицидов;
- координационным советом по опеке над лицами, признанными в установленном порядке недееспособными;
- рядом иных комиссий [4].

Можно заметить, что на одном человеке сосредоточена масса обязательств по различным вопросам деятельности. Социальная сфера достаточно широка и включает в себя множество разносторонних по своей сути аспектов. Юрисдикционная же деятельность именно комиссии по делам несовершеннолетних требует индивидуального подхода к каждому конкретному случаю, тщательного рассмотрения конкретного дела и принятия поистине справедливого решения. Стоит отметить, что несовершеннолетние – категория лиц, которая требует повышенного внимания, особенно когда дело касается различного рода правонарушений как со стороны самих несовершеннолетних, так и в отношении последних.

Как квазисудебный орган, состав комиссии по делам несовершеннолетних должен быть обеспечен работниками соответствующей квалификации, которые бы, подобно судьям, рассматривали дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними. В действительности же, как показывает практика, большинство председателей КДН не имеют даже юридического образования, в то время как кандидат на должность судьи помимо юридического образования и стажа работы по специальности должен сдать квалификационный экзамен [5].

Помимо заместителя председателя исполкома в состав КДН входит секретарь, полномочия и как таковые функции которого четко не определены в законодательстве. За секретарём остаются свойственные ему задачи, такие как протоколирование хода заседания комиссии и иные организационные вопросы.

Остальные члены КДН – лица, осуществляющие обязанности на общественных началах, к которым относятся социальный педагог, педагог-психолог социально-педагогического центра, руководители государственных органов, учреждений, иных организаций, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [1].

Таким образом, комиссии по делам несовершеннолетних играют серьезную роль, напрямую влияя на судьбу конкретного подростка и его законных представителей при решении вопросов о привлечении к административной ответственности и вопросов об отобрании ребенка из семьи. Поэтому,

чрезвычайно важно, чтобы несовершеннолетние, как наиболее уязвимая категория граждан, были обеспечены надлежащей защитой своих прав и законных интересов со стороны государственных органов и их должностных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Положения о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 декабря 2003 г., № 1599 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2003-142/2003-142\(013-051\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2003-142/2003-142(013-051).pdf). – Дата доступа: 23.03.2020.
2. Чуприс, М. К. Особенности правового положения комиссий по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь / М. К. Чуприс // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2018. – № 5. – С. 73–78.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Березинский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс] / Обязанности. – Режим доступа: <http://www.berezino.minsk-region.gov.by/ru/rukovodstvo/rajispolkom/obyazannosti.html>. – Дата доступа: 23.04.2019.
5. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343.851.5

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.А. ИВАНОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ)

В статье рассмотрен проведенный анализ состава комиссии по делам несовершеннолетних. Выявлены некоторые проблемные стороны деятельности комиссии по делам несовершеннолетних. Предложены некоторые перспективные направления, которые в совокупности способствовали бы повышению качества работы белорусских комиссий по делам несовершеннолетних в целом.

В рамках данного исследования нами была взята во внимание деятельность комиссий по делам несовершеннолетних как субъекта профилактики правонарушений среди последних. В отличие от инспекций по делам несовершеннолетних, которые являются постоянно действующим органом, комиссия по делам несовершеннолетних (далее КДН) не имеет штата, действующего на постоянной основе. В Республике Беларусь КДН призваны осуществлять наряду с инспекциями по делам несовершеннолетних профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Изучив акты законодательства Республики Беларусь, регулирующие деятельность органов, осуществляющих профилактику преступлений среди несовершеннолетних, а также статистические данные, можно сделать следующие выводы.

В Республике Беларусь существует проблема профилактики преступлений среди несовершеннолетних и недостаточной эффективности работы комиссий по делам несовершеннолетних. Данная проблема требует разрешения.

Среди обстоятельств, препятствующих достижению желаемого результата, можно выделить как человеческий фактор, так и государственное регулирование рассматриваемого органа в целом. Недостаточное информирование о своей деятельности может вызвать недоверие граждан к данному субъекту профилактики, а как таковой состав комиссий по делам несовершеннолетних требует пересмотра основных подходов к его формированию и составу. Таким образом, на сегодняшний день деятельность комиссий по делам несовершеннолетних нельзя назвать эффективной в полной мере.

Одно из возможных препятствий в осуществлении эффективной деятельности комиссий по делам несовершеннолетних – состав КДН. В связи с вышеизложенным, в Республике Беларусь предлагается пересмотреть состав КДН и ввести штатные единицы, не обремененные сторонними полномочиями, которые бы действовали на постоянной основе.

Возглавляют КДН в регионах заместители председателей районных горисполкомов (облисполкомов), курирующие социальную сферу. Председатель исполкома имеет заместителя, обеспечивающего организацию работы комиссии, – единственная штатная единица в регионе. КДН включает в свой состав не только врачей и педагогов, но и руководителей государственных органов, учреждений и организаций, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также представителей общественных организаций. Основными направлениями их деятельности являются защита прав и интересов детей, профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, анализ криминогенной обстановки в семьях и принятие мер для ее устранения [1].

При приеме на работу требования, предъявляемые к кандидатам на должность заместителя председателя исполкома, являющегося председателем КДН, идентичны общим требованиям, предусмотренным Законом Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее Закон) [2].

В Законе не указано в качестве обязательного критерия наличие высшего юридического образования. К тому же, на заседании комиссии по делам несовершеннолетних предпочтение отдают присутствию педагогов. Это можно обосновать тем, что педагоги обладают большими знаниями в области психологии несовершеннолетних [3].

В ходе мониторинга интернет-сайтов исполкомов, нами был отмечен недостаток информации о деятельности соответствующих КДН. В основном, кроме предоставляемой информации о действующем председателе КДН, контактных данных и основных выдержек из законодательства, регулирующего деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, никаких данных не ведется [4–7].

Основными нормативными правовыми актами, закрепляющими требования, которым должны соответствовать интернет-сайты государственных органов Республики Беларусь, являются Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 года № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» и, принятное в его развитие, Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 года № 645 «О некоторых вопросах интернет-сайтов государственных органов и организаций и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 февраля 2006 г. № 192» [8; 9].

Согласно п. 3 Положения о порядке функционирования интернет-сайтов государственных органов и организаций, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 года № 645, информация на интернет-сайтах государственных органов и организаций размещается с учетом следующих требований:

- актуальность, оперативность, достоверность и целостность;
- четкость структуризации, распределение данных по тематическим рубрикам (разделам, подразделам);
- многовариантность представления информации с использованием различных телекоммуникационных средств, технопрограммных решений и различного уровня доступа к ней;
- представление информации на русском и (или) белорусском языках.

Помимо вышеуказанного, состав размещаемой на интернет-сайте информации должен отражать специфику деятельности государственного органа и организации. Информация должна обладать необходимой глубиной содержания и регулярно обновляться (не реже одного раза в неделю), а информация о новостях – датироваться. Информация в виде текста должна быть размещена на интернет-сайте в формате, который обеспечивает возможность поиска и копирования фрагментов текста. Структура интернет-сайта должна быть оптимальной для различных видов информации, а также простой в использовании для лиц с различным уровнем образования и технической подготовки [10].

Таким образом, отсутствие доступа к информации о результатах работы, четких и актуальных статистических данных также не с положительной стороны характеризует данный орган, поскольку отсутствие открытости доступа к определённой несекретной информации может вызывать недоверие граждан.

Что касается участия прокурора в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, то его роль также должным образом не определена. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних» прокурор является приглашенным на заседание соответствующей КДН, однако на практике далеко не всегда присутствует при рассмотрении дела [11]. Секретарь в начале заседания КДН лишь обязан доложить о присутствующих членах комиссии, несовершеннолетнего, его родителей, опекунов (попечителей), иных приглашенных, в числе которых и находится прокурор, а в случае их отсутствия указываются причины. Как можно заметить, исходя из законодательной формулировки, отсутствие прокурора не является препятствием и основанием для отлагательства рассмотрения дела комиссией по делам несовершеннолетних. Вопрос участия прокурора в конкретном заседании КДН разрешается локальными нормативными актами соответствующей прокуратуры. На практике прокурор присутствует в основном только при решении вопроса об отобрании ребенка и при решении каких-либо координационных вопросов. При рассмотрении дел об административных правонарушениях прокурор, как правило, отсутствует. Следовательно, можно сделать вывод, что в процессе принятия юридически значимого решения в большинстве случаев отсутствует специалист в области правоведения.

Преимущество присутствия на заседании КДН лиц с юридическим образованием над педагогами в том, что они лучше ориентируются в законодательстве, обладают специальными знаниями в вопросах толкования норм законодательных актов и актов законодательства. Поскольку деятельность комиссий по делам несовершеннолетних является в большей степени юрисдикционной, председатель КДН должен хорошо ориентироваться в «букве закона», владеть юридическим языком, например, при оформлении процессуальных документов. Так, в соответствии с п. 5, ч. 1, ст. 3.1 Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее ПИКоАП) районная (городская), районная в городе комиссия по делам несовершеннолетних уполномочена рассматривать все дела об административных правонарушениях, как орган, ведущий административный процесс. Помимо вышесказанного, КДН правомочна рассматривать дела об административных правонарушениях, совершенных родителями несовершеннолетних или лицами, их заменяющими, предусмотренных статьями 9.4 (невыполнение обязанностей по воспитанию детей), 17.4 (вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение), а также такие административные правонарушения, как допуск наочные дискотеки, в культурно-развлекательные (ночные) клубы несовершеннолетних и неисполнение обязанностей по сопровождению или обеспечению сопровождения несовершеннолетнего в ночное время вне жилища, предусмотренные соответственно статьями 17.12 и 17.13 кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [12].

Считаем необходимым в целях повышения уровня профессионализма и компетентности ввести обязательным наличие высшего юридического образования, как дополнительного требования к председателям комиссий по делам несовершеннолетних. Как альтернатива вышесказанному, ввести обязательное присутствие хотя бы одного члена комиссии, имеющего юридическое образование, то есть, как минимум, обязательное присутствие прокурора.

Так, наличие в составе комиссии по делам несовершеннолетних лица с юридическим образованием позволит лучше обеспечить качество работы соответствующий КДН. Человек с юридическим образованием – специалист широкого профиля, имеющий возможность работать в любой сфере. При получении

юридического образования даются знания в том числе и в области психологии, а также большое внимание уделяется развитию коммуникативных навыков. Все вышеперечисленные качества немаловажны при взаимодействии с людьми, в особенности с несовершеннолетними лицами.

Таким образом, на наш взгляд, одним из перспективных направлений в развитии деятельности комиссий по делам несовершеннолетних является кардинальный пересмотр ее состава. Комиссии по делам несовершеннолетних призваны играть довольно серьезную роль: посредством рассмотрения дел фактически решать дальнейшую судьбу конкретного подростка, совершившего правонарушение, а также разрешить вопросы об отобрании детей из семей. Однако, как показывает практика, деятельность данного органа эффективна не в полной мере. Поэтому мы предлагаем расширить штат КДН, который бы осуществлял на постоянной основе профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также сделать обязательным присутствие прокурора на заседаниях КДН. Прокурор необходим для того, чтобы следить за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетнего. А включение штатной единицы, не обремененной посторонними, не связанными с осуществлением основных задач КДН, полномочиями сможет повысить в целом эффективность данного субъекта профилактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / На страже прав и интересов детей: система работы комиссии по делам несовершеннолетних в Минской области в современных условиях. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2017/november/26380/>. – Дата доступа: 13.03.2020.
2. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З : в ред. от 23 июля 2019 г. № 231-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300204>. – Дата доступа: 24.03.2020.
3. Пухавіцкая Навіны [Электронный ресурс] / Как попасть на службу в милицию? – Режим доступа: <http://www.gorka.by/?p=24063>. – Дата доступа: 16.04.2020.
4. Витебский городской исполнительный комитет [Электронный ресурс] / Комиссия по делам несовершеннолетних. – Режим доступа: <http://www.vitebsk.gov.by/ru/komissiyapodelamnesovershennoletnih/>. – Дата доступа: 13.04.2020.
5. Минский городской исполнительный комитет [Электронный ресурс] / Комиссия по делам несовершеннолетних Мингорисполкома. – Режим доступа: <https://minsk.gov.by/ru/org/8672/>. – Дата доступа: 13.04.2020.
6. Администрация Новобелицкого района г.Гомеля [Электронный ресурс] / Комиссия по делам несовершеннолетних. – Режим доступа: <http://novobel.gov.by/ru/kdn-ru>. – Дата доступа: 15.04.2020.
7. Могилевский городской исполнительный комитет [Электронный ресурс] / Комиссия по делам несовершеннолетних. – Режим доступа: <http://mogilev.gov.by/vlast/ispolnitelnaya-vlast/struktura-gorispolkoma/komissiya-po-delamnesovershennoletnikh/>. – Дата доступа: 18.04.2020.
8. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февраля 2010 г., № 60 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000060>. – Дата доступа: 23.03.2020.
9. О некоторых вопросах интернет-сайтов государственных органов и организаций и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 февраля 2006 г. № 192 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 апреля 2010 г., № 645 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21000645>. – Дата доступа: 23.03.2020.
10. PRAVA.SHMAT.BY [Электронный ресурс] / Требования к интернет-сайтам госорганов Беларуси. – Режим доступа: <https://prava.shmat.by/trebovaniya-k-internet-saytam-gosorganov-belarusi/>. – Дата доступа: 18.04.2020.
11. Об утверждении Положения о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 декабря 2003 г., № 1599 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2003-142/2003-142\(013-051\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2003-142/2003-142(013-051).pdf). – Дата доступа: 23.03.2020.
12. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 декабря 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 декабря 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ИЛИ ПОЛОВУЮ СВОБОДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И.А. КОРОБКИНА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

В статье выявляются следующие криминологические особенности преступности против половой неприкосненности или половой свободы несовершеннолетних в сети Интернет: возраст потерпевшего, факторы, действия и социальные сети, преимущественно используемые преступниками.

Совершение преступлений против личности представляет собой риск для общества. Это связано с тем, что нарушаются основы конституционно-правового статуса личности. В большинстве случаев Большое место среди преступных посягательств на неприкосненность личности занимают преступления против несовершеннолетних как мало защищенной категории граждан: Жертвами преступлений стали несовершеннолетние следующих возрастных групп: 8 лет – 1 (1,4%); 9 лет – 5 (7,8%); 10 лет – 13 (20,6%); 11 лет – 3 (4,5%); 12 лет – 10 (15,9%); 13 лет – 11 (16,7%); 14 лет – 12 (19,6%); 15 лет – 7 (13,5%) [3, с.159]. Эти преступления характеризуются жестокостью, выражаясь в применении насилия, угрозой применения насилия или с использованием беспомощного состояния потерпевших и свидетельствуют о вовлечении в эти деяния лиц.

Развитие компьютерных технологий привело к тому, что они стали активно использоваться для совершения общественно опасных деяний, посягающих на половую неприкосненность или половую свободу несовершеннолетних. Этому способствовали следующие факторы:

- 1) ранний возраст пользователей социальных сетей. Согласно статистике, около 25% пользователей социальных сетей являются несовершеннолетними в возрасте от 10 до 17 лет;
- 2) анонимность сетевой деятельности. Одной из особенностей сети Интернет, которая привлекает правонарушителей, является анонимность. Существует возможность создавать «фейковые» страницы, то есть каждый пользователь может зарегистрироваться в той или иной социальной сети под чужим именем, тем самым скрыть свои настоящие данные, что затрудняет работу правоохранительных органов по идентификации человека в сети Интернет;
- 3) скорость распространения информации и возможности подбора целевой аудитории позволили значительному количеству лиц с нарушением сексуального предпочтения в форме педофилии стать «ближе» к несовершеннолетним в виртуальном пространстве [1, с. 92].

При помощи сети Интернет лица, вовлеченные в совершение таких преступлений, получают поддержку от других лиц с подобными расстройствами, они обмениваются порнографическими фотографиями детей, делятся своим криминальным опытом. В криминологической науке имеется ряд действий, применяя которые можно получить сведения о посягательствах на половую неприкосненность или половую свободу несовершеннолетних, следовательно, на основе таких сведений организовать основные направления профилактической деятельности [2, с. 91].

Социальные сети являются весьма благоприятной средой для поиска и переписки преступников с несовершеннолетними, так как личная страница, на которой содержится сведения о ребенке, позволяет взрослому человеку получить информацию о его интересах и увлечениях, круге общения и даже эмоциональное настроение, которое у ребенка в настоящее время, при помощи статусов в социальных сетях. Пользуясь этими возможностями, лица, вовлеченные в эти деяния ищут детей, которые находятся в трудной жизненной ситуации, страдающих от нехватки внимания, заботы со стороны родителей, тех, кому не с кем поговорить или же любознательных особ, желающих узнать подробности на тему сексуальных влечений. Для построения общения преступнику необходимо понять ход мыслей жертвы. Они способны ловко манипулировать эмоциями ребенка, вычисляют, в ком он нуждается: в друге, советчике или же жертве необходимо внимание и ласка [2, с. 81].

Также можно выделить действия, которые совершают лица в отношении несовершеннолетних:

- 1) преступники пишут детям текстовые сообщения на тему сексуальных влечений, присылают порнографические материалы, собственные фото, склоняют к общению при помощи видеосвязи без реальных встреч, шантажа и угроз;
- 2) преступники требуют или обманным путем вымогают интимные фото или требуют общения по видеосвязи, дети соглашаются, а затем начинаются угрозы применения насилия, распространения фотографий среди одноклассников, родителей, на порнографических сайтах;
- 3) виртуальные собеседники знакомятся с несовершеннолетними, обмениваются фото без угроз, общаются на сексуальные темы, без стремления к реальным встречам;

- 4) взрослые оказывают несовершеннолетним иные знаки внимания;
- 5) преступники знакомятся с детьми, общаются на сексуальные темы и договариваются о реальной встрече;
- 6) взрослые пытаются знакомиться и вести переписку под видом детей.;
- 7) подростки переписываются в группах на сексуальные темы, обмениваются интимными фотографиями, предлагают себя за деньги;
- 8) преступники просят у несовершеннолетних фото и встречи за деньги [2, с. 170].

Что касается интернет-ресурсов, которые преступники используют для совершения противоправных действий, то социальная сеть «Вконтакте» используется чаще всего, большая часть преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних совершились именно с помощью данного интернет-ресурса, затем использование Skype, в остальных случаях – при помощи социальной сети «Одноклассники» и других сайтов[3, с. 164].

Подводя итоги, можно сказать, что средний возраст потерпевших достаточно ранний. Это говорит о том, что несовершеннолетние с раннего возраста активно используют социальные сети, что служит одним из факторов совершения в отношении них преступлений. Для того, чтобы уменьшить число преступлений необходимо законодательно закрепить деятельность социальных сетей и интернет-ресурсов, то есть установление возраста, с которого будет разрешена регистрация в социальных сетях.

Данная мера позволит уменьшить число несовершеннолетних, которые могут стать жертвами преступления, так как в интернет-пространстве станет меньшее количество несовершеннолетних с неокрепшей психикой и, следовательно, у преступников будет меньше возможности оказывать влияние на таких несовершеннолетних.

Для устранения анонимности, способствующего совершению данного вида преступлений необходимо сделать регистрацию в социальных сетях по документу удостоверяющего личность, это позволит исключить анонимность в сети Интернет, следовательно, остановит преступников из-за опасения привлечения к ответственности и облегчит деятельность правоохранительных органов при расследовании преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенцова, И.А., Фоменко, А.И. Актуальные вопросы предупреждения преступлений, совершаемых лицами с расстройством сексуального предпочтения (педофилией) посредством сети Интернет / И.А Семенцова, А.И. Фоменко // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 3 (26). – С. 90–93.
2. Степанова, О.Ю. Проблема привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях / О.Ю. Степанова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2 (66). – С. 1–6.
3. Соловьев, В.С. Кriminологические особенности преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / В.С. Соловьев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 3 (26). – С. 155–166.

УДК 343.9

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

И.А. КОРОБКИНА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

В данной статье рассматриваются задачи общества по предупреждению преступлений против половой неприкосненности или половой свободы несовершеннолетних. А также раскрываются общие и специальные комплексы мер.

Преступления сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних имеют большое количество особенностей. Положения норм о регламентации сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних должны, на наш взгляд, качественно отличаться от норм, защищающих совершеннолетних лиц. Вред, причиняемый ребенку в результате насильственных преступлений, приводит к отклонениям в нравственном и психофизическом развитии несовершеннолетних.

Одной из задач общества является предупреждение и профилактика преступлений против половой неприкосненности или половой свободы несовершеннолетних. Успешность данного мероприятия осложняется множеством обстоятельств, к ним относятся:

1) особенности организма несовершеннолетних – их психология и физиология. Дети зачастую не в состоянии осознать, что над ними было совершено насилие, либо скрывают это всеми возможными способами, боясь отрицательной реакции со стороны родителей;

2) значительное число потерпевших несовершеннолетних зависит от преступника. Это могут быть родители, педагоги, близкие знакомые. Субъекты преступления в этом случае могут выступать блокирующим фактором – использовать все возможные средства для того, чтобы о преступлении никто не узнал [1, с. 169].

Выделяют общие и индивидуальные комплексы мер. В отличие от средств общей профилактики, действующих в отношении определенных социальных групп, меры индивидуальной профилактики представляют собой применение обще социальных и специальных криминологических мер в отношении отдельного человека с целью предотвращения преступления. Данный подход включает средства общей и индивидуальной профилактики. Указанные средства распространяются на взрослых лиц, склонных к совершению подобных преступлений; несовершеннолетних и малолетних – возможных жертвах преступления.

К общим средствам профилактики рассматриваемых преступлений, реализуемых в отношении взрослых, относятся правовые средства и социальный контроль.

Меры уголовно-правового воздействия, указанные в главе 20 УК РБ «Преступления против половой неприкосненности или половой свободы», непосредственно направлены на предупреждение сексуальных преступлений и против несовершеннолетних.

К числу общих профилактических мероприятий по предотвращению сексуальных преступлений против несовершеннолетних принадлежат меры, направленные на выявление лиц, страдающих различными сексуальными заболеваниями, прежде всего, педофилией или эксгибиционизмом [1, с.171].

Основная нагрузка в деле выявление указанных лиц должна быть возложена на психологов и психиатров. Нарушения в области сексуальной сферы носят интимный характер. Множество людей, страдающих сексуальными отклонениями, не обращаются к психологам и психиатрам, так как боятся позорящей огласки. В результате указанные отклонения усиливаются, что подталкивает таких лиц к совершению сексуальных преступлений.

Особое внимание должно быть уделено выявлению лиц, страдающих сексуальными заболеваниями, среди работников воспитательных и образовательных учреждений. Вполне вероятна необходимость ввести обязательное тестирование опытными психологами и психиатрами всех педагогических работников, занимающихся воспитанием и обучением детей и подростков, независимо от того, принимается ли работник на постоянную или временную работу [1, с. 172].

Одной из задач, стоящих перед правоохранительными органами, является установление лиц, которые ведут аморальный образ жизни и вовлекают других в развратный и преступный образ жизни. Проведение мероприятий направленных на профилактику преступной деятельности с позиции социально-правовых мер воздействия, а при необходимости и мер воздействия уголовно-правового характера, несомненно способствовало бы применение к таким лицам профилактических мер социально-правового характера, а при наличии на то оснований – мер уголовно-правового и административно-правового характера, способствовало бы уменьшению социальных условий, в которых совершаются преступления против половой неприкосненности или половой свободы несовершеннолетних [3, с. 95].

В рамках специально-криминологических мер предупреждения половых преступлений против несовершеннолетних можно выделить оперативно-розыскную профилактику исследуемых преступлений.

Меры оперативно-розыскного предупреждения могут быть определены как деятельность оперативных, имеющая определенную цель, а именно – использование наиболее эффективных возможностей в осуществлении своих функций по розыску и установлению лиц, которые имеют своей целью совершение половых преступлений против несовершеннолетних, а также обеспечения безопасности наиболее возможных виктимных жертв по данной категории преступности и определению тех обстоятельств, при которых преступнику затруднительно будет совершать преступления против половой неприкосновенности или половой свободы [2, с. 4].

Подводя итог, можно сказать, что меры оказания психолого-психиатрической помощи необходима лицам, которые страдают педофилией либо эксгибиционизмом, и сами обратились в лечебные учреждения либо психологические службы. Информация об этих лицах должна сообщаться в правоохранительные органы лишь в тех случаях, когда, по мнению психологов и психиатров, они являются потенциальными лицами на совершение сексуальных преступлений, и их поведение не поддается устойчивой психокоррекции.

Кроме того, выявление таких лиц в случае, если они не совершили правонарушений, не должно влечь за собой каких-либо карательных санкций, и проводиться оно должно в условиях строгой конфиденциальности. Такое выявление необходимо для того, чтобы в дальнейшем проводить с такими лицами индивидуальную работу, применять меры индивидуальной профилактики. Основу таких мер должны составлять медико-психологические средства. Работники же правоохранительных органов должны в корректной форме предостеречь указанных лиц о недопустимости совершения правонарушений в области сексуальной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов, Р.Г. Правовые меры предупреждения и профилактики преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних / Р.Г. Павлов // Территория науки. – 2015. – № 3. – С. 168–173.
2. Тронева, А.М. Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности в современных социальных условиях [Электронный ресурс] / А.М. Тронева // – 2009. – С. 1–6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupleniy-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-v-sovremennyh-sotsialnyh-usloviyah/viewer>. –Дата доступа: 20.09.2020.
3. Гусарова М.В. Несовершеннолетние как особый субъект преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности личности / М.В. Гусарова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3(29). – С. 93–97.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Д.М. НОВИКОВ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье рассматриваются персональные данные как объект преступлений и административных правонарушений. Обращается внимание на необходимость совершенствования законодательства в данном вопросе.

В настоящее время стремительно развиваются информационные технологии, а вместе с ними законодательство, регулирующее общественные отношения в этой сфере, в т.ч. в части оборота персональных данных в условиях цифровизации социума.

В Республике Беларусь понятие персональных данных звучит так – основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. Это могут быть: *имя, адрес электронной почты, местоположение человека, профессия, пол, здоровье и так далее*. При появлении этих правоотношений в обществе стал вопрос – как будет государство защищать эти данные? Какие законы будут приняты для реализации этой защиты?

В Республике Беларусь, в основном законе, Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) закреплена статья 28, согласно которой каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, его честь и достоинство. Более детальное описание данного права закрепляется в Законе «Об информации, информатизации и защите информации», а именно «никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом без воли данного физического лица». Также согласно этому закону меры по защите персональных данных от разглашения должны быть приняты с момента, когда персональные данные были предоставлены физическим лицом, к которому они относятся, другому лицу либо когда предоставление персональных данных осуществляется в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь.

На данный момент в Республике Беларусь идёт процесс принятия Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», ответственными за подготовку проекта данного закона являются Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь и Совет Министров Республики Беларусь. Сейчас он уже на стадии «подготовки ко второму чтению» и скоро вполне может стать нормативным правовым актом Республики Беларусь. Целью этого закона будет являться обеспечение защиты прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных.

Чтобы защищать права субъектов персональных данных, необходимо также создать специальный государственный орган в Республике Беларусь, который будет пресекать неправомерные действия правонарушителей в сфере персональных данных. Такой орган предусматривается в Законе «О защите персональных данных» и он будет принимать меры по защите прав субъектов персональных данных в процессе сбора, обработки, распространения, предоставления персональных данных. Этот орган может стать ключевым субъектом инициирования процесса привлечения к уголовной и административной ответственности лиц, нарушающих нормы права в сфере оборота персональных данных.

Далее рассмотрим два вида ответственности за незаконные действия в сфере оборота персональных данных в Республике Беларусь – уголовная и административная ответственности.

Первоначально пойдёт речь о уголовной ответственности. Основная статья Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) в сфере защиты персональных данных – это 179 УК РБ – незаконное собирание либо распространение сведений о частной жизни составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия. Примером служит ситуация, когда человек «А» рассказал о снятой судимости друга другим, хотя друг это скрывал. При этом было нарушено его право на личную тайну. Стоит обратить внимание, что непосредственно персональные данные в данной статье не упоминаются.

Однако, с развитием компьютерных технологий актуальность в вопросе защиты персональных данных приобретает глава 31 УК – Преступления против информационной безопасности. Все статьи этой главы УК РБ, а именно с 349 по 355 также выполняют функцию по защите персональных данных, которые находятся в персональных компьютерах, мобильный телефонах и других информационных устройствах, а также в сети интернет. К статье 351 УК РБ можно подобрать ситуацию из судебной практики: человек *А* создал фейковый сайт в сети интернет. Пользователи, думая, что сайт является настоящим, пользовались

им (переходили по ссылкам, вводили данные). Позже после получения персональных данных человек *A* использовал эти данные для блокирования настоящих аккаунтов пользователей.

Что касается административной ответственности – есть лишь одна статья в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП РБ), которая указывает непосредственным объектом персональные данные. Этой статьей является 22.13 КоАП РБ – умышленное незаконное разглашение персональных данных лицом, которому коммерческая или иная охраняемая законом тайна либо персональные данные известны в связи с его профессиональной или служебной деятельностью без согласия ее владельца. Данная ответственность будет наступать, в ситуации, когда гражданин, работая заведующим студенческого общежития, передал иным проживающим данные о родителях жильца, без его согласия.

Однако, на данный момент есть ряд проблем в сфере защиты персональных данных в плоскости уголовной и административной ответственности: отсутствие детализированной уголовно-правовой защиты персональных данных, неурегулированность ответственности за трансграничную передачу персональных данных и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями) // Консультант Плюс. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020
2. Защита персональных данных в Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2015/02/Zashchita-personalnyh-danniyh-v-Belarusi-1.pdf>. – Дата доступа: 08.09.2020г.
3. Регулирование персональных данных в Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kv.by/post/1050760-regulirovanie-personalnyh-danniyh-v-belarusi-chto-nuzhno-znat>. – Дата доступа: 08.09.2020г.
4. Закон Республики Беларусь «О информации, информатизации и защите информации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>. – Дата доступа: 09.09.2020г.
5. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499 – Дата доступа: 12.09.2020г.
6. Закон Российской Федерации «О персональных данных» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801. – Дата доступа: 12.09.2020г.
7. Обзор законодательства Республики Беларусь в сфере информационной безопасности – Часть 2: Персональные данные [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://digital.report/obzor-zakonodatelstva-respubliki-beloruss-personalnye-dannye>. – Дата доступа: 12.09.2020г.
8. Преступления в сфере компьютерной и информационной безопасности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bel-advokat.by/it-dela.html>. – Дата доступа: 15.09.2020г.
9. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 18.09.2020г.
10. Кодекс об Административных Правонарушениях [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0300194>. – Дата доступа: 18.09.2020г.
11. Совершенствование законодательства о персональных данных / Ипатов В.Д. // Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.И. Коваленко. 2018 / Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018 Минск, 17 мая 2018 г.

НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Д.М. НОВИКОВ
(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)

В статье незаконное использование персональных данных рассматривается как способ совершения преступления. Обращается внимание на то, что незаконное использование персональных данных может являться способом совершения широкого круга преступлений, поэтому важно первоначально обеспечивать защиту персональных данных.

Информация все стремительнее переходит с бумаги в компьютерные системы, появляются базы данных с огромным комплексом информации. Между людьми появляются правоотношения, связанные с информацией и персональными данными. В итоге государству необходимо эти правоотношения урегулировать, создать безопасную среду оборота персональных данных, защитить эти данные, предотвратить их незаконное использование.

В Республике Беларусь понятие персональных данных закреплено в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации». Законодатель определяет их – основными и дополнительными персональными данными физического лица, подлежащими в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. На международном уровне это определение звучит так: персональные данные – абсолютно любая информация о конкретном лице, которая способна его идентифицировать. Оно является общим и подходит для всех законов, регулирующих общественные отношения в сфере персональных данных. Этими данными могут быть: имя, адрес электронной почты, логин и пароль в социальной сети или игровой площадке, местоположение человека, профессия, паспортные данные, пол, здоровье и тому подобное.

В последнее время общественные отношения в сфере оборота персональных данных становятся объектом преступления. Объектами преступлений признаются общественные отношения, которым преступление наносит вред. Общественные отношения в сфере оборота персональных данных охраняет ст. 179 УК РБ, которая предусматривает ответственность за незаконные собирание либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшие причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего.

Незаконное использование персональных данных также может являться способом совершения преступления, это характерно для преступления в сфере информационных технологий. Примером преступления, где незаконное использование персональных данных является способом совершения преступления, является следующая ситуация: гражданину *Д* позвонил гражданин *М*, представился сотрудником банковской службы безопасности, назвал гражданина *Д* по имени и сообщил о том, что его банковская карта заблокирована. Гражданин *М* сказал, что чтобы разблокировать карту, ему нужны реквизиты, находящиеся на этой карте. Эти данные он отправит в банковский центр обработки информации, после чего карту гражданина *Д* разблокируют и дадут компенсацию за неудобства. В дальнейшем совершается хищение денежных средств с банковской карточки.

Незаконное использование персональных данных может использоваться для совершения преступлений против собственности, в сфере информационной безопасности и др.

Касаемо вопроса – какие персональные данные могут быть использованы для совершения преступления? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо узнать, какие персональные данные нам представил законодатель. Так в Республике Беларусь существует несколько нормативных правовых актов, в которых есть дефиниция персональных данных, такие как Закон «О переписи населения», Закон «О информации, информатизации и защите информации», Закон «О регистре населения» и тому подобные. Если собрать все персональные данные в группу, то получится такой список данных на которые правонарушитель может оказать незаконное воздействие:

– идентификационный номер; фамилия, собственное имя, отчество; пол; число, месяц, год рождения; место рождения; цифровой фотопортрет; данные о гражданстве (подданстве); данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания; данные о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным; данные о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке (детях) физического лица; о высшем образовании, ученой степени, ученом звании; о роде занятий; о пенсии, ежемесячном денежном содержании по законодательству о государственной службе, ежемесячной страховой выплате по обязательному

страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; о налоговых обязательствах; об исполнении воинской обязанности;

– владение языками; состав домохозяйства; место жительства (место пребывания); миграционная активность; жилищные условия; источники средств существования; занятость;

– данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, судимости, а также биометрические и генетические персональные данные;

– сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно его идентифицировать;

– уникальные и постоянные сведения, касающиеся генетического наследия и (или) кода ДНК человека, на основании которых можно его идентифицировать.

Все эти данные могут служить как объектом, так и предметом преступления. Однако не всегда персональные данные могут идентифицировать определенное лицо. Допустим, есть персональные данные, такие как профессия, пол, образование, данные о материальном положении, судимости и так далее. Чтобы эти данные имели способность идентификации лица, их нужно употреблять вместе с основными персональными данными, какими являются: имя, фамилия, отчество, дата рождения. Поэтому просто разглашение чьей-то информации, которая не является уникальной (в обществе существуют неординарные фамилии, имена, которые дают сразу понять о каком человеке идет речь) не будет признаваться преступлением.

В конечном итоге следует отметить, что незаконное использование персональных данных может являться способом совершения широкого круга преступлений. Поэтому важно первоначально обеспечивать защиту персональных данных, в т.ч. и уголовно-правовыми средствами, предотвращая их использование для совершения других преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями) // Консультант Плюс. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
2. Закон Республики Беларусь «О информации, информатизации и защите информации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>. – Дата доступа: 25.09.2020г.
3. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 25.09.2020 г.
4. Защита персональных данных в Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2015/02/Zashchita-personalnyh-danniyh-v-Belarusi-1.pdf>. – Дата доступа: 25.09.2020 г.
5. Обзор законодательства Республики Беларусь в сфере информационной безопасности – Часть 2: Персональные данные [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://digital.report/obzor-zakonodatelstva-respubliki-belarus-personalnyie-dannye/>. – Дата доступа: 25.09.2020 г.
6. Преступления в сфере компьютерной и информационной безопасности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bel-advokat.by/it-dela.html>. – Дата доступа: 26.09.2020 г.

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е.С. ПОДЛЕПЁНКИНА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В данной статье рассмотрен порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы. Указываются основания для проведения судебно-психиатрической экспертизы. Внесены предложения по совершенствованию технологии судебно-психиатрической экспертизы.

Назначение и проведение экспертизы – следственное действие, состоящее из принятия следователем либо лицом, производящим дознание, решения о проведении экспертизы, непосредственного экспертного исследования объектов на основе специальных знаний, а также составления заключения по поставленным перед экспертом вопросам.

Основаниями и поводами для назначения судебно-психиатрической экспертизы являются:

1. Сомнения в психической полноценности обвиняемого.
2. Особенности поведения обвиняемого или подозреваемого во время следствия или правонарушения.
3. Характер преступления, его кажущаяся безмотивность, противоречие между совершенным действием и личностью обвиняемого, непоследовательность его поступков, иногда необычная жестокость.
4. По уголовным делам, где в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь, проведение судебно-психиатрической экспертизы является обязательным [1].

Юридическим основанием проведения экспертизы является постановление о назначении экспертизы, вынесенное органом, ведущим уголовный процесс.

Недопустимо назначение экспертизы по вопросам правового характера (например, имело ли место хищение либо недостача, убийство либо самоубийство и т.п.), т.к. их разрешение относится к исключительной компетенции органа, ведущего уголовный процесс. Экспертное исследование не может быть проведено самим следователем либо иным лицом, ведущим производство по делу, даже если они обладают специальными знаниями.

Решение вопроса о необходимости проведения экспертизы принимается следователем либо лицом, производящим дознание, исходя из конкретных обстоятельств расследуемого уголовного дела. Указанные в комментируемой статье обстоятельства требуют установления на основе специальных познаний даже при достаточности других доказательств.

Нарушение требований об обязательном производстве экспертизы влечет за собой признание предварительного следствия неполным и направление дела прокурором для дополнительного расследования в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 264 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь 295-З от 16.07.1999 г.[2]. Если по делу не была проведена экспертиза, когда ее проведение в соответствии с законом является обязательным, приговор подлежит отмене (ч. 1 ст. 389 УПК [2]).

Согласно главе третьей Постановления Государственной службы медицинских судебных экспертиз от 17.09.2012 № 1 проведение экспертизы начинается с поступления в медицинское судебно-экспертное учреждение постановления о назначении экспертизы, объекты экспертизы (материалы и дела) принимаются медицинским регистратором по описи и после регистрации в регистрационном журнале передаются руководителю медицинского судебно-экспертного учреждения.

Далее, если проведение экспертизы поручается различным подразделениям медицинского судебно-экспертного учреждения, то вопросы, связанные с их организацией решаются по согласованию руководителей этих отделений. Руководитель осматривает положение, оценивает достаточность приложенных к нему объектов экспертизы, определяет объем и характер предстоящих исследований, назначает эксперта (комиссию экспертов), при этом руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные соответствующими статьями Уголовно-процессуального Кодекса и Уголовного Кодекса Республики Беларусь, определяет место и дату обследования и уведомляет об этом следователя[3]. Исследуемое лицо доставляется либо является в медицинское судебно-экспертное учреждение. Постановление о назначении экспертизы, материалы и дела находятся у эксперта на протяжении всего срока проведения экспертизы, досрочное возвращение органу (лицу), назначившему экспертизу, осуществляется по его письменному требованию. Срок проведения экспертизы не должен превышать 30 календарных дней, если иное не предусмотрено процессуальным законодательством. Руководитель экспертного учреждения вправе возвратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, представленные для ее производства, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы, по которым производится возврат [1].

Эксперт, вправе возвратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

При отказе исследуемого или его родителей, усыновителей, опекунов или попечителей, давших согласие на проведение экспертизы, от ее дальнейшего проведения заключение эксперта может быть дано по результатам проведенных исследований. Если их недостаточно для ответа хотя бы на один из поставленных перед экспертом вопросов, то составляется сообщение о невозможности дачи заключения и направляется органу (лицу), назначившему экспертизу.

Эксперт дает заключение от своего имени, на основании произведенных исследований и в соответствии с его специальными знаниями и несет за данное им заключение личную ответственность.

За дачу заведомо ложного заключения, за разглашение данных предварительного расследования эксперт подлежит привлечению к ответственности в соответствии с Уголовным законодательством Республики Беларусь.

Контроль за соблюдением нормативных правовых актов, регламентирующих порядок проведения экспертизы, осуществляется в пределах своих полномочий руководитель медицинского судебно-экспертного учреждения.

Для совершенствования технологии судебно-психиатрической экспертизы были разработаны следующие рекомендации:

- 1) представление на экспертизы проверенных, полноценных исходных материалов судьей или следователем, назначившими экспертизу;
- 2) постоянное обновление имеющихся методов путем внедрения достижений научно-технического прогресса, новых высокочувствительных методик, развитие информационного обеспечения эксперта;
- 3) качественная система подготовки и переподготовки экспертизных кадров;
- 4) постоянный контроль за проводимыми в судебно-экспертном учреждении экспертизами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении нормативных правовых актов по вопросам проведения судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз [Электронный ресурс] : постановление Государственной службы медицинских судебных экспертиз 17 сентября 2012 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // Консультант- Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 (ред. от 13.12.2011 г. № 325-3) // Консультант- Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.

АНАЛИЗ ИНСТРУКЦИИ О ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е.С. ПОДЛЕПЁНКИНА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В данной статье произведен анализ инструкции о проведении судебно-психиатрической экспертизы, рассмотрено постановление о «Государственной службе медицинских судебных экспертиз» от 17.09.2012 №1, а именно для определения чего в уголовном процессе проводится судебно-психиатрическая экспертиза.

Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в Республике Беларусь определяет условия, порядок организации и производства судебно-психиатрической экспертизы в судебно-психиатрических экспертных подразделениях организаций Государственной службы медицинских судебных экспертиз. Одной из основных форм применения специальных знаний в области психологии в процессе расследования преступлений является судебно-психологическая экспертиза (далее СПЭ), которая назначается для исследования особенностей психики обвиняемого, потерпевшего или свидетеля (установление индивидуально-психологических особенностей лица, физиологического аффекта, эмоциональных состояний и пр.).

Правовую основу деятельности по организации и проведению экспертизы составляют Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Указ Президента Республики Беларусь от 29 декабря 2001 г. № 808 «О государственной службе медицинских судебных экспертиз» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 4, 1/3364), Закон Республики Беларусь «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», нормативные правовые акты Государственной службы медицинских судебных экспертиз и Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в Республике Беларусь.

Согласно пункту четвертому Постановления Государственной службы медицинских судебных экспертиз от 17.09.2012 № 1 экспертиза в уголовном процессе проводится для определения:

1) психического состояния подозреваемого, обвиняемого, их способности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими во время совершения общественно опасного деяния, а также дачи заключения о возможности применения судом в отношении этих лиц принудительных мер безопасности и лечения;

2) психического состояния подозреваемого, обвиняемого, их способности в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими во время совершения общественно опасного деяния, а также дачи заключения о возможности применения судом в отношении этих лиц принудительных мер безопасности и лечения;

3) психического расстройства (заболевания) лица, совершившего общественно опасное деяние, но заболевшего до постановления приговора, его способности сознавать значение своих действий или руководить ими, а также дачи заключения о возможности применения судом в отношении этого лица принудительных мер безопасности и лечения;

4) опасности психического расстройства (заболевания) подозреваемого, обвиняемого для их самих или других лиц;

5) психического состояния подозреваемого, обвиняемого, их способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе;

6) индивидуально-психологических особенностей подозреваемого, обвиняемого, влияния индивидуально-психологических особенностей этих лиц на их поведение во время совершения инкриминируемых им деяний;

7) эмоциональных реакций и состояний, в том числе аффекта, у подозреваемого, обвиняемого во время совершения инкриминируемых им деяний, их способности в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими;

8) возможности применения судом принудительных мер безопасности и лечения к совершившим преступления лицам, страдающим синдромом зависимости от психоактивных веществ (хронический алкоголизм, наркомания, токсикомания);

9) наличия или отсутствия у несовершеннолетнего лица не связанного с психическим расстройством (заболеванием) отставания в психическом развитии, вследствие которого данное лицо не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния;

10) психического состояния матери, наличия психотравмирующей ситуации, вызванной родами, в условиях которой матерью совершено убийство своего ребенка во время родов или непосредственно после них;

11) психического состояния потерпевшего, свидетеля, их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания;

12) уровня психического развития, индивидуально психологических особенностей, психического состояния, наличия или отсутствия психических расстройств у потерпевшего в случае совершения в отношении его преступления против половой неприкосновенности или половой свободы, способности этого лица понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление виновному;

13) психического состояния лица, предположительно покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествовавший смерти, наличия либо отсутствия причинно-следственной связи между действиями подозреваемого, обвиняемого и особенностями психического состояния лица, предположительно покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествовавший смерти;

14) наличия или отсутствия у потерпевшего психического расстройства (заболевания), характера и степени его тяжести, причинноследственной связи между действиями подозреваемого, обвиняемого и психическим расстройством (заболеванием) потерпевшего;

15) психического состояния лица, в отношении которого проводится проверка по заявлению или сообщению о преступлении [1].

Исходя из анализа данного постановления можно сделать вывод, что при проведении экспертизы могут решаться иные, имеющие значение для дела вопросы, для ответа на которые требуются специальные психиатрические и (или) психологические знания.

В инструкции так же расписаны права и обязанности эксперта, а так же то, что эксперт не вправе делать.

Эксперт выполняет иные обязанности, установленные законодательством Республики Беларусь.

Экспертиза производится экспертами соответствующих государственных учреждений либо иными специалистами, назначенными лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом. Закон предусматривает, что в качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения. Требование лица, производящего дознание, следователя, прокурора или суда о вызове эксперта обязательно для руководителя предприятия, учреждения или организации, где работает эксперт. Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение не могут выходить за пределы его специальных познаний.

Ходатайствовать об экспертизе могут сам обвиняемый, потерпевший, родственники, в судебном заседании – прокурор и защитник с момента его участия в уголовном и гражданском процессе. В последнем случае могут ходатайствовать о назначении экспертизы истцы и ответчики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении нормативных правовых актов по вопросам проведения судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз [Электронный ресурс] : постановление Государственной службы медицинских судебных экспертиз 17 сентября 2012 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Е.С. ПОДЛЕПЁНКИНА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В публикации рассматривается существующее эмоциональное состояние в уголовном праве, а именно состояние аффекта. Вид судебно-психологической экспертизы, а именно судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний.

Практически во всех видах судебно-психологической и психиатрической экспертизы выводы экспертов касаются юридических (психологических) критериев той или иной способности подэкспертного лица – например, способности свидетелей правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Однако в белорусском законодательстве существует вид судебно-психологической экспертизы, который вовсе не имеет аналогов в судебно-психиатрической практике. Предметом исследования в этом виде экспертизы являются не какие-либо способности подэкспертного, которые оцениваются при помощи юридического критерия, зафиксированного в уголовном законодательстве, а психологическое понятие – физиологический аффект обвиняемого.

Объектом исследования является человек, имеющий определенный процессуальный статус (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый). Еще объектом исследования могут выступать материалы дела в качестве совокупности материализованных источников информации о событиях, фактах, которые являются отражением психической деятельности в юридически значимой ситуации.

В практике правоохранительных органов данный вид судебно-психологической экспертизы применяется наиболее часто. В уголовном праве физиологический аффект связывается с сильным душевным волнением, под которым понимается «такая дезорганизация психической деятельности, при которой человек не теряет полностью понимания ситуации и совершаемых им действий, но в значительной мере теряет над ними контроль» [1].

Так, статья Уголовно Кодекса Республики Беларусь 275-2 от 09.07.1999 гласит «Уголовная ответственность за деяние, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством, тяжким оскорблением или иными противозаконными или грубыми аморальными действиями потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, когда лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими, наступает лишь в случае умышленного причинения смерти, тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения»[2]. В общей психологии под аффектами обычно понимают относительно кратковременные и сильные эмоциональные переживания, которые являются сильной ответной реакцией на эмоциональный раздражитель. Отличие эмоций от аффекта есть, оно состоит в том, что эмоции воспринимаются субъектом как свое «я», аффект как то, что возникает помимо воли человека. Самая главная особенность аффекта состоит в том, что она проявляется как нарушение сознательного волевого контроля собственных действий.

Юридическое значение судебно-психологического аффекта (эмоциональных состояний и реакций) обвиняемого определяется возможностью квалификации следствием или судом статья 141 Уголовного кодекса Республики Беларусь 275-2 от 09.07.1999 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» и статья 150 Уголовного кодекса Республики Беларусь 275-2 от 09.07.1999 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта». Юридическая квалификация указанных статей наступает при экспертном установлении аффекта у подэкспертного в момент совершения инкриминируемых ему действий и наличии таких юридически значимых признаков, как умышленное совершение преступления, а также спровоцированность возникновения аффекта насилием, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противопоказанными или грубыми аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Поводами для назначения этой экспертизы являются выявленные в ходе допроса свидетелей, потерпевших и обвиняемого признаки необычного психического состояния или поведения обвиняемого во время совершения инкриминируемого ему деяния:

- взрывной характер эмоционально-поведенческих реакций обвиняемого;
- нанесение им большого количества ударов потерпевшему;
- интенсивность эмоциональных процессов;
- частичное ослабление сознательного, волевого контроля за своими действиями;

- неадекватность реакций на раздражители;
- неполнота восприятия происходящего, частичное запамятование обстоятельств расследуемого события;
- изменения в деятельности вегетативной нервной системы (побледнение, покраснение лица, дрожание пальцев рук);
- временное нарушение речи [3].

Подводя итог, можно сформулировать понятие аффекта и сделать вывод. Аффект - эмоциональный процесс взрывного характера, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, часто сопровождающийся резко выраженнымми двигательными проявлениями и изменениями в работе внутренних органов.

Судебно-экспертное заключение о наличии состояния аффекта должно основываться на психологической квалификации тех эмоциональных реакций и состояний, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольную волевую регуляцию и контроль. При этом эксперт-психолог должен проводить дифференциальную диагностику между аффектом и эмоциональными реакциями и состояниями, не достигающими степени выраженности аффекта и не оказывающими существенного влияния на сознание и поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Енгалычев, В.Ф. Судебно-психологическая экспертиза : учеб.-метод. пособие / С. С. Шипшин. – Калуга : Методическое руководство, 2017. – 318 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // Консультант- Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018
3. Шибко, Н.Л. Юридическая психология и не только [Электронный ресурс] / Н.Л. Шибко ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Деп. в ГУ «БелИСА» 28.02.2015, № 3-Б2011.

ПОНЯТИЕ «ВЫНУЖДЕННОСТЬ» КАК УСЛОВИЕ СОУЧАСТИЯ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

C. В. СВИРСКИЙ
(Представлено: В. А. КУРЯКОВ)

Научному анализу подвергнут уголовно-правовой термин «вынужденность», получивший свое применение в белорусском уголовном праве в рамках института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Дано доктринальное толкование данного понятия как ключевого условия в конструкции ст. 38 УК (Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию).

Одно из новшеств современного Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. как на научном уровне, так и в среде практических работников в качестве очевидного позитивного явления рассматривается значительное расширение законодателем перечня правовых оснований для освобождения определенных категорий участников возникших уголовно-правовых отношений от уголовной ответственности, объединенных в одну главу под общим названием «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». В числе обстоятельств, исключающих преступность деяния, впервые, по сравнению с ранее действовавшим Уголовным кодексом БССР 1960 г., предусмотрен такой уголовно-правовой институт, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (статья 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В анализируемой норме на законодательном уровне закреплено правовое основание освобождения лица от уголовной ответственности в случае совершения им преступления в условиях вынужденного соучастия при выполнении специального задания по предупреждению, выявлению или пресечению преступления.

Одним из ключевых конструктивных признаков ст. 38 УК является положение об обязательном наличии такого условия, как пребывание лица, действовавшего по специальному заданию, в состоянии вынужденного соучастия: «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое... вынужденно совершил преступление» [1].

Правильное раскрытие и уяснение подобного понятия имеет принципиальное значение в квалификационной оценке обстоятельств вынужденного соучастия в совершении преступления, поскольку от понимания его значения в целом зависит возможность применения на практике положений, предусмотренных статьей 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В таких ситуациях от правоприменителя требуется исключительно грамотная оценка и расшифровка наряду с другими конструктивными признаками фактического и юридического содержания исследуемого правового условия, ибо от этого напрямую зависит законность принятия процессуального решения о наличии или отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности за совершение в условиях вынужденного соучастия конкретного преступления, предусмотренного Особенной частью УК.

Особую сложность в решении поставленной задачи представляет тот факт, что данный термин в других нормах Уголовного кодекса непосредственно не получил своего отражения. В этой части следует указать, что условие, но не прописанное в норме, о вынужденности действий является обязательным признаком такой нормы, как крайняя необходимость (ст. 36 УК). Хотелось бы выделить тот факт, что ни законодателем в рамках уголовного закона, не Верховным Судом в Постановлениях Пленума на сегодняшний день не дано каких-либо разъяснений относительно термина «вынужденно», что не может не вызывать определенные трудности в применении статьи 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь на практике. Поэтому подобное обстоятельство требует от теории и практики формирования единого подхода в раскрытии содержания анализируемого понятия.

Исследование значения термина «вынужденно» следует начать с этимологии данного слова. Слово «вынужденно» происходит от содержания слов «вынудить» или «вынуждать», означающие добиваться чего-либо в принудительном порядке, насильно, невольно [2]. Таким образом, исходя из такой концепции понимания вынужденности, можно представить следующую ситуацию: лицо, внедренное в соответствии с действующим законодательством в преступное образование, в соответствии с преступной направленностью группы склоняют включают в сферу их преступной деятельности. Например, руководитель преступной организации, распределяя роли в совершении запланированного преступления, включает в состав исполнителей и лицо, действующее по специальному заданию. Как отказаться от соучастия, чтобы не вызвать подозрений со стороны руководителя и других членов преступной группы со всеми вытекающими из этого возможными негативными последствиями? Возникает ситуация: «или отказаться, или вынужденно соучастовать ради достижения главной и конечной цели, которая сформулирована в специальном задании. Такие ли ситуации имеет ввиду законодатель, включая в анализируемый институт в качестве обязательного признака «состояние вынужденности»? Представляется, что да. В противном бы случае

в существовании такого специфического обстоятельства, исключающего преступность деяния, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию, не было бы необходимости. Ведь смоделированная ситуация по внешним признакам подпадает под содержание института крайней необходимости (статья 36 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [6]. Однако в ст. 38 УК законодатель сузил сферу признания правомерным вынужденного причинения вреда по признакам субъекта и субъективной стороны. С долей определенной условности можно высказать суждение, что статья 38 УК является специальной нормой по отношению к статье 36 УК. В условиях вынужденного соучастия фактически, предотвращая возможное разоблачение, лицо, действующее по специальному заданию, не только вынужден обеспечить свою личную безопасность, но и добиться выполнения поставленной им задачи.

В конечном итоге, обозначенное выше свидетельствует о невозможности отождествления общепризнанного смысла данного понятия с его содержанием в анализируемой норме. В статье 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь термин «вынужденно» не предусматривает ни физического, ни психического насилия над лицом, выполняющим специальное задание, с целью заставить его причинить вред правоохраняемым интересам. Воля этого лица по внешним признакам свободна в выборе варианта поведения: можно отказаться и уйти с преступной группы, но тогда не будет реализована главная цель, ради которой и осуществлялись нередко сложные по своему содержанию мероприятия по его внедрению в преступную группу с последующим выполнением конкретных, общественно полезных задач.

Как нам представляется, термин «вынуждено» происходит от слова «должен», которое означает действовать вопреки желанию, в зависимости от обстоятельств. Поскольку, именно такими побудительными причинами и руководствуется лицо, выполняющее специальное задание. В подобных ситуациях вред правоохраняемым интересам причиняется исключительно из-за необходимости сохранить свое инкогнито для последующего предупреждения, выявления или пресечения преступления.

Вероятнее всего, что участие лица, выполняющего специальное задание, в преступном формировании, члены которой и объединяются только для совершения преступлений, предполагает неизбежность его причастности к преступной деятельности подобного образования [3, с.158].

Ведь необходимо понимать, что, исходя из конкретной ситуации, лицо иным путем (например, отказом, уклонением под какими-либо надуманными предлогами) не смогло бы вызвать к себе необходимого уровня доверия, а, соответственно, раскрыть структуру группировки, установить ее лидеров и членов, обнаружить необходимые доказательства преступной деятельности, «предотвратить совершение более тяжкого преступления, выполнить другие позиции специального задания» [4, с.119]. Отказ создаст угрозу разоблачения со всеми вытекающими из этого крайне негативными последствиями. Следовательно, речь идет о возникновении реальной угрозы невыполнения специального задания, либо угрозе разоблачения лица другими участниками преступного образования и связанная с этим опасность для его жизни или здоровья. При этом подобная ситуация должна складываться таким образом, что внедренное лицо не имеет возможности другим способом выполнить стоящие перед ним задачи.

Однако следует уточнить, что уголовно-правовая вынужденность, обозначенная в статье 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь, будет возникать только при наличии определенных объективных и субъективных признаков [5, с. 135].

Объективные признаки образуют обстоятельства, которые побуждают лицо, выполняющее специальное задание, причинить вред правоохраняемым интересам, вызывают потребность в преступлении. Например, ситуативная необходимость доказать свою верность руководству преступной организации, показать свою преданность к преступной идеологии.

Субъективные признаки, в свою очередь, будут складываться из целей, которые ставят перед собой такое лицо, совершая преступление. Первая из таких целей будет носить промежуточный характер и заключается в том, что агент стремится избежать своего разоблачения, вторая цель будет конечной – пресечение деятельности преступного образования.

Таким образом, уголовно-правовая вынужденность в рамках института обстоятельств, исключающих преступность деяния, может быть определена как совокупность объективных и субъективных обстоятельств, которые создают у лица, выполняющего специальное задание в составе преступного образования, необходимость причинения вреда правоохраняемым интересам во избежание своего разоблачения для следующего предупреждения, выявления или пресечения преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275 –3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
2. Толковый словарь русского языка Ушакова [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://slovar.yandex.ru/dict/ushakov>. – Дата доступа: 10.09.2020
3. Куряков, В. А. Агент на скамье подсудимых: уголовно –правовой аспект/ В. А. Куряков // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экономические и юридические науки. –2006. – N2, – С. 157–166.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч. –практ.коммент. / Т.П. Афонченко [и др.]; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: НЦПИРесп. Беларусь, 2019. – 1000 с.
5. Константинов, Д. С. Понятие термина «вынужденно» в ч.1 ст. 43 УК Украины / Д.С. Константинов // Проблемы законности – 2005. – N 72. – С. 131 –136.
6. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении/С.В. Ананич [и др.]; под ред. И.О. Грун- това, А.В. Шидловского. – 2 –е изд., доп. и испр. – Минск: Изд. цент БГУ, 2019. – 860 с.

УДК 343.233

**ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ ЗАДАНИЮ:
СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ**

**C.B. СВИРСКИЙ
(Представлено: В.А. КУРЯКОВ)**

Изучен вопрос причин, предшествующих появлению в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, такого нового института, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию. Рассматриваемый вопрос изложен в контексте становления правовой регламентации в Республике Беларусь оперативно-розыскной деятельности.

Становление на постсоветском пространстве новых независимых государств повлекло за собой коренные изменения в системе их законодательства. Не стала в этом плане исключением и отрасль белорусского уголовного права, которая была подвергнута существенным преобразованиям в период формирования национального права нашего государства. Свидетельством тому является появление нового Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года, который сменил наследие советского государства – Уголовный кодекс БССР 1960 года. Новый кодекс включил в себя множество изменений и дополнений в содержание ряда ключевых институтов уголовного права. Так, заметному расширению был подвергнут перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, что в целом было характерно для многих постсоветских государств (Российская Федерация, Украина, Казахстан). Такое реформирование было, в первую очередь, направлено на обеспечение потребностей современного государства в правовом регулировании принципиально значимых направлений, входящих в систему борьбы с преступностью.

Таким новым институтом стали положения статьи 38 Уголовного кодекса, которыми на законодательном уровне было закреплено правовое основание освобождения лица от уголовной ответственности в случае совершения им преступления в условиях вынужденного соучастия при выполнении специального задания по выявлению или пресечению преступления. Прежний уголовный закон 1960 года, принятый ещё в советский период, не предусматривал такого института. Однако это совершенно не означало, что при проведении оперативными подразделениями (как правило, органами внутренних дел) сложных мероприятий по разоблачению преступной деятельности, прежде всего групп высокой степени криминальной организованности и сплоченности, не возникали ситуации, когда требовалась защита на уровне уголовного закона интересов лиц, вынужденно совершивших преступления при выполнении специальных заданий правоохранительных органов.

Очевидно, что прежде всего по идеологическим соображениям длительный период социалистическое государство не считало целесообразным на законодательном уровне признавать публично факт использования негласной помощи граждан (а порой фактически и преступников) в борьбе с наиболее опасными преступными проявлениями, ограничиваясь регулированием этой сложной профессиональной деятельности на уровне ведомственных нормативных актов с грифами «секретно» и «совершенно секретно». Как следствие, отсутствие законодательной основы организации оперативно-розыскной деятельности в этом направлении практически исключало возможность обеспечения действенной официальной правовой защиты негласного сотрудника в случае совершения им преступления в период его пребывания в преступной среде по специальному заданию.

Ситуация стала меняться с переходом к демократическому правовому государству, когда деятельность правоохранительных органов стала приобретать открытое правовое регулирование. Первым принципиально значимым шагом в этом направлении стало принятие в 1992 году Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором Законодатель без всяких грифов закрытости закрепил положение, разрешающее должностным лицам специальных подразделений принимать личное участие в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также использовать в этих же целях помочь отдельных граждан, в том числе за денежное вознаграждение на негласной (конфиденциальной) основе. Этим же законом в числе других видов было разрешено проведение и такого сложного в правовом и тактическом отношении оперативно-розыскного мероприятия, как легендированное «внедрение сотрудников в организованные преступные группы и криминогенные объекты» [1].

Однако, такое правовое новшество в сфере борьбы государства с преступностью, в принципе, как и другие законодательные нововведения того времени, в нашей стране ввиду их недостаточной правовой проработанности и новизны требовали дальнейшего совершенствования их содержания реалиям практики применения. Такая ситуация была и с правовым регулированием оперативно-розыскной деятельности.

Так, уже в 1999, а затем в 2015 годах с учетом изменяющихся обстоятельств были приняты новые редакции Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В Законе «Об ОРД» 1999 г. впервые на законодательном уровне, но пока что вне рамок уголовного закона, было закреплено положение о том, что

для защиты жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам личности или государства должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершающее при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга. Сделав значительный позитивный шаг вперед, тем не менее законодатель, как представляется, проявил очевидную нерешительность в объективном определении правовых границ уголовно-правовой защиты причинителя вреда в условиях выполнения им специального задания, указав при этом, что причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Подобное условие соответствовало положениям института крайней необходимости в рамках статьи 14 Уголовного кодекса БССР 1960 г. [2].

Следовательно, на первоначальных этапах формирования самостоятельного института правовой защищённости лица, совершившего преступление в условиях вынужденного соучастия при выполнении специального задания, предполагалось, что подобные ситуации подлежали разрешению с применением не специальной нормы уголовного права, а на основе ранее действовавшего института уголовного права (статьи 14 Уголовного кодекса – Крайняя необходимость), включенного в систему норм уголовного права еще в 1958 г. Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [3].

Рассматриваемым Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (1999 г.) компетентным органам было предоставлено право на проведение такого сложного в организационно-тактическом и правовом отношении специального мероприятия, как оперативное внедрение, содержание которого законодатель определил как «проникновение в преступное формирование сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или лица, оказывающего ему содействие на конфиденциальной основе, для решения задач оперативно-розыскной деятельности» [4].

Таким образом, в данном случае речь идет о комплексном оперативно-розыскном мероприятии, обеспечивающем внедрение представителей правоохранительных органов в среду преступников с целью их разоблачения и пресечения готовящихся или совершаемых преступлений [5, с. 37].

Практика борьбы с преступностью свидетельствует, что применяемые, прежде всего, органами внутренних дел обычные средства и методы, нередко оказываются недостаточно эффективными, особенно в тех случаях, когда преступники строго контролируют свое внешнее поведение, тщательно скрывают причастность к преступлениям, уничтожают возникающие при этом следы и материальные улики.

В таких ситуациях едва ли не единственным путем получения необходимой информации является установление с лицами, причастными к преступлениям или имеющими по данным событиям какие-либо сведения, доверительных отношений. Эту объективно необходимую и весьма сложную в профессиональном отношении задачу могут выполнить как сами непосредственно оперативные работники соответствующих подразделений, так и по их поручению граждане, располагающие соответствующими возможностями. Поскольку внедрение штатных оперативных работников в среду преступников в массовом порядке невозможно из-за трудностей, связанных с обеспечением конспирации, поэтому для этой цели используется помощь граждан.

Не секрет, чтобы такие лица могли результативно выполнять поставленные перед ними задачи (получение информации о планах и замыслах преступной структуры, способах и средствах их реализации и др.) прежде всего, необходим достаточный уровень доверия со стороны преступного окружения. Именно названное обстоятельство чаще всего и создавало предпосылки для вынужденной включенности негласного сотрудника в определенный объем преступной деятельности или в состояние вынужденной имитации таковой. В противном случае отказ от соучастия создаёт для внедренного лица реальную угрозу расшифровки его подлинного статуса в преступной среде со всеми вытекающими из этого негативными последствиями: провал проводимой операции и возникновение реальной угрозы безопасности жизни негласного сотрудника.

Бесспорно, что в разрешении подобных исключительно опасных ситуаций существенная роль отводится наличию нормативной базы правового регулирования вопросов законодательной защищенности от уголовного преследования в допустимых пределах негласного сотрудника. Роль такого правового буфера и признана выполнить, по мнению разработчиков уголовного закона, статья 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая определяет, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершил преступление» [6].

Подобные ситуации некоторыми учеными определяется понятием «мнимое соучастие» [7, с. 19].

Социальная и правовая сущность этого обстоятельства, исключающего преступность деяния, заключается в том, что государство, таким образом, закрепляет в уголовно-правовой норме, а, соответственно, с позиции позитивного (общественно полезного) отношения оставляет за собой право не признавать преступлением вынужденное общественно опасное поведение (действие) негласного сотрудника, содержащее в себе признаки конкретного преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного

кодекса. Вместе с тем, руководствуясь в реализации государственной политики в области борьбы с преступностью приматом высших социальных ценностей, каковыми являются, прежде всего, жизнь и здоровье человека, государство установило границы дозволенного вынужденного общественно опасного поведения, которые получили свое четкое законодательное закрепление во второй части статьи 38 Уголовного кодекса: «*правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека.*

Таким образом, появление в современном Уголовном кодексе в рамках шестой главы под названием «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» такого уголовно-правового института, как «пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» явилось логическим продолжением процесса, направленного на достижение завершенности нормативного регулирования деятельности правоохранительных органов, в том числе и в области проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Существование подобного института объективно необходимо. Поскольку реальность такова, что в борьбе с некоторыми видами преступлений, особенно в их организованных формах, внедрение в преступную среду оперативных сотрудников или лиц, конфиденциально содействующих правоохранительным органам, выступает неотъемлемым элементом такого противостояния. Совершенно очевидно и то, что в современных условиях такого рода внедрение объективно может сопровождаться не только информированием названными лицами соответствующих органов о преступной деятельности, но и в условиях вынужденности непосредственным участием в их совершении.

Тем более, не подлежит сомнению тот факт, что недопустимо бороться с преступлениями нарушением уголовного закона, включая процедуру его применения. С этой точки зрения ясно, что одной статьи Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», оговаривающей лишь возможность «допущение вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам» явно было бы недостаточно, поскольку в ней отсутствуют точные указания на субъектов причинения вреда, объем общественно опасных последствий, превышение которого выходит за пределы разумно-обоснованной допустимости, на содержание ситуаций, при которых он оправдан, т.е. не обозначены признаки, относящиеся исключительно к сфере правового регулирования только в рамках уголовного законодательства. Именно положения статьи 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь предают логическую завершенность правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности в части применения оперативного внедрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респуб. Беларусь, 2 ноября 1992 г. // Эталон –Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь. Принят четвертой сессией Верховного Совета Республики Беларусь пятого созыва 29 декабря 1960 года (СЗ БССР, 1961 г.) // Законодательство Республики Беларусь [Электронныйресурс]. – 2009. – Режим доступа:<http://pravo.levonevsky.org/kodeksby/uk/>. Дата Доступа: 19.09.2020.
3. Закон СССР от 25.12.1958 г. Об утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа:<http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/>. Дата доступа: 19.09.2020.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 289-3 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь.–Минск, 2020.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респуб. Беларусь, 15 июля 2015 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
6. Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности: научно-практический комментарий / Под общ. ред. И. Н. Зубова.–М.: Спарт, 1999. – 178 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
8. Савинский, А.А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния / А.А. Савинский // Законность-2015. – N 10. – С. 19–21.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. comment. /Т.П. Афонченко [и др.]; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: НЦПИ Респ. Беларусь, 2019. – 1000с.
10. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т.1: Учение о преступлении/С.В. Ананич [и др.]; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – 2 – е изд., доп. и испр. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 860 с.

**ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 339-1 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ)**

Д.А. ТРОФИМОВА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

Статья посвящена проблеме определения предмета в составе преступления, предусматривающем уголовную ответственность за жестокое обращение с животными (ст. 339-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Автором предложен положительный опыт зарубежных стран. Так же рассмотрена проблема определения объекта данного состава.

Уголовный Кодекс Республики Беларусь закрепляет норму, предусматривающую уголовную ответственность за жестокое обращение с животными (ст. 339-1) [1]. Следует отметить, что предметом данного преступления является животное, однако само определение понятия «животное» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. На наш взгляд, это является значительным пробелом в законодательстве Республики Беларусь, как правовом государстве, так как предмет данного преступления правовыми нормами не ограничен. Возникает вопрос куда обращаться правопримениителю при возникновении частных случаев: толковому словарю или же «биологическим» источникам. Обращаясь к опыту зарубежных стран, например Украины, в диспозиции ст. 299 «Жестокое обращение с животными» Уголовного Кодекса прямо прописано: «животным, относящимся к позвоночным», что сужает круг предмета рассматриваемого преступления [2]. В связи с наличием данной проблемы, считаем необходимым внести изменения в действующий Уголовный Кодекс Республики Беларусь путем дополнения примечанием к ст. 339-1, где будет дано разъяснение понятия «животное», применительно к данному виду преступления.

Объектом данного состава преступления является общественная нравственность. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, общественная нравственность – это внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами [3]. По нашему мнению, в рассматриваемом преступлении можно выделить и дополнительный факультативный объект: общественные отношения, складывающиеся в сфере собственности, так как согласно ст. 137 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, к животным применяются общие правила об имуществе [4]. Не смотря на это, данный состав преступления дополнительной квалификации по ст. 218 Уголовного Кодекса Республики Беларусь или ст. 10.9 Кодекса об Административных Правонарушениях Республики Беларусь (ответственность за умышленное уничтожение либо повреждение имущества) не требует [1; 5]. Однако, необходимо понимать, что собственность будет выступать дополнительным факультативным объектом только в том случае, если у животного имеется собственник.

В соответствии с ч. 1 ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (хулиганство) хулиганством признаются умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выраждающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом [1]. Таким образом, при совершении хулиганства может причиняться вред имуществу граждан, что как мы ранее обозначили и так же может являться дополнительным факультативным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 339-1 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. При дополнении Уголовного Кодекса Республики Беларусь статьей 339-1 законодатель стремился стать на охрану животных, выделив их в качестве особого предмета уголовно-правовой охраны. Вместе с тем при совершении, преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь преступнику может быть назначено наказание в виде общественных работ, или штрафа, или исправительных работ на срок до двух лет, или ареста, или ограничения свободы на срок до двух лет, или лишения свободы на срок до трех лет (менее тяжкое преступление), а в свою очередь за совершение жестокого обращения с животными назначается наказание в виде общественных работ, или штрафа, или исправительных работ на срок до одного года, или ареста (преступление, не представляющее большой общественной опасности). В связи с чем, полагаем, что цели законодателем достигнуты не были, так как до введения данной нормы противоправные деяния по жестокому обращению с животными квалифицировались правопримениителями по ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, что влекло более суровое наказание нежели с появлением специальной нормы.

Исходя из вышеизложенного, предмет рассматриваемой нами статьи определяется лишь один словом – «животное», что создает трудности в квалификации деяния на практике. Так же, имеет место быть

проблема определения объекта данного состава преступления. Таким образом, предполагаем, что в настящее время проблема ответственности за жестокое обращение с животными не до конца урегулирована законодательством Республики Беларусь и требует принятия мер по усовершенствованию и конкретизации ст. 339-1 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию от 11 окт. 2019 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
2. Уголовный кодекс Украины / [Электронный ресурс] / Режим доступа: kodeksy.com.ua/ka/ugolovnyikodeks_ukraini / – Дата доступа: 11.01.2020;
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. – М.: Мир и образование, 2014. – 1376 с;
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : текст Кодекса по состоянию от 04 мая. 2019 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 21 апреля 2003 г.: принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.: Одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. (в ред. от 18.12.2019) // КонсультантПлюс: Беларусь. [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

УДК 347

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
С ЖИВОТНЫМИ В РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСОБЕННОСТИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ**

Д.А. ТРОФИМОВА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В настоящей статье проанализированы составы уголовного кодекса Республики Беларусь и кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, а именно норма, предусматривающая ответственность за жестокое обращение с животными в Республике Беларусь. Автором предложены критерии разграничения по составу деяния и проведена грань различия между данными нормами.

Проблема жестокого обращения с животными является одной из наименее изученных в Республике Беларусь. Однако высока актуальность данной темы, что подтверждает рост жестокости по отношению к животным и проблематичность привлечения к юридической ответственности.

Исходя из изучения истории возникновения института защиты животных, следует, что ранее основанием для привлечения к ответственности за жестокое обращение с животными выступали противоправные действия, предусмотренные ст. 15.45 Кодекса об Административных Правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП Республики Беларусь). Начиная с 2015 года в Уголовный Кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) была включена статья 339-1, которая предусматривает уголовную ответственность за жестокое обращение с животными. Рассмотрим, в чем разница данных смежных составов:

Согласно ст.15.45 КоАП Республики Беларусь жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель илиувечье, а равно истязание животных, влекут наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин или административный арест [1].

Статья 339-1 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность в виде общественных работ, штрафа, исправительных работ на срок до одного года, или ареста за жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель илиувечье, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего [2]. Уголовная ответственность по ч.2 ст.339-1 УК Республики Беларусь наступает за те же действия, совершенные повторно либо группой лиц. В данном случае виновные понесут наказание в виде ареста, ограничения свободы на срок до одного года, или лишения свободы на тот же срок.

Таким образом, важным отличием составов являются такие признаки субъективной стороны, как: «совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего», предусмотренные в уголовно-правовой норме. В ст.4 УК Республики Беларусь разъяснены данные понятия [2]: Под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат. Под хулиганскими побуждениями понимаются мотивы, выражющие стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития. Под малолетним понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста четырнадцати лет. Однако, понятие «иные низменные побуждения» в уголовном законодательстве отсутствует. Подобная формулировка позволяет должностным лицам на свое усмотрение решать преступно ли данное деяние, исходя из собственной трактовки понятия «низменные побуждения». На наш взгляд, это противоречит принципу уголовной ответственности, согласно которому преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК Республики Беларусь. Полагаем, что привлечение к уголовной ответственности лица за жестокое обращение с животными, совершенное из иных низменных побуждений, может применяться лишь после закрепления в УК Республики Беларусь данного понятия. Так же, обратим внимание, что большинство перечисленных признаков относится к внутренним установкам человека, что вызывает проблемы в доказывании и правильной квалификации деяния. А, как известно, принцип презумпции невиновности заключается в толковании всех сомнений в пользу обвиняемого.

Обратим внимание на родовой объект. Так, в КоАП Республики Беларусь норма ст. 15.45 размещена в главе 15 «Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования». В УК Республики Беларусь норма о жестоком обращении с животными находится в главе 30 «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности». Это свидетельствует о том, что законодатель, по сути, одно и то же деяние относит к разным родовым объектам. Данное обстоятельство обусловлено, на наш взгляд, тяжестью определения статуса животных. Усугубляет проблему и отсутствие закрепленного определения понятию «животное», что в конструкции данных составов является факультативным признаком – предметом. На наш взгляд, это является значительным пробелом в законодательстве Республики Беларусь, как правовом государстве, так как предмет

данных видов преступления и правонарушения правовыми нормами не ограничен. В настоящее время существует проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными», который определяет правовые основы обращения с животными, направлен на обеспечение безопасности, иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными, защиту животных от жестокого обращения, утверждение принципов гуманности в обществе и укрепление его нравственного состояния [3]. Отметим, что данный законопроект с 2014 года до настоящего времени не одобрен депутатами Национального собрания Республики Беларусь, о чем мы упоминали выше. Данный законопроект не дает определения понятию «животное», в нем прописаны только разделения животных на восемь категорий, а именно: безнадзорные животные; животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях; животные-компаньоны; изъятые животные; лабораторные животные; отказные животные; сельскохозяйственные животные; служебные животные. Предполагаем, что авторы данного законопроекта выделили данные категории животных не случайно. Возможно, тем самым они определили какие именно животные являются предметом правовой охраны. Следовательно, животные, не относящиеся к данному перечню, не могут быть предметом преступления или административного правонарушения.

Помимо этого, в рассматриваемом преступлении (правонарушении) можно выделить и дополнительный объект: общественные отношения, складывающие в сфере собственности, так как согласно ст. 137 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), к животным применяются общие правила об имуществе[4]. Не смотря на это, данные составы дополнительной квалификации по ст. 218 УК Республики Беларусь или ст. 10.9 КоАП Республики Беларусь (ответственность за умышленное уничтожение либо повреждение имущества) не требует.

Объективная сторона данных составов выражается в «жестоком обращении с животным», преступным последствием чего явилась их гибель илиувечье (а равно истязание животных – КоАП Республики Беларусь) что является весьма не однозначной позицией. Согласно разъяснениям в комментарии к ст. 339-1 УК Республики Беларусь, «жестокое обращение с животными выражается в истязании, причинении телесных повреждений и т.п. Жестокость может выражаться в применении к животному пыток, совершения иных действий, вызывающих мучения, и т.д.» Обратимся к законопроекту Республики Беларусь, речь о котором шла выше. В ст.1 под жестоким обращением с животными понимается – действия (бездействие), влекущие чрезмерные физиологические нагрузки, истощение от длительного голодаия, травму,увечье или гибель животных (за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом и иными законодательными актами), побои, истязание животных. На наш взгляд, данное понятие не до конца раскрыто путем применения расширительного толкования, что позволяет нам предполагать многое. Данная проблема нашла свое отражение и на практике, ведь отсутствие точного перечня позволяет правопримениителю действовать на свое усмотрение, что является не совсем гуманным. Считаем целесообразным более точно и детально уточнить, что подразумевается под «жестоким обращением», касаемо данных составов правонарушений.

Кроме того, ответственность за «истязание» наступает только в рамках КоАП Республики Беларусь, при этом последствия истязания не имеют значения. Разъяснение термина «истязание» в КоАП Республики Беларусь отсутствует. В уголовном праве применительно к жизни и здоровью человека понятия «истязание» включает в себя причинение продолжительной боли или мучений способами, вызывающими особые физические и психические страдания потерпевшего, либо систематическое нанесение побоев. Безусловно, общественные отношения в сфере охраны жизни и здоровья людей не могут быть схожими с общественными отношениями в области защиты животных. Использовать понятие «истязание» из уголовного права по аналогии не допустимо. В проекте Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» также отсутствует определение данному понятию [3]. Считаем необходимым закрепить понятие «истязание» на законодательном уровне, применительно к ответственности за жестокое обращение с животными.

Коснемся и немаловажного вопроса: как квалифицировать однократное нанесение побоев, не повлекшее гибель животного или причинение увечья. Ведь встречаются на практике такие случаи, когда хозяева применяют меры воспитания путем однократного удара или подтягивание поводка, например, что причиняет боль животному. Однако, ни административная, ни уголовная ответственность за подобные действия не предусмотрена.

Относительно субъекта, согласно п. 5 ч. 2 ст. 4.3 КоАП Республики Беларусь за жестокое обращение с животными (ст. 15.45 КоАП Республики Беларусь) ответственности подлежит лицо, достигшее 14-летнего возраста [1]. Согласно ч. 1 ст. 27 УК Республики Беларусь за жестокое обращение с животными, предусмотренное статьей 339-1 ответственность наступает с 16 лет [2]. Обратимся к УК Республики Беларусь до внесения изменения 2015 году. Ранее существовала только одна статья (ст.339 «Хулиганство»), но законодатель решил стать на охрану животных и выделил их в качестве особого предмета уголовно-правовой охраны. Тем самым изменился и возраст уголовной ответственности, ведь ранее (ст. 339 «Хулиганство») согласно п. 18 ч. 2 ст. 27 УК Республики Беларусь, ответственность наступала с 14 лет.

Исследование было бы не полным, не обращаясь к мнениям известных ученых-юристов: Роберт Ресслер, который занимается составлением психологического портрета преступников, совершающих

серию убийств с особой жестокостью, утверждал: «Убийцы... зачастую начинали с того, что в детстве мучили и убивали животных». Известный ростовский психиатр Александр Бухановский, принимавший активное участие в розыске Чикатило, считал, что «более 60 % будущих серийных убийц в детстве обнаруживали специфически жестокое отношение к животным» [5]. Таким образом, уголовную ответственность за преступление, предусмотренное ст. 339-1 УК Республики Беларусь, следует установить с 14 лет, так как в данном возрасте лицо уже способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего действия по отношению к животным.

На наш взгляд, грань между уголовной и административной ответственностью за жестокое обращение с животными очень тонкая, и при малейших сомнениях в обоснованности уголовного преследования, нарушители будут привлекаться лишь к административной ответственности, что позволяет правонарушителям избежать более строгой меры ответственности (уголовной). Как нами было указано выше проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» имеет как положительные так и отрицательные стороны [3]. Его недостатки выражаются в отсутствии положений, наличие которых необходимо для правильной квалификации преступлений, административных правонарушений. Вместе с тем, нельзя не согласиться, что изученный законопроект имеет и положительные стороны, в частности дана конкретизация в вопросе какие животные являются предметом правовой охраны, дано определение понятию жестокое обращение с животными. На данном этапе рассматриваемой проблемы считаем целесообразным внесение следующих изменений:

1. Внести изменения в действующий УК Республики Беларусь, КоАП Республики Беларусь, путем дополнения примечанием к ст. 339-1 УК Республики Беларусь, ст. 15.45 КоАП Республики Беларусь, где будет дано разъяснение понятия «животное», применительно к данному виду преступления (правонарушения). А также отнести две данные нормы к одному родовому объекту. Тем самым это способствует точному определению статуса животных.
2. Конкретизировать понятие «жестокое обращение», что позволит правопримениителю более точно и справедливо использовать данные правовые нормы.
3. Закрепить определение понятию «истязание» на законодательном уровне.
4. Включить ст. 339-1 («Жестокое обращение с животными») УК Республики Беларусь в перечень ч. 2 чт. 27 УК Республики Беларусь, ответственность по которой наступает с 14 летнего возраста.
5. Предусмотреть и закрепить критерии оценки понятия «иные низменные побуждения», что позволит устраниить ошибочную квалификацию между административной и уголовной ответственностью и исключит возможность субъекта избежание более строгой меры ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь, 21 апреля 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : текст Кодекса по состоянию от 18 декабря 2018 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию от 26 окт. 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
3. Проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cane-corso.by/> – Дата доступа: 23.06.2020;
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : текст Кодекса по состоянию от 4 мая 2019 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
5. Центр защиты прав животных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vita.org.ru/> – Дата доступа: 25.06.2020.

УДК 347

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д.А. ТРОФИМОВА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В настоящей статье поднимается вопрос об истории возникновения и развития института защиты животных в Республике Беларусь. Автором выделяются несколько этапов развития института ответственности за жестокое обращение с животными. Первым из которых стало принятие УК БССР 1928 года, следующим шагом стало принятие КоАП БССР 1984 года, и последним шагом в развитии белорусского законодательства было принятие КоАП РБ 2003 года, вступивший в законную силу 1 марта 2007 года.

Ответственность за жестокое обращение с животными нашла свое отражение в светский период. Впервые защита животных, как предмет правового регулирования упоминается в Кодексе об Административных Правонарушениях Белорусской Советской Социалистической Республики 1984 года (далее – КоАП БССР 1984), который был дополнен 22 апреля 1988 году указом Президиума Верховного Совета БССР №2177-ХІ, путем введения статья 103-1 «Жестокое обращение с животными». Согласно данной статье жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель илиувечье, а равно истязание животных влекло предупреждение или наложение штрафа в размере до двадцати минимальных заработных плат. Немало важным является то, что эта статья была размещена в главе 9 КоАП «Административные правонарушения в сельском хозяйстве. Нарушения ветеринарно-санитарных и карантинных правил» (статьи 97 – 103/1) от 6 декабря 1984 года.

Следующим шагом в развитии административного законодательства было появление Кодекса об Административных Правонарушениях Республики Беларусь от 21 апреля 2003 года (далее – КоАП РБ 2003), однако в силу кодекса вступил 1 марта 2007 году [1]. В редакции нового кодекса была введена статья 15.45. «Жестокое обращение с животными», согласно которой жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель илиувечье, а равно истязание животных, влекут наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин или административный арест. Таким образом, мы наблюдаем изменение санкций в норме, что ужесточает административную ответственность за данную категорию правонарушений. Помимо этого, если рассмотрение таких дел по КоАП БССР 1984 было отнесено к ведению административных комиссий при исполкомах, а правом составлять протоколы в отношении правонарушителей были наделены органы МВД, должностные лица органов, осуществляющих государственный и ведомственный контроль за охраной и использованием животного мира, другими лицами, уполномоченными на то исполнительными комитетами районных, городских, районных в городах, поселковых, сельских Советов народных депутатов, народными дружинниками, общественными инспекторами охраны природы. То после принятия новой редакции КоАП РБ 2003 правом составлять такие протоколы были наделены должностные лица администраций районов в городах и сельских, поселковых, районных, городских и областных исполнительных комитетов, должностные лица органов, осуществляющие ведомственный контроль за охраной и использованием животного мира, а правом рассматривать дела данной категории был наделен суд. Так же обратим внимание на субъекта рассматриваемых норм. Так, согласно статье 12 КоАП БССР 1984 года, ответственность наступала с 16-летнего возраста. В редакции КоАП РБ 2003 года возраст был определен с 14-ти лет. Таким образом, видно, что законодатель путем установления запретов стремится пресечь совершение правонарушений в отношении животных на более ранних этапах развития человека.

Следует отметить, что наряду с указанной статьей, КоАП 2003 года был также дополнен еще шестью нормами, имеющими отношение к охране животного мира:

1. Статья 10.4 «Нарушение права государственной собственности на животный мир».
2. Статья 15.9 «Нарушение режима охраны и использования особо охраняемых природных территорий».
3. Статья 15.33 «Незаконный вывоз из Республики Беларусь или ввоз в нее диких животных и дикорастущих растений».
4. Статья 15.38 «Нарушение ветеринарных правил».
5. Статья 15.44 «Выпас домашних животных в неустановленных местах».
6. Статья 15.46. «Уклонение от проведения мероприятий по предупреждению болезней животных» и некоторые другие.

Последним шагом совершенствования института административной ответственности за жестокое обращение с животными было внесение дополнения в ст. 3.30 Процессуально-исполнительного Кодекса Республики Беларусь (далее – ПИКоАП РБ) в 2015 году [2]. Поправка заключалась в том, что должностные лица

органов внутренних дел получают полномочия на составление административного протокола за жестокое обращение с животными, поскольку это связано с хулиганскими действиями, нарушением общественного порядка. На наш взгляд, данная мера имеет положительный характер, поскольку таким образом состав правонарушения, предусмотренный ответственность за жестокое обращение с животными стал менее латентным.

Наряду с развитием административной ответственностью, развивалось и уголовное законодательство. В Уголовном Кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 года (далее – УК РСФСР 1922) отсутствовала ответственность за совершение преступлений, в которых предметом выступало бы животное [3]. Только начиная с 1928 году, когда на смену УК РСФСР 1922 был принят Уголовный Кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – УК БССР 1928) мы можем наблюдать изменения. В Уголовном Кодексе были прописаны следующие нормы [4]:

1. В главе «Прочие преступления против порядка управления» статья 94-2 было прописано: «убийство лошадей без разрешения ветеринарного надзора кулаками и частными скupщиками или подстрекательство ими к незаконному убою лошадей других лиц, а также умышленное изувечение лошадей и иные злостные действия, которые повлекли за собой падеж лошади или привели лошадь в непригодное состояние, влекут – лишение свободы до двух лет с выселением или без выселения из данной местности. Однако данную норму в УК БССР 1928 добавили только 9 февраля 1932 году.

2. В главе «Должностные преступления» также присутствовала норма, косвенно относящаяся к охране животного. Статья 205-2 «а) Убой лошадей без разрешения ветеринарного надзора в колхозах, совхозах, машинно-конных станциях, учреждениях и предприятиях, а также умышленное изувечение лошадей и иные злостные действия, которые повлекли за собой падеж лошади или привели лошадь в непригодное состояние, влекут – лишение свободы до одного года. б) Преступно-небрежное обращение с лошадьми и особенно жеребыми матками в колхозах, совхозах, машинно-конных станциях, учреждениях и предприятиях, если такое обращение повлекло за собой падеж лошади или привело лошадь в непригодное состояние, – исправительно-трудовые работы до шести месяцев. в) Те же действия, если они имели систематический характер или повлекли за собой потерю значительного количества лошадей, – лишение свободы до трех лет.» Такая норма, как и предыдущая, также была принята только 9 февраля 1932 году.

3. Последняя норма находится в главе «Имущественные преступления», это статья 243 «Кража лошадей влечет – лишение свободы до восьми лет». Остановимся на рассмотрении данной главы. Необходимо отметить, что в предыдущих статьях этой же главы предусмотрена ответственность за кражу имущества из частных хоранилищ (статья 240); кражу имущества из государственных, общественных или кооперативных учреждений или складов (статья 241), которая позже была отменена 7 марта 1930 году, через 10 лет (22 августа 1940 году) УК БССР 1928 был дополнен статьей 241-1 «Мелкая кража, независимо от ее размеров, совершенная на предприятии или учреждении». Так же, немало важным является то, что именно лошадь выделена в отдельную статью. Ведь диспозиция предыдущей статьи (статья 242) звучит следующим образом: «а) Кража крупного скота, кроме лошадей (ст. 243), влечет – лишение свободы до трех лет. б) То же деяние, совершенное не в первый раз или группой из трех лиц и более, – лишение свободы до восьми лет». Таким образом, лошадь являлась особым предметом правовой охраны, так как в то время имела значительную ценность.

Исходя из анализа вышеизложенных норм УК БССР 1928 года, нельзя сказать, что данные нормы защищали животных от совершения противоправных действий, все вышеназванные нормы направлены на охрану государственной собственности. Однако лошадь и рогатый скот, благодаря этим статьям, имели особый охраняемый статус, так как в то время именно на этих животных возлагалось огромное количество функций (транспортное средство, перевозка грузов, питание).

Следующим этапом в развитии института уголовной ответственности за жестокое обращение с животными стало принятие нового Уголовного Кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики 1960 года (далее – УК БССР 1960) [5]. Проводя параллель между развитием административной и уголовной ответственностью, необходимо выделить тот факт, что при дополнении КоАП БССР 1984 года путем введения статьи 103-1 «Жестокое обращение с животными», одновременно произошли изменения и в УК БССР 1960 года, что отразилось в дополнении его статьей 225-1 «Жестокое обращение с животными» в главе «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Диспозиция данной нормы имела следующее содержание: «Жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно истязание животных, совершенные лицом, к которому в течение года была применена мера административного взыскания за такие же действия, – наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев или штрафом. Таким образом, уголовная ответственность несла преюдиционный характер.

После раз渲ла Советского Союза УК БССР 1960 года действовал до 9 июля 1999 года. После в законную силу вступил новый Уголовный Кодекс Республики Беларусь 1999 года (далее – УК РБ) [6]. В данном нормативно правовом акте наблюдается ослабление защиты животных от жестокого обращения, ведь в нем не содержалось нормы, регулирующей институт ответственности за жестокое обращение

с животными. Законодатель посчитал, что достаточно введения специального раздела 9 «Преступления против экологической безопасности и природной среды». В этом разделе была предусмотрена ответственность за преступления против экологической безопасности и природной среды, под которыми признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесенными к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности: статья 263 «Умышленные уничтожение либо повреждение природных комплексов или объектов особо охраняемых природных территорий»; статья 264 «Нарушение режима охраны и использования особо охраняемых природных территорий»; статья 284 «Нарушение veterинарных правил» и некоторые другие. Помимо этого, в раздел УК РБ, касающийся преступлений против мира и безопасности человечества была включена статья 131 «Экоцид», то есть умышленное массовое уничтожение растительного или животного мира, либо отравление атмосферного воздуха или водных ресурсов, либо совершение иных умышленных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

На практике деяния, направленные на жестокое и пренебрежительное отношение к животным квалифицировались по ст. 339 УК РБ «Хулиганство».

Позже, в 2014 году, в палате представителей шла работа над законопроектом, который, в частности, предполагал введение в УК РБ статьи о жестоком обращении с животными. Помимо этого, комиссией предлагалось внести дополнения в ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, о чем уже отмечалось выше. Изменения путем введения в главу «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» статьи 339-1 в УК РБ произошли в 2015 году, данная норма действует по настоящее время. Диспозиция статьи состоит из основного и квалифицирующего составов: «1. Жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель илиувечье, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего, – наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года, или арестом. 2. То же действие, совершенное повторно либо группой лиц, – наказывается арестом, или ограничением свободы на срок до одного года, или лишением свободы на тот же срок». При дополнении Уголовного Кодекса Республики Беларусь статьей 339-1 законодатель стремился стать на охрану животных, выделив их в качестве особого предмета уголовно-правовой охраны. Вместе с тем при совершении, преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь преступнику может быть назначено наказание в виде общественных работ, или штрафа, или исправительных работ на срок до двух лет, или ареста, или ограничения свободы на срок до двух лет, или лишения свободы на срок до трех лет (менее тяжкое преступление), а в свою очередь за совершение жестокого обращения с животными назначается наказание в виде общественных работ, или штрафа, или исправительных работ на срок до одного года, или ареста (преступление, не представляющие большой общественной опасности). В связи с чем, полагаем, что цели законодателем достигнуты не были, так как до введения данной нормы противоправные деяния по жестокому обращению с животными квалифицировались правоприменителями по ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, что влекло более суровое наказание нежели с появлением специальной нормы.

Таким образом, можно выделить несколько этапов развития института ответственности за жестокое обращение с животными. Первым этапом установления ответственности за жестокое обращение с животными стало принятие УК БССР 1928 года. В нем закреплялись нормы, направленные на охрану лошадей и рогатого скота, что в то время являлось государственной собственностью, в связи с чем нельзя в полной мере говорить о том, что животное стало предметом уголовно-правовой охраны. Следующим шагом стало принятие КоАП БССР 1984 года, который был дополнен указом Президиума Верховного Совета БССР №2177-XI, путем введения статьи 103-1 «Жестокое обращение с животными». Помимо этого, в 1984 году статьей «Жестокое обращение с животными» дополнен УК БССР 1960 года. Данные нормы были связаны друг с другом, так как диспозиция УК была идентичной диспозиции КоАП, и уголовная ответственность носила приюдиционный характер. Следующим шагом в развитии белорусского законодательства было принятие КоАП РБ 2003 года, вступивший в законную силу 1 марта 2007 года. В редакции нового кодекса появилась статья 15.45. «Жестокое обращение с животными» с новыми изменениями и дополнениями. В 1999 году был принят новый Уголовный кодекс, но его принятие стало шагом назад в сфере ответственности за жестокое обращение с животными, так как какая-либо правовая норма, устанавливающая специальную ответственность за совершение данных действий, отсутствовала. В 2015 году в действующем уголовном кодексе снова появилась статья, предусматривающая ответственность за жестокое обращение с животными. Однако, данная статья имеет множество недостатков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь, 21 апреля 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : текст Кодекса по состоянию от 18 декабря 2018 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь, 20 декабря 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 декабря 2006 г. : текст Кодекса по состоянию от 29 января 2020 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020;
3. Уголовный кодекс РСФСР / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://pravo.by/> – Дата доступа: 02.04.2020;
4. Уголовный кодекс Белорусской ССР / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://pravo.by/> – Дата доступа: 02.04.2020;
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/> – Дата доступа: 02.04.2020;
6. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июл. 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июн. 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 340

УСКОРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ПРИМЕРАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Э.О. ТРОФИМОВА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ)

В данной статье рассматривается ускоренное производство с точки зрения применения его в различных странах. Уделается внимание уголовно-процессуальному законодательству стран англо-саксонской системы права и стран континентальной системы права.

Ускоренное производство не является чем-то новым в деятельности правоохранительных органов и суда. В мировой практике этот уголовно-процессуальный институт является довольно хорошо апробированным, и применяется в разных государствах в той или иной форме.

Примером могут служить страны англо-саксонской системы права – Великобритания, США – в которых существует ускоренное производство по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Особенностью такого производства является то, что рассмотрение таких дел осуществляют суды низового уровня. Чаще всего это происходит непосредственно после задержания лица, совершившего преступление и доставления такого лица в суд для решения вопроса об избрании меры пресечения. После этого, судья, сделав вывод о том, что дело может быть рассмотрено в порядке суммарного производства, производит действия с соблюдением всех условий процедуры.

Еще одним примечательным моментом является то, что в отношении дел о преступлениях, за которые не может быть назначено лишение свободы, предусмотрены максимально упрощенные процедуры. Поводами для рассмотрения таких дел в рамках ускоренного производства являются полицейский протокол либо предписание о явке в суд. При этом само производство часто сводится лишь к уточнению личных данных лица, нарушившего закон, а также к определению меры наказания; как правило, данное производство занимает не более нескольких минут. Кроме этого, довольно распространена такая практика, когда в повестке, врученной лицу, пишется возможный размер штрафа, присуждаемый нарушителю. В данном случае, вместо того, чтобы явиться в суд, обвиняемый может перечислить указанную сумму посредством почты.

Стоит отметить, что в США явно прослеживается тенденция к упрощению производств при уменьшении степени опасности преступления. В этом случае за основу берется так называемое обычное производство, где существуют все стадии судебного разбирательства – таковым является производство по делам о простой фелонии (понятие в англо-саксонской системе права, означающее тяжкое преступление), оно последовательно проходит все стадии уголовного процесса - от ареста или задержания подзащитного до вынесения решения судьей. Все остальные виды производств являются либо его упрощениями, либо его усложнениями – производство в суде присяжных [1].

Что касается стран континентальной системы права – Франция, Германия – то в данных странах тоже существует возможность применения ускоренной формы производства. В частности, рассмотрим Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ [2].

Ускоренное производство регулируется главой IV, в которой указывается, что положения, установленные в параграфах 417-420 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ, создают возможность проведения ускоренного производства судьей участкового суда, рассматривающим дело единолично, или коллегией участкового суда с участием судебных заседателей. В ускоренном производстве не проводится предварительное судебное производство и, кроме того, производится лишь ограниченное исследование доказательств. Прокуратура заявляет ходатайство о принятии решения в ускоренном производстве, если дело может быть незамедлительно рассмотрено, поскольку фактические обстоятельства дела ясны или доказательства однозначны (§ 417 УПК ФРГ) [2].

Кроме того, не требуется предварительного направления в суд обвинительного заключения. Обвинение может быть предъявлено даже устно в начале судебного разбирательства, причем его основное содержание заносится в протокол судебного заседания (§ 418 абз. 3 УПК ФРГ). В соответствии с § 418 (абз. 2) УПК ФРГ не требуется вызова обвиняемого в суд, если он является добровольно или подвергается приводу. Срок явки в суд по вызову сокращен до 24 часов [2].

Предварительное судебное производство полностью исключается. Однако согласно § 419 УПК ФРГ суд отклоняет принятие решения в ускоренном производстве, если дело непригодно для немедленного вынесения приговора. Решение по этому поводу суд может принять в ходе основного судебного разбирательства вплоть до провозглашения приговора, если лишь впоследствии выясняется, что дело непригодно для ускоренного производства (§ 419 абз. 2 УПК ФРГ) [2].

С согласия присутствующих участников судебного разбирательства исследование доказательств может быть существенно упрощено. В то время как § 250 УПК ФРГ предписывает в отношении общего

основного судебного разбирательства непосредственный допрос всех подлежащих допросу лиц, в ускоренном производстве допрос свидетелей, экспертов и обвиняемых в том же уголовном производстве может быть заменён зачитыванием протоколов проведённых ранее допросов, а также прочих документов, содержащих их высказывания в письменной форме (§ 420 абз. 1, 3 УПК ФРГ). В отношении процесса, проводимого судьей участкового суда, рассматривающего дело единолично, § 420 УПК ФРГ существенно ограничивает право на ходатайство о собирании доказательств, поскольку объём исследования доказательств устанавливается по усмотрению судьи. Однако при этом судья 73 должен соответствовать обязанности выяснения истины, предусмотренной в § 244 УПК ФРГ. В ускоренном производстве могут назначаться лишь денежный штраф и лишение свободы на срок не более одного года. Лишение водительских прав допустимо (§ 419 УПК ФРГ) [2].

Наконец, обратимся к уголовно-процессуальному законодательству стран постсоветского пространства. В данных странах также в результате модернизации юридического пространства возникли различные модели ускоренного производства. Разница подходов обусловили развитие новых моделей ускоренного производства для отдельных государств постсоветского пространства.

К примеру, в уголовном процессе Молдавии соглашение между обвиняемым и прокурором считается сделкой, в которой лицо, осуществлявшее противоправное действие, дает согласие на признание собственной вины взамен на уменьшение наказания[3].

Упрощенной формой в уголовном процессе Молдовы является производство по делам о явных преступлениях. Прототипом данного производства следует считать протокольную форму досудебной подготовки материалов дела. Данная процедура применима не только по отношению к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности или менее тяжким, но и используется по отношению к тяжким преступлениям. О совершенном действии заполняется определенный протокол, который направляется в срок до 24 часов прокурору. Прокурор же в свою очередь предъявляет лицу обвинение и впоследствии направляет дело в суд. Изучение уголовного дела в суде может исполняться в обычном порядке и в упрощенном варианте (в таком случае, когда заключено соглашение о признании вины).

Смешанный тип института ускоренного производства отражен в уголовном процессе Казахстана. В нем учтены смешанный вариант сделки о признании вины, постсоветский вариант модели протокольной формы досудебной подготовки материалов дела, и соглашение о сотрудничестве. Уголовно-процессуальное законодательство Казахстана разделяет ускоренное производство на виды: производство уголовных дел при заключении уголовно-процессуального соглашения о признании вины, которое влечет за собой согласительное производство (ст. 613 - 617, гл. 64 УПК РК), производство по делам об уголовных преступках (гл. 55 УПК РК), и производство уголовных дел при заключении уголовно-процессуального соглашения о сотрудничестве (ст. 618 - 621 УПК РК) [4].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что тенденции правовой модернизации и глобализации уголовного процесса привели к образованию во многих государствах разнотипных моделей ускоренного производства, что, безусловно, стоит рассматривать в отдельных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стойко, Н. Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США / Н. Г. Стойко, О. Б. Семухина. – Минск : БГУ, 2007 – 69 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/R8RDa>. – Дата доступа: 24.09.2020.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729 – Дата доступа: 24.09.2020.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729 – Дата доступа: 24.09.2020.

УДК 340

УСКОРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Э.О. ТРОФИМОВА
(Представлено: К.В. ДЕВЯТОВСКОЙ)

В данной статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты ускоренного производства, в частности, особое внимание уделяется понятию ускоренного производства, его целям и значению. Рассматриваются также основания и условия проведения ускоренного производства. Изучаются определенные статьи Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь, как и законодательство других стран, наряду с традиционными формами уголовного расследования предусматривает ускоренное производство.

Несмотря на то, что в юридической литературе имеется ряд исследований, касающихся сущности ускоренного производства, до настоящего времени нет единого представления о том, что же представляет собой такое производство, а также является ли оно самостоятельной процессуальной формой.

Понятие ускоренного производства рассматривают многие авторы. Так, С.Л. Лонь в своей работе «Понятие протокольной формы досудебной подготовки материалов и ее соотношение с предварительным следствием и дознанием» [1], понимает под ускоренным производством установленную в законодательном порядке процедуру расследования, которая может выражаться в уменьшении количества стадий по различным категориям уголовных дел, в зависимости от степени сложности, объема деятельности по делу. В то же время, Р.Д. Аширов в своей работе «Институт ускоренного производства как средство повышения эффективности советского уголовного процесса» [2], понимает под ускоренным производством установленный законодателем процессуальный порядок движения дел, которому присущи изъятия из общего порядка производства в виде отсутствия не только отдельных стадий, но и сжатых сроков, либо упрощенной процессуальной формы.

Ну и, наконец, М.С.Строгович в своей работе «Уголовно-процессуальная форма и обеспечение прав обвиняемого» [3] понимает под ускоренным производством производство, которое обладает внутренним единством и существенно отличается от оптимальной модели в сторону уменьшения объема процессуальных гарантит в целях достижения большей быстроты осуществления правосудия. Также, В.П. Нажимов в работе «Использование учения об уголовно-процессуальных функциях для совершенствования расследования и рассмотрения уголовных дел» [4], понимает под ускоренным производством предусмотренную законом разновидность уголовно-процессуальной формы на этапе досудебного производства, которая выражается в деятельности органа дознания по собиранию материалов об обстоятельствах совершенного преступления, лице, его совершившим, при сокращенных сроках и процессуальном порядке его производства.

Таким образом, анализируя все вышерассмотренные определения, можно сделать вывод о том, что все они верны, однако, в то же время, имеют свои недоработки. Ввиду этого, проблемным является формулирование однозначного определения сущности ускоренного производства.

Итак, по нашему мнению, наиболее подходящее определение вывели А.А. Данилевич и В.В. Шпак, которые рассматривают в своей работе «Ускоренное производство в уголовном процессе Республики Беларусь» [5] ускоренное производство как дифференциированную форму уголовного процесса, которая предназначена для осуществления в наиболее сжатые сроки расследования очевидных преступлений, не являющихся тяжкими и сложными, по относительно упрощенным, а, следовательно, оптимальным для таких категорий преступлений правилам.

Несмотря на весьма обширное количество определений, которые даются различными авторами, законодатель надает определения в Уголовно-процессуальном Кодексе Республики Беларусь. Вместе с тем, при трактовке п. 4 ст. 6 УПК Республики Беларусь, можно однозначно говорить о том, что ускоренное производство представляет собой один из вариантов досудебного производства и приравнивается к таким видам производства, как:

- производство со дня поступления заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд для рассмотрения уголовного дела по существу либо прекращения производства по делу;
- подготовка материалов по уголовному делу частным обвинителем в сторону защиты.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что ускоренное производство можно считать особой формой досудебного производства по преступлениям, относящимся к преступлениям, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжким преступлениям, признанным установить все обстоятельства дела.

Помимо определения ускоренного производства, целесообразно также выделить его цели. Цели ускоренного производства подразделяются на три категории: материально-правовые, процессуальные и организационно-экономические.

Итак, к материально-правовым относится цель усиления борьбы с преступлениями, не представляющими большой общественной опасности, а также менее тяжкими преступлениями. Данная цель определяется тем, что сокращение временного отрезка между совершенным преступлением и наступившими последствиями в виде уголовной ответственности лица повышает предупредительно-профилактическое значение уголовного законодательства.

Процессуальные же цели ускоренного производства характеризуются тем, что в ходе ускоренного производства должна достигаться быстрота и эффективность выявления фактических данных, имеющих значение для производства процессуальных действий в ходе разрешения уголовного дела. Данная цель призвана обеспечивать решение задачи уголовного процесса по защите прав и свобод личности, а также интересов общества и государства посредством быстроты и полноты установления обстоятельство совершенного преступления.

Наконец, организационно-экономические цели заключаются в стремлении законодателя как бы разгрузить органы, ведущие уголовный процесс, а также сэкономить время и силы, посредством упрощения процедуры досудебного и судебного производства по материалам и уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких преступлениях.

Следует отметить, что вышеуказанные цели определяют значение ускоренного производства, которое заключается в создании оптимально эффективных условий для быстрого установления обстоятельств, имеющих значение для дела, в привлечении виновных лиц к уголовной ответственности, существенной экономии сил, времени и ресурсов органов предварительного следствия и суда.

Далее следует рассмотреть основание для ускоренного производства. Данное основание определяется ч. 1 ст. 452 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь [6]. Основанием к у проведению ускоренного производства является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступлений, не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких.

Помимо оснований для проведения ускоренного производства необходимы также определенные условия, то есть требования, из которых стоит исходить. Применительно к предмету рассмотрения условия – это установленные законом требования, наличие которых обязательно при решении вопроса о начале и дальнейшем проведении ускоренного производства. К таким требованиям относятся:

- очевидность преступления;
- известность лица, подозреваемого в совершении преступления;
- признание лицом своей причастности к совершению преступления.

В данном случае очевидность преступления означает, что лицо, производящее предварительное расследование, располагает достаточными данными, указывающими на совершение преступления, не представляющего большой общественной опасности или менее тяжкого преступления, при отсутствии обстоятельств, которые исключают производство по уголовному делу; а также нет необходимости в проведении дополнительной проверки. В данном случае, для установления наличия данного условия необходим комплексный анализ сведений, содержащихся в заявлении либо сообщении о преступлении. Также стоит отметить, что очевидность преступления предполагает отсутствие всяких сомнений относительно квалификации деяния.

Известность лица, подозреваемого в совершении преступления, означает, что на момент принятия решения следователем о начале ускоренного производства, последний точно знает какое лицо причастно к совершению преступления.

Признание лицом своей причастности к совершению преступления подразумевает то, что ускоренное производство возможно лишь в том случае, если лицо, подозреваемое в совершении преступления, подтвердило свою причастность к деянию.

В случае отсутствия оснований для ускоренного производства, проводится проверка в соответствии со статьей 173 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь [6].

Таким образом, мы рассмотрели основные общетеоретические понятия ускоренного производства. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ускоренное производство не имеет единого понятия, в то же время, многие авторы в своих исследованиях приходят к схожему определению ускоренного производства. Значение ускоренного производства заключается в том, что в результате разделения некоторых процессуальных этапов, появилась некая форма, призванная делать уголовный процесс более быстрым, экономичным и обеспечивающим скорейшее достижение поставленных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лонь, С.Л. Понятие протокольной формы досудебной подготовки материалов и ее соотношение с предварительным следствием и дознанием / С. Л. Лонь // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества : сб. ст. / Томский ун-т ; отв. ред.: В. Ф. Волович. – Томск, 1987 – С. 209–210.

2. Аширов, Р.Д. Институт ускоренного производства как средство повышения эффективности советского уголовного процесса / Р.Д. Аширов // Вопросы эффективности советского уголовного процесса : сб. ст. / Казанский ун-т ; редкол.: Ф.Н. Фаткуллин (отв.ред.) [и др.]. – Казань. 1976 – С. 59–74.
3. Строгович, М.С. Уголовно-процессуальная форма и обеспечение прав обвиняемого / М.С. Строгович // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы: сб. ст. / Воронежский ун-т ;редкол.: Л. Д. Кокоре [и др.]. – Воронеж, 1979 – С. 83–92.
4. Нажимов, В.П. Использование учения об уголовно-процессуальных функциях для совершенствования расследования и рассмотрения уголовных дел / В.П. Нажимов // Связь юридической науки с практикой : матер.совещ., Москва, 13–15 нояб. 1984 г. / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1986 – С. 209
5. Данилевич, А.А. Ускоренное производство в уголовном процессе Республики Беларусь / А.А. Данилевич, В.В. Шпак. – Минск : БГУ, 2007 – 109 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителе 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 9 янв. 2019 г. – Минск: Амалфея, 2019. – 83 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К.Ю. ЩЕРБАК
(Представлено: В.А. КУРЯКОВ)

В статье рассматриваются разъяснения постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. №12 (с изм. и доп.), в которых с учетом сложившейся судебной практики и выявленных спорных положений сформулированы рекомендации, позволяющие обоснованно расширить перечень признаков должностного лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий, выполняющего функции организационно-распорядительной и административно-хозяйственной направленности, а также предлагается научно-теоретическая формулировка понятия должностного лица таможенного органа Республики Беларусь.

До настоящего времени понятие должностного лица таможенного органа не получило своего нормативного закрепления. Следует указать на отдельные положения Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. №129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» (с изм. и доп.) (далее – Закон «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»), в котором в ст.21 содержится лишь указание на требования, устанавливаемые в отношении должностных лиц таможенных органов [1]. Аналогичная норма закреплена в п.3 главы 1 Положения о порядке и условиях прохождения службы в таможенных органах, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. №228 «О некоторых вопросах таможенных органов» (с изм. и доп.) (далее – Положение о порядке и условиях прохождения службы в таможенных органах) [2]. В соответствии с вышеуказанными нормами к должностным лицам таможенных органов относятся работники, занимающие штатные должности в Государственном таможенном комитете Республики Беларусь (далее – ГТК), таможнях, государственных учреждениях, которым присвоены персональные звания.

Необходимо обратить внимание на то, что в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), который действует в Республике Беларусь с 1 января 2018 года, также не раскрывается понятие «должностное лицо таможенных органов» [3].

Анализ двух названных определений показывает, что понятие «должностное лицо» в Законе «О таможенном регулировании», а также в Положении о порядке и условиях прохождения службы в таможенных органах, в целом значительно шире, чем в ч.4 ст.4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Полагаем, что сотрудник таможенного органа только тогда является должностным лицом в уголовно-правовом значении этого термина, а, следовательно, субъектом должностного преступления, если он при совершении конкретных общественно опасных деяний вопреки интересам службы в таможенных органах подпадает под признаки, изложенные в ч.4 ст.4 УК. При решении вопроса о наличии или отсутствии у конкретного сотрудника таможенных органов статуса должностного лица необходимо установить, какие из трех видов полномочий: организационно-распорядительные, административно-хозяйственные или представителя власти он выполняет.

Сотрудник таможенного органа только тогда является должностным лицом по признаку осуществления функции представителя власти, когда соответствует всем признакам, характерным для представителя власти.

1. Представителями власти являются лица, представляющие органы государственной (центральной и местной) законодательной, исполнительной и судебной властей [4].

Белорусским законодателем к представителям власти в ч. 4 ст. 4 УК, прежде всего, отнесены депутаты представительных органов власти всех уровней. Однако надлежит иметь в виду, что наряду с данной категорией лиц, представителями власти также являются государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе [5]. На этом основании Пленум Верховного суда Республики Беларусь, разъясняя признаки представителя власти, в своем постановлении от 16 декабря 2004 г. №12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст.424–428 УК)» указал, что к представителям власти могут быть отнесены, в том числе: 1) работники органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям; 2) судебные исполнители; 3) военнослужащие пограничной службы (при непосредственном выполнении обязанностей по охране Государственной границы); 4) сотрудники государственных органов, осуществляющие контрольные и надзорные функции; 5) работники правоохранительных органов [6].

В частности, на правоохранительный статус должностных лиц таможенных органов указывается в Законе «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» и в ТК ЕАЭС. Так, согласно ст. 8 Закона

«О таможенном регулировании в Республике Беларусь» ГТК и таможни являются государственными правоохранительными органами [1]. Относительно положений ТК ЕАЭС необходимо отметить, что согласно ст.354 таможенные органы осуществляют правоохранительную деятельность [3].

Однако отнесение таможенных органов Республики Беларусь к правоохранительным органам не является безусловным основанием полагать, что сотрудники указанных органов относятся к должностным лицам по признаку осуществления функций представителя власти.

2. Вторым признаком должностных лиц как представителей власти является то, что они состоят на государственной службе. В соответствии со ст.2 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон «О государственной службе в Республике Беларусь») под государственной службой понимается профессиональная деятельность занимающих государственные должности лиц, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов [7].

В п. 2 главы 1 Положения о порядке и условиях прохождения службы в таможенных органах указано, что служба в таможенных органах является видом государственной службы в Республике Беларусь. Следует отметить, что должностные лица таможенных органов в соответствии с ч. 2 ст. 21 Закона «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» относятся к государственным служащим. На основании п. 1.10 ч. 1 ст. 7 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» государственными служащими, в том числе являются и лица, которые в установленном законодательством порядке занимают государственные должности в таможенных органах [7].

В свою очередь, на сегодняшний момент остается неразрешенным ряд вопросов: во-первых, порождает ли факт нахождения лица на государственной службе статус должностного лица или это зависит от полномочий по занимаемой государственным служащим должности (кругу его обязанностей и правомочий); во-вторых, всякого ли государственного служащего следует рассматривать как представителя власти, т.е. в качестве должностного лица как возможного субъекта ответственности за злоупотребление предоставленными полномочиями.

Что касается государственных служащих, занимающих должности в таможенных органах, которые по своему статусу (полномочиям по должности) непосредственно связаны с реализацией государственно-властных полномочий в соответствии с функциями таможенного органа, либо с обеспечением выполнения государственно-властных полномочий (не функций) таможенного органа, то они, без сомнения, являются должностными лицами в уголовно-правовом понимании.

Государственную должность можно рассматривать как элемент правового статута должностного лица таможенных органов, который определяет место должностного лица в системе служебной иерархии, его функции, объем государственно-властных полномочий (прав и обязанностей), гарантии реализации обязанностей. Перечень государственных должностей в таможенных органах содержится в п. 44 главы 6 Положения о порядке и условиях прохождения службы в таможенных органах. Так, например, в Витебской таможне, следующие должности: начальник таможни, первый заместитель, заместитель начальника таможни, начальник отдела, заместитель начальника отдела, главный инспектор, инспектор и др.

В ст. 12 Закона «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», а также в ст. 351 ТК ЕАЭС определен перечень управленческих функций, которыми наделяются ГТК, а также таможни. Анализ этих функций позволяет условно их разделить на следующие группы: 1) Организационные функции; 2) Фискальные функции; 3) Организация таможенного оформления и таможенного контроля; 4) Правоохранительные функции; 5) Таможенная статистика; 6) Защита прав и интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций; 7) Международное сотрудничество.

Для реализации функций таможенные органы и их должностные лица наделены определенного рода полномочиями (правами и обязанностями). Перечень прав и обязанностей, которыми наделяются должностные лица таможенных органов на общих основаниях по признаку того, что они являются государственными служащими, определен в главе 2 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь». С учетом же специфики деятельности и функций таможенных органов конкретизация правового статуса государственных служащих таможенных органов осуществляется в отдельных нормативных правовых актах (ТК ЕАЭС, Закон «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» и др.). В свою очередь должностными инструкциями определяются функциональные (конкретные) права и обязанности должностного лица таможенного органа по занимаемой должности.

Функции и полномочия взаимосвязаны между собой. Каждая управленческая функция нуждается в подкреплении ее соответствующими властными полномочиями. Например, при реализации правоохранительной функции должностные лица таможенных органов (это может быть начальник, заместитель начальника, старший инспектор, инспектор и т.п.) в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь имеют право произвести ряд процессуальных и следственных действий (например, получить объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать дополнительные

документы, произвести осмотр места происшествия, экспертизы и др.); на основании положений Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях должностное лицо таможенного органа при ведении административного процесса в целях собирания доказательств вправе вызывать для опроса лиц; производить осмотры и другие процессуальные действия; требовать от физических и юридических лиц представления предметов, документов и др. [8; 9].

В указанных ситуациях должностные лица используют предоставленные им законодательством государственно-властные полномочия для реализации функций таможенных органов.

Поэтому третьим, наиболее важным признаком представителей власти, является не сам факт нахождения на государственной службе, а именно наделение государственно-властными полномочиями, которые распространяются на неопределенно большой круг лиц, т.е. физических или юридических лиц, не находящихся в служебной или иной ведомственной подчиненности у представителей власти и заключаются в возможности отдавать распоряжения или принимать решения, обязательные к исполнению указанным лицам.

Только в том случае, если сотрудник таможенных органов будет соответствовать всем вышеуказанным признакам, то он будет признаваться должностным лицом по признаку наделения его функциями представителя власти.

Сложнее обстоят дела с весьма значительной по количеству категорией государственных служащих, должности которых связаны с профессиональным обеспечением деятельности по выполнению функций государственных органов. ГТК создает подчиненные ему таможенные лаборатории, научно-исследовательские учреждения (учреждение образования «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь»), информационно-вычислительные центры и другие организации, не входящие в систему таможенных органов, деятельность которых способствует выполнению функций, возложенных на таможенные органы.

Тем не менее, неясным остается вопрос: Следует ли рассматривать данную группу государственных служащих в качестве представителей власти или как лиц, осуществляющих организационно-распорядительные полномочия с точки зрения уголовного закона? На наш взгляд, вряд ли все они как государственные служащие могут и должны признаваться должностными лицами исключительно на том основании, что они отнесены по занимаемой в государственном органе или в государственной организации должности к государственным служащим.

Сотрудники таможенных органов могут выступать в качестве должностных лиц по признаку выполнения организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей.

Организационно-распорядительные функции должностного лица таможенных органов заключаются в организации работы таможенных органов и учреждений (их отдельных подразделений), подбору и расстановке кадров, приему и увольнению, контролю и проверке исполнения, поддержанию дисциплины, применению мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий и т.п. Так, в соответствии с п.п.26,27 Указа Президента Республики Беларусь от 9 марта 2011 г. №98 «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенных органов Республики Беларусь» (с изм. и доп.) за нарушение служебной дисциплины председатель ГТК, начальники таможен (руководители учреждений) к подчиненным лицам могут применять дисциплинарные взыскания [10]. В ст.11 данного Указа содержатся обязанности начальника таможенного органа по поддержанию служебной дисциплины: обеспечение соблюдения и исполнения подчиненными законодательства; дача приказов подчиненным и другое. Административно-хозяйственные функции выражаются управление и распоряжение имуществом таможенного органа.

Полагаем, что к лицам, официально уполномоченным на совершение действий, влекущих наступление юридически значимых последствий, могут быть отнесены, в том числе и должностные лица таможенных органов.

Например, ст.109 ТК ЕАЭС предусмотрена обязанность декларанта провести таможенное декларирование ввезенного на таможенную территорию ЕАЭС товара, т.е. подать на него таможенную декларацию [3]. С момента подачи декларантом декларации между ним и таможенными органом возникают государственно-властные отношения, которые могут повлечь за собой юридически значимые последствия для декларанта. В качестве таких юридически значимых последствий можно рассматривать выпуск товара декларанта, что повлечет за собой возможность использовать товары в соответствии с условиями таможенной процедуры или отказ в таком выпуске.

Как представляется, должностные лица таможенных органов могут быть возможными субъектами коррупционных преступлений. В такой ситуации правопримениителю при определении признаков должностных лиц таможенных органов все же необходимо руководствоваться не Законом «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», а ч. 4 ст. 4 УК, а также постановлением Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)», что позволит избежать ошибок в рамках квалификационной деятельности преступных деяний (в т.ч. коррупционных).

Таким образом, должностным лицом таможенных органов в уголовно-правовом смысле следует считать лицо, занимающее должность в таможенных органах, по которой предусмотрены государственно-властные полномочия, имеющее право при их реализации совершать действия, влекущие юридические последствия, или осуществляющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции или полномочия представителя власти и которому присвоено специальное звание.

ЛИТЕРАТУРА

1. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., №129-З : в ред. Закона от 19.06.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О некоторых вопросах таможенных органов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 апр. 2008 г., №228 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.10.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. – Минск: Белтаможсервис, 2017. – 760 с.
4. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т.1: Учение о преступлении /С.В. Ананич [и др.]; под ред. И.О. Грунтовой, А.В. Шидловского. – 2-е изд., доп. и испр. – Минск: Изд. цент БГУ, 2019. – 860 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. comment. /Т.П. Афонченко [и др.]; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: НЦПИ Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
6. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст.424-428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 16 дек 2004 г., №12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2020.
7. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : в ред. Закона от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., №295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. – Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 544 с.
10. Об утверждении Дисциплинарного устава таможенных органов Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 марта 2011 г., №98: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.10.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К.Ю. ЩЕРБАК
(Представлено: В.А. КУРЯКОВ)

В статье автором произведена попытка очертить круг норм Уголовного кодекса Республики Беларусь, устанавливающих ответственность за должностные преступления, совершаемые в таможенных органах, а также проводится краткий анализ признаков данных преступных деяний.

В настоящее время серьезный резонанс в обществе вызывают преступления, совершаемые лицами с использованием своих служебных полномочий, которые законодателем называются должностными. Анализ ряда составов должностных преступлений, закрепленных в главе 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против интересов службы» (далее – УК) позволяет сделать вывод, что к уголовной ответственности за совершение виновного общественно опасного деяния, предусмотренного в статьях данной главы, могут быть привлечены любые должностные лица, в том числе и должностные лица таможенных органов.

Как показывает анализ материалов опубликованной следственно-судебной практики, в большинстве случаев общественно опасные деяния должностных лиц таможенных органов подпадают под признаки таких преступлений, как злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), бездействие должностного лица (ст.425), превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК), получение и дача взятки (ст. 430 и 431 УК), служебный подлог (ст. 427 УК), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК), часть из которых совместным постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. №43/9/95/571/57/274 отнесена к коррупционным преступлениям [1].

В таком случае преступные деяния должностных лиц таможенных органов обладают признаками, присущими должностным преступлениям, но при этом имеют ряд особенностей, связанных со спецификой осуществления таможенной деятельности.

На сегодняшний момент доктриной уголовного права выработаны как родовое понятие должностных преступлений, так и специфические (отличительные) признаки данной категории преступлений. Белорусские юристы Лосев В.В. и Конюк А.В. в качестве признаков должностных преступлений выделяют следующие:

- 1) родовой объект – интересы службы; общественные отношения, обеспечивающие соответствующее интересам службы содержание деятельности государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления;
- 2) специальная противоправность – преступления против интересов службы запрещены нормами главы 35 УК;
- 3) бланкетный характер диспозиций преступлений против интересов службы;
- 4) способ совершения должностных преступлений – использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы;
- 5) последствия в материальных составах должностных преступлений (ст.ст. 424–426 и 428 УК);
- 6) причинная связь между деянием и наступившими последствиями в материальных составах должностных преступлений;
- 7) субъективная сторона преступлений против интересов службы;
- 8) специальный субъект – должностное лицо в ст.ст. 424–430, ч. 2 ст. 432 УК [2].

Обратим внимание на дополнительные признаки, особенности, отличающие должностные преступления, совершаемые должностными лицами таможенных органов:

Во-первых, признак, характеризующий субъекта данной категории преступлений – должностное лицо таможенного органа. При определении субъекта как элемента состава таможенного должностного преступления, необходимо учитывать признаки должностного лица, содержащиеся в ч.4 ст.4 УК. Так, сотрудник таможенного органа является должностным лицом в уголовно-правовом значении, когда он выполняет одну из следующих функций: представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные, и, тем самым, является субъектом должностных преступлений.

Во-вторых, признак, характеризующий объект преступного посягательства. Объектом для должностных преступлений должностных лиц таможенных органов выступают общественные отношения, обеспечивающие соответствующее интересам службы содержание деятельности таможенных органов.

В-третьих, признак, определяющий особенности объективной стороны преступления. Должностные лица совершают преступления в связи с выполнением своих профессиональных функций в сфере таможенного дела, то есть в сфере таможенного оформления, таможенного контроля, применения таможенных льгот, начисления таможенных платежей, в сфере привлечения к ответственности по делам о нарушении таможенных правил, производства и рассмотрения по ним и т.д.

В-четверых, признаком должностных преступлений, совершаемых должностными лицами таможенных органов, выступают особенности способа совершения преступления. Представляется возможным выделить следующие способы совершения должностных преступлений должностными лицами таможенных органов: способы, связанные с перемещением товаров через таможенную границу, с представлением декларантом необходимых документов для таможенного оформления, с определением таможенной стоимости, с начислением и взиманием таможенных платежей, осуществлением таможенного контроля, с привлечением к административной ответственности и т.п. [3, с. 45].

В-пятых, учитывая бланкетный характер диспозиций уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за должностные преступления, для выяснения всех признаков состава преступления необходимо обратиться к нормативным правовым актам (в большинстве случаев не уголовно-правового содержания), регулирующих служебную деятельность должностного лица таможенного органа.

Одна из основных проблем заключается в том, что нормативные положения, в которых определяется правовой статус должностных лиц таможенных органов (права, обязанности, порядок действия должностного лица в различных служебных ситуациях, пределы служебных полномочий) получили свое закрепление в большом количестве различных нормативных правовых актов (в т.ч. и в сфере таможенного регулирования), а также должностных инструкциях, служебных обязанностях, приказах и других локальных актах, изданных в таможенном органе. Второй проблемой является то, что законодательство в сфере таможенного регулирования, во-первых, включает в себя огромный массив правовых актов, в т.ч. и международных, во-вторых, подвержено постоянным изменениям.

Из вышеизложенного следует, что система признаков должностного преступления в таможенных органах может быть представлена следующим образом:

- рассматриваемые преступления могут быть совершены только специальным субъектом – должностным лицом таможенного органа;
- должностные преступления посягают на нормальную, урегулированную нормами таможенного законодательства деятельность таможенных органов;
- указанные преступления совершаются только в связи с использованием своих служебных полномочий, как правило, при выполнении своих профессиональных функций в таможенной сфере;
- в основе должностных преступлений лежат нарушения действующих правил нормативного характера, регулирующие порядок и условия осуществления таможенного дела.

Таким образом, можно отметить, что действующее уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает значительное количество составов преступлений, субъектами совершения которых могут выступать должностные лица таможенных органов, тем не менее, являясь общими составами преступлений. В УК нет специальных норм, предусматривающих ответственность за вымогательство таможенных платежей, нарушение процедуры таможенного оформления, неправомерные действия при осуществлении мероприятий таможенного контроля и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении перечня коррупционных преступлений и порядка формирования сведений о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Ген. прокуратуры Респ. Беларусь, Комитета гос. контроля Респ. Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Комитета гос. безопасности Респ. Беларусь, Следственного комитета Респ. Беларусь, 27 дек. 2013 г., № 43/9/95/571/57/274 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Конюк, А.В. Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы: практ. пособие / А.В. Конюк, В.В.Лосев. – Минск: Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2018. – 336 с.
3. Гармаев, Ю.П. Должностные преступления в таможенных органах / Ю.П. Гармаев. – М., 2002. – 176 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Белоусова А.В. Пробелы правового регулирования социальных сетей в Республике Беларусь	3
Белоусова А.В. Правовое регулирование социальных сетей в зарубежных странах	5
Бобровский А.С. Фейковые новости: определение и их правовой статус.....	7
Бобровский А.С. Юридическая ответственность за распространение «фейковых новостей»	10
Вроцкая Е.Г. Конституционное право на свободу слова и интернет-комментарии	13
Вроцкая Е.Г. Комментарии в сети Интернет: правое регулирование в Республике Беларусь	15
Гайкова К.А. Правовые средства, методы и современные технологии, используемые на международном уровне по борьбе с терроризмом с помощью биометрических систем и баз данных.....	17
Гайкова К.А. Органы, осуществляющие контроль и наблюдение за террористическими организациями с помощью биометрических персональных данных в республике беларусь и за рубежом	20
Ганебный Е.А. Перспективы использования социальных сетей органами местного управления и самоуправления	24
Ганебный Е.А. Общественное участие и совместное бюджетирование в контексте развития информационно-коммуникационных технологий	27
Джаясинге К.К. Институт гражданско-правовой ответственности государственных органов	30
Джаясинге К.К. Обязательства государственных органов за причинение вреда гражданам Республики Беларусь	32
Долгая К.С. Правовые предпосылки формирования гендерных стереотипов в рекламе: обзор законодательства Республики Беларусь	35
Долгая К.С. Сексизм и гендерные стереотипы в рекламе	37
Долгая К.С. Понятие и сущность гендерной дискриминации в рекламе	41
Долгая К.С. Соматические права: понятие и содержание	43
Долгая К.С. Вегетарианство в контексте прав ребёнка	45
Кузнецов П.А. Правовые основы и направления развития трансплантологии в Республике Беларусь	47
Кузнецов П.А. Подходы к пониманию соматических прав	49
Кузнецов П.А. К вопросу об отношении религии к трансплантологии.....	51
Кулабухова Е.П. Различие понятий «e-Government» и «e-Governance».....	53
Кулабухова Е.П. E-Government: содержание понятия	55
Мачанский С.Г. Искусственный интеллект и авторское право	57
Мачанский С.Г. Юридическая ответственность за действия искусственного интеллекта	59
Меницкая С.А. Внедрение электронного голосования в систему местного самоуправления в Республике Беларусь.....	61
Меницкая С.А. Защита персональных данных граждан в условиях реализации электронного голосования	64
Олесько С.С. Конституционно-правовой баланс интересов личности, общества, государства в информационных правоотношениях на примере дела Apple	67
Олесько С.С. Здоровье человека как конституционно-правовая ценность в Республике Беларусь	71
Олесько С.С. Переосмысление конституционных ценностей в цифровую эпоху	74
Пыжик В.И. Понятие и сущность ограничений прав человека.....	76
Пыжик В.И. Роли парламента и президента в сфере ограничения прав человека	78
Пыжик В.И. Правовые основания ограничения прав человека в условиях чрезвычайного положения	80

Хващевская В.А. Соотношение понятий «этика» и «юридическая этика»	82
Хващевская В.А. Регулирование профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел в Республике Беларусь.....	84
Цапин Н.И. Цифровые доказательства: важность в современном мире и правовая неопределенность	86
Цапин Н.И. Сообщения в мессенджерах как средство доказывания	88

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Авдейчик А.А. Порядок создания и использования электронных образовательных ресурсов (общие положения)	90
Авдейчик А.А. Понятие и сущность электронных образовательных ресурсов	93
Амброс П.Ю. О допустимости цензуры в отношении объектов авторского права в игровой индустрии на примере киберспортивной дисциплины CS GO	95
Амброс П.Ю. Киберспортивная ответственность: понятие, признаки, основание, значение	98
Гара Е.Е. Причины и прецеденты мошенничества в паралимпийском спорте	101
Гара Е.Е. Функциональная классификация спортсменов.....	104
Гомонова А.В. Объекты интернет-правоотношений на примере Instagram	107
Гомонова А.В. Термин «интеллектуальная собственность»	110
Кисель А.С. Особенности способа самозащиты гражданских прав как самопомощь: на примере германско-гражданского уложения, в сравнении с белорусским законодательством	112
Кисель А.С. Демонтаж как способ самозащиты, его форма и особенности применения	114
Козлов Н.В. Политика конфиденциальности персональных данных в сфере похоронного бизнеса в условиях формирования цифровой экономики	116
Козлов Н.В. Проблематика правового взаимодействия субъектов хозяйствования в рамках общего регламента защиты персональных данных	118
Матвеева К.А. Особенности определения правового статуса Организации Объединенных Наций в частноправовых отношениях	120
Матвеева К.А. Формы участия Организации Объединенных Наций в частноправовых отношениях в Республике Беларусь: проблемы и перспективы	124
Матвеева К.А. Правовая природа международной правосубъектности Организации Объединенных Наций в гражданско-правовых отношениях международного характера	129
Павлюков А.В. Краудфандинг как объект правового регулирования	133
Павлюков А.В. Перспективы правового регулирования краудфандинга в Республике Беларусь	135
Петровская А.С. Защита нематериальных благ в сети Интернет	137
Пильницкая Д.В. Болонский процесс и модернизация высшего образования Республики Беларусь	140
Пильницкая Д.В. Повышение качества высшего образования в университетах Республики Беларусь на основе Болонского процесса	142
Рубцова С.О. Некоторые аспекты оспаривания отцовства при применении методов вспомогательных репродуктивных технологий	145
Рубцова С.О. Проблема оспаривания материнства и отцовства при применении методов вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь и зарубежных странах	148
Скурьят Э.В. Социальные гарантии инвалидов в Республике Беларусь	152
Скурьят Э.В. Правовой статус спортсмена с ограниченными возможностями здоровья	157
Стадольник К.А. Правовое регулирование права на информацию в Республике Беларусь.....	161
Стадольник К.А. Правовое регулирование права на информацию: международный, региональный и зарубежный опыт	165

<i>Степанова А.С.</i> Гипотеза: домашнее животное как субъект гражданских прав	169
<i>Степанова А.С.</i> Сравнительно-правовой анализ института безнадзорных животных в законодательстве зарубежных стран	171
<i>Степанова Д.Д.</i> Цифровые объекты гражданских правоотношений	174
<i>Степанова Д.Д.</i> Раздел общей совместной собственности супружеского, являющейся цифровым имуществом	176
<i>Трофимова Д.А.</i> Проблема регламентации условий содержания животных, используемых в культурно-зрелищных мероприятиях	178
<i>Трофимова Д.А.</i> Животные как объект гражданских прав	180
<i>Урбан П.С.</i> Понятие и формы детского труда	182
<i>Урбан П.С.</i> Международно-правовое регулирование детского труда	184
<i>Хаменок К.В.</i> Интеллектуальная собственность в фармацевтической промышленности	186
<i>Цапин Н.И.</i> Белорусская православная церковь: особенности правового регулирования имущественных отношений	188
<i>Цапин Н.И.</i> Правовое регулирование трудовых отношений с участием священнослужителей в Республике Беларусь	190
<i>Чудаков Е.Р.</i> Конфискация <i>in rem</i> как перспективное средство противодействия коррупции	192
<i>Чудаков Е.Р.</i> Перспективы внедрения в Республике Беларусь конфискации <i>in rem</i>	196
<i>Шпакова О.А.</i> Авторское право в рекламе	200
<i>Шпакова О.А.</i> Проблемы регулирования рекламы в сети Интернет и пути решения	203

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Бородич Я.Д.</i> Проблемные аспекты возраста уголовной ответственности несовершеннолетних	205
<i>Бородич Я.Д.</i> К вопросу о целесообразности применения штрафа и исправительных работ в отношении несовершеннолетних	209
<i>Дмитриев Д.С.</i> Определение ресоциализации осуждённых	213
<i>Дмитриев Д.С.</i> Ресоциализация осуждённых в России	215
<i>Дмитриев Д.С.</i> Ресоциализация осуждённых в США	217
<i>Дмитриев Д.С.</i> Ресоциализация осуждённых в Швейцарии	219
<i>Дмитриев Д.С.</i> Ресоциализация осуждённых в Великобритании	221
<i>Дмитриев Д.С.</i> Ресоциализация осуждённых в Республике Беларусь	223
<i>Залицкая А.О.</i> Факторы виктимности, связанные с совершением киберпреступлений	226
<i>Залицкая А.О.</i> Психологические особенности подростков как фактор виктимности в сфере киберпереступлений	229
<i>Иванова А.А.</i> Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь	231
<i>Иванова А.А.</i> Анализ полномочий комиссии по делам несовершеннолетних в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь	234
<i>Иванова А.А.</i> Перспективные направления развития комиссии по делам несовершеннолетних в Республике Беларусь	237
<i>Коробкина И.А.</i> Использование сети интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность или половую свободу несовершеннолетних	240
<i>Коробкина И.А.</i> Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности или половенной свободы несовершеннолетних в сети Интернет	242

Новиков Д.М. Общественные отношения в сфере оборота персональных данных как объект преступлений и административных правонарушений	244
Новиков Д.М. Незаконное использование персональных данных как способ совершения преступления	246
Подлепёнкина Е.С. Основания и порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы	248
Подлепёнкина Е.С. Анализ инструкции о проведении судебно-психиатрической экспертизы	250
Подлепёнкина Е.С. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний	252
Свирский С.В. Понятие «вынужденность» как условие соучастия в совершении преступления.....	254
Свирский С.В. Институт соучастия по специальному заданию: становление и современные особенности нормативной регламентации	257
Трофимова Д.А. Предмет и объект преступления, предусмотренного ст. 339-1 уголовного кодекса республики беларусь (жестокое обращение с животными)	260
Трофимова Д.А. Административная и уголовная ответственность за жестокое обращение с животными в республике беларусь: особенности и разграничения	262
Трофимова Д.А. Развитие административной и уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в Республике Беларусь	265
Трофимова Э.О. Ускоренное производство на примерах зарубежных стран	269
Трофимова Э.О. Ускоренное производство: теоретико-правовые аспекты	271
Щербак К.Ю. К вопросу о понятии должностного лица таможенных органов Республики Беларусь	274
Щербак К.Ю. Основные особенности должностных преступлений в таможенных органах Республики Беларусь	278